

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

И. В. Михутина

**Украинский вопрос в России
(конец XIX – начало XX века)**

**Москва
2003**

Ответственный редактор

доктор исторических наук

А. Л. Шемякин

Рецензенты:

доктор исторических наук

Т. М. Исламов

доктор исторических наук

Б. М. Туполев

Книга посвящена практически неразработанной в отечественной историографии проблеме становления украинского идейно-политического течения, с оформлением которого в России на протяжении XIX в. возник украинский вопрос. В ней показано, как на рубеже XIX–XX столетий сторонники этого течения в Малороссии, преимущественно из интеллигентской среды, во взаимодействии с украински ориентированной частью русни Австро-Венгрии сформулировали национально-политическую программу поэтапного, начиная с национально-территориальной автономии, строительства украинского этно-национального государства.

Однако подавляющее большинство малороссов, обладавшее развитым этническим самосознанием, не видели необходимости реализации его в политико-государственных формах, не испытывая вражды к родственному славянскому этносу великороссов и оставаясь лояльными гражданами Российской государства. Потому последователям украинской идеи в рассматриваемое время не удалось организовать сколько-нибудь массового национального движения. Отсюда – относительно скромное место украинского вопроса в иерархии общественно-политических проблем Российской империи до момента ее разрушения.

В книге дана характеристика украинской партийной структуры, проанализированы позиции в украинском вопросе общероссийских партий, как правило, имевших в своих рядах немало этнических малороссов.

Исследование выполнено с целью воспроизвести исторический фон, необходимый для понимания национально-политических и культурных процессов на Украине в революционных событиях 1917 г., в период гражданской войны, в советское и постсоветское время.

Книга адресована специалистам-гуманитариям и любителям, интересующимся историческим прошлым восточных славян.

*Памяти Василия Федоровича Михутина –
без вести пропавшего солдата
Великой Отечественной*

От автора

Вначале было намерение писать о событиях на Украине в 1917 г. О небывалом взлете после Февральской революции украинского национального движения, об образовании в первые же дни национального совета – Украинской центральной рады (УЦР) и ликующих толпах на митингах и манифестациях в Киеве под желто-голубыми украинскими знаменами, об украинском национальном съезде, выставившем Временному правительству условие немедленного признания национально-территориальной автономии Украины и превращения России в договорную федерацию, об украинском крестьянском съезде и бурных съездах военнотружущих-украинцев, принимавших решительные резолюции о создании отдельной украинской армии, о провозглашении суверенитета украинского народа и его права на территорию (I Универсал УЦР), о формировании исполнительного органа автономии – Генерального секретариата, о трениях между УЦР, торопившей с признанием украинской автономии, и Временным правительством, относившим вопросы государственного устройства к компетенции Учредительного собрания, которое еще только предстояло созвать, об октябрьских днях 1917 г. в Киеве и провозглашении Украинской народной республики (УНР) – она, по мысли учредителей, находилась бы в федеративном союзе с Российским государством¹.

Но при этом возникал вопрос, с какими российскими силами украинские лидеры намеревались строить федерацию? Ясно, что не со сторонниками Временного правительства: его они охотно признали низложенным. И не с большевиками – УЦР осудила переворот 25 октября. Ее руководители предсказывали скорое падение большевистского правительства – Совета народных комиссаров (СНК).

В то время украинские политики решили, что настал их час стать у кормила пошатнувшейся державы, собрать под своим началом разнородные, стремившиеся обособиться от распадавшегося центра, национальные и областные течения и возглавить, как говорилось в III Универсале УЦР, «дружное великое строительство новых государственных форм, которые дадут великой и обессиленной респуб-

лике России здоровье, силу и новую будущность»². Необходимо, подчеркнул украинский лидер глава УЦР М. С. Грушевский, именно «силами Украинской республики спасти целостность и единство федеративной России»^{3*}.

Однако большевики установили советскую власть как правопреемницу общероссийского правительства и никому не собирались уступать эту роль. Столкновение оказалось неизбежным и привело к вооруженному конфликту. Исход его был непредсказуем по канонам военной стратегии. Обе стороны не имели в своем распоряжении регулярных армий и черпали людские ресурсы из одного источника – из разложившейся, покидавшей внешний фронт старой армии. Причем УЦР еще весной 1917 г. приступила к формированию украинских частей, а большевики – к созданию Красной гвардии из рабочих.

По точному определению первого главы правительства УНР известного писателя, одного из лидеров украинской социал-демократии В. К. Винниченко, начавшаяся борьба сделалась войной влияний. «Их (большевиков. – И. М.) перевес был в том, – признавал он, – что все наши широкие массы солдат не оказывали им никакого сопротивления или даже переходили на их сторону, что почти все рабочие каждого города – выступали за них, что в селах сельская беднота явно была большевистской, что, словом, огромное большинство именно украинского населения было против нас... Единственной нашей активной военной силой была интеллигентная молодежь и часть национально сознательных рабочих»⁵.

На деле оказалось, что «все те полки и дивизии, которые приветствовали Центральную Раду и присягали ей на верность, уже ничего не стоили с военной точки зрения и были даже опасны, ибо больше-

* По мере расширения доступного исследователям корпуса источников по русско-украинской проблематике выясняется, что амбициозное представление о посланнической, спасительной для России роли украинского движения было распространено среди его деятелей еще до войны и революции, хотя и не афишировалось ими в то время. В частном письме одного из либеральных сторонников украинства П. Я. Стебницкого, датированном 5 мая 1917 г., находим такое размышление: «Если бы наше движение получило свободу еще при старом строе, то мы бы еще – с нашим народом и армией – освободили бы эту здоровую, глупую и несчастную Россию, заведенную бестолковыми кацапами – абсолютистами и максималистами – в болото. Но теперь уже поздно... в общей разрухе – и наша разруха, ибо искусственными способами нашего дела не решить»⁴. Так считал этот легитимист и постепеновец в отличие от М. С. Грушевского, полагавшего в 1917 г., что хаос революции – не помеха в осуществлении самых смелых его проектов.

вистская зараза ширилась среди них с каждой неделей, с каждым днем», – писал другой участник событий, деятель либерального направления, в дальнейшем известный историк украинского зарубежья Д. И. Дорошенко, перечисляя «украинизированные» полки, дивизии и корпуса, которые под влиянием большевиков «таяли как снег» и в решающие дни сражения с советскими частями за Киев объявили о своем «нейтралитете»⁶.

«Один из таких полков – полк [им.] гетмана Орлика... прибыл... в Екатеринослав, – свидетельствовал еще один деятель УНР, глава ее правительства в 1919–1920 гг. украинский социал-демократ И. П. Мазепа. – Это был своего рода “троянский конь”... Большевистская пропаганда так затуманила головы этим “сынам Украины”, что... они провозгласили нейтралитет и не захотели бороться за украинское дело»⁷.

Отчего же идеал национальной государственности, эффектно предложенный народу энтузиастами украинского движения, так быстро поник в глазах украинских массовых трудовых слоев, отступив перед остро социальными лозунгами большевиков?

Представляется, что точный ответ на этот вопрос, а вместе с ним объяснение скоротечности истории Украинской народной республики невозможны без изучения более ранней истории украинского движения, его характера и размаха, определяемого в первую очередь степенью зрелости украинского национального самосознания населения края.

Выяснению этих и других связанных с ними вопросов посвящена настоящая книга.

Глава 1

Формирование украинского национально-политического течения в Малороссии

Исторически сложилось так, что со времени распада Древнерусского государства территория нынешней Украины принадлежала разным государственным образованиям. Она привлекала соседей своими природными богатствами и важным стратегическим положением. В XIV в. значительная часть ее вошла в Великое княжество Литовское. Средневековое Польское государство сумело сначала подчинить себе Галицкое княжество. Карпатская Русь (Закарпатье) еще в XI в. попала под власть венгерских князей. В дальнейшем уния Польского королевства с Великим княжеством Литовским (1569 г.) и слияние их в единую Речь Посполитую поставили в подчинение последней Волынь, Киевскую, Подольскую, Чернигово-Северскую и другие земли, разделив их по линии восточнее Могилева, Киева, Полтавы. В этих пределах для географического обозначения восточнославянской окраины Речи Посполитой в ее южной части появилось название «Украина».

Политическая зависимость, преследование и вытеснение исповедуемого местным населением православия, социальное расслоение по этническому признаку (местное восточнославянское крестьянство, с одной стороны, и широко обосновавшиеся поляки – земельные магнаты и шляхта – с другой) вызвали мощную реакцию отторжения – антипольскую народную войну под руководством Богдана Хмельницкого и переход Левобережной Украины под власть московского царя (1654 г.).

Упадок в следующем столетии Речи Посполитой не принес полного объединения восточного славянства. После разделов Речи белорусские земли, часть Волыни и Подолия, Правобережье Днепра оказались в составе Российской империи. Западные же области – Галиция и отнятая

у Молдавского господарства Буковина перешли к монархии Габсбургов, пополнив ее этническую палитру восточнославянской составляющей. Это повысило роль Дунайской империи в делах Восточной Европы и со временем сделалось мощным источником противоречий между Россией и Австро-Венгрией. В дальнейшем, с формированием национального самосознания славянских народов – славянским возрождением – национально-этническая проблематика окрасила в свои цвета соперничество двух имперских центров и заняла существенное место в их внутренней политике.

Политика австрийской династии Габсбургов строилась на сохранении административного раздробления русинского, по самоназванию, восточнославянского этноса. Отдельные его части были включены в этнически смешанные административные единицы различного подчинения. Так, провинция «Королевство Галиции и Лодомерии» с административным центром во Львове объединяла, кроме населенных русинами территорий, южно-польские земли с Краковом. В ней хотя и была в 1861 г. введена автономия, но польские элементы – земельные магнаты, городские имущие слои – составляли социальную верхушку. С 1867 г. они как наиболее устойчивые против российского влияния получили преимущественное положение в административном управлении. Буковина с преобладанием на севере области русинского населения, а в южной части – румын была коронной землей монархии. Закарпатье оставалось частью венгерских владений. В результате ни в одной из административных единиц русины не имели собственного управленческого аппарата.

Вхождение левобережного Поднепровья по решению Переяславской рады 1654 г. в состав Русского государства состоялось после длительного раздельного существования восточных славян, разобщенных государственными границами и неодинаковыми социально-политическими условиями, что вызвало определенные различия в характере политической культуры, в социальной психологии и способствовало их этнической дифференциации¹. К тому же под скипетр самодержавно правившего царя поступило особое, сформировавшееся в ходе освободительной войны 1648–1654 гг. политическое образование – Гетманство. Отсюда – договорный характер акта 1654 г., предусматривавшего определенную автономию края. Вместе с тем, как установил известный специалист по государственному праву и истории российской дипломатии Б. Э. Нольде, подвергший акт тщательному анализу с юридической стороны, вся документация о вхождении Гетманства в состав Российского государства носила двойственный характер: с од-

ной стороны, наличие договора, трактата о правах и привилегиях края, а с другой – оформление его как документа царской милости, своего рода жалованной грамоты, что делало край подлежащим воле монарха². Политическая элита Гетманства, желая защитить свои властные функции перед централизаторской политикой Москвы, не раз потом пыталась вывести свой край из-под ее власти, искала опору в новом союзе с Польшей или с Турцией, в конце XVIII столетия – с Пруссией. Однако условия, выдвигавшиеся потенциальными союзниками, давали всем социальным слоям Гетманства не больше, а в ряде случаев меньше прав и возможностей, чем договор Б. Хмельницкого с Москвой³. Нежизнеспособность внешнеполитических комбинаций гетманов после Богдана признавал и ревностный поборник украинской государственности известный историк и деятельный политик национально-радикального, по его собственному определению, направления М. С. Грушевский. В своей «Иллюстрированной истории Украины» он описывал, как первый же слух о том, что преемник Б. Хмельницкого гетман И. Выговский договорился о возвращении под власть Польши на условиях провозглашения Гетманства «Великим княжеством Русским», поднял против него людей: «никто не разбирал, на каких условиях... боялись польского господства и не хотели о Польше ничего слышать», население «лынуло к Москве» при любой опасности восстановления польской власти. Малороссийские «низы», прежде всего крестьянство, выступали против ориентации на Польшу, чтобы не допустить возвращения польской шляхты, бежавшей, оставив свои владения во время освободительной войны⁴. Равным образом отвергалась идея испробовать опеку над собой Крымского ханства. «Усилия верхушки Гетманства не встречали сочувствия народных масс и разбивались об их недоверие к союзу с инородцами»⁵, – резюмировал другой ученый украинского происхождения, современник М. С. Грушевского антрополог, этнограф и географ, до революции – заведующий отделом этнографии Русского музея в Петербурге Н. М. Могилянский. В эмиграции он много писал по истории и экономике Украины.

Заметная к середине XVII в. этническая дифференциация восточного славянства нашла выражение в бытовании таких понятий, как Великая Россия и Малая Русь. Последнее впервые появилось в начале XIV в. при выделении из общерусской митрополии самостоятельной Галицкой или Малорусской митрополии и в своем первоначальном значении распространялось на территорию Галицко-Волинского княжества. Однако в исторических документах конца XVI – первой

половины XVII в. понятием «Малая Россия» стали обозначаться все восточнославянские земли в пределах Речи Посполитой, а с середины XVII в. оно перемежалось с названием «Украина» применительно к той их части – Гетманству, которая перешла под власть Москвы⁶. С петровских времен понятие «Малороссия» сделалось официальным названием Левобережья. Отвоеванное вскоре у турок Причерноморье стало именоваться Новороссией, а присоединенное в конце XVIII в. Правобережье – Юго-Западным краем. Понятие «малороссы» распространялось на коренных жителей всех этих областей. Малороссами в русской литературе и периодике второй половины XIX в. нередко называли и галицийских русин.

Но наряду с признанием в общественном сознании различий между населением Великой и Малой России в той и другой жило представление об общем историческом прошлом и близком родстве всех ветвей восточного славянства. Царь принимал под свою власть Киев как «царского своего орла некогда гнездо сущи»⁷. О том же напоминал гетман Б. Хмельницкий, говоря, что «от Владимира святого крещения одна наша благочестивая вера с Московским государством и имели одну власть, а отлучили нас неправдою и насилем лукавые ляхи»⁸.

Очевидно, именно благодаря общей вере, близости языка и обычая, «единому роду», как писали в начале XVII в. иерархи Киевской митрополии, край не знал в дальнейшем массовых выступлений на почве этнических противоречий.

Присоединение к России первоначально не затронуло административного строя и социально-экономической структуры Гетманства. Его политическая верхушка предполагала и далее строить отношения с Москвой по средневековому принципу протектората-вассалитета⁹. Но в России трансформировались общественно-политические структуры, формировалось централизованное абсолютистское государство, не оставлявшее места для такого рода отношений¹⁰. Имел значение и внешнеполитический фактор. Россия вела активную борьбу с Речью Посполитой за утраченные ранее русские, а затем – украинские и белорусские земли, защищала свои южные рубежи от османского натиска и овладевала Черноморским побережьем, разворачивала борьбу за выход на Балтику. Территория Гетманства и участие его казачьего войска на всех направлениях этой борьбы имели важное стратегическое значение. Между тем гетманы после Б. Хмельницкого, имея право самостоятельных внешних сношений, не раз заключали антироссийские союзы вплоть до измены И. Мазепы во время Северной войны – все это не мог-

ло не подталкивать к установлению контроля и ограничению гетманской власти и в конечном счете к свертыванию автономии¹¹.

Развитие новых начал управления свело на нет следы прежней административной обособленности, а разложение старых социальных отношений ослабило противодействие централизму со стороны прежней общественно-политической элиты¹². «Ощущение отдельности, даже некоего локального патриотизма не угасало... но чувство бессилия и анахроничности этих традиций было всеобщим», — характеризовал умонастроения в Малороссии известный писатель, ученый и общественный деятель Галиции И. Я. Франко¹³. Интеграция края и административная унификация завершились в последней четверти XVIII в. упразднением Гетманства и казачьего войска, введением, — по всей России — губернского правления, уравнением официального статуса как крестьян, так и помещиков Левобережья Днепра и Великороссии*. «В XIX в. Украина как политический организм с самостоятельной внутренней жизнью перестала существовать... Борьба за политические интересы старой Украины закончилась за отсутствием объекта этой борьбы», — констатировали авторы записки «Украинский вопрос и русское общество», составленной от имени украинской интеллигенции, судя по содержанию, в конце 1916 или в начале 1917 г.¹⁵

Современный исследователь национальных отношений в России А. Капцелер, суммарно оценивая ее политику в XVIII в., считает, что принимавшиеся тогда меры по административному и правовому объединению государства, «направленные на обновление России, включавшие и продвижение русского языка как государственного и *lingua franca*» не могут рассматриваться как русификация в узком смысле слова*, под которой автор понимает культурно-языковую ассимиляцию¹⁶.

Присоединение к России остановило процесс ополячивания культуры Левобережья, католического и униатского давления в духовной сфере. Правда позже многие украинские деятели в интересах политической борьбы ставили в вину Москве чуть ли не заранее запрограммированное подавление местной культуры и языка. Но это не очень сооб-

* В украинской литературе пропагандистского толка последнее нередко ставится в вину царизму как акт закрепощения малороссийского крестьянства. Однако профессиональные историко-социологические исследования показали, что эта мера центральной власти, продиктованная с ее стороны административно-фискальными соображениями, была неизбежна и с точки зрения малороссийской помещной шляхты, закрепив ее уже фактически сложившуюся власть над крестьянством¹⁴.

** язык общения (фр.).

разуется с реалиями ситуации XVII–XVIII вв., когда культурная жизнь была тесно связана с церковной, а языком православия выступал общий для всех церковнославянский, преобладавший в книжности и школьном образовании России того времени. На эту ситуацию обратил внимание избегавший тенденциозности украинский историк и общественный деятель М. П. Драгоманов. Он писал в конце XIX в.: «Неудобно требовать, чтобы украинскому языку вернули все его права. Неудобно, ибо в старых наших школах народный украинский язык употреблялся очень мало при церковном и даже польском языке, на котором читали много лекций еще в XVIII веке...»¹⁷ М. П. Драгоманов выступал за всестороннюю и объективную оценку последствий присоединения к России. «Я прошу представить себе культурную Украину, – с академическим беспристрастием напоминал он, – с набегами татар за ясырем (на Полтавщине это было еще в 1739 г.), с турками в Азове и на лиманах... А если так, то нужно признать, что Московское царство все-таки выполнило элементарную географически-национальную задачу Украины»¹⁸. Да и сам М. С. Грушевский был не слишком убедителен в своих утверждениях о якобы изначально ограничительной в языковой сфере политике Москвы, описывая при этом, какого расцвета духовной и культурной жизни достигла Малороссия в первой половине XVIII в. и как «в петровские времена чуть ли не все высшие духовные должности в Московщине занимали киевские воспитанники... и даже в московских школах они вначале вводили украинский язык, наставляли московских юношей на украинскую речь»¹⁹.

В России сложилась и долго доминировала оформленная в исторических трудах Н. М. Карамзина концепция триединого русского народа. Она исходила из общего исторического прошлого восточных славян. Отличия между ними считались племенными, а разница в языке восточнославянских этносов рассматривалась как областные наречия общерусского. Еще в 1915 г. на конференции Конституционно-демократической партии либеральный публицист М. М. Могилянский, сам украинец, подчеркивал: «Многие украинцы разделяют взгляд, что украинцы наряду с другими народностями образуют русскую нацию».

К началу XIX в. центральная власть была далека от тех волевых методов этно-национальной интеграции, образцы которой дала Великая французская революция*. Российское правительство, осуществляя ад-

* «Язык революционного народа должен быть один и общий для всех», – любил говорить Б. Батлер, ведавший в период якобинской диктатуры во Франции народным образованием и искус-

министративно-политическую унификацию, не покушалось на этническое своеобразие Малороссии, а общество проявляло живой интерес к народному творчеству края. Этот интерес развивался на фоне популяризации в Европе национальной проблематики. Концепция немецкого философа И. Г. Гердера, который свою идею равноправия народов и их неповторимого своеобразия проецировал и на славянство, предсказывая ему большое историческое будущее²², всколыхнула славянские народы, до того, казалось, утратившие перспективу самостоятельного развития, ибо за исключением России и маленькой Черногории не имели собственной государственности. Шло славянское возрождение, рост национально-этнического самосознания. В образованных кругах малороссов этот процесс развивался преимущественно на этно-культурном уровне и проявлялся в повышенном внимании к местному языку, народному творчеству, художественным традициям и т. д. Появились опыты художественных произведений на местном народном языке. Первым среди них стала шуточная поэма в подражание классике – «Энеида» И. П. Котляревского, признанного основоположником украинской литературы и драматургии. Некоторые из его пьес («Наталка Полтавка») по сей день бытуют в театральном репертуаре. Широкий отклик благодаря звучному стихосложению и выразительному народному языку получили стихи, сказки, юмористические произведения профессора, позднее ректора Харьковского университета П. П. Гулак-Артемовского. Первым прозаиком и драматургом, оставившим яркое литературное наследие, стал харьковчанин Г. Ф. Квятка (Основьяненко). Профессор А. Л. Метлинский сделался популярен не только как восторженный поэт-романтик, но и собиратель народной поэзии и издатель произведений менее известных своих собратьев. В Петербурге приобрел литературное имя поэт и баснописец из Пол-

ством. Под этим лозунгом была законодательно введена унификация языка, призванная стереть все немалые тогда региональные различия. Проведению языковой реформы способствовали административные преобразования – замена исторических провинций, население в каждой из которых изъяснялось на своем наречии, новыми административными единицами – департаментами, чтобы на пути формирования единой нации французов уничтожить всякий регионализм, все этнические границы и различия. Идея «централизации была порождением королевского абсолютизма, но революция пошла куда дальше самых смелых монарших мечтаний», – откомментировал этот процесс известный французский писатель русского происхождения В. Волков²⁰.

Именно из сопоставления французского опыта с ситуацией восточнославянских этносов России родилось предложение современного российского исследователя рассматривать «развитие украинского национального самосознания... в XIX в. ... как... процесс закономерный, но не предопределенный»²¹.

тавы Е. П. Гребенка. Там же вскоре стал печататься Т. Г. Шевченко. Народная поэзия, обычаи, музыкальные формы стали предметом изучения и собирания и дали богатый материал для сборников старинных малороссийских песен, составленных князем Н. А. Цертелевым, профессором М. А. Максимовичем, первым ректором открытого в 1834 г. в Киеве университета Св. Владимира, и др. Тогда же были изданы «Грамматика малороссийского наречия» А. Павловского, «История Малой России» Д. И. Бантыш-Каменского и другие исторические сочинения. По свидетельству известного историка Н. М. Костомарова, в те годы «идея двух русских народностей не представлялась в зловещем виде, и самое стремление к развитию малороссийского языка и литературы... самими великороссами принималось с братской любовью»²³.

Положение стало меняться, когда обнаружилось, что параллельно с расширением этно-культурной и литературной деятельности общественных и интеллектуальных кружков в Малороссии стали формироваться тайные центры с политическими интересами, несовместимыми с существовавшей системой власти в унитарном государстве. В частности, следствие по делу декабристов пролило свет на многообразные связи с их движением местных польских и малороссийских кружков и тайных обществ. Политические воззрения малороссийской оппозиции питались вольнолюбивыми идеями Запада, генерированными в декабризме. Южное общество декабристов имело связи с некоторыми местными тайными организациями. Развитием в своем идейном комплексе национально-политической составляющей малороссийская оппозиция была обязана польскому влиянию. В планах польских патриотических обществ, готовивших очередное национальное восстание, Приднепровье как часть некогда могущественной Речи Посполитой занимало особое место. Восстановление Польского государства члены этих обществ мыслили в его «исторических границах» и потому, как свидетельствовал С. Г. Волконский, возлагали «большую надежду на содействие малороссийских дворян, предлагая им отделение Малороссии от России»²⁴.

Стратегический интерес польских деятелей получил идеологическое оформление в известной уже тогда формуле панславизма. Но оказалось, что в толковании поляков она не имела ничего общего с традиционным балканским или чешским панславизмом. Их концепция, рожденная в кругах польской повстанческой эмиграции и оснащенная атрибутикой новейших европейских идей о роли нации и ее правах, практически направлялась на восстановление Польского государства и сокрушение державности России, роль которой предполагалось ни-

велировать в «свободном союзе народов» – славянской федерации. Авторы этой концепции рассчитывали также, что перспектива вступления на равных в федеративный союз реанимирует малороссийский автономизм и привлечет на их сторону местные общественные круги²⁵. Реально сторонников этих идей среди малороссов нашлось очень немного. Но польские магнаты и шляхта, доминировавшие среди земельных собственников Правобережья, входили в элиту построенного по принципу сословности российского общества и обладали могучими рычагами идеологического, культурного и политического воздействия²⁶. Желая сделать малороссийских дворян пособниками своего дела, они активно участвовали в местных общественных организациях – от литературно-научных кружков до тайных и заговорщических обществ. Полякам из варшавских масонских лож Великого Востока принадлежала инициатива первых после репрессий екатерининского времени масонских собраний в Киеве (1814 г.), увенчавшаяся образованием в 1818 г. ложи «Соединенные славяне» и учреждением лож во многих малороссийских городах. Тайный характер масонства, в принципе ставившего интеллектуально-этические цели, в условиях самодержавия сделался одной из форм политической конспирации. «Польское и русское масонство встречались на Украине и превращались в украинское масонство, служившее задачам украинского общественного движения», – писал позже украинский деятель С. А. Ефремов. Современный исследователь масонства в России А. И. Серков, подробно рассматривая в одной из своих монографий деятельность масонских лож этого периода в малороссийских губерниях и отмечая участие в них наряду с русским офицерством, чиновничеством малороссийских дворян, не выделяет, однако, тенденции к обособлению последних на этнической почве. В идейном комплексе адептов лож он называет общие для многих социально-политические мотивы²⁷.

В названии киевской ложи отразились политические устремления ее адептов, созвучные специфическому польскому варианту панславизма. Об антиправительственной направленности свидетельствовали и персональные предпочтения: почетным членом значился один из декабристских лидеров князь С. Г. Волконский. Руководители ложи поддерживали связи с Польским патриотическим обществом. Языками обряда в ней служили русский и французский, но на эмблеме девиз «Славянское единство» был выведен по-польски.

В полтавской ложе «Любовь к истине» поляков не было. Она объединяла представителей левобережного дворянства, среди которого ко-

нец екатерининского времени и особенно события Отечественной войны 1812 г., когда для отражения французского нашествия разрешено было сформировать казачьи полки, всколыхнули надежды на восстановление казачества и гетманского строя²⁸. Идеологическим обоснованием чаяний малороссийских автономистов сделался занимательно написанный, но крайне тенденциозный, построенный на сомнительных источниках памфлет «История Русов» не вполне выясненного авторства, во множестве списков распространявшийся среди читателей.

Инспиратором полтавской ложы являлся начальник канцелярии малороссийского генерал-губернатора Н. Г. Репнина (родного брата С. Г. Волконского) М. Н. Новиков, автор проекта республиканской конституции. Он рассуждал, что в «масонстве только теория», направленная на подготовку общественного мнения к проведению реформ. В ложу привлекались лица из администрации, военные, представители знатных фамилий. Ее посещали предводители дворянства С. М. Кочубей, С. Ф. Левенец, братья Д. Л. и С. Л. Алексеевы, губернский прокурор А. И. Горбовский, судья В. В. Тарновский, Н. Н. Гудович, полковники В. А. Глинка и И. Н. Карпов, поэт и общественный деятель В. В. Капнист. К полтавской ложе принадлежал упоминавшийся выше основоположник новой национальной литературы директор полтавского театра и попечитель просветительных учреждений И. П. Когляревский. Входил в эту ложу и адепт «Соединенных славян», политический фрондер, потомок знатного казачьего рода, но, с точки зрения законопослушных подданных, человек сомнительной репутации В. Л. Лукашевич²⁹. В 1807 г. он побывал под следствием за произнесение здравий в честь Наполеона, в 1812 г. вновь провозглашал тосты за его победу и за «республику в Пилятинском уезде». Ему принадлежит авторство «Катехизиса автономиста» и с его именем связаны упоминания о тайном Малороссийском обществе, будто бы стремившемся к политическому обособлению края. Сведения о малороссийском обществе были получены из показаний некоторых декабристов, единодушно подчеркивавших пропольскую ориентацию В. Л. Лукашевича. В причастности к обществу подозревали кроме того С. М. Кочубея, В. В. Тарновского, С. Л. Алексеева и даже Н. Г. Репнина. Однако доказать наличие общества следствию, проводившемуся в рамках дела декабристов, не удалось. В дальнейшем одни авторы утверждали, будто общество активно действовало и вело широкую пропаганду³⁰, другие, напротив, писали, что дело не вышло из подготовительной стадии³¹. Невыясненным вопросом о Малороссийском обществе считал и М. С. Грушевский. Последу-

ющие специальные исследования, хотя добавили новых сведений об очагах общественно-политического движения на Украине после восстания декабристов, все-таки не принесли определенного ответа относительно собственно Малороссийского общества³².

На Волыни образовался еще один очаг оппозиции, непосредственно связанный с декабризмом, с идеалами одесской ложи «Понт Евксиинский» и с Польским патриотическим обществом – Общество соединенных славян, одна из управ Южного общества. Более демократическое по составу – мелкопоместные польские и малороссийские дворяне, офицеры и чиновники – оно отличалось радикализмом программы, в частности приверженностью идее славянской федерации³³, которую начисто отрицал глава Южного общества П. И. Пестель. Но в Южном обществе признавалось право отделения Польши, и, вероятно, именно это обстоятельство отразилось в призыве, содержащемся в «Правилах» Общества соединенных славян: «Объединяйся со своим братом, от которого отколола тебя несознательность предков»³⁴.

В целом заговорщические идеи затронули очень узкий круг лиц. Декабристы потерпели поражение. Немного нашлось в Малороссии и сторонников альянса с поляками. А поднятое ими в 1830 г. восстание изменило настроения не в их пользу. Местные крестьяне доносили властям на польских помещиков-повстанцев, для борьбы с восстанием формировались казачьи полки³⁵. Но именно польское восстание, по словам Н. И. Костомарова, «встревожило сердца и умы на Руси», напугав «призраком разложения государства»³⁶. Не только правительство, но и российская общественность была озабочена проблемой национально-государственного единства, как оно тогда понималось. Эта тревога нашла отражение в дилемме А. С. Пушкина: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос». Негосударственный статус и подчиненное положение большинства славянских народов и во второй половине XIX в. питали идею особой роли России в сохранении и защите славянской самобытности. Эта проблема занимала умы крупнейших русских мыслителей. «Без единящего огромного своего центра – России – не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе, – как бы там ни мечтали люди сербской интеллигенции или... цивилизованные европейски чехи», – писал в 1877 г. Ф. М. Достоевский³⁷.

Одним из следствий выступления декабристов, польского восстания и нараставшего революционного брожения в Европе явилось то, что в эпоху Николая I с жестокостью подавлялось всякое вольномыслие на

тему государственного строя и общественно-политических отношений. Двадцать один смертный приговор, в том числе Ф. М. Достоевскому, лишь в последний перед казнью момент замененный бессрочной каторгой, был вынесен в 1849 г. по так называемому делу петрашевцев, чьи организационные намерения не успели даже оформиться, а республиканские, антикрепостнические идеи не вышли за пределы собственного круга единомышленников³⁸. Незадолго до расправы над петрашевцами в Киеве в 1847 г. был раскрыт подобный, возникший на почве интеллектуального общения и демократического просветительства кружок Кирилло-Мефодиевское братство. Он объединил молодого преподавателя университета, в будущем известного историка Н. И. Костомарова, писателя и этнографа П. А. Кулиша, историка права Н. И. Гулака, учителей В. М. Белозерского, Д. П. Пильчикова и группу студентов. Все это были люди, увлеченные малороссийской народной поэзией, очарованные самобытностью народной жизни и языка, желавшие способствовать их изучению и закреплению в культурной традиции, что само по себе не преследовалось властями. Издание собраний фольклора, трудов по этнографии не вызывало официальных препятствий. В Киеве работала специальная Комиссия по разбору древних актов. Написанные на родном языке стихи Т. Г. Шевченко широко издавались, сделав его известным и популярным поэтом. Он получил в это время место учителя рисования при Киевском университете и участвовал в братстве. По заданию археографической комиссии ездил, делая зарисовки архитектурных достопримечательностей и памятных мест края. Но кроме культурно-эстетических пристрастий члены братства близко к сердцу принимали общественно-политическую проблематику, придерживаясь антикрепостнических, республиканско-демократических взглядов. «Предайте проклятию свято-татственные имена земного царя и земли господина», – призывали кирилло-мефодиевцы в прокламации, обращенной к «братьям-великороссиянам и полякам»³⁹. Представляется, что именно это и стало причиной расправы с организацией, тем более, что если Н. И. Костомаров и большинство его товарищей были сторонниками просвещения народа и прогрессивных реформ, то Т. Г. Шевченко звал к восстанию и свержению царизма, за что и подвергся самому жестокому и продолжительному из всех «братчиков» наказанию: десятилетней ссылке рядовым в армию без права писать и рисовать. Разумеется, мысли «братчиков» о восстановлении былой автономии края также были непримлемы для власти, но за это она карала не так сурово, чтобы не подтолкнуть приверженцев «малороссийского особничества» в объятия польской оппозиции.

Воззрения кирилло-мефодиевцев по национальному вопросу, впитавшие новинки западной общественной мысли, идеи провозвестников славянского возрождения, чешских, югославянских деятелей, русских славянофилов и польские национальные концепции, были вместе с тем проникнуты своеобразным малороссийско-украинским мессианством. «Братчики» выступали поборниками славянской федерации, причем федеративный принцип имели в виду распространить и внутри восточного славянства, предполагая разделить государственное пространство на 14 самостоятельных федеративных единиц (польскую, белорусскую, западно-малороссийскую, восточно-малороссийскую и т. д.), чтобы «в каждой республике... [был] правитель, избранный на время... и над целым союзом был такой же правитель, выбранный на время». В основе общественного устройства – «всеобщее равенство и свобода... и никаких различий сословий»⁴⁰. Своему краю они пророчили место центра этого союза, а древнему Киеву – роль его столицы. Абсолютизируя в панславистском духе расовый фактор, Н. И. Костомаров утверждал, будто подлинно славянские черты воплощает в себе только малороссийская народная стихия, не искалеченная, по его словам, ни германо-латинским влиянием, как Польша и западное славянство, ни византийско-татарским, погубившим царизмом и казенным православием великорусскую жизнь*. «Украина встанет из своей могилы и снова обратится к братьям-славянам, и услышит ее клич, встанет славянщина, не останется в ней ни цари, ни князя... ни мужика, ни колопа, ни в Великой России, ни в Польше, ни на Украине, ни в Чехии, ни у хорутан (хорватов), ни у сербов, ни у болгар. И Украина будет независимой республикой в славянском союзе. Тогда скажут все народы, указывая на то место, где на карте будет нарисована Украина: «Вот камень, отброшенный создателем, а он лег в основу всего»»⁴². Так писал Н. И. Костомаров в своей предназна-

* Любопытно, что некоторые современные украинские радикальные националисты ставят в вину России, будто она с петровских времен способствовала вестернизации края, призывают к «национальной революции» и воскрешают идею киевоцентризма в имперском варианте. «Истинным хранителем славянского очага была и будет Украина, – пишет лидер и идеолог Украинской национальной ассамблеи Украинской народной самообороны А. Шкиль. – Власть тех, кто спекулировал идеей славянского единства, закончилась. Началась эра возрождения старых традиций, возвращения к истокам. Все славянские режи начинались в Киеве, все величие славян спрявлено там, все величие славяно-арийского духа сохранилось в украинцах... Цель Украины, как и в прошлом, не протая: строить свой дом и следить, чтобы к соседям не залезли грабители. Это и есть задание имперского государства»⁴¹.

ченной для пропаганды работе «Книги бытия украинского народа», названной по аналогии с сочинением А. Мицкевича «Книги польского народа и польского пилигримства». (Работа Н. И. Костомарова оказалась изъятой жандармами прежде, чем дошла до читателей. Только после Февральской революции из архива Департамента полиции рукопись была передана в Академию наук и опубликована.)

Николай I видел в образовании Кирилло-Мефодиевского братства прямое влияние пропаганды обосновавшейся в Париже польской повстанческой эмиграции. Но именно поэтому, чтобы не подталкивать малороссийских оппозиционеров в ряды непримиримых противников России, «неблагоданеренным» малороссам назначались не самые суровые кары⁴³. М. П. Драгоманов, известный представитель украинофильской оппозиции следующего поколения, также не обойденный правительственными репрессиями, признавал позже, что преследования русских «нигилистов» были не в пример жестче, чем украинофилов^{44*}.

Идеологи братства считали достойным подражания образцом республиканизма и гражданского равноправия систему управления казачества, историю которого восприняли в мифологизированной версии. В зрелые годы Н. И. Костомаров и П. А. Кулиш с высоты накопленного исследовательского опыта поставили под сомнение подлинность данных об историческом прошлом, почерпнутых, из фольклорных источников и критически оценили свои ранние произведения, написанные под впечатлением тенденциозных, приукрашенных фантазией легенд. Н. И. Костомаров сожалел о доверии, оказанном в его ранних произведениях таким, по его словам, «мутным источникам, как "История Русов"»⁴⁵. Но в молодости их не смущала ни утопичность помыслов воскрешения отживших исторических форм казачьего строя или новгородской вечевой республики, ни очевидная несостоятельность средневековой вольницы в контексте формирования жизнеспособной государственности.

Гораздо реалистичнее выглядели более поздние просветительские начинания кирилло-мефодиевцев и других поборников малороссийс-

* Разумеется, и «шадящие» наказания безжалостно ломали судьбы людей. Н. И. Костомарова после ссылки в Саратов ожидала профессорская кафедра в Петербургском университете, интенсивная научная работа, заграничные путешествия. Но большую часть жизни он был одинок. Его арест в 1847 г. расстроил предстоящую через неделю свадьбу. Только в 1874 г. он встретился со своей бывшей невестой, к тому времени — вдовой с тремя взрослыми детьми. Через год они обвенчались. Впереди им оставалось 10 лет совместной жизни.

кой культуры. В этом правительстве первоначально не чинило преград. В 1850-е годы по возвращении из ссылки П. А. Кулиш и другие развернули в Петербурге издательскую деятельность, выпуская собственные труды и произведения малороссийских писателей и учредив в 1861 г. журнал «Основа» с малороссийской тематикой. Огромной популярностью по-прежнему пользовался Т. Г. Шевченко, импонируя не утратившему романтизма русскому обществу своей судьбой страдальца – даровитого выходца из народа. Интеллигентская молодежь в Малороссии увлекалась преподаванием в воскресных школах, организованных для ликвидации неграмотности. В Киеве в 1862 г. работало до 300 таких антузиастов⁴⁶. Среди них молодой историк М. П. Драгоманов. Н. И. Костомаров организовал сбор средств на издание малороссийской литературы. Выпуск этих книг и периодики лимитировался только издательскими возможностями и сравнительно ограниченным спросом.

Между тем вопрос о статусе малороссийского как самостоятельного языка сделался предметом общественных споров, в ходе которых «большинство малороссиян», по словам министра внутренних дел П. А. Валуева, «весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малоросов, как и для великороссиян»^{47*}. Сторонники обучения порусски доказывали, что это обеспечивает доступ к более широким пластам культуры, нежели обучение на местном наречии. На эту сторону вопроса обращал внимание и М. П. Драгоманов, подчеркивая, что украинская школа «обрекла бы народ на пищу святого Антония, то есть на 10–15 украинских книжек»⁴⁹. Он был сторонником двуязычного обучения и напоминал, что против планов исключительно украинского обучения случались и протесты крестьян.

Тем не менее Петербургский комитет грамотности обратился к правительству с ходатайством о введении в народных школах Малороссии местного наречия.

* Некоторые авторы, искажая в «обличительных» целях смысл приведенной аргументации, цитируют лишь резко, как удар кнута «не было, нет и быть не может». Между тем ссылка министра на мнения «большинства малороссиян» вовсе не была досужей выдумкой российской бюрократии. В ней отражалась ключевая проблема украинофильства, волновавшая сторонников этого течения. «Стыдно признаться, а приходится, что орудием изгнания украинского духа из всех школ были совсем не великорусы, а урожденные украинцы», – писал М. П. Драгоманов в 1872 г., итожа очередной этап украинофильства⁴⁸.

• В конце 50-х и начале 60-х годов правительство благожелательно смотрело на культурную и просветительную работу малорусской интеллигенции, – читаем в докладной записке украинских деятелей народного просвещения на имя министра П. Н. Игнатьева, составленной в 1915 г. – Вопрос о малорусской школе был поставлен на практическую почву: в селах учреждались частные народные школы, в городах широкое развитие получили воскресные малорусские школы. Учебная администрация того времени сама придавала огромное значение родному языку. Положительно разрешали этот вопрос целые педагогические корпорации... привлеченные в 1862 г. к разработке проекта общего плана устройства народных училищ⁵⁰. Параллельно предполагалось официальное использование малороссийского языка при обнародовании важнейших правительственных документов, в том числе манифеста об освобождении крестьян.

Для подготовки учителей в Киеве открылась Временная педагогическая школа и Общество друзей народа. Бывшие кирилло-мефодиевцы приступили к составлению школьных учебников на местном наречии. По распоряжению администрации края в сельские школы было разослано 10 тыс. новых букварей, на издание которых Министерство народного просвещения выделило некоторые средства⁵¹.

Не дремали и поляки. Чтобы использовать просвещенческую тенденцию в интересах своего дела, они стали распространять в Правобережье букваря и другую литературу на малороссийском наречии, но напечатанные латиницей.

В январе 1863 г. началось польское восстание, и вскоре выяснилось, что радикальное крыло повстанцев рассчитывало поднять против правительства малороссийское крестьянство, польскими пропагандистами были вызваны студенческие волнения в Киеве⁵². В Правобережье как раз среди народных учителей-малороссов вербовались агитаторы, засылались прокламации, в которых говорилось о совместных судьбах «исторического трилистника» – Польши, Литвы, Западной Руси, делались обещания о создании украинского государства «от Кавказа до Карпат» и т. д.⁵³ Правительству стал известен источник и масштабные цели этой пропаганды. В 1863 г. была опубликована изъятая у графа Замойского программа, принадлежавшая перу руководителя восстания Л. Мерославского, составленная в 1861 г. В ней были и такие строки: «Неизлечимым демагогам нужно открыть клетку для полета на Днепр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом хмельничевщины. Вот в чем состоит вся наша панславистская и коммунистическая программа».

тическая школа. Вот весь польский герценизм!.. Пусть себе заменяют анархией русский царизм, пусть обольщают себя девизом, что этот радикализм послужит «для вашей и нашей свободы»⁵⁴.

В широком масштабе поднять украинских крестьян под польскими знаменами не удалось. Какие-то выступления вместе или параллельно с поляками имели место, но в конечном счете они способствовали кристаллизации представления о национальной особенности украинцев⁵⁵. Одновременно в интеллигентских молодежных кругах проявились настроения, вылившиеся в так называемое украинофильство или «народолюбство», презрительно окрещенное польскими националистами «хлопоманией» (от польского chłop – крестьянин). Группа студентов-поляков во главе с воспитанником Киевского университета историком В. Б. Антоновичем, порвав с польской организацией, объявила себя украинцами, желающими активно служить народу, трудом которого жили их предки, способствовать его национальному развитию⁵⁶. В. Б. Антонович призывал «заботиться о народном просвещении и об улучшении материального положения крестьян»⁵⁷. Сам он, став крупным историком, и другие деятели польского происхождения – этнограф Б. С. Познанский, филолог К. П. Михальчук, экономист Т. Р. Рыльский и др. в дальнейшем заняли заметное место в украинской науке и культуре⁵⁸.

Члены кружка В. Б. Антоновича совместно с коллегами-малороссами из Левобережья образовали в Киеве студенческое общество (названное по примеру сельских сходов громадой) украинофильского, проникнутого интересом к народной жизни, направления. Студенческие громады создавались и в других городах. Украинофилы-хлопоманы подражали простому люду в языке, бытовых деталях, одежде, участвовали в вечерницах сельской молодежи и даже заключали браки с дере-

⁵⁴ Об этом свидетельствуют этнографические наблюдения В. И. Вернадского во время его поездки в Екатеринославскую губернию в 1885 г. Среди разногласий «смутных», по его словам, представлений местных крестьян о различиях между великороссами и малороссами выделялось четкое мнение крестьянина Волинской губернии, «возвращавшегося после 22-летней ссылки за участие в восстании 1863 г.; он считает малороссов совсем особым народом от русских и поляков, и Украину считает совсем отдельной страной»⁵⁵.

⁵⁶ Стоит заметить, что примерно в то же время происходила «украинизация» обедневшей, лишенной в 1840-е годы дворянских прав мелкой шляхты, в свое время колонизированной и гордившейся польским шляхетством. Теперь, оказавшись в нищенском положении, многие лишь этой категории, особенно те, кто оставался в православии, ассимилировались с крестьянами-малороссами⁵⁶.

венскими девушками по идейным мотивам. На крестьянской дочери, в частности, женился наследник богатого и знатного польского рода на Киевщине Т. Р. Рыльский – отец известного украинского поэта.

В отличие от общероссийского революционно-демократического движения 1860-х годов основной поток «народолюбцев» – громадощев был далек от социально-революционных целей. Свои задачи они видели в просвещении народа, изучении его этнографии, творчества, экономического быта*. В этих порой противоречивших друг другу проявлениях – и в «польской интриге», и в «хлопомании» – правительство нашло одну общую опасную для себя черту: намерение так или иначе вовлечь в общественно-политическую жизнь малороссийское крестьянство. В просветительских работах украинофилов усмотрели отдаленную тенденцию сепаратизма; сочли, что распространение «мужицкой грамотности» будет превращено из чисто культурной в политическую акцию⁶⁰. Проекты школьного обучения на местном наречии были отставлены. В 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев направил министру народного просвещения А. В. Головнину, стороннику малороссийской школы, уведомление («валуевский циркуляр») о временном ограничении малороссийского книгопечатания, исключая из него учебники и литературу духовного содержания. Прежние малороссийские издания, писал он, были достоянием лишь образованных кругов. «Ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих политических замыслов, принялись под предлогом распространения грамотности и просвещения за издание книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т. п. В числе подобных деятелей, – продолжал министр, – находилось множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии»⁶¹. Среди авторов упомянутых учебников были Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш, А. Я. Конисский, П. П. Чубинский и некоторые другие члены громады. Вместе с тем, власти, не желая сближения ук-

* В современной украинской историографии эту деятельность и последующие стадии и разновидности украинофильского течения предлагается рассматривать как местный, обусловленный спецификой края вариант народничества, составляющий типологическое целое с общероссийским движением, распространенным и в малороссийских губерниях, и привлекавшим в свои ряды немало этнических малороссов. Высказывается мысль, что оба эти потока представляли национальные (восточнославянские) формы европейского демократизма, воплотив антифеодалное, общедемократическое начало⁵⁹.

раинофилов с польской оппозицией (а польская пропаганда работала в этом направлении, стараясь опорочить первых перед правительством, чтобы не оставить им выбора)⁶², как и прежде, применяли к украинofilам не самые суровые меры. Из двух десятков заподозренных активистов часть в результате следствия была отпущена. Другие, в том числе А. Я. Конисский и П. П. Чубинский, переведены в европейские губернии Великороссии с определением на службу:

Д. И. Дорошенко, характеризуя этот период, констатировал, что «украинское национальное движение в России, которое казалось таким сильным и обнадеживающим в начале 60-х годов XIX ст., не пустило однако глубоких корней в украинском обществе и тем более среди народных масс»⁶³. Причины этого он видел не только в самодержавном строе и охранительной политике правительства, не допускавшего свободной общественной жизни, но и в расколе самого малороссийского общества, в котором дворянство, экономически и политически сильный слой, найдя удовлетворенными свои сословные интересы, отошло от украинofilства. А после введения земского самоуправления именно дворянство, благодаря цензовой системе, доминировало в земствах, получивших немалое влияние в сфере народного образования и культуры. Национальная проблематика сделалась уделом лишь узкого круга интеллигенции, ограниченного еще и тем, что значительные группы молодежи вливались в общероссийское социально-революционное движение, не отделяя национальных целей от борьбы за политическую и социальную свободу в масштабах всей страны⁶⁴.

Общественная деятельность украинofilов вновь оживилась только в начале 1870-х годов и на первых порах не выделялась из общих научно-культурных устремлений малороссийской интеллигенции. Выдвигались предложения об организации в Киеве Общества истории и славяно-русских древностей. Газета «Киевлянин», основанная в 1864 г. профессором истории Киевского университета В. Я. Шульгиным, подала идею образования Юго-Западного отдела Русского императорского географического общества, и генерал-губернатор А. М. Дондуков-Корсаков ходатайствовал перед председателем общества великим князем Константином Николаевичем о реализации этой инициативы. Председателем открытого в начале 1873 г. Юго-Западного отдела стал близкий к правительственной элите и сочувствовавший украинofilству общественный деятель, этнический малоросс Г. П. Галаган. Среди членов-учредителей были В. Я. Шульгин, М. В. Юзефович – малороссийский дворянин, бывший помощник попечителя Киевского

учебного округа и автор одного из проектов развития народной школы, председатель киевской Комиссии по разбору древних актов, сам не чуждый литературных занятий. Но широко были представлены и украинофилы-громадовцы – В. Б. Антонович, П. П. Чубинский, успешно осуществивший к тому времени по заданию Русского географического общества этно-статистическую экспедицию по описанию Юго-Западного края и избранный исполнителем секретарем Юго-Западного отдела общества⁶⁶. К тому времени новые поколения студентов влились в громаду Киевского университета, а ее основатели, закончив курс, сохранили связь, образовав так называемую Старую громаду. Кроме ранее названных к ней принадлежали историки М. П. Драгоманов и И. В. Луцицкий, литераторы А. А. Русов, А. Я. Конисский, В. П. Науменко, писатели братья Рудченко И. Я. (Билык) и А. Я. (Панас Мирный), М. П. Старицкий, юрист А. Ф. Кистяковский, этнографы Ф. К. Вовк и П. П. Чубинский, композитор Н. В. Лысенко и др.

Громадовцы в рамках отдела были настроены на легальную работу по исследованию экономических, общественных и культурных условий народной жизни. К числу достижений украинофильства этого периода наряду с упомянутым исследованием П. П. Чубинского относилось издание В. Б. Антоновичем и М. П. Драгомановым собрания исторических песен украинского народа, чумацких песен И. Я. Рудченко, появление украинского социального романа (И. С. Нечуй-Левицкий, А. Я. Конисский), украинской оперы («Рождественская ночь», «Черноморцы» Н. В. Лысенко), создание первых театральных трупп. Громадовцы начали издавать «Записки» Юго-Западного отдела и газету «Киевский телеграф», фактическим редактором которой стал к тому времени доцент Киевского университета М. П. Драгоманов, по словам И. Франко, «сознательный европеец и не менее сознательный украинец»⁶⁶, обладавший образованностью и широтой взглядов, радикализмом и вместе с тем способностью предложить созидательную социально-политическую программу. В дальнейшем, в эмиграции, он возражал против преувеличения национальной стороны украинского вопроса и не боялся утверждать, что «на свете есть интересы кроме этнографического патриотизма», считая национальность только формой, которую следовало бы наполнить общевропейским демократическим содержанием⁶⁷. По его мнению, украинское движение должно было идти снизу, опираясь на широкие потребности народных масс, и после удовлетворения их ставить новые, более высокие культурно-социальные задачи. Народная основа определяла

бы и социальный характер движения, что создавало бы для него общие цели с российскими народническо-социалистическими организациями*. Вместе с тем в представлении М. П. Драгоманова были неприемлемы революционный террор и другие разрушительные методы. Его взгляды на государство приближались к прудонизму синдикалистского толка. Он полагал, что Украина должна стать федерацией свободных общин в рамках международного союза таких же общин, призывал не замыкаться в узконациональных пределах, веря, что в федеративном единстве с демократически преобразованной Россией, в которой осуществление гражданских и политических свобод, децентрализация и местное самоуправление обеспечат и национальные права⁷⁰.

В киевский период национальная составляющая занимала центральное место в публицистике М. П. Драгоманова, и тогда подчеркивавшего готовность к сотрудничеству с великороссами в реформировании России. Большой отзвук получила его опубликованная под криптонимом «М. Т-ов.» в четырех номерах либерального «Вестника Европы» за 1872 г. статья «Восточная политика Германии и обрусение». В ней автор критиковал германизаторские устремления Пруссии, расценивая их как опасность всему славянскому миру, для отражения которой считал необходимым создание славянской федерации, призванной объединить с Россией карпатских и дунайских славян⁷¹. Идею федерации М. П. Драгоманов противопоставлял ассимиляторской и централизаторской политике Франции** и Пруссии, чей опыт считал неприемле-

* Эти здравые мысли не нашли понимания ни у народников 1880-х годов, декларировавших, что «заботятся только о народе, а не о нации»⁶⁸, ни у марксистов. В женевском кружке эмигрантов из России при всем уважении к М. П. Драгоманову высмеяли его идею о необходимости вести пропаганду не только на великорусском, но и на малорусском языке, дав понять, что считают последний несуществующим. В другой раз уничтожительной критике подверглась национально-культурная ориентация соратников М. П. Драгоманова. «Я постарался представить деятельность украинofilов на Юго-Западе бесполезным времяпровождением, чуть ли не переливанием из пустого в порожнее», — вспоминал киевлянин Л. Г. Дейч одно из народнических собраний, которое оскорбленные драгомановцы вынуждены были оставить⁶⁹. О том, как оценивал В. И. Ленин идеи и роль М. П. Драгоманова, см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 25. С. 297.

** В 60–70-е годы XIX столетия в законодательно унифицированной в вопросе языка Франции наблюдался ренессанс этнического регионализма, зародившегося в литературных кругах Прованса, где возникло течение, ставившее целью воскресить в художественных произведениях древний язык исторической провинции и традиционные литературные формы. Нашлись и педагоги-энтузиасты, предлагавшие сделать новопровансальский язык преподавания в начальных школах на юге Франции, и даже раздавались голоса в пользу автономии Прованса в преобразованном в федерацию государстве. Подобное литературное течение по возрождению автохтонного кельтского языка возникло и на севере Франции, в Бретани⁷².

мым для России по причине масштабов страны и относительной молодости русской культуры⁷⁴.

В своих статьях киевского периода (некоторые из них публиковались в галицийских изданиях) М. П. Драгоманов высказывался против политического и культурного раздробления России* и подчеркивал, что российская интеллигенция складывается из великороссов и малороссов, но, ратуя за единство культуры, не предполагал ее нивелированного однообразия. Он признавал, что украинцы не представляют еще сформировавшейся нации, однако был убежден, что именно федеративное устройство обеспечит завершение этого процесса и поможет украинскому народу сохранить свою индивидуальность⁷⁶.

Сформулированные М. П. Драгомановым этно-культурные задачи были близки и другим громадочцам, сторонившимся социально-политической проблематики. Вскоре они заняли доминирующее положение в Юго-Западном отделе географического общества. Однако перспективу национальной самостоятельности малороссов не разделяли старшие члены-учредители – приверженцы идеи большой русской нации, которых громадочцы к тому же начали организационно теснить в Юго-Западном отделе. Между «Киевским телеграфом» и «Киевлянином» разгорелась полемика. С критикой украинофильства выступила значительная часть университетской профессуры, в том числе и этнических малороссов. Они ставили в вину украинофилам политизацию языковой пробле-

Это явление привлекло внимание российских публицистов и ученых, интересовавшихся национальной проблематикой. М. П. Драгоманов в соответствии со своими представлениями об общественном прогрессе усмотрел в нем отражение положительного процесса децентрализации и развития самоуправления, культурного и политического подъема сельских классов, «отказ от погони за единообразием сердец и речи»⁷⁵. Он расценивал пробуждение этнического регионализма как генеральную, альтернативную ассимиляторству тенденцию, намекая на ее актуальность и для русско-украинской ситуации. Применительно к Франции он ошибся: региональные политические и просвещенческие инициативы не получили распространения среди ее практических обывателей. Дело ограничилось литературными опытами продолжателей старой традиции, называвших себя фелибрами.

Но любопытно, что очаги регионализма во Франции не угасли и по сей день. В начале 1999 г. сообщалось, в частности, о демарше депутатов национального собрания от Бретани, ратовавших за особый статус своей области, в котором отразилось бы ее этническое своеобразие. Он и позже, в эмиграции, выступал против попыток извне забросить в Малороссию искры сепаратизма и приводил тот довод, что ее народ в массе не помышляет об отделении. Желавшие этого, если и имеются, то составляют ничтожное меньшинство. «Отделение украинского населения от других областей России в особое государство... есть вещь не только... очень трудная, если не невозможная, но при известных условиях вовсе не нужная для каких бы то ни было интересов украинского народа», – писал он, имея в виду перспективу демократизации России⁷⁵.

мы, М. П. Драгоманова упрекали в отдаленных замыслах украинской самостоятельности под видом федерализма, который, по их мнению, служил лишь прикрытием сепаратизма. М. П. Драгоманов, защищаясь в печати, отрицал сепаратистские цели. Вместе с тем на страницах «Киевского телеграфа» он высмеял М. В. Юзефовича как беспринципного человека. Умеренные деятели стали выходить из Юго-Западного отдела: оставили свои посты Г. П. Галаган и его заместитель. А М. В. Юзефович публично обещал обратиться в III Отделение или к самому государю по поводу «неблагонамеренности» украинофильства и выполнил свою угрозу⁷⁷.

Краевая администрация, которая вначале не видела вреда в украинофильстве, теперь вынуждена была принимать меры, ибо из центра поступали сведения о связях громадовцев с учителями народных школ, о приеме в Юго-Западный отдел членов народнической «Земли и воли». Все это на фоне репрессий, начавшихся против участников «хождения в народ» в 1874 г., приобрело политическую окраску. По данным И. Франко, властям также стало известно об «издании одной революционной группой нескольких украинских пропагандистских брошюрок в Вене»⁷⁸. Критика М. П. Драгоманова со стороны «Киевлянина» и местных профессоров дополнилась доносами его противников в Галиции, приписавших ему планы отделения Украины от России и присоединения к Польше⁷⁹. М. П. Драгоманов, не дожидаясь административных санкций, срочно выехал за границу: сначала в Галицию, где после первой поездки в 1870 г. обрел единомышленников, затем — в Швейцарию. Там на средства Старой громады он издавал журнал «Громада» и другую политическую литературу. В Женеве круг его сотрудников составляли экономист Н. И. Зибер, отказавшийся от кафедры в Киевском университете в знак протеста против увольнения М. П. Драгоманова, Ф. К. Вовк, также вынужденный тогда оставить университетскую кафедру в Киеве (после революции 1905–1907 гг. он стал профессором Петербургского университета, основателем украинского подразделения в этнографическом отделе Русского музея), социалистический деятель С. А. Подольский, племянник редактора «Киевлянина» громадовец, педагог Я. Н. Шульгин и др.⁸⁰ Когда на почве идейных разногласий киевляне перестали финансировать женевские издания, М. П. Драгоманов принял приглашение из Болгарии возглавить кафедру в Софийском высшем училище (в дальнейшем — университете), где преподавал до конца своих дней.

Между тем в связи с обращением М. В. Юзефовича в Петербург была образована правительственная комиссия для анализа украинофильской деятельности. Комиссия приняла точку зрения противников украинофильства, сделав предусмотрительный вывод, что допустить изда-

ние литературы на простонародном малороссийском наречии значило бы заложить прочное основание для убеждения в возможности отделения хотя бы в далеком будущем Малороссии от России⁸¹.

Царь в мае 1876 г., будучи на курорте в немецком городе Эмсе, подписал выводы и рекомендации комиссии – «эмский указ», на основании которого деятельность украинofilов признавалась «опасной в государственном отношении». В указе предписывалось «не допускать ввоза... без особого на то разрешения... книг и брошюр, издаваемых за границу на малорусском наречии. Воспретить в Империи печатание на том же наречии оригинальных произведений... за исключением исторических памятников, но с тем, чтобы издаваемы были без отступления от общерусской орфографии... Воспретить... всякие на том же наречии сценические представления, тексты к нотам и публичные чтения (как имеющие... характер украинofilских манифестаций). Запретить газету «Киевский телеграф»... Не допускать в первоначальных училищах преподавания... на малорусском наречии... Закрыть на неопределенный срок Киевский отдел Императорского Географического общества... Немедленно выслать из края Драгоманова и Чубинского* как неисправимых и положительно опасных агитаторов...»⁸²

Указ, сопоставимый с упомянутыми мерами языковой унификации во Франции, был однако не столь радикален и последователен, чтобы принести его авторам ожидаемые результаты. Немногочисленная обладавшая украинским самосознанием украинская интеллигенция, опираясь на галицийский очаг украинства, продолжала формировать основные институциональные компоненты национальной жизни. Украинская художественная литература уже выделялась рядом заметных имен. Возникла историческая школа, развивалась общественная мысль и публицистика. С 1880-х годов приобрел известность малороссийский театр, благожелательно встреченный российской общественностью и критикой. «Празднично прошла для нас и зима: были гастроли малорусского театра с Заньковедкой и Саксаганским»⁸³, – называл выдающихся малороссийских актеров И. А. Бунин в автобиографичес-

* Первый к тому времени был уже за границей. Второй в качестве наказания получил место в Министерстве путей сообщения в Петербурге.

** Всероссийской славе украинского театра в немалой мере способствовало внимание к нему одной из самых читаемых консервативных газет «Новое время». Ее знаменитый редактор и издатель А. С. Суворин систематически благожелательно рецензировал спектакли во время петербургских гастролей труппы М. Л. Кропивницкого, подчеркивая универсальность таланта хористов украинской сцены. М. К. Заньковецкая и М. Л. Кропивницкий способны были,

ком романе «Жизнь Арсеньева», вспоминая проведенное в Полтаве в качестве земского статистика время в начале 1890-х годов. В другом месте, процитировав устами героя поэтическую строку, воскликнул: «Это Шевченко – совершенно гениальный поэт! Прекраснее Малороссии нет страны в мире»⁸⁴.

Запретительные меры имели для правительства противоположные желаемым последствия. Был нанесен ущерб его репутации в общественных кругах в стране и за рубежом. М. П. Драгоманов уже в эмиграции опубликовал письмо с протестом против введенных ограничений, адресовав его конгрессу писателей в Париже. И. С. Тургенев благожелательно представил его участникам конгресса⁸⁵. (Русский писатель и ранее был внимателен к малороссийской литературе, популяризировал ее, переводя на русский, в частности, полные горечи рассказы Марко Вовчок (М. А. Маркович) из жизни малороссийской деревни.) В Петербурге ученые публично сокрушались, что «нашим южным братьям не дают божьего слова читать на родном языке»⁸⁶.

Украинофильское направление не угасло, а только углубилось морально-психологическое отчуждение его приверженцев от российской жизни, вызвав в следующем поколении поворот от этнографического культурничества к формированию национально-политических целей. К тому же лишенная соответствующих возможностей на родине значительная часть украинской интеллигенции переместила свою общественную, научную активность и печатно-издательские дела за границу, преимущественно в Галицию, что многократно повысило роль внешнеполитического фактора в украинском вопросе в самом неблагоприятном для Петербурга варианте. «Как в истории России в целом, – писал об этом процессе Н. М. Могиланский, – политическая ссылка и эмиграция создали огромные кадры “революционеров” по профессии... так и Украина целиком и давно [была] взята под подозрение, en bloc* преследуемая и изгоняемая, [она] создала свои кадры украинских революционеров-сепаратистов, нашедших простор в соседней австро-венгерской провинции Галиции»⁸⁷.

по его словам, «стать первым на императорских театрах». «Большой талант должен светить всем. Закабалаясь в узкую атмосферу местного наречия, местной драматургии, которая даже ничего не черпает из европейского репертуара, большой талант обрекает себя на второстепенную роль», – сожалел рецензент, за что С. А. Ефремов в газетной заметке, опубликованной в год юбилея А. С. Суворина, назвал его «змеем-искусителем», будто бы вносящим в украинский театр «струю распада»⁸³.

* отцом (фр.)

Глава 2

Восточные славяне Австро-Венгрии

Иной линии в отношении восточных славян придерживалось правительство Дунайской империи. Оно не пыталось повернуть вспять этно-культурное и национально-политическое развитие русинского или русского (руського – на местном наречии), по самоназванию, населения, когда на волне славянского возрождения оно вступило в стадию формирования национального самосознания. Запретительным мерам Вена предпочла регулирование данного процесса в нужном для себя направлении. Во внутренней политике это позволяло уравновешивать динамичный, наступательный, социально и административно доминировавший в провинции польский национализм.

Однако процесс формирования национального самосознания русин Австро-Венгрии протекал медленно и трудно, ибо со времени выпадения их земель из системы русской государственности восточнославянское этническое начало систематически размывалось в интересах иностранных властителей. Свой язык – практически на бытовом уровне – и этнический облик сохранило только крестьянство. Литературная традиция замерла, так как высшие сословия – дворянство и городское мещанство – приняли язык и культуру господствовавших народов. В богослужении – униатском и православном – сохранялась церковнославянская речь, остававшаяся связующей нитью для восточнославянских христиан. В Галиции во времена Речи Посполитой административным, школьным и языком светской культуры являлся польский. Только после разделов Польши австрийское правительство учредило одногодичные приходские школы с местным языком преподавания. Но основным языком обучения в трех- и четырехклассных школах, гимназиях и университете стал немецкий, что, впрочем, позволило немногочисленной русинской интеллигенции познакомиться с передовыми течениями европейской общественной мысли, в том числе с духоподъемной для славянства концепцией И. Г. Гердера.

Первые культурные и образовательные инициативы принадлежали униатскому духовенству^{*}. Такие кружки возникли в 20-е годы XIX в. в Перемышле и Львове. Их участники отстаивали не только богослужебную, но и учебную функцию церковнославянского языка, а также старого литературного, близкого к русскому, языка, который его противники стали называть язычем. В этой тенденции была заложена перспектива использования на местной почве в качестве литературного – русского языка. Она проявилась также в Закарпатье и Буковине, нашла отражение в первых учебниках по грамматике И. Левицкого и М. Лучкая и в деятельности Д. Зубрицкого, писателя и переводчика, одного из первых исследователей истории Восточной Галиции, ведавшего издательским делом в униатском Ставропигийском институте во Львове².

Другое течение, тоже направленное против колонизации, но вместе с тем и вдохновленное поляками, желавшими подальше развести русин с их восточнославянскими соплеменниками, ориентировалось на превращение местного наречия в литературный язык. «Русская троица» – поэт М. Шашкевич, языковед Я. Головацкий, этнограф и историк И. Вагилевич в 1830-е годы составили первые сборники народных песен и научных статей «Зоря» и «Русалка Днестровская» на местном наречии, применив в отличие от традиционного для кириллицы этимологического фонетическое письмо^{**}. Первый сборник не был допущен цензурой к напечатанию, второй запрещен к распространению в течение 10 лет. Такой оказалась первоначальная реакция на галиц-

* Со времени включения восточнославянских земель в Речь Посполитую королевская власть и церковная иерархия доминировавшего в ней католицизма не оставляли усилий к тому, чтобы отделить православное местное население от российских единоверцев и духовно подчинить себе. Наступление на православие велось под видом заботы («о единстве Божней Церкви») (так называлось известное «рассуждение» завязанного противника православия иезуита П. Скарги) и получило выражение в идее церковной унии. Среди православного епископата (по разным мотивам – от идейных до примитивного своекорыстия) составила небольшая группа, заявившая о готовности перейти под юрисдикцию папы римского во всех вопросах веры при сохранении православных церковных обрядов. Папа со своей стороны в 1595 г. объявил об официальном признании унии. Однако на многолюдном церковном соборе в Бресте (1596 г.) большинство православных священников и делегатов мирян не принял унию. Но уния не отступилась, учредив для своей поначалу немногочисленной паствы новую конфессию, которая со временем укрепилась, благодаря государственной поддержке¹. В Галиции значительная часть русин перешла в униатство, в Буковине в основном остались православными.

** «Вирнеш мн очі й душу вирнеш, / Але не возьмеш мнлости і віри не возьмеш, / А не видреш любови й віри не видреш, / Бо руські мн серце і віра руська», – писал М. Шашкевич со своейственной русинскому фольклору пронзительной экспрессией¹.

ко-русское возрождение австрийских властей, усмотревших в деятельности «русской троицы» вольнолюбивую пропаганду. Консервативное униатское духовенство также считало недопустимой литературную деятельность на простонародном наречии⁴.

Ситуация изменилась к 1848 г., когда многонациональная Дунайская монархия вступила в полосу революционных потрясений. Монарх спешно ввел конституцию, созвал парламент, отменил личную зависимость крестьян. После краковского восстания в 1846 г. австрийское правительство решило поддержать русин, чтобы противопоставить их полякам и восставшим в 1848 г. мадьярам.

В 1849 г. через Закарпатье прошла посланная против венгерских повстанцев русская армия, и это вызвало необычайный подъем среди местных русин, почувствовавших себя частью русского народа. Их требования административного обособления и введения родного языка поначалу были удовлетворены. Наместником сделался А. Добрянский, как и вся закарпатская интеллигенция, горячий сторонник общерусского культурного единства. Однако, когда революционные страсти улеглись, а венгерская аристократия вернула себе утраченные было позиции, Вена не помешала ликвидации всех национально-культурных достижений закарпатских русин. В дальнейшем осуществлялась массивная мадьяризация населения прежде всего через использование венгерского языка в богослужении⁵.

В Галиции венское правительство, чтобы нейтрализовать польскую фронтду и не допустить вместе с тем распространения русофильства, стало покровительствовать течению, пропагандировавшему этническую самостоятельность русин. Его лидеры в противовес Польскому национальному совету, требовавшему автономии провинции, образовали свой собственный, лояльный правительству совет – Головну руську раду, которая выдвинула проект разделения территории по этническому признаку и объединения всех населенных русинами земель в единый коронный край. Выявились усилия по восстановлению самобытной культурной жизни. На съезде «русских» ученых в октябре 1848 г. обсуждалась программа развития галицко-русского диалекта на основе этимологического письма (хотя раздавались голоса и в пользу старого литературного и церковнославянского языков), изучения истории, географии края, внедрения прикладных экономических знаний. Тогда же было учреждено общество Галицко-русская матица с задачей распространения книг на «русском» языке, несущих полезные знания, стала издаваться газета «Зоря галицка»⁶.

Польские деятели потом утверждали, что это австрийские власти, в частности наместник Ф. Стадион, разделили единый галицийский народ и, якобы выдумав русин, посеяли несогласие между ними и поляками⁷.

Между тем с отливом революции правительство утратило интерес к галицко-русским организациям, не выполнив большинства данных им обещаний. Головна руська рада распалась в 1851 г. Трудности испытывали культурные учреждения⁸. Новый наместник провинции польский граф А. Голуховский ограничивал введенное было школьное обучение на местном наречии, объясняя это стремлением остановить разобщение польской и русинской молодежи. Но особенно возмутил русинскую общественность его проект перевода русинской письменности на латинский алфавит (в просторечии – абецадло)⁹.

Правда, в 1861 г. в Австрии была введена новая конституция, предусматривавшая автономию Галиции с собственным сеймом, в котором русины, преимущественно крестьяне, в первый раз по курриальной системе получили 49 мест из 150, в последующем, в связи с изменением избирательного закона – значительно меньше.

В 1860-е годы позиции австрийского правительства вследствие ряда внешнеполитических неудач, в том числе поражения от Пруссии в войне 1866 г., заметно ослабли. Оно вынуждено было поделиться властью с мадьярской и польской верхушкой. Первая после преобразования государства в двуединую Австро-Венгрию (1867 г.) получила неограниченные возможности дальнейшей мадьяризации Закарпатья. В Галиции под предлогом якобы исходившей от России опасности расчленения Австрийской империи вся власть была отдана более сильным и организованным польским элементам, которые после неудачи восстания 1863–1864 гг. в «русской» Польше отказались от радикальных действий, избрав метод повседневной, «органической» работы, направленной на укрепление всех основ польской жизни. Наместник А. Голуховский получил расширенные полномочия. Его усилия под предлогом защиты государственных интересов были направлены к тому, чтобы свести на нет все культурные и политические достижения русин. Польский сделался официальным языком делопроизводства и образования, в том числе во Львовском университете. Вновь оказавшись перед перспективой колонизации и не имея поддержки Вены, русины получили новый импульс этно-национальной активности. Многие галицко-русские деятели консервативного склада – святоюрцы (по имени собора Святого Юра – резиденции униатского митрополита) обратили свои надежды к России, представлявшейся им, как писал М. С. Грушевский, «царством

порядка и силы», т. е. прочной опорой против польских претензий. России отдавало предпочтение известное своим малоземельем и нищетою русинское крестьянство, над которым властвовали польские, венгерские, немецкие земельные магнаты. «Обездоленная, жадно эксплуатируемая крестьянская масса Подкарпатской Руси и Галиции смотрела с упованием на Восток, оттуда, из России ожидая освобождения от непомерных тягот своей жизни», – писал Н. М. Могилянский¹⁰.

По признанию М. С. Грушевского, «москвофильство охватило почти всю тогдашнюю “интеллигенцию” Галиции, Буковины и Венгерской Украины (Закарпатья. – И. М.)»¹¹. Самая популярная галицко-русская газета «Слово», первоначально следовавшая идеологии этнической самостоятельности, в 1866 г. выступила с москвофильских позиций, заявив, что есть единый великий русский народ от Карпат до Камчатки и единый русский язык. Была даже издана брошюра Б. Дидыцкого «Русиину за час научиться по-великорусски». «Лучше нам утонуть в русском море, чем в польском болоте», – принято было тогда говорить¹².

Эту точку зрения пропагандировал Д. Зубрицкий, возглавлявший так называемую Погодинскую колонию – известный русский историк М. П. Погодин поддерживал контакты с галицийскими учеными и не раз бывал во Львове. Москвофилы доминировали в Ставропигийском институте, в обществе Галицко-русской матицы, в Народном доме, имели под своим влиянием издававшуюся этими учреждениями периодику – в 1870-е годы около 15 наименований.

Группировку москвофилов или старорусин составляла русинская интеллигенция старшего поколения и униатские иерархи консервативного склада. В начале 1870-х годов в борьбе за общественное влияние они занялись проблемой народного просвещения, вложив немало средств в создание системы внешкольного образования, в издание популярных газет и журналов для крестьян. Энтузиазмом и талантом в этом деле отличался священник И. Наумович, хорошо знавший народные интересы и потребности. Учредив в Коломые первую политическую газету для народа «Русская рада» и журнал «Наука», он сумел сделать их интересными и для простого люда, и для интеллигенции. Он пропагандировал самые практические дела: создание касс взаимопомощи, общественных зернохранилищ, организацию кружков ремесленников, обществ трезвости и т. д. Его стараниями к 1878 г. в галицийских селах открылось 150 читален. После смерти одного из известных единомышленников И. Наумовича священника М. Качковского на завещанный им капитал было создано просветительное общество его имени. К своему 25-летию обще-

ство выпустило 283 наименования книг общим тиражом в два миллиона экземпляров и вело 559 народных читален¹³.

Сторонниками единого русского языка стали многие из тех, кто ранее противопоставлял ему местный диалект, в том числе Я. Головацкий, в свое время читавший курс лекций на эту тему во Львовском университете. Теперь оболганный А. Голуховским, посылавшим на него доносы правительству, лишенный администрацией не только университетской кафедры, но и возможности преподавания в гимназии Я. Головацкий выехал в Россию¹⁴, где возглавил Археографическую комиссию в Вильно. Многие галицийские священники и учителя откликнулись также на призыв русского правительства поселиться в Холмщине, чтобы помешать полонизации этой области¹⁵. В конце 1870-х годов москвофилы претерпели новые, ослабившие их трудности. Против них устраивались судебные процессы по обвинению в шпионаже в пользу Петербурга. Последовали банкротства близких им финансовых учреждений, после чего И. Наумович и другие активисты переехали в Россию¹⁶.

Одновременно острее обозначилось расхождение между ними и другим, именуемым народовским, направлением, которое первоначально отстаивало полную этническую самостоятельность русин. В 1860-е годы его поддержало более молодое поколение – учителя, литераторы, юристы, студенты, семинаристы, создавшие организацию «Молодая Русь». Поначалу это было слабое течение. Его сменявшие друг друга печатные органы («Вечорници», «Мета», «Нива») имели короткий век. Но, как писал М. П. Драгоманов, «с 1866 г. “молодая” галицкая партия повзрослела и приняла в свои ряды кое-кого из старших, да еще людей “с положением” и начала было не только мириться с австро-польской правительственной системой, но и сама становилась правительственной»¹⁷. Со временем священники высокого ранга заняли заметное место и в народовском течении, ибо традиционное для галицийских русин униатство являлось одним из главных признаков их духовного обособления от поляков-католиков. Но теперь народовцы подчеркивали и обособленность униатства от российского православия¹⁸, что вполне соответствовало интересам австрийского правительства и польских кругов.

Народовцы этой поры, в отличие от более раннего времени, стали акцентировать этническую тождественность карпатских русин с днепровскими малороссами, оставив усилия по созданию литературного языка на основе местных диалектов, и начали в этом качестве

использовать малороссийское наречие, значительно отличавшееся от галицко-русского.

Некоторые группы народовцев охотно склонялись к теории ополченного эмигранта, выходца из Малороссии Ф. Духинского об этнической общности «украино-русской» народности с «арийцами-поляками», якобы отмеченными знаком свободы и «индивидуальности», в противоположность «туранской Московщине» с будто бы от природы присущими ей несвободой и коммунизмом¹⁹.

Галицийцы стали подражать малороссийским украинофилам. Во Львовском университете и в средних учебных заведениях возникли подобные киевской громады, открывались воскресные школы. Началась пропаганда Т. Г. Шевченко как своего национального поэта, развивался культ казачества, которого никогда не было в Карпатах. Молодежь распевала думы о казаках и подражала в одежде запорожцам. Малороссийская литература и периодика распространялись во Львове с начала 1860-х годов, а после «валуевского циркуляра» многие писатели-украинофилы стали издавать свои произведения в Галиции, существенно расширив небогатый круг местных авторов. Из Малороссии потекли материальные средства на издание книг и периодики украинофильского направления, благодаря чему удалось наладить более стабильный выпуск народовских газет и журналов.

Благоприятными для укрепления народовства оказались и внутривнутриполитические условия. Несмотря на программное сопротивление народовства полонизации, для польской администрации Галиции оно оказалось предпочтительнее москвофильства, так как приобрело антирусскую направленность, а его украинофильская ориентация открывала перспективу эффективного воздействия на ситуацию в Малороссии в плане ослабления влияния российского центра. Антироссийский вызов народовцев на фоне все более заметного российско-австрийского антагонизма был на руку официальной Вене, как действенный инструмент ее политики. Столь же перспективной представлялась австрийским министрам уравновешивающая роль народовства в отношении как москвофилов, так и поляков в Восточной Галиции. Все это обеспечивало народовцам при их лояльности к правительству по меньшей мере беспрепятственную деятельность.

При поддержке польской администрации в 1868 г. они добились признания местного народного наречия в качестве языка обучения в начальных школах, нескольких гимназиях, частично – во Львовском и Черновицком университетах, а также его прав в судах и админист-

рации. Правительство узаконило, несмотря на поданный императору протест за 50 тыс. подписей, фонетическое правописание, отчего принявшие его издания сделались непохожими на русские. Позже украинofilы оправдывали признание «фонетики» тем, что австрийское правительство все равно не разрешило бы использовать русский язык в галицко-русских школах²⁰. В униатских богослужениях было предписано изъятие «великорусских» оборотов, дабы не допустить духовного общения «католического и верноподданного галицко-русского народа... с народом, который враждебно относится к католической церкви и к составу нашего общего отечества»²¹. Известный киевский языковед П. И. Житецкий, глядя на проведенное преобразование, писал, что «эта фонетика имеет какой-то страшный вид... подсказанная борьбою литературных партий и ни в коем случае неуместная в науке о языке»²². В начале 1870-х годов под давлением общественности все же пришлось вернуться к прежнему, этимологическому письму²³.

В Буковине народам удалось получить перевес над москвофилами лишь в 1880-е годы, когда австрийское правительство оказало первым прямое покровительство, чтобы, с одной стороны, остановить укреплявшееся москвофильство, а с другой – создать противовес буковинским румынам, тяготевшим к провозглашенному в 1881 г. Румынскому королевству. Только в 1886 г. народы овладели руководством в политической организации буковинских русин – Русской раде и вытеснили москвофилов из литературного общества Русская беседа²⁴.

Политические интересы народовцев, «лояльных подданных короля», концентрировались вокруг национальной проблематики. Первое их политическое общество в Галиции – Народная рада – было образовано в 1885 г. по инициативе светских деятелей Ю. Романчука, О. Огоновского, К. Левицкого, священников О. Стефановича, М. Сичинского и др. Оно программно утверждало этно-национальное единство карпатских русин и малороссов Приднепровья как самостоятельной славянской народности – украинцев, ставило целью добиваться раздела Галиции на польскую и украинскую части и равноправия русин с другими народами Австро-Венгрии. В социальных вопросах взгляды и методы народовцев не отличались радикализмом. «Требования их лежали в сфере культурных интересов. Они добивались учреждения для крестьян своих гимназий. Но это был маленький мирок с ограниченным кругом интересов... не могущий отстаивать даже украинское представительство в ландтаге. В 80-е годы появился в Галиции Драгоманов и к 90-м годам уже широко развилось новое течение... В

парламенте, однако, им пришлось продолжать прежнюю тактику интересов местной колокольни – стараться вырвать еще одну–две гимназии или школы»²⁵, – так незаслуженно уничижительно характеризовал лидер российских либералов П. Н. Милюков практическую деятельность постепеновцев-народовцев. И. Франко со своей стороны описывал, как третировали приезжавшие во Львов русские социалисты народовских активистов за эту «мелкую» работу, утверждая, что время работает на глобальное осуществление всеобщего равенства²⁶.

Русинские украинофилы приветствовали приток украинофильской интеллигенции из России. Это укрепляло концепцию этно-национального единства карпатских русин с малороссами и превращало Восточную Галицию в духовно-политический и организационный центр собирания их земель: свой край народовцы даже стали называть подобно центру объединения Италии «Украинским Пьемонтом».

Связи значительно расширились после пресловутого «эмского» указа 1876 г. Издательские и культурные учреждения Восточной Галиции не только пополнили круг авторов украинофильскими писателями и учеными из Приднепровья, но стали получать оттуда значительные материальные средства. Графиня Е. И. Милорадович (урожденная Скоропадская), владелица 50 тыс. десятин земли в Полтавской и Екатеринославской губерниях, увлеченная украинским вопросом (она не только покровительствовала украинскому просветительству, но задумывалась о восстановлении Гетманства и прочила на роль гетмана то популярного среди либералов-шестидесятников генерала А. П. Ермолова, то своего сына Григория, который, впрочем, не заинтересовался такой перспективой, довольствуясь радостями жизни в Париже на российской дипломатической службе), пожертвовала 10 тыс. гульденов на создание украинской типографии во Львове. В 1873 г. их по поручению дарительницы доставил во Львов бывший кирилло-мефодиевец Д. И. Пильчиков. Вместе с М. П. Драгомановым он разработал устав общества, целью которого было «способствовать малорусской словесности... издавать книги, журналы... поддерживать литературные и научные издания». Местные деятели хотели дать обществу название «Галич», но учредители настояли на ином – «Общество имени Т. Г. Шевченко»²⁷. В 90-е годы сахарозаводчик из Киева В. Ф. Симиренко предоставил средства на приобретение собственного здания для общества, преобразованного к тому времени из литературного в Научное общество имени Т. Г. Шевченко (НОШ). Он же систематически финансировал украинские издания. Крупный землевладелец Е. Х. Чикаленко отдавал на «украинское дело» до-

ходы от своих богатых херсонского и полтавского имений, присовокупив к этому еще долю наследства, предназначенного одной из своих дочерей, рано умершей²⁸. На его деньги во Львове был построен академический дом для студентов. НОШ пользовалось средствами меценатского фонда Пелехина. Историк и педагог Я. Н. Шульгин отдал этому обществу все свое состояние – 12 тыс. рублей, А. Я. Конисский завещал имущество и т. д. Ежегодные субсидии НОШ получало от галицийского сейма и австрийского правительства, но они, по данным не сочувствовавшего начинаниям общества автора, были значительно скромнее средств, поступавших из Малороссии²⁹.

Для малороссийских украинофилов, политически ориентированных, но лишенных легального поля деятельности, Галиция на время стала местом формирования апробации национально-политических и социальных идей. В свою очередь, благодаря притоку писателей, ученых и общественных деятелей из России пополнялся творческий и интеллектуальный потенциал народовства. Возникло идейное многообразие, стимулировавшее партийно-политическое структурирование национальных сил.

Умеренные украинофилы предлагали создавать климат, более благоприятный для развития национальной жизни путем соглашения с правящими кругами Австро-Венгрии. В конце 1890 г. по инициативе В. Б. Антоновича и А. Я. Конисского усилиями А. Барвинского, одного из немногих русинских политиков, открыто предпочитавшего любому взаимодействию с москвофилами союз с поляками, была достигнута договоренность части народовцев с польской администрацией Галиции. Последняя обещала удовлетворить некоторые требования народовцев относительно школьного и университетского образования при условии их отказа от защиты экономических интересов крестьянства и признания идеи федерации под эгидой Польши³⁰. По версии И. Франко, определенная роль в этом соглашении принадлежала Германии, чей внушительный голос к тому времени зазвучал среди небескорыстных охотников вывести украинский вопрос на поле международной политики с целью давления на Россию. В немецких политических кругах популярен был вариант вытеснения поляков-помещиков из их западных владений и компенсации за счет земель в Правобережье Днепра. В 1888 г. немецкий философ Э. Гартман опубликовал выполненную по поручению канцлера О. Бисмарка работу, в которой развивал теоретическую комбинацию на тему европейского равновесия путем создания «Киевского королевства» с польской династией на престо-

ле*, могущую стать привлекательной как для польских землевладельцев в Правобережье, так и для малороссийских и галицийских украинофилов³². Во всяком случае именно влиятельные поляки Приднепровья помогли установить контакт между польской администрацией Галиции и народовцами. Известно также, что в пользу такого соглашения на польских политиков оказывало нажим в целях подавления москвофильства и австрийское правительство. «Польско-украинское соглашение 1890–1894 гг. было следствием интереса к украинцам со стороны австрийских, немецких и польских политиков, которые видели в них потенциального союзника на случай вооруженного конфликта с Россией. Эти тенденции совпадали со стремлением надднепровцев найти себе новую опору в неравной борьбе с антиукраинской политикой Санкт-Петербурга», — пишет современный исследователь из Львова³³.

Соглашение, пышно названное началом «новой эры», оказалось непрочным. Его придерживалась лишь непопулярная маленькая группа А. Барвинского–Н. Вахнянина. Большинство же народовцев вернулись на антипольские позиции. Между тем, под влиянием М. П. Драгоманова — он начал печататься в галицийских изданиях еще до своей эмиграции из России — часть общественно активной русинской интеллигенции не желала удовлетвориться социально консервативной, оппортунистической политикой народовцев. Талантливый писатель, публицист и ученый И. Франко, его верный соратник, публицист М. Павлык, А. Терлецкий, С. Данилович и их товарищи горячо откликнулись на призыв М. П. Драгоманова «лицом к народу», стремясь к организации народных масс и их воспитанию в духе осознания своих социальных, политических и экономических прав³⁴.

Относительно либеральный австрийский режим тем не менее не допускал такого рода пропаганды. В 1877 г. И. Франко и М. Павлык были преданы суду по обвинению в связях с зарубежными социалистами. Несмотря на это, последователи М. П. Драгоманова в 1890 г. учредили Русско-украинскую радикальную партию (РУРП), сочетавшую в своей

* Были планы и собственной экспансии на Восток, в которых овладение юго-западом России имело не последнее значение. «Мы должны пустить русским так много крови, чтобы и 25 лет спустя им нелегко было встать на ноги... Нам следует предать опустошению экономические ресурсы России уничтожением ее черноморских провинций, бомбардировкой ее портовых городов, разрушением ее индустрии и торговли; надо «оттеснить» Россию от Балтийского и Черного морей, отторгнуть от нее все области вплоть до линии Онежское озеро — Валдайская возвышенность — Днепр». Так писал в 1887 г. советник германского посольства в Петербурге, будущий канцлер Б. Бюлов¹¹.

программе национальные цели с требованиями социальной и политической демократизации. «Возникла настоящая политическая партия, опиравшаяся на население, – говорил о ней П. Н. Милюков. – Начались парадные митинги, появилась агитация в деревнях»³⁵.

Народовцы увидели в этом главную для себя опасность и через приходское духовенство сумели противодействовать прямому влиянию антиклерикалов – радикальных демократов на крестьянство. При этом первым пришлось перенять некоторые социальные и демократические идеи, что отразилось в новых изданиях народовцев – газетах «Діло» (названной так для контраста с москвофильской «Слово»), «Батьківщина», литературном еженедельнике «Зоря». Еще важнее в деятельности народовцев оказалось то, что пропаганда подкреплялась практической работой по организации различных сторон народной жизни. Много внимания, в частности, уделялось проблеме образования на национальной основе, благодаря чему удалось создать целую сеть школ различного типа: частных и частно-общественных – начальных и средних, начальных – государственных, частно-государственных и пр. Всего в 1911 г., по официальным данным, в Галиции насчитывалось 2 514 начальных украинских школ, 1 042 смешанные, где украинский язык был обязательным предметом при обязательном же изучении польского как официального в провинции языка, семь украинских гимназий, а также три смешанные польско-украинские гимназии, семь мужских и женских учительских семинарий, реальное училище, женский лицей³⁶. В абсолютном и относительном выражении эти цифры значительно уступали количеству польских учебных заведений в Галиции. Достаточно сказать, что в 1914 г. на шесть русинских приходилось 59 польских государственных гимназий при том, что по численности русины в Восточной Галиции превосходили поляков³⁷. В Буковине в это время действовало 216 украинских школ (при обязательном изучении в них немецкого языка) и 623 школы, в которых украинский являлся одним из предметов изучения, была одна украинская гимназия, две смешанные, одна украинская учительская семинария, украинский служил рабочим языком на некоторых кафедрах Черновицкого университета³⁸. В целом это была живая, действующая система образования, позволявшая воспитывать и организовывать новые поколения в национальном духе.

Народовцы подошли к социальной проблематике с позиций национального солидаризма и прагматической философии реальных дел и подобно москвофилам, но с большим в конечном счете эффектом они занялись организацией и укреплением экономического положения

крестьянства. Роль зачинателя в этом деле принадлежала образованному в 1868 г. обществу «Просвита», которое помимо печатно-издательской деятельности создало сеть деревенских библиотек и читален, со временем обогнав в этом москвофилов. Накануне первой мировой войны у него насчитывалось 2 611 библиотек со 130 тысячами читателей³⁹. «Просвита» обеспечивала их специальной литературой по агрономии, технике, экономике и основам кооперации. Благодаря пропаганде конкретных знаний и организационной работе народовцев возникла система кооперативов («Сельский хозяин», «Народная торговля»), страховых обществ («Днестр») и кредитных товариществ («Доверие»).

Этот узкий, в понимании некоторых политиков, вариант общественной деятельности тем не менее не только давал жизненную силу инициативам галицийских народовцев, связав их с населением прочными нитями реальных дел, но и помогал превращению втянутых таким образом в общественные и хозяйственные отношения масс в «гражданское общество».

В свою очередь образование РУРП положило начало партийно-политическому структурированию русинского общества. Вскоре внутри этой партии образовалась радикально-националистическая группа – В. Будзиновский, Е. Левицкий, В. Охримович и др., – считавшая центральным пунктом проблему политической самостоятельности и организации государства галицийских украинцев. Еще шире поставил вопрос, используя, по примеру социал-демократов, экономическую аргументацию, Ю. Бачинский в опубликованной в 1895 г. брошюре «Україна irredenta» («Украина несвободная»). Автор ратовал за создание соборного Украинского государства, хотя и признавал факт отсутствия у большинства малороссов сознания этнической и языковой обособленности от остального населения России. Он призывал добиваться самостоятельности на том основании, будто грядущие экономические интересы Украины станут противоречить единству с Великороссией. Ю. Бачинский утверждал, что развитие промышленности выведет Украину на путь конкуренции с ней и с Польшей. Для защиты от конкуренции необходимы будут таможенные барьеры, возводимые государством. Такую аргументацию он предлагал поставить в центре пропаганды самостоятельной государственности⁴⁰.

³⁹ Историк украинского зарубежья О. Субтельный пишет, что работа Ю. Бачинского «произвела электризирующий эффект на национально сознательных украинцев»⁴⁰. Но, как видно, далеко не на всех. И. Франко немедленно откликнулся на нее критической статьей, озаглавленной, как и брошюра, в издававшемся им журнале «Житє і слово», в которой, не оспаривая провокативно-

После смерти М. П. Драгоманова другая группа радикалов – Н. Ганкевич, С. Витык, Р. Яросевич, – отвергнув его крестьянский социализм, основала в 1896 г. в составе австрийской социал-демократии Украинорусскую социал-демократическую партию, которая, акцентируя элементы капиталистического развития Восточной Галиции, ставила на первое место рабочий вопрос и выступала также за «свободное государство украинского народа, украинскую республику»⁴². Своего рода ответом церковных кругов на социалистический вызов было образование по инициативе А. Барвинского консервативного католического Русско-народного союза, переименованного затем в Украинорусскую христианско-социальную партию⁴³.

В радикальной же партии продолжался внутренний кризис, ибо ее идеология, рожденная на берегах Днепра и впитавшая общедемократические атеистические и космополитические, как тогда называли, европейские принципы, не могла преодолеть традиционной для галицийских русин социальной умеренности, политического консерватизма и приверженности к церкви, которая в лице униатства выступала не только духовным, но и важным политическим фактором. Неприемлемым с точки зрения проавстрийской лояльности виделся и перенятый радикалами у М. П. Драгоманова панславистский федерализм. Народовцы представляли его в своей пропаганде как замаскированный панрусизм. Практические результаты деятельности радикалов оказались невелики⁴⁴. Народовцы же проявили необходимую гибкость и способность к консолидации политических сил галицийских русин.

Между тем идейно-политические процессы в национальном движении Восточной Галиции приобретали первостепенное значение для российских украинофилов. «Не имея возможности у себя дома заняться политическими и национальными проблемами широко и ясно, они какое-то время – можно сказать – жили галицийскими событиями и интересами...» – констатировал М. С. Грушевский⁴⁵. Впрочем сказанное им не означало отмирания украиноведения. Продолжал свою педагогическую и исследовательскую деятельность в области средневековой

го смысла брошюры, показал, что абстрактно-логические хозяйственные прогнозы автора, выведенные при механическом оперировании марксистским методом социально-экономического анализа, не имеют ничего общего с реальными эволюционно-историческими данными и фактической структурой экономики включенных в круг его рассуждений стран. В частности, Украине, по мнению И. Франко, благодаря ее природным данным, нигде не угрожала конкуренция в таких ведущих отраслях, как сахароварение, угледобыча, тоикорунное овцеводство, рыбные промыслы, шелководство и т. д.⁴¹

истории Малороссии В. Б. Антонович. А. Ф. Кистяковский издал сборник законов XVIII в., озаглавленный «Правда, по которой судился малороссийский народ». П. И. Житецкий опубликовал высоко оцененное специалистами исследование «Звуковая история малорусского наречия», А. М. Лазаревский – исторический труд «Посполитые крестьяне в Малороссии» и другие исследования. Выполняя волю уже покойного М. А. Максимовича, эти ученые выступили с инициативой издания журнала «Киевская старина», первым редактором-издателем которого стал историк и деятель народного просвещения Ф. Г. Лебединцев⁴⁶. Журнал отличался тематической широтой, публикуя материалы по этнографии, филологии, помещая украинскую беллетристику, литературную критику. Он имел живое общественное лицо и сделался со временем органом Старой громады. Тем не менее максималист и волонтарист М. С. Грушевский вменял в вину основателю журнала позиционирование «вдалеке от современного украинского движения» и «очень неглубокий», по меркам профессора, украинский патриотизм⁴⁷.

Однако в организационно-общественной деятельности границы дозволенного сузились и украинофилам не приходилось ожидать, что в обозримой перспективе Малороссия может стать полем претворения их общественно-культурных и просветительских целей. Именно в прямолинейно-репрессивной политике царизма виделись невольные стимулы перерождения этнографического украинофильства в националистическую идеологию украинства, ставившего во главу всех общественных проблем национально-политический фактор. «Нездоровый централизм, – писал Н. М. Могилянский, – родил на противоположном своем полюсе сепаратизм. Идеалистический, панславистский федерализм Т. Г. Шевченко и его группы с Н. И. Костомаровым... европейски образованный монархист-конституционалист и федералист проф. М. П. Драгоманов – все это выброшенное за борт народной и культурной жизни, вечно гонимое, преследуемое, неприемлемое для зазнавшихся централистов-бюрократов... – породило в результате непримиримое ненавистничество к России в группе молодежи, руководимой проф. М. С. Грушевским»⁴⁸. Это новое поколение презирало своих предшественников – деятелей Старой громады, иронически называя их поколением «белых горлиц»⁴⁹.

Вместе с тем вряд ли было бы правильно считать описанную эволюцию лишь следствием неадекватной политики царизма. Национализм как идеология и политическое направление получил распространение при партийно-политическом структурировании и в странах

Запада с той разницей, что там он вырос из глубин сформировавшегося гражданского общества. На востоке же Европы создание идеологических комплексов и организационно-политических структур значительно опережало развитие гражданского общества, что сделало компоненты во многом заимствованных политических систем менее устойчивыми и укорененными в местной среде, подверженными внешним влияниям. Применительно к национальной проблематике в Центральной и Юго-Восточной Европе британский исследователь определил это как «имитационный характер» местных национализмов⁵⁰. И действительно в Галиции и Малороссии украинские деятели при всем антагонизме с поляками систематически перенимали программные постулаты, стиль и методы польского национализма и легко поддавались его антироссийскому влиянию.

В череде заимствований и влияний на смену парадигме этнографического украинофильства шло представление о «самодостаточном национальном типе», из чего выводилась идея собственного государства. Восточная Галиция, куда устремились наиболее активные элементы приднепровского украинства, на время превратилась в лабораторию новой национальной идеологии. На галицийской почве этот вопрос назрел, так как в начавшемся здесь партийно-политическом расщеплении и сопутствовавшей ему борьбе между партиями и группами сторонники украинства усмотрели опасность распыления национальных сил⁵¹.

С целью консолидации в 1899 г. во Львове была образована Украинская национально-демократическая партия (УНДП), по замыслу ее инициаторов – равнодействующая между радикалами и консервативным крылом народовцев. Партию возглавил лидер последних депутат парламента Ю. Романчук, позже – К. Левицкий. В Исполнительный комитет помимо народовцев вошли три радикала, в том числе И. Франко. Но подлинным вдохновителем и как бы душой ее, по свидетельству историографа украинства Л. Василевского, был историк из Клева М. С. Грушевский⁵². Выпускник университета св. Владимира, ученик В. Б. Антоновича, он в 1894 г. стал профессором Львовского университета, когда там удалось добиться открытия кафедры всеобщей истории со специализацией по истории Восточной Европы, Южной Руси с преподаванием на «русско-украинском» языке. Человек незаурядных интеллектуальных возможностей, огромной работоспособности, обладавший немалой практической хваткой, искусный тактик, одержимый идеей волевого преобразования этнографического, по его словам, существования малороссов в динамичную национальную жизнь, М. С. Гру-

шевский развернул разностороннюю педагогическую, научную, публицистическую, популяризаторскую и политико-организационную деятельность, подчиненную единой цели. Помимо многочисленных и разнообразных по тематике работ и документальных публикаций его перу принадлежит многотомная «История Украины–Руси». Первый том ее вышел из печати в 1898 г. В этом и других трудах М. С. Грушевского отразилось стремление автора «подверстать» историю своего края под распространенную в то время гегельянскую концепцию, согласно которой началом истории каждого народа считалось образование им государства. Соответственно современные нации делились на «исторические», имевшие хотя бы в прошлом свою государственность, и «неисторические». До М. С. Грушевского в историческом сознании малороссийских автономистов украинство и государственная традиция связывались с явлением казачества и коротким периодом Гетманства, т. е. коренились в сравнительно недалеком прошлом.

М. С. Грушевский задался целью обосновать принадлежность еще не сформировавшейся, по его собственному признанию, «русско-украинской нации» к «историческим» и вывести украинство как самостоятельный этно-национальный субстрат с самостоятельной государственностью из глубин домонгольской Руси. Квинтэссенцией этих взглядов стала его небольшая статья «Обычная схема “русской” истории и вопрос рационального уклада истории восточного славянства», опубликованная в 1904 г. по-украински в петербургском академическом сборнике «Статьи по славяноведению». В статье очень решительно отвергалась принятая в исторической науке и опиравшаяся на летописные источники концепция, согласно которой прослеживалась преемственность между Киевской Русью, Великим княжеством Владимирским и Московским государством как историческими стадиями одного политического и культурного процесса. «Владими́ро-Московское государство не было ни наследником, ни преемником Киевского, оно выросло на своем корне, — писал М. С. Грушевский, утверждая, будто Северо-Восточная Русь являлась лишь объектом колонизации Киева. — Киевское правительство пересадило в великорусские земли формы общественно-политического строя, право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева, но на этой основе еще нельзя включать Киевское государство в историю великорусской народности».⁵³ Свою «рациональную» схему профессор венчал утверждением, что «киевский период перешел не во владими́ро-московский, а в галицко-волыньский XIII в., потом в литовско-польский XIV–XVI вв.»⁵⁴

Схема эта не нашла полного признания среди специалистов-медиевистов. «Модель истории, предложенная М. С. Грушевским, – пишет киевский историк А. П. Толочко, – не менее “традиционна”, чем та, заменить которую была призвана. Она опирается на старую, но несколько отличную от великорусской летописную традицию... Первые два элемента схемы Грушевского – Киев и Галич – были заложены еще в летописании середины – второй половины XIII века... Механическое соединение Киевской и Галицко-Волынской летописей историками было воспринято как момент “перехода” от одного периода к другому. Впервые, однако, подобный вывод был сделан не Грушевским, а польским хронистом XVI века Мацеєм Стрыйковским... Согласно Стрыйковскому, галицкий князь Роман Мстиславич перенес столицу Руси из Киева в Галич»⁵⁶.

Оппоненты – современники М. С. Грушевского ставили ему в упрек модернизацию событий далекого прошлого, подчинение истории политике и произвольное использование терминологии, обращая, в частности, внимание на отсутствие в исторических документах понятия «Украина-Русь», вынесенного в заглавие его фундаментального труда, отмечали, что неизвестно и государство под таким именем. Однако пафос исторической концепции М. С. Грушевского был направлен на отрицание общности происхождения восточных славян и доказательство якобы изначальной обособленности «украинско-русского» народа, его древности, культурно-цивилизационного превосходства перед другими восточнославянскими племенами, на доказательство тезиса, согласно которому Древнерусское государство с центром в Киеве, его быт, культура и законы являлись творением «украинских племен», будто бы начавших свою историческую жизнь в IV веке н. э. – гипотетических «степных украинцев», чье имя не зафиксировано ни в одном из источников, таких же «украинцев» из предгорьев Карпат и даже «казаков»-антов, являвших свои воинские качества в VI веке н. э.^{56*}

* О том, какие карикатурные формы приобрела эта теория в популярном изложении некоторых учеников М. С. Грушевского, можно судить по такому, например, пассажи пера Н. К. Зализняка, историка и одного из лидеров украинских эсеров (после революции 1905–1907 гг. он эмигрировал и ведал во Львове изданием политической и пропагандистской литературы), описывавшего историю Киевской Руси: «Когда украинский народ впервые вступил на поле всемирной истории, он создал одно из необходимых условий своего существования как народа, для развития своей национальной культуры – государственную организацию. Это украинское государство, созданное силами князей, которые в своей деятельности опирались на военно-промышленный класс – дружину и купцов, очень много сделало для дальнейшего развития украинского народа... Эта государственная организация дала возможность высшему классу

Таким образом, выводя украинскую традицию из домонгольской Руси, М. С. Грушевский вместе с тем старался вплести в нее казачий миф XVIII в., что, по словам А. П. Толочко, представляется «несколько неорганичным и в конечном итоге привело к изобретению термина “Украина–Русь”, самой своей двусоставностью намекающего на некую искусственность»⁵⁸. Другой современный украинский исследователь так объясняет появление этого обозначения, опираясь на воспоминания А. Барвинского: в Галиции, которая во времена работы там М. С. Грушевского стала превращаться в «украинский Пьемонт», «особенно трудно было с термином “Украина”. В Галиции были распространены термины “Русь” и “русский”, а название “Украина” популярностью не пользовалось. Тогда В. Антонович предложил объединить два названия в одно». А. Барвинский и М. С. Грушевский, по словам этого автора, популяризировали его ради утверждения идеи слияния Восточной Галиции с Малороссией – ради «соборной Украины»⁵⁹. Такой задаче как нельзя лучше отвечала схема М. С. Грушевского о перетекании истории Киевской Руси в историю Галицко-Волынского княжества.

Первостепенное значение М. С. Грушевский придавал созданию обособленной сферы национальной культуры и национальной науки, как признаков самоутверждения и зрелости нации. Его университетская деятельность была направлена на формирование кадров украинцев. Кроме того, он активно включился в борьбу за учреждение отдельного «украино-русского» университета. С большой энергией возглавил преобразованное в научное Общество имени Т. Г. Шевченко, разделив его по типу академии наук на отделения филологическое, историко-философское и естественно-математико-медицинское. Обладая завидным умением мобилизации денежных средств, он учредил фонды подготовки профессоров для будущего университета и будущей «украино-русской» академии, а его сторонники образовали фонд его имени для поощрения научной молодежи⁶⁰. Помимо издававшихся ранее «Записок» НОШ под грифом общества стал выходить еще ежемесячник «Літературно-науковий вісник» («ЛНВ»).

Важнейшей задачей НОШ М. С. Грушевский считал выработку единого «украино-русского» языка, ибо имевшаяся к тому времени художественная литература отражала диалектное многообразие населения Малороссии и русинских областей в Австро-Венгрии. И. П. Котляревский, например, признанный основоположником украинской литерату-

украинского народа познакомиться с высшей культурой того времени, создать мощную основу для дальнейшей самостоятельной жизни и развития украинского народа...»⁵⁷

ры, использовал языковые нормы Полтавщины. Язык других писателей нес диалектные признаки близких им территорий. Об этой особенности «украино-русской» литературы писал киевский филолог профессор Т. Д. Флоринский: «В произведениях Шевченко малорусский народный язык получил прекрасную обработку, сделавшую эти произведения доступными и понятными всем образованным русским людям. Но Шевченко, к сожалению, не имел большого влияния на последующих, особенно новейших малорусских писателей. Они не следуют своему великому учителю, а в своем литературном творчестве шли и идут особой дорогой. Руководствуясь главной украинифильской тенденцией и как бы стремясь доказать теорию о самостоятельности малорусского народа, они стараются отдалить язык «українсько-руської» литературы от языка общерусского... К этому присоединяются и различия в языке разных авторов, обусловленные особенностями то галицких, то украинских говоров, в зависимости от происхождения каждого писателя и степени знакомства его с народной речью»⁶¹. Кроме унификации, для использования языка в научной литературе его необходимо было пополнить обозначениями отвлеченных понятий, специальной, отсутствовавшей в народной речи терминологией. А поскольку цель этой работы была в значительной мере политическая – максимальное удаление от вполне развитого и близко родственного русского литературного языка, то за основу вновь создававшегося был положен один из диалектов галицко-русского наречия – подгорский с осторожными добавлениями из подольско-волынского и других малороссийских диалектов и широким заимствованием недостающих понятий и оборотов из польского, частично – немецкого языков. При этом в Галиции вновь было введено фонетическое письмо, что сделало книжную речь менее понятной для тех племенных групп русин, чьи говоры имели звуковые отличия от подгорского. Все эти новшества оказались неоднозначно встреченными и читателями, которым приходилось осваивать новое написание, и людьми литературного труда – писателями, специалистами-языковедами⁶². Тем не менее в 1895 г. «фонетика» была признана австрийским правительством как официальное правописание для русин Галиции и Буковины. М. С. Грушевский и сам потом признавал, что научная и школьная терминология, основанная преимущественно на галицийской почве, была создана поспешно и не всегда умелыми руками, что предполагалось ее дальнейшее усовершенствование⁶³. С подобной же поспешностью стали выпускаться сборники трудов и периодические издания НОШ, так что на рубеже столетий М. С. Грушевский заявил, что руководимое им общество «можно сказать, создало украинско-русскую науку в глазах и понятиях ученого мира... и

высоко подняло знамя украинско-русской культуры»⁶⁴. Однако оппоненты возражали на это: наука у народов создается не узкой группой лиц, а трудом поколений и охватывает различные области знаний. В изданиях же НОШ преобладали история, этнография, лингвистика, украиноведение, причем помимо единичных оригинальных, но крайне тенденциозных трудов вроде «Истории Украины–Руси» М. С. Грушевского, большую часть составлял «сырой материал» – публикации исторических документов, памятников литературы и пр., другую – переводы с русского сочинений Н. И. Костомарова, В. Б. Антоновича, М. П. Драгоманова, Д. И. Иловайского, И. А. Линниченко, Н. П. Дашкевича, а третью – обзоры и рефераты сочинений российских авторов. Доля публикаций по естественным наукам, математике, праву была так мала, что не позволяла говорить о сколько-нибудь самостоятельном развитии этих отраслей знаний⁶⁵. Тем не менее уже через несколько лет работы в НОШ М. С. Грушевский с немалым преувеличением писал, что «Общество далеко поднимается над местными потребностями и приобретает значение духовного центра, который связывает в одно все части нашей... отчины, разделенной природными и политическими границами, перегороженной разными преградами»⁶⁶.

Характер официальной политической программы М. С. Грушевский придал этим мыслям в учредительном документе УНДП – опубликованной в газете «Діло» «Народной программе». В части, касавшейся Восточной Галиции, она представляла собой, по словам Л. Василевского, «слепок постулатов народовцев, радикалов и радикальных националистов на фоне основных тенденций Драгоманова, лишенных однако слишком далеко идущего социального радикализма»⁶⁷. Были в этой программе намечены и перспективы, явно выходявшие за рамки региональных прерогатив галицийской партии. «Нашим идеалом, – говорилось в ней, – должна быть независимая Русь–Украина, в которой бы все части нашей нации соединились в одно современное культурное государство; мы будем среди российских украинцев поддерживать такие стремления, которые ведут к преобразованию Российского государства из самодержавного и централистского в государство конституционно-федералистское, основанное на автономии народностей»⁶⁸. Л. Василевский характеризовал эту часть как принятие в целом автономистско-федералистской программы М. П. Драгоманова⁶⁹. Однако обозначение в качестве стратегической цели – «идеала» – отдельной украинской государственности свидетельствовало как раз о готовности к разрыву с традицией малороссийских федералистов, рисовавших будущее своего края в едином с Великороссией государстве.

Принятая УНДП формула воплощала идею объединенной – «сборной Украины». В Вене это не вызвало негативной реакции, ибо всем очевидна была ее антироссийская направленность. «Москвофильские и славянофильские “деятели” киевские и львовские мазали меня... как предводителя украинского сепаратизма, указывая... на мою подпись под манифестом реформированного народовства, что ставил конечной целью полную самостоятельность Украины», – писал в автобиографии М. С. Грушевский, вспоминая время своей принадлежности к УНДП⁷⁰. Впрочем, он недолго оставался в руководстве этой партии и «через несколько месяцев вышел из комитета вместе с доктором Франко, устранился от участия в партийной деятельности народовцев»⁷¹, объясняя свое решение несогласием с оппортунизмом и консерватизмом лидеров, сумевших в реформированной партии возобладать над радикалами. «Ведущая национально-демократическая группа... взяв в свои руки главные органы печати, экономические и финансовые институты, вообще больше обращала внимания на то, чтобы удержать общество в послушании и зависимости, чем развивать в нем политическую сознательность и самостоятельность... Идеиные и культурные интересы отступали перед всякими “реальными” политическими и партийными расчетами. Падала литературная продукция, научные интересы, и их не заменяет и не возмещает успех экономических организаций, кооперативов, банков», – характеризовал М. С. Грушевский ситуацию⁷² и был глубоко не прав в своей негативной оценке работы народовцев.

Весь опыт национального движения в Галиции показывал, что в условиях политической и социальной отсталости не столько прямые идеологические «инъекции» и политическая агитация, сколько повседневная кропотливая работа, в том числе в социальной и хозяйственной сферах, реально ощущаемая в самых обездоленных и политически неразвитых слоях, исподволь способствовала формированию у них политической ориентации, что в дальнейшем обеспечило галицийскому украинскому движению даже в самые неблагоприятные для него с внешней стороны десятилетия после первой мировой войны широкую и достаточно прочную общественную опору. Созданные галицийскими украинцами хозяйственные организации с присущими им социально-экономическими функциями сделались кроме того важнейшим источником финансирования национальных политических структур, независимо от их идейных трансформаций в будущем⁷³.

Глава 3

Узость социально-экономической базы политического украинства в России. Партийно-политическое структурирование в начале XX века

Разойдясь с лидерами галицийской УНДП, М. С. Грушевский не отрёкся от сформулированных в программе этой партии стратегических целей, ибо они касались и Малороссии. Однако и здесь форсировать намеченное не представлялось возможным. На пути стояла не только охранительная политика царского правительства. Мешали умонастроения и чувства большинства малороссов, не отделявших себя от общероссийской жизни. «Сознание племенного родства украинского народа с русским является составным элементом национального сознания русских украинцев», – констатировал в начале второго десятилетия XX в. публицист газеты галицийских народовцев «Діло»¹. Преобладало представление о жизненной важности государственного, хозяйственного, культурного единства и тысяч других нитей, связывавших край со всеми частями Российской империи. Даже языковая проблема, столь болезненно для украинофильской интеллигенции проявлявшая себя в политико-правовой и культурно-просветительной сферах, имела свою противоположную грань в коммуникационной функции русского языка, необходимого для общения в профессиональной, хозяйственной, торговой и других видах практической деятельности. Утрируя первую сторону, С. В. Петлюра, тогда начинающий публицист, с бьющей через край экспрессией писал в 1907 г.: «Не имея своей собственной школы, своих национальных учреждений, гений угнетенной нации бездействует, ему насильно подрезают крылья, а сама нация быстро... погибает... И если большой вред от чужой культуры (! – И. М.) ощущает на себе вся угнетенная нация, то двойную

муку испытывает пролетариат угнетенной нации... Ненормальное состояние чужого просвещения и культуры... ощущает прежде всего и больше всего социально ободенный член угнетенной нации»². Однако подавляющее большинство малороссов иначе смотрело на эти вещи. «Пойдите в малорусские семьи и посмотрите, могут ли там родители, даже украинофилы, дать своим детям литературное образование на одном Шевченко, без Пушкина и Лермонтова? И не судите строго этих родителей, ибо на свете есть интересы и кроме этнографического патриотизма»³, – с академической беспристрастностью констатировал в свое время М. П. Драгоманов. На роль русского языка как универсального средства общения в эпоху начавшейся социальной и экономической модернизации с этно-социологической точки зрения обращал внимание Н. М. Могилянский. «Чутье говорило крестьянину-украинцу – с местным языком он лишь провинциал, с русским – он у себя дома на необъятном пространстве огромной страны»⁴, – писал он.

Мощным двигателем интеграции и национальной ассимиляции становилось саморегулирующее действие социально-экономических процессов. Поборники украинства любили выставлять центру счет за якобы экономическую эксплуатацию Малороссии. «В старом порядке украинские земли служили крупным источником государственного бюджета, а сами были обречены на полное захудание»⁵, – утверждал М. С. Грушевский в период революции 1905–1907 гг., требуя административного, хозяйственного и культурного обособления края. В 20-е годы XX столетия на волне тотального отрицания прошлого подобную пессимистическую оценку дореволюционной экономики края давали некоторые украинские историки и экономисты⁶. В более поздних украинских советских исследованиях эта точка зрения не получила подтверждения. Опережавшая по сравнению со всей Россией индустриализация края рассматривалась в них как прогрессивный, благотворный фактор⁷. Похожие характеристики находим и в трудах некоторых эмигрантских исследователей украинского происхождения. Значительный интерес, в частности, представляет экономический раздел уже упоминавшегося очерка Н. М. Могилянского «Украина во время мировой войны», написанного в начале 1920-х годов в эмиграции. Проведенный автором анализ показывает, что не было оснований считать Малороссию объектом экономической эксплуатации и тем более аграрно-сырьевым придатком в Российской империи. Своей преимущественно сельскохозяйственной ориентацией она не выделялась из характерной для России структуры экономики, к тому же располагала самой ценной

частью российских черноземов, отличавшихся, при благоприятном, не подверженном засухе климате, высоким плодородием. Малороссийская пашня равнялась пахотной земле Франции и Германии вместе взятых, а вывоз сельскохозяйственной продукции составлял половину общероссийского экспортного баланса. В великорусские губернии шло только 15% из поставлявшегося краем хлеба. Н. М. Могиланский полемизировал с теми, кто объяснял политическими причинами аграрную структуру хозяйства. Правильнее, считал он, видеть причину «в недостатке капитала и отсутствии предпринимательского навыка у населения»⁸.

Восточная, юго-восточная и центральная части края со временем стали средоточием не только добывающей, но и тяжелой, и обрабатывающей отраслей промышленности, темпы развития которой на рубеже XIX–XX столетий значительно опережали общероссийские. «На Украине шел бурный процесс развития промышленности, и этому очень способствовало развитие железнодорожной сети. За 10 лет – 1890–1900 гг. – построено 20 000 км железных дорог и все главные промышленные центры были связаны железными дорогами... Железные дороги требовали каменного угля, нефти, то есть способствовали развитию металлургии», – писала известный историк украинского зарубежья Н. Д. Полонская-Василенко⁹.

Край имел разработанные рудные месторождения, лидировал по добыче угля, и 30% его шло на нужды местной металлургии. Перед первой мировой войной на 17-ти металлургических заводах юга России с 50-ю доменными печами выплавлялось 70% российского чугуна. Появилось локомотивостроение, мостостроение, машиностроение. Верфи Николаева производили военные и торговые суда. В годы войны были организованы электротехнические и химические предприятия. В крае сосредоточилась 1/4 часть производства спирта, 87% общероссийского и 1/5 мирового производства сахара¹⁰.

Другое дело, что недостаток финансовых средств, неизменный спутник запоздалой, по европейским меркам, индустриализации, вел к тому, что властителем экономической жизни становился иностранный или инациональный капитал. Вместе с тем и богачи-малороссы в предпринимательстве не связывали себя территориально-этническими рамками и действовали на всем пространстве Российского государства, не встречая административных преград, так же, как и крестьяне из густонаселенных губерний края отправлялись на колонизацию отдаленных земель. В начале XX в. около 2 млн человек переселились за Урал, в Сибирь, на Дальний Восток и в Туркестан¹¹. Ин-

тернационализация капитала и деловой активности ослабляла экономические стимулы формирования украинского национального движения. И М. С. Грушевский, в период учреждения Государственной думы энергично внушавший землякам, будто только национально-территориальная автономия обеспечит им процветание, столкнулся с тем, что его идея вызвала у крестьян – депутатов от Малороссии «тревожный вопрос, не создаст ли это каких-либо преград праву переселяться с Украины на свободные земли как колонизационные территории азиатской России и Уральской области»¹².

В свою очередь рабочий класс динамично развивавшихся отраслей южной промышленности отнюдь не по воле властей пополнялся выходцами из Великороссии и других губерний страны. Богатство малороссийской пашни давало местному населению больше возможностей оставаться при унаследованном от предков крестьянском труде в то время, как великорусское крестьянство, страдавшее от малоземелья в менее благоприятных природных условиях, нужда гнала в забой рудников и угольных шахт, в горячие цехи металлургических предприятий и т. п. Однако смешанный состав рабочего класса не вызывал никакого обострения межэтнических противоречий: линия напряженности, с точки зрения рабочих, пролегла в социально-экономической плоскости.

Подобным образом в сферу социальных противоречий перетекали последствия миграционных процессов в деревне: при заселении по указу 1883 г. государственных земель в левобережных губерниях их сельскохозяйственное население в среднем на одну четверть пополнилось выходцами из Великороссии. Но это не вызвало межэтнических столкновений, только увеличило тягу всех крестьян, независимо от этнической принадлежности, к переделу земли¹³. «В слободах, населенных обими народностями, – писал в свое время Н. И. Костомаров, – никогда не происходит ни ссор, ни драк, которые бы указывали на племенную вражду между ними»¹⁴.

Малороссы на индивидуальном уровне не испытывали дискриминации, что вместе с чувством этнического родства с великороссами, по видимому, и определяло двойную идентичность большинства из них. «Я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская, – признавался великий сын Малороссии Н. В. Гоголь. – Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и... каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный признак, что они должны пополнять одна другую»¹⁵.

Современный польский исследователь на основе социологического анализа ситуации на Волыни в начале XX в. так описал этот феномен, пользуясь понятием «русин» в значении «малоросс»: «С большой долей достоверности можно полагать, что подавляющее большинство сельского населения считали себя “русинами” и православными, не видя при этом противоречия между русинством и рускостью... Также большинство интеллигентов украинского происхождения оставались лояльными участниками российской культурной и политической общности, если даже заявляли о приверженности к украинству, понимаемому часто как региональный (малороссийский) вариант общерусской культуры»¹⁶. «Россия – наше отечество, Малороссия – наше дорогое, родное гнездо», – поэтически выразил эту мысль земский деятель, депутат Государственной думы из Полтавы М. И. Коваленко¹⁷, а Г. В. Скоропадский, один из потомков гетманского рода, декларировал с трибуны Государственной думы: «В русском государстве, колыбелью которого был наш Киев, мы такой же державный народ, как и великороссы»¹⁸.

«Омосковленными малороссами» презрительно называли эту многочисленную категорию сограждан активисты украинского направления¹⁹, составлявшие узкую группу интеллигенции – художественной, гуманитарной, студенчества, учительства, – рассчитывавшей форсированными темпами одолеть «национальную несознательность» земляков. Людям творческих занятий они предлагали узкую максиму: «Лучше шей сапоги, но не давай ничего угнетателям» и беспощадно третировали тех, кто не противопоставлял национальных ценностей универсализму культуры. Даже В. К. Винниченко, самому даровитому и популярному в начале XX в. украинскому писателю, при всей его приверженности украинской идее единомышленники ставили в вину, что его пьесы исполнялись по-русски в театрах Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Саратова, Тифлиса, Самары, Баку, Ростова-на-Дону²⁰, а студенты-экстремисты, говорят, устраивали ему за это сцены с пощечинами²¹.

М. С. Грушевский со своей стороны печатно отчитал своих киевских единомышленников за благожелательный – «славословный» некролог памяти московского профессора Н. И. Стороженко (среди прочего – автора работы о годах ссылки Т. Г. Шевченко), который при всех общепризнанных профессиональных и личных качествах был, по его словам, «типичным представителем той национально-равнодушной интеллигенции, украинской родом, но полностью преданной русской культуре» и потому «был для Украины таким же минусом, как и все... кто свои таланты отдают исключительно той культуре и “граждан-

ственности"...» «Но автор некролога, – негодовал М. С. Грушевский, – не оставил тени вины на покойнике»²².

Состоятельные сторонники украинского движения финансировали его национально-политическую, культурную и просветительскую программу. Известными меценатами украинского дела были выходец из крестьян, богатейший сахарозаводчик В. Ф. Симиренко, помещики и общественные деятели Е. Х. Чикаленко, В. Н. Леонтович, Л. Н. Жебунев, Д. П. Пильчиков, М. Жученко и др. Но вряд ли меньшим оказался вклад в культуру Украины непримечательного к украинскому движению потомка старинного малороссийского дворянского рода, петербургского юриста, менеджера и общественно-культурного деятеля Б. И. Ханенко, создавшего на средства своей семьи и подарившего Киеву первоклассный Музей западного и восточного искусства, организовавшего другой – Киевский художественно-промышленный и научный музей (ныне Национальный художественный музей), финансировавшего археологические исследования в Приднепровье²³. Разве не принесло пользы Украине собирательство будущего министра Временного правительства М. И. Терещенко, чья основанная еще отцом богатейшая художественная коллекция положила начало Музею русского искусства в Киеве, или дар художественно-промышленному музею графа А. А. Бобринского, скорее причислявшегося к противникам украинства, передавшего свое собрание археологических, этнографических раритетов и изделий народного творчества, большую научную ценность которой подчеркивала украинская печать периода УНР²⁴?

Широко мыслящие деятели рассматриваемого времени в полной мере ценили самобытность каждого народа, но при этом отрицали национальный изоляционизм. В дневнике В. И. Вернадского читаем, что ему с детства «была чужда и... болезненно противна идея объединения человечества в единое целое с уничтожением всех различий отдельных племен и народов. Это столь же неправильно, как и желать того, чтобы все люди были под один ранжир»²⁵. Вместе с тем в 1883 г., на заре своей выдающейся научной и общественной карьеры, он рассуждал в письме к жене: «Я не могу быть исключительно великорусским деятелем, как не могу быть исключительно малорусским – я считаю вредным для образованного интеллигента основывать свою деятельность исключительно на почве одной народности, какая бы она ни была. Я не хочу, чтобы нашим детям^{*} передалась та национальная

* В 1920 г. В. И. Вернадский писал о них: «Дети вышли разные – очень дружные – но сын (Г.В. Вернадский – известный историк русского зарубежья. – И.М.) православный и русский без всяких украинских симпатий – а дочка украинка, в этой области душевно близкая мне»²⁶.

уозость, которая порядочно сильна во всех вас... для меня является наиболее желательной деятельностью в стране смешанной»²⁷.

М. С. Грушевский думал иначе. Он сетовал и негодовал, что, начиная с 1860-х годов «наиболее энергичные общественные элементы оставляли украинство, шли в русские партии»²⁸. Он винил в этом украинифилов-культурников, отстранившихся от социально-политических задач. Но положение мало изменилось и на рубеже столетий, когда в украинском течении отчетливо обозначилось политическое крыло: в начавшемся партийном структурировании большая часть политически активных лиц, в том числе не чуждавшихся украинской идеи, присоединялась к общероссийским партиям, успешно учреждавшим в малороссийских губерниях свои отделения. Эффективной в промышленных центрах края во время революции 1905–1907 гг. была деятельность Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), собравшей здесь под своим знаменем 18 895 членов и возглавившей движение за советы рабочих депутатов. Первый совет возник в Екатеринославе во главе с Г. И. Петровским. На юге, в Новороссии, успех имели анархисты, практиковавшие «экономический» террор. Популярен сделался крестьянский социализм. Кружки и организации такого профиля уже в 1890-е годы возникли в Киеве, Полтаве, Харькове, Одессе. В 1900–1901 гг., т. е. до учредительного съезда Партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеры), состоявшегося в 1906 г., заявила о себе южная партия эсеров. В годы революции 1905–1907 гг. возникла широкая сеть местных организаций. Крупными стали организации в вышеназванных, а также в Черниговской и Екатеринославской губерниях. В это время ПСР насчитывала в крае более 10 тыс. членов. Летом 1906 г. после роспуска I Государственной думы оформилась более умеренная, задуманная как легальная организация «всего трудового народа», нацеленная на созидательную работу в рамках существующего строя Народно-социалистическая партия (НСП). Она сделалась привлекательной для народной интеллигенции. Ограниченность предусмотренной системой партийной легитимности не позволила НСП реализоваться в широко и свободно действующую партию. Численно она была невелика – от 770 до 1 500–2 000 членов. Но идейно вместе с ПСР существенно повлияла на объединение депутатов-крестьян в Государственной думе в отдельную Трудовую группу и на выработку ею аграрной программы. Идеологическая близость и личные контакты связывали также НСП с украинскими буржуазными радикалами. Организации НСП существовали в Одессе (до 60-ти человек – интеллигенция, студенты, крестьяне), не-

большая – в Киеве, в Александровске (крестьяне, железнодорожные служащие), в Херсонской и Таврической губерниях. Большой популярностью среди интеллигенции Малороссии пользовалась либеральная Конституционно-демократическая партия (КДП, кадеты), насчитывавшая, по одним данным, 8 631 члена, по другим – около 10 тысяч, в том числе две тысячи в киевской областной организации. Влиятельными членами КДП были профессора М. А. Андрусов, А. М. Северцов, Л. Н. Яснопольский, Н. А. Гредескул, М. П. Чубинский, ректор Харьковского университета историк Д. И. Багалея, известные юристы Д. Н. Григорович-Барский, О. Я. Пергамент, а также сторонники украинского направления – профессор истории И. В. Луцицкий, директор гимназии в Киеве В. П. Науменко, общественный деятель барон Ф. Р. Штейнгель, историк права, публицист и общественный деятель Н. П. Василенко, юрист А. Г. Вязлов, глава черниговской земской управы А. А. Свечин, работавшие в Петербурге публицисты М. М. Могилянский и М. А. Славинский и др. В отделениях Союза 17 октября состояло 9 877 человек, в том числе представители знатных и исторических малороссийских родов – граф Д. П. Капняст, Г. В. Скоропадский, М. В. Родзянко – будущий председатель IV Государственной думы и др.²⁹

Но наиболее многочисленными в Юго-Западном крае, Малороссии и Новороссии, как, впрочем, и во всей империи, оказались правые монархические организации, выступавшие под флагом русского, а не великорусского национализма. Под русскими правые идеологи по-прежнему подразумевали все восточнославянские народы и, судя по размаху правого движения в западных и юго-западных окраинах государства, это общерусское самосознание преобладало в массовых слоях белорусов и малороссов. 243 811 членов, более половины от общего числа – 410 тысяч – насчитывали правые «черносотенные» организации в малороссийских губерниях в пору их наибольшей активности³⁰. Правда, первая русская национальная организация – Русское собрание, – оформившаяся в 1901 г. и имевшая целью противопоставить космополитизму высших сфер русское творческое, культурное, бытовое начало, была сравнительно немногочисленна. Она объединяла культурно-идеологический слой – писателей, публицистов, ученых, среди них – книгоиздатель И. Д. Сытин, издатель и редактор А. С. Суворин, академик Н. П. Кондаков, историк Д. И. Иловайский, художник Н. П. Богданов-Бельский. В числе основателей собрания – потомок знаменитого малороссийского летописца С. В. Величко – В. Л. Величко. Первый периферийный отдел собрания открылся в Харькове по инициативе про-

фессора всеобщей истории местного университета А. С. Вязигина. Вскоре отделы появились и в Киеве, Одессе, Полтаве³¹. Но в период революции 1905–1907 гг., когда правые активизировались в противовес революционным силам, их организации, по условиям момента требовавшие массовости, приобрели всесословный характер и начали наполняться людьми из «нижних» слоев. Самой крупной из них в те годы стал Союз русского народа (СРН). Параллельно возник менее многочисленный Союз русских людей (СРЛ). Членами СРН были и представители знатных дворянских родов (графы братья Э. И. и А. И. Кововицныны – один в Петербурге, другой в Одессе), крупной бюрократии и купечества, университетской и академической профессуры, духовенства, а также простые служащие, городские обыватели, рабочие и крестьяне. «Союз следует рассматривать как олицетворение протеста против движения революционно-террористического, поправшего идеалы патриотизма и религиозности... защита престола и национального имени положена в основание возникновения и деятельности союза», – разъяснял исправникам и земским начальникам назначение СРН бессарабский губернатор в 1907 г.³² Отделы Союза от губернских до сельских и заводских возникли на всем пространстве Российской империи.

В разгар революционных выступлений правые, ссылаясь на практику революционных боевых организаций, как бы симметрично им стали создавать собственные боевые дружины, снабжавшиеся оружием из правительственных источников. Военизированные дружины и другие низовые ячейки выполняли разные функции от террористических актов до проправительственных демонстраций и частной охранной службы. Так, в одесском порту во время забастовки судовых команд дружина СРН взяла на себя защиту имущества Русского общества пароходства и торговли. Дружина была построена в традициях казачества, разбита на сотни и возглавлялась «наказным атаманом», присвоившим себе имя «Ермак». На городских улицах дружинники третировали неугодных им лиц, нападали на либеральных деятелей, устраивали погромы. В 1909 г. во время празднования 200-летия Полтавской победы «союзники», прибывшие из разных мест, демонстрировали народную преданность монархии, заменив полицию в охране царя³³.

В некоторых местах организации СРН не выходили за рамки пропаганды в собственном смысле и воспитывали своих сторонников в духе добропорядочности. Так, екатеринославский губернатор, сообщая в марте 1907 г. о повсеместном учреждении отделов СРН, подчеркивал, что отдельные общества, например в Камеянском заводе,

«даже требуют от своих сочленов воздержания от пьянства и не стесняются исключать... лиц нетрезвых и неразумных»³⁴.

Со временем произошло разделение союза. Часть его членов во главе с бывшим лидером СРН А. И. Дубровиным образовала Всероссийский дубровинский союз русского народа. Обособился от СРН Русский народный союз имени Михаила Архангела во главе с бессарабским помещиком депутатом Государственной думы В. М. Пуришкевичем. Обновленный СРН возглавил орловский дворянин Н. Е. Марков.

Стремилась к политической организованности и силы, подчеркивавшие свою национально-этническую обособленность от русских и ставившие на первое место, в отличие от украинофилов-культурников Старой громады, политические вопросы. «Младшие поколения отвернулись от этого “украинофильства” и это имя приобрело в их устах характер отрицательный как обозначение несерьезного и поверхностного отношения к украинству, — писал М. С. Грушевский в 1906 г. — Во главу угла... они кладут сочетание национального радикализма (употребляю это выражение взамен “радикального национализма”, чтобы не придать ему неблагоприятного оттенка, который так часто соединяется теперь со словом “национализм”) или с более или менее левыми общественно-политическими течениями, в виде народнического социализма или социального демократизма, или с умеренным конституционно-демократическим, то есть возвращают украинству политический характер»³⁵.

Одной из первых политических организаций в украинской историографии принято считать Братство тарасовцев: трое харьковских студентов (И. Л. Лыпа, М. М. Базькевич, Н. Г. Байздренко) и служащий В. Г. Боровик летом 1891 г. при посещении могилы Т. Г. Шевченко решили создать тайное украинское политическое общество. На первых порах они пополнили свою группу еще шестью единомышленниками, а также возглавили в Харькове, не открывая своего инкогнито, кружок Молодая громада³⁶. В разработанной ими и опубликованной в галицийской печати программной декларации «Profession de foi» молодого украинца» нация провозглашалась той общностью, благодаря которой совершается общечеловеческий прогресс. Авторы документа в резких словах объявляли изжившим себя украинофильство предшественников: «Если мы видим теперь, что какой-нибудь молодой человек сознательно идет старым украинофильским путем, то

* убеждения (фр.).

смело, без колебаний, можем сказать, что это не есть сын Украины, это ее враг, это изменник, перевертыш, ренегат». Тарасовцы называли себя националами и призывали своих сторонников быть «последовательными во всем украинцами», стремиться к господству украинской речи, везде, в том числе в Европе, пропагандировать украинский вопрос, добиваться условий «свободного развития и полного удовлетворения всех моральных, просветительных, социальных и политических потребностей украинского народа», введения автономии и федеративного строя в тех странах, которые включают украинское население, отстаивать идею соборной Украины. В социальной сфере отвергался эксплуататорский строй и предлагалась идея «общеукраинской национальной семьи»³⁷. Исследователи отмечают расплывчатость этого программного документа, что дало повод одним считать тарасовцев автономистами, другим – сепаратистами-самостийниками³⁸.

Из практических дел харьковские тарасовцы успели только получить нелегальный транспорт литературы, включавшей помимо политических и художественных произведений украинских авторов труды русских и западных марксистов, запрещенные в России. Полиция в 1893 г., возможно, по доносу помогавших в переправке контрабандистов выследила харьковский кружок. К следствию были привлечены все его члены и сочувствующие – в числе 24 человек. Правда, сделанный харьковчанами почин популяризации политической версии украинской идеи нашел отклик в других местах. Тарасовский кружок возник в Киеве, объединив будущего писателя В. Г. Боровика, филолога Е. К. Тимченко, поэта В. И. Самойленко, братьев А. Г. и Е. Г. Черняховских, М. С. Кононенко, братьев Н. И., Г. И., И. И. Михновских – всего 16 человек. Подобные узкие кружки образовались в Полтаве, Одессе, Чернигове, Екатеринославе, Лубнах, Бессарабии. Активистами-тарасовцами были известный украинский писатель М. М. Коцюбинский и его жена³⁹. Тарасовцы совершали пропагандистские поездки с целью распространения своих идей. Поименно установлено 49 членов организации. Общая ее численность, по оценке современного исследователя, достигала 100 человек⁴⁰.

С приходом нового поколения активизировались студенческие громады. Возникла идея объединения. Ее подали старогромадовцы А. Я. Конисский, разработавший устав и программу, и В. Б. Антонович, но инициативой овладели более молодые и радикальные деятели. На съезде представителей громад в 1897 г. была образована Всеукраинская беспартийная демократическая организация (ВУБДО). В ее руководство наряду с ветеранами В. Б. Антоновичем, П. И. Житецким,

Н. В. Лысенко были избраны Е. К. Тимченко, М. С. Кононенко, А. Г. Черняховский, А. М. Бородай, позже – Е. Х. Чикаленко. По сведениям полиции, организация насчитывала 438 членов (по другим данным – 150–170 человек) и располагала немалыми денежными средствами, ибо ежегодный индивидуальный взнос равнялся 25 рублям плюс пожертвования от земств и частных лиц: В. Ф. Симиренко ежегодно вносил по 2 тыс. рублей и финансировал издание журнала «Киевская старина». Со временем ВУБДО объединила около 20-ти периферийных громад, осуществлявших преимущественно национально-культурную работу⁴¹, но, по словам С. А. Ефремова, «имевших целью подготовить почву и людей для будущих политических организаций»⁴².

В громаде Киевского университета выделился кружок, члены которого через контакты с галицийскими радикалами познакомились с социализмом и марксизмом. В 1896 г. они образовали Группу украинских социал-демократов. В нее вошли И. М. Стешенко, П. Л. Тучапский (Лукашевич), М. Кривенюк, писатели М. М. Коцюбинский, Леся Украинка (Л. П. Косач), ее мать О. П. Косач, К. П. Василенко, А. Моргун. Группа ориентировалась на агитацию среди сельскохозяйственного пролетариата и мелкого крестьянства, не обходя вниманием и необходимость развития национального сознания у городских рабочих⁴³.

В Харьковском университете возник новый кружок – Харьковская студенческая громада (1897 г.), – насчитывавший уже около 100 участников (М. А. Русов, Л. М. Мациевич, А. Коваленко, Ю. Коллард, Б. А. Каминский, Д. Б. Познанский, Б. Н. Мартос и др.). Неформальным лидером стал сын историка Д. В. Антонович (Муха). Бывал на собраниях кружка С. В. Петлюра, в то время – студент полтавской духовной семинарии, где также действовала громада семинаристов. Громадовцы вели легальную и нелегальную пропаганду в украинском духе, приобретали и распространяли специальную литературу, отмечали знаменательные для украинской истории и культуры даты организацией торжеств, лекций, любительских концертов⁴⁴. В идейно-политическом плане среди них уже тогда наметилось размежевание на сторонников социальной борьбы и националистов. «Наше мировоззрение, – вспоминал от имени последних Ю. Коллард, – все больше становилось на националистический путь, но, имея в виду, что все прогрессивные революционно-социалистические российские программы окрестили национализм словом “шовинизм” и считали чем-то реакционным, мы еще не набрались смелости признать себя националистами... называли мы себя не “националистами”, а “националами”»⁴⁵.

В январе 1900 г. активисты Харьковской студенческой громады – «совет четырех» (Д. В. Антонович, Б. А. Каминский, Л. М. Мациевич, М. А. Русов) образовали нелегальную Революционную украинскую партию (РУП). Структурной основой ее служили громады, и вначале РУП руководствовалась известным девизом «Движение – все, цель – ничто», но в дальнейшем она разделилась на несколько идейно-политических направлений.

Вскоре харьковский адвокат Н. И. Михновский в связи с очередной годовщиной Т. Г. Шевченко (25 февраля – день рождения поэта, 26 февраля – день смерти) выступил в кружках Полтавы и Харькова с сенсационными для того времени речами, в которых призвал украинскую интеллигенцию к «борьбе кровавой и беспощадной» за «единую нераздельную свободную самостоятельную Украину от Карпат до Кавказа»⁴⁶. Основатели РУП отрицали формальное членство Н. И. Михновского в своей партии⁴⁷. Тем не менее первой публикацией под грифом РУП, воспринятой как ее программный манифест, стала изданная во Львове брошюра Н. И. Михновского «Самостийная Украина», завершавшаяся лозунгом: «Все, кто на Украине не за нас, те против нас. Украина для украинцев и пока хоть один враг-чужак отаеся на нашей территории, мы не имеем права сложить оружие»⁴⁸. Н. И. Михновский был автором и некоторых других ранних публикаций РУП, в том числе открытого письма к министру внутренних дел Д. С. Сипягину, в котором говорилось: «Украинская нация... должна добыть себе свободу, хоть бы и закачалась вся Россия... хоть бы и пролились реки крови»⁴⁹.

Однако взгляды Н. И. Михновского не получили большого распространения даже среди поборников украинской идеи. В 1902 г. он с единомышленниками (А. А. Макаренко, братья В. М. и С. М. Шеметы, А. Расторгуев, Ю. Коллард и др.) основал оппозиционную по отношению к РУП Украинскую народную партию (УНП), которая заметного влияния не приобрела, но отличалась специфическим националистическим радикализмом. «Все люди – твои братья, но москали, ляхи, венгры, румыны и евреи – это враги нашего народа», – гласила одна из «Десяти заповедей» УНП. «Не бери себе жены из чужаков, ибо твои дети будут тебе врагами, не приятельствуй с врагами нашего народа», – наставляла другая⁵⁰. Семейно-этнические мотивы, как видно, занимали не только прямых последователей Н. И. Михновского. Профессор-востоковед А. Е. Крымский работал в Москве и признавался, что «и кровинки украинской не имеет», но свою приверженность украинству изливал в молодые годы в таких несвойственных лирическим про-

изведениям строках: «Нам під вінец? Ты ж московка, / И расплодю я семью, / Де от дітей буду чути / Мову чужу, не свою»^{51*}.

Немало внимания Н. И. Михновский уделял проблеме «социальной некомплектности нации», ставя вопрос о необходимости формирования национальной буржуазии, искал поддержки своей партии у богачей украинского происхождения. Вместе с тем сквозь призму национализма эксплуатировал и рабочий вопрос, призывая «украинский пролетариат... обеспечить себя от конкуренции пришлых, главным образом русских, которые... отбивают у украинского рабочего работу... выталкивая его... в пасть моральной, а потом и голодной смерти»⁵².

Современная украинская политология относит взгляды Н. И. Михновского к нациократическим, именуя их автором романтиком украинской идеи⁵³.

В условиях революционного подъема начала XX в. молодежь не разделяла его утверждений, будто конституционные или республиканские преобразования в России только повредят украинскому делу⁵⁴. Так, группа И. М. Степенко, хотя и не возлагала особых надежд на решение украинского вопроса в сотрудничестве с общероссийскими революционными и демократическими силами, тем не менее в полемике с лидерами Украинской социалистической партии (УСП), созданной в 1900 г. В. Ярошевским (в 1903 г. эта малочисленная организация волилась в Польскую социалистическую партию), высказалась за федералистскую программу, предложив «сепаратистскую оставить на размышление тем, кто дождется момента освобождения — тогда будет виднее, следует ли и далее оставаться в федерации... или стоит заложить свою “хату с краю”, оставив “братский союз”, если он окажется не очень братским»⁵⁵. В 1903 г. РУП официально отмежевалась от национальной концепции Н. И. Михновского, приняв принцип автономии Украины. На международном социалистическом конгрессе в Амстердаме (1904 г.) представители партии заявили, что «Самостийная Украина» была теоретической ошибкой⁵⁶. Б. Н. Мартос позже пояснял, что этот лозунг был снят, потому что «не получил никакого отклика в массах»⁵⁷. И странно на фоне этого признания читать ныне вывод молодых украинских историков, будто «причиной неприятия идей Н. Михновского было его личное поведение, которое нередко выходило за пределы порядочности». Еще одной малоубедительной причиной непопулярности его партии они называют «неразвитость идеологии УНП»⁵⁸.

* В современной шуточной русской песне поется на эту тему: «Ну жель нацелю мушку / На свою жену-хохлушку? / Лучше буду я ее любить».

В выходящих за рубежом изданиях РУП и в местных организациях началась самостоятельная разработка программы. Среди практических дел РУП принято считать возбуждение в 1902 г. кровопролитных крестьянских волнений на Полтавщине, организацию аграрных выступлений и стачек в революции 1905–1907 гг. в Черниговской, Полтавской, Харьковской губерниях и т. д. Издательская деятельность партии осуществлялась в Галиции и Буковине, где находился Заграничный комитет. В Черновцах в 1902–1903 гг. выходил основанный и редактировавшийся Д. В. Антоновичем журнал «Гасло». В 1904–1905 гг. вместо него во Львове стал издаваться журнал «Праця». Там же печатался журнал «Селянин», финансирувавшийся Е. Х. Чикаленко. В их редактировании участвовали С. В. Петлюра, эмигрировавший после упомянутых событий на Полтавщине⁶⁹, и В. К. Винниченко*.

Программные вопросы в 1904 г. стали причиной раскола и без того небольшой – 300–400 человек⁶¹ – РУП. На собравшемся во Львове втором съезде резко разошлись мнения о том, включать ли в программу предложенный Н. В. Поршем тезис об автономии Украины. Против выступили М. И. Меленевский, А. Ф. Скоропис-Йолтуховский, супруги Е. К. и Е. Е. Голицинские, считавшие, что это сделает невозможным сотрудничество с РСДРП. Они покинули съезд, объявив его неправомочным: в нем участвовали 15 человек – не делегатов, а руководителей громад и членов Заграничного комитета (на первом съезде в 1902 г. в Киеве было и вовсе 5 человек). М. И. Меленевский**, окрестив оппонентов буржуазными радикалами, образовал со своими единомышленниками Украинский социал-демократический союз (Спилку), который поддержали некоторые местные организации РУП⁶³. В первом воззвании Спилки говорилось, что целью союза является «организация украинского пролетариата, чтобы направить его течение в общую могучую

* Начинаящий писатель крестьянский сын В. К. Винниченко после исключения из университета за революционную деятельность должен был отбывать воинскую повинность в саперном батальоне в Киеве. В феврале 1903 г. из-за конфликта с командиром он бежал из части в Галицию, где вступил в Заграничный комитет РУП. Летом того же года он вместе с Д. В. Антоновичем был арестован на русско-австрийской границе при попытке ввоза нелегальной литературы. Чтобы избежать военного суда за дезертирство, он во время следствия удачно симулировал безумие и покушение на самоубийство, после чего был освобожден от наказания и вновь отправлен в саперную часть⁶⁰. В 1907 г. во второй раз эмигрировал после ареста и освобождения под залог.

** М. И. Меленевский (Басок, Гылька и др.) происходил из помещичьей семьи и все полученное от родителей наследство отдал на партийные цели. По определению Д. И. Дорошенко, это был человек «очень экспрессивного, горячего характера, готовый кидаться из одной крайности в другую, и действительно не раз делал такие скачки, но делал искренне, по убеждению»⁶².

реку пролетарского движения всей России»⁶⁴. «Жизнь украинского народа слишком тесно сплелась с жизнью русского народа и не только политически и экономически, но и культурно... – писал один из идеологов Спилки редактор ее издававшегося за границей органа «Правда» П. Л. Тучапский. – Украинские социал-демократы, которые хотят насадить среди украинских рабочих требование автономии, сознательно попускают их сосредоточиться на национальном вопросе. Они являются националистами. Если бы автономии требовало национальное чувство украинского народа – это было бы требование нации. Но национальное чувство украинского народа развито очень мало. Украинские крестьяне и пролетариат не выступают с требованием автономии. С этим требованием выступает интеллигенция, а украинским массам прививает это требование. Национальный гнет исчезнет, когда будут осуществлены требования российской социал-демократии о полном равноправии всех граждан, а также полное обеспечение свободы слова, печати и т. д., право населения обучаться на родном языке, что должно быть обеспечено созданием за счет государства органов самоуправления и школ»⁶⁵.

В конце 1904 г. на конференции РСДРП оформилось сотрудничество Спилки с меньшевистской фракцией российских социал-демократов. В дальнейшем она взаимодействовала с Южнорусским бюро РСДРП.

В РУП тоже продолжались споры по национальному вопросу, теперь между Н. В. Поршем и Д. В. Антоновичем*, приведшие к выходу последнего с несколькими харьковскими сторонниками из партии.

* Д. В. Антонович под псевдонимом С. Войнилович выступил в январском номере журнала «Правда» за 1905 г. с утверждением, будто национальный вопрос является выдумкой буржуазии для затемнения классового сознания пролетариата, украинская же нация и вовсе не имеет буржуазии. Статья называлась «Несуществующий вопрос». В следующей статье – «Еще о несуществующем вопросе» – он как бы гипотетически рассмотрел альтернативу высказанному ранее: «Раз национальный вопрос для пролетариата существует, мы должны радикально его разрешить постановкой в своей программе четкой точки – самостоятельная демократическая Украинская республика от гор Карпатских до Кавказских. Никакие полумеры автономии Украины или вступление Украины в федеративный союз неприличны для программы пролетариата, ибо кроме трусости ничего не выявляют»⁶⁶.

Более практичный и рациональный Н. В. Порш (псевдоним – Чацкий) на страницах того же журнала возражал, утверждая, что национальный вопрос существует, хотя и инвелируется самодержавным строем, порождающим национально-политическую инертность. Переход к демократии обострит национальные проблемы. Поэтому необходимо заранее наметить национальную программу и будить национальное сознание пролетариата, чтобы вывести его в авангард борьбы против национального гнета. В качестве примера он приводил австрийскую социал-демократию, признавшую на съезде в Брюнне важность национального вопроса. У нее и была заимствована теоретическая формула национально-территориальной автономии, в рам-

С началом революции многие украинские эмигранты вернулись в Россию, что позволило организовать съезд, проходивший в декабре 1905 г. в Киеве и Полтаве. На нем произошло переименование РУП в Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП) и была принята, наконец, программа, составленная в духе «основных принципов, конечных целей и тактики международной социал-демократии» (Эрфуртская программа германской социал-демократии 1891 г. и постановление Цюрихского конгресса II Интернационала). Программа имела политический и социальный разделы, дополненные еще аграрной проблематикой и национальными постулатами. Главным политическим требованием являлось превращение России в демократическую республику, а национальным – «автономия Украины с отдельным представительным собранием (сеймом), которому принадлежит право законодательства в тех внутренних вопросах, которые касаются только населения, проживавшего на территории Украины, равноправия всех языков в школах и административных учреждениях»⁶⁸.

Однако жизнь множила сомнения относительно реализации целей партии, противопоставившей себя, благодаря тезису об автономии Украины, родственным социал-демократическим организациям. Отражением этих сомнений стало письмо, переданное в феврале 1906 г. из киевской Лукьяновской тюрьмы шестью видными деятелями – в том числе А. Б. Гринченко, Н. Н. Троцким (Данько), Я. П. Гулак-Артемовским, Л. О. Юркевичем (Рыбалка, Пьер), ставшим в дальнейшем идеологом партии, известным продолжительной полемикой с В. И. Лениным, – арестованными в конце декабря в составе большой группы членов киевской организации УСДРП. В письме утверждалось, что УСДРП не имеет социальной почвы для самостоятельной деятельности из-за эмбрионального состояния украинской нации, что одна интеллигенция не может быть основой движения. «Мы твердо стоим на почве принципов УСДРП, – подчеркивали авторы письма, – но вместе с тем думаем, что эти принципы не могут теперь выражать борьбу украинского пролетариата, не могут объединить украинский пролетариат и потому украинская социал-демократия как партия существовать не может. Это только идейное течение, которое разовьется в будущем и в будущем

ках которой нация, по словам Н. В. Порша, должна достичь определенного социально-экономического уровня, после чего актуальной станет борьба за государственную самостоятельность, которую возглавит национальный пролетариат. Свое видение проблемы Н. В. Порш обосновал в изданной в 1907 г. по-украински брошюре «Об автономии Украины» и в последующих работах «Из статистики Украины» и «Автономия Украины и марксизм»⁶⁷.

неблизком»⁶⁹. Они предлагали распустить партию и войти в РСДРП в качестве краевой организации.

В такой обстановке Н. В. Порш, присутствовавший от ЦК УСДРП на IV (объединительном) съезде РСДРП (1906 г.) с правом совещательного голоса, внес предложение о сотрудничестве на федеративных началах при условии включения требования автономии Украины в программу РСДРП. Съезд за недостатком времени отложил решение, поручив своему ЦК рассмотреть вопрос по существу. ЦК отклонил проект УСДРП, в котором сохранялось условие о признании следующим съездом РСДРП требования автономии Украины⁷⁰. Российские социал-демократы не приветствовали идею национальной автономии, считая, что это раздробит силы революции. «Два основных принципа, которыми должны руководствоваться все социал-демократы России в национальном вопросе, – излагал в начале 1903 г. В. И. Ленин позицию партии, – это, во-первых, требование не национальной автономии, а политической и гражданской свободы и полной равноправности; это, во-вторых, требование права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства»⁷¹. Меньшевики не расходились с ним в этом вопросе. Против сотрудничества РСДРП с УСДРП выступили представители Спилки. М. И. Меленевский говорил на съезде о незначительном влиянии УСДРП в массах и даже о ее нежизнеспособности⁷². В те годы действительно успех сопутствовал Спилке. Своим численным составом (до 7 тыс. членов) и влиянием во время массовых выступлений на юге России она значительно превосходила УСДРП (3 тыс. членов, из них – только 400 рабочих)⁷³. На выборах во II Государственную думу Спилка получила 14 мандатов против 1 у УСДРП⁷⁴.

В 1903–1904 гг. от РУП стали обособляться также активисты эсеровской ориентации. Сначала они действовали отдельными кружками, а в 1906 г. вместе с выходцами из общероссийской ПСР образовали Украинскую партию социалистов-революционеров (УПСР) и боевую революционную группу Украинская народная оборона. В 1907 г. обе организации слились, образовав единую партию, но так и не сумев принять программу. Украинские эсеры были более радикальны в национальном вопросе, чем УСДРП. Они требовали свободного функционирования только украинского языка и принципиального разрыва с русской культурой в то время, как социал-демократы ставили вопрос о равноправии всех языков⁷⁵. С поражением революции избежавшие ареста эсеровские активисты эмигрировали в Австро-Венгрию или Швейцарию, где получили возможность сравнительно широко издавать партийную ли-

тературу, направляя ее на Украину. Эмигранты образовали заграничный комитет партии, но связи его с местными организациями вскоре были утрачены⁷⁶.

В предреволюционные годы на организационно-партийной основе стало оформляться и либерально-демократическое направление. В 1902 г. социалистические элементы и более молодые члены Совета ВУБДО вопреки мнению представителей Старой громады поставили вопрос о необходимости принятия программы организации. На съезде ВУБДО в 1903 г. уже рассматривалась общая платформа и было принято решение об образовании Украинской демократической партии (УДП). Съезд новой партии осенью 1904 г. принял программу, сконцентрированную на политических задачах: введение парламентского строя, широкая децентрализация, местная национальная автономия с органами национального представительства, федеративное переустройство России. Вскоре отчасти на личной почве, отчасти по принципиальным вопросам произошел раскол. Группа (С. А. Ефремов, М. Ф. Левицкий, Ф. П. Матушевский и др.) во главе с известным языковедом, педагогом и писателем В. Д. Гринченко (псевдоним – Чайченко), акцентировавшая внимание на социально-экономических требованиях, образовала Украинскую радикальную партию (УРП), которая, однако, несмотря на значительные пропагандистско-издательские возможности (ядро ее составляли работники издательства «Вік»), не сумела закрепиться и приобрести популярность в местных громадах. В конце 1905 г. перед перспективой выборов в Государственную думу обе слились, образовав Украинскую демократически-радикальную партию (УДРП) и объединив политическую и социально-экономическую части своих программ⁷⁷. Разработанные радикалами социально-экономические постулаты предусматривали выкуп в собственность автономного края всех предприятий, национализацию вод и лесов, образование из государственных и удельных земель краевого земельного фонда, включение в него выкупленных краем частных владений и распределение через этот фонд участков между безземельными и малоземельными крестьянами.

Современный исследователь истории УДРП предлагает двоякое объяснение присутствию этих не свойственных либерализму эгалитаристских и этатистских требований, рассматривая их либо как признак неолиберальной трансформации под влиянием социалистических доктрин, либо как специфический компонент национальной программы – стремление передать краевому национальному сейму право на собственность, которую планировалось вырвать из рук чужеродной или руси-

фицированной элиты⁷⁸. Оба объяснения не противоречат друг другу. Последней задаче украинскими деятелями действительно отводилась важная роль. М. С. Грушевский, отдавая себе отчет в неконфронтационности этнического самосознания большинства малороссов, писал в марте 1905 г., что воспитание его «должно вестись не только на основе национального чувства, ибо... оно на Украине очень слабо... Его нужно вести также, даже еще больше, на основе краевых интересов: экономических и хозяйственных интересов украинской территории, ее эмансипации от государственных центров, и от использования в интересах, чуждых украинской территории... Украинство в России должно... стать политическим и экономическим»⁷⁹. В дальнейшем идея проведения своего рода «этнической чистки» среди собственников этатистскими, политическими средствами, в частности через соответствующий механизм земельной реформы в крае, приобрела популярность в украинских партиях разной социально-политической направленности.

Украинская демократически-радикальная партия объединила интеллигенцию преимущественно гуманитарного профиля. Относительно ее численности, правда в не самое благоприятное для политической активности время, исследователь пишет: «Можно с уверенностью утверждать: партия была очень немногочисленна. Впрочем, и общее число сторонников украинского движения того времени было незначительным. Так, в сентябре 1910 г. лидер партии Е. Х. Чикаленко исчислял их в 2 000 человек, относя к активистам не более трехсот»⁸⁰. Может быть, поэтому М. С. Грушевский считал не слишком удавшимися попытки структурирования украинских сил на партийной основе, укаывая еще и на разнородность объединявшихся в партии элементов⁸¹.

Глава 4

Украинский вопрос в революции 1905–1907 годов

С небольшими, но довольно активными силами поборники украинства вступили в революционный период 1905–1907 гг. В конце 1904 г., широко отметив юбилей писателя И. С. Нечуй-Левицкого, участники торжества собрали подписи под резолюцией о предоставлении свободы малорусскому печатному слову. В дни памяти Т. Г. Шевченко в феврале 1905 г. была составлена записка «О нуждах украинской школы». Оба документа были направлены в правительство. В марте 1905 г. И. М. Стещенко выступил в одесском еженедельнике «Южные записки» с изложением национально-политической программы – осуществление украинизации средней и высшей школы, администрации, суда, общественных, духовных, культурных учреждений, что было возможно, по его словам, только в случае превращения «тюрьмы народов» в федерацию национальных единиц с широкими автономными правами. При этом степень федеративной связи ставилась в зависимость от доброжелательности политического центра. В противном случае – провозглашение независимой Украины¹.

В январе 1905 г. глава Комитета министров С. Ю. Витте поручил министерствам народного просвещения, внутренних дел, Императорской академии наук, Киевскому и Харьковскому университетам пересмотреть положения о книгоиздании на малороссийском наречии, а в феврале заверил группу делегатов (в нее вошли черниговский адвокат и общественный деятель И. Л. Шраг, В. П. Науменко, О. П. Косач, М. А. Дмитриев), вручивших ему украинские петиции, что ограничения будут сняты в связи с новым законом о свободе печати.

Вскоре на совместном заседании представителей министерств, Императорской академии наук и украинских литераторов академи-

ки Ф. Е. Корш и А. А. Шахматов выступили с докладами, по словам М. С. Грушевского, «настолько основательными и решительными, что перед ними поблекли памятные записки, предложенные украинцами»^{2*}.

Созданная в Императорской академии наук специальная комиссия в обширной записке «Об отмене стеснений малорусского печатного слова» не просто высказалась за снятие всех цензурных ограничений, но и санкционировала решение продолжительного научного спора о том, следует ли считать малорусский диалектом – «наречием русского» или самостоятельным языком^{3*}, в пользу последнего определения, хотя и признавала отсутствие в нем единых литературных норм и разноречивостью в письменности, что свидетельствовало о недостаточной жизненной предопределенности предложенного решения. В записке делался лишь альтернативный прогноз о том, что «свободное развитие в лучшем случае выработает один общий для всех малорусов литературный язык, в худшем – малорусы, не сознав духовного своего единства, погубят свою письменность в бесплодных несогласиях и раздорах... если жизнь создаст единство малорусского языка и письменности, она же выработает единство и в письме»⁵.

Это решение принималось в обстановке охватившего страну глубокого политического кризиса и несло на себе печать времени всеобщего порицания режима, отражая стремление общественности любым способом поддержать силы, оппозиционные обанкротившейся власти. Тогда, по выражению правого публициста, «даже... удаленные от мира ученые приплясывали в такт революции»⁶. Отсюда, как видно, утрированный обличительный тон с использованием словесных и смысловых крайностей вроде оборота «русское иго» или утверждения, будто великороссы, «северная ветвь», выступают «господствующей частью русского племени»⁷. Последнего не разделял даже М. С. Грушевский. «Выражение “господствующая народность”, конечно, звучит очень фальшиво в приложении к старому режиму, державшему все народности России в подследственном состоянии», – писал он в

* Это признание, впрочем, не помешало вскоре М. С. Грушевскому обвинить А. А. Шахматова в безучастности. 18 августа 1905 г. он с раздражением записал в дневнике: «Жаль берет и на людей наших, и на чужих. Не искать и носиться с ними, а пренебрегать и презирать их. Разве помогли чем-нибудь мои знакомые нам в украинских делах... разные Василенки и Шахматовы!»¹

** В зарубежных научных кругах этот спор не иссяк по сей день. Есть ученые, по-прежнему считающие, что украинский язык относится к русскому, как, например, провансальский к французскому, т. е. не является самостоятельным языком⁴.

мае 1906 г.⁸ «Русские не были типичным имперским “народом-господином”... у государственного народа не было правовых, экономических и социальных привилегий...» – с академической точностью описывает действительное положение современный западный исследователь А. Кашпелер⁹.

Критики записки сразу поставили под сомнение объективность собственно научных, лингвистических выводов комиссии, обращая внимание на то, что в ее составе присутствовали специалисты по зоологии, археологии, ориенталистике, ботанике и только три представителя славянской или славяно-русской филологии, академики Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, что авторы записки пользовались преимущественно материалами одной заинтересованной стороны – литераторов и общественных деятелей украинского направления (В. Н. Леонтовича, А. И. Лотоцкого, П. Я. Стебницкого, В. П. Науменко, П. М. Саладилова, С. Ф. Русовой, А. А. Русова и др.). Точку же зрения такого авторитетного в языкознании специалиста, как академик А. И. Соболевский, не совпадавшую с выводом записки, представили в противоположном ее действительному смыслу виде^{*}.

В записке понятие «Украина», которому сторонники украинства придавали особый политический смысл, употреблялось как синоним «Малороссии».

Однако М. С. Грушевский находил, что одного снятия языковых ограничений не достаточно, ибо понимал, что этим смогут воспользоваться лишь «очень узкие круги людей, уже теперь настолько сознательных и подготовленных национально, что испытывают потребность в украинской книжке, украинской печати для удовлетворения своих культурных потребностей» и потому ратовал за такие меры, которые бы целенаправленно претворяли «этнографическую массу» в нацию. «Украинцы должны стать нацией... Некоторые основы национальной

^{*} В записке сказано, в частности: «Южнорусские памятники древней нашей письменности XI и XII веков, как впервые *доказано* нашим почтенным сочленом академиком А. И. Соболевским, представляют ряд типических особенностей малорусской речи: из них можно с уверенностью заключить о *значительном удалении южнорусских (малорусских) говоров* как от средне-русских, так и от северо-русских уже в период дотатарский».

Оппоненты авторов записки опровергали это тезисом А. И. Соболевского из его «Лекций по истории русского языка», гласившим: «Если есть полное основание видеть в современном русском языке один язык, то о единстве древнерусского языка, например, в XI в., когда различие между русскими говорами, как будет показано ниже, не было *сколько-нибудь значительным*, – не может быть даже и вопроса»¹⁰.

жизни созданы трудом последних лет в Галиции – их можно усвоить», – писал он в марте 1905 г.¹¹ Он внимательно следил за развитием кризиса самодержавия и (имея в виду негативный опыт галицийских русин, которые в момент формирования в Австро-Венгрии конституционной системы проявили пассивность и в результате «на долгое время осудили себя на роль париев») спешил обеспечить украинское течение развернутой программой. С весны 1905 г. он стал публиковать во львовских и некоторых российских изданиях обзоры российских событий и статьи, которые вскоре сложились в такую программу*.

В своих политических построениях М. С. Грушевский исходил из теоретической абсолютизации национального фактора, отрицая формационно обусловленную природу нации, рассматривал ее как «стихийную форму человеческого существования», «необходимую, т. е. неизбежную, неустраивую форму, в которой проявляется развитие человечества», и утверждал с отчетливой политической тенденцией, будто «вследствие этой неизбежности, всякого рода ограничения одной национальности имеют своим результатом развитие за ее счет другой национальности, а не каких-либо вненациональных форм». Нацию он рассматривал как некое общественное целое – «этнографическую и национальную особь» – называя ее признаками наличие территории, определенных этнографических границ, единство психо-физических свойств, частного и общественного быта, склада экономических отношений, культурных и общественных традиций¹³.

Руководствуясь такими теоретическими посылками, он был озабочен тем, чтобы вывести украинское течение за пределы той скромной, лояльной «антикварно-этнографической» роли, которую отвели ему украинские «культурники», «украинофилы»¹⁴, чтобы не позволить «несознательным» землякам удовлетвориться демократизацией и осуществлением политического и гражданского равноправия на общих началах. Стержнем программы он сделал задачу обособления края. «Украинство должно стать твердой ногой на... почве краевых

* Большая часть этой публицистики была переиздана в двух сборниках¹². Кроме того, М. С. Грушевский популяризировал свою историческую концепцию, опубликовав в 1904 г. в Петербурге прочитанный им курс лекций «Очерки истории украинского народа» и упомянутую ранее программную статью «Обычная схема “русской” истории и вопрос рационального построения истории восточного славянства», напечатанную на украинском языке в сборнике статей по славяноведению, выпущенном Академией наук. Тогда же он взялся за распространение в России уже изданных во Львове пяти томов «Истории Украины–Руси» и часто использовал исторические сюжеты в политической публицистике.

экономических, культурных и политических интересов. Такую работу украинцев над украинским вопросом, над собою и над украинской общественностью я считаю делом более безотлагательным и важным, чем «выдвижение перед правительством каких-нибудь национальных постулатов»¹⁵, – утверждал М. С. Грушевский.

Обособление мыслилось им как автономия края, но не в той ее распространенной форме административно-территориального самоуправления, при которой, как это, в частности, имело место в Галиции, автономная провинция могла соединить разные этнические группы, а как раз на основе разделения по этническому признаку. Кроме негативного в этом плане галицийского опыта М. С. Грушевский придавал большое значение тому, что в случае подобной административно-территориальной децентрализации в России часть этнических украинских земель останется в составе будущей польской автономии¹⁶.

Такие теоретические и практические соображения сделали его сторонником иного типа автономии – национально-территориальной, рожденной в недрах теоретической мысли социал-демократии Дунайской империи. Авторы этой идеи предлагали заменить исторические провинции Австро-Венгрии «национально-ограниченными» самоуправляющимися округами, а сверх того, чтобы охватить национальным представительством и лиц, оказавшихся вне национальных автономных единиц, образовать экстерриториальные союзы, осуществляющие культурно-национальную автономию.

М. С. Грушевский акцентировал первую часть этой формулы. «Национально-территориальная автономия Украины является минимумом, необходимым для обеспечения ее свободного национального развития», – писал он в статье «Наши требования» (июнь 1906 г.). Идея национально-территориальной автономии при этнической неоднородности населения заведомо несла на себе печать этнократии, ибо предполагала деление граждан на субъектообразующие национально-этнические группы и лишенные субъектности национальные меньшинства, т. е. по существу воспроизводила в более детальном масштабе модель национально-этнической ситуации императорской России. М. С. Грушевский действительно в одной из дневниковых записей подтвердил, что его целью является как раз сделать «украинцев... первенствующей народностью»¹⁷. К тому же, если принять во внимание неоднородность самоидентификации этнических малороссов, то станет ясно, что национально-территориальная автономия мыслилась ее сторонниками как инструмент формирования именно украинского национального самосознания сомнительными с точки

зрения демократии административными методами. В целом же выделение автономных единиц рассматривалось М. С. Грушевским как вводная стадия к дальнейшему изменению всей государственной структуры России – ее федерализации по типу договорного союза. «Мы признаем федеративные формы наиболее совершенным способом сочетания государственного союза с интересами свободного и нестесненного развития национальной жизни, но в настоящем настаиваем на осуществлении принципа национально-территориальной автономии как одного из оснований нового государственного устройства... Территория с преобладанием украинского населения должна быть выделена из нынешних административных подразделений и... должна получить общие органы областного законодательства и самоуправления, руководимые народным представительством в виде украинского сейма»¹⁸. Территорию «сборной Украины» М. С. Грушевский определял в пределах Киевской, Подольской, Волынской, Херсонской, Екатеринославской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, значительных частей Люблинской, Седлецкой, Гродненской, Минской, Бессарабской, Таврической, частей Курской, Воронежской, Черноморской и Ставропольской губерний, Донской и Кубанской областей, Восточной Галиции, Северной Буковины и «северо-восточных комитатов Венгрии» (Закарпатья)¹⁹.

В свою очередь автономия Украины в преобразованной на федеративных началах России, по М. С. Грушевскому, представляла лишь переходную ступень, о чем он в те годы также писал без обиняков: «Полная самостоятельность и независимость являются последовательным и логическим завершением запросов национального развития и самоопределения всякой народности, занимающей определенную территорию и обладающей достаточными задатками и энергией развития»²⁰.

Программа М. С. Грушевского была направлена не только против бюрократическо-помещичьего автократизма, но и предполагала в некотором роде подмену общедемократических начал этнократическими. В ранних статьях упомянутых циклов («На конституционные темы», «Конституционный вопрос и украинство в России» – май 1905 г.) он предостерегал, чтобы всероссийский конституционализм не увлек украинцев, и под видом совершенствования избирательных технологий предлагал заменить будущий общероссийский парламент, образованный всеобщим голосованием, представительством делегированных местными сеймами депутатов²¹. В этом, как и в самом принципе национально-территориальной автономии, российские либералы не без основания увидели почву для этнического регионализма и ослабления государственного единства России.

Нелишне заметить, что в годы революции именно публицистическая активность М. С. Грушевского и политическая направленность его исторических трудов привлекли к себе внимание Немецкого союза восточных приграничных областей (Гаката) – одной из организаций, на которые Берлин возлагал те внешнеполитические задачи, которые не принято было ставить в рамках официальной государственной политики. М. С. Грушевским завязал «профессионально-политическое», по определению современного германского исследователя, знакомство²² один из влиятельных руководителей союза, эксперт по российской политике и украинскому вопросу профессор О. Гетш, популяризируя труды украинского историка в Германии, а взамен добываясь от него информации политического характера: оценки ситуации в России и Галиции, передачи оттуда текущих политических изданий и т. д.

В 1909 г. О. Гетш проинформировал М. С. Грушевского о подготовке к изданию специального «Журнала восточноевропейской истории», пригласив его к сотрудничеству и сообщив, что «украинская история, естественно, будет освещаться... журналом как самостоятельная ветвь восточноевропейской истории»²³, что полностью отвечало проводимым украинским историком взглядам.

В годы революции 1905–1907 гг. М. С. Грушевский много времени провел в Киеве и Петербурге и, опираясь на сотрудничество с украинскими деятелями, поначалу с оптимизмом смотрел на продвижение своих идей в жизнь. 5–8 апреля 1905 г. в Петербурге состоялся съезд ученых и журналистов – представителей «иностранческой» прессы, на котором российские либералы, по словам М. С. Грушевского, проявили себя «большими централистами», но против них «завязалась оппозиция угнетенных наций». По ее настоянию съезд принял специальную резолюцию об отмене указа 1876 г., а также общую резолюцию о полном гражданском и политическом равноправии, праве всех народностей на самостоятельное национально-культурное развитие и о предоставлении отдельным областям и народностям автономии в границах, определяемых самим населением. Было решено провести специальный съезд, к которому подготовить проект программы союза народов.

В конце апреля заявление об украинской автономии, подписанное активистами из Киева, Чернигова, Полтавы, Харькова, Одессы, Екатеринодара, Умани и Винницы передал съезду земских уполномоченных гласный черниговского земства адвокат и общественный деятель И. Л. Шраг²⁴.

Но вскоре М. С. Грушевскому во многом пришлось разочароваться. Дело было не только в том, что правительство так и не приняло специального решения об украинском печатном слове. Этот вопрос практически был решен в рамках нового общего закона о печати (ноябрь 1905 г.), после чего в малороссийских губерниях стала выходить периодика на украинском языке. В Киеве Е. Х. Чикаленко учредил газету «Рада». К открытию Государственной думы в Петербурге начал издаваться «Украинский вестник», профинансированный В. Н. Леонтовичем. По опыту восточногалицийских народовцев кое-где возникли учредения «Просвиты». В университетских кругах края развернулась кампания за введение предметов украиноведения. Петиции и резолюции с этим требованием активисты подготовили в Киеве, Харькове и Одессе, собрав до 10 тыс. подписей²⁶.

Однако в целом сторонников политической программы М. С. Грушевского оказалось очень немного. К тому же они не разделяли его радикализма и идеологических крайностей. «Если найдется какой-нибудь отважный публицист, который попробует отграничить сферу интересов украинского народа... его сразу украсят “свой” же “земляки” эпитетами шовиниста», – сетовал профессор²⁶. Он негодовал на земляков за то, что они, «ничего не давая украинской просветительной или культурной работе... “самоотверженно” трудятся в российской науке, литературе, просвещении, публицистике»²⁷, возмущался единомышленниками из-за их, как ему казалось, умеренности и пассивности. «В России, похоже, дело идет к реакции и спячке и украинцы снова готовы залечь на печи, ничего не добившись», – записал он в дневнике в августе 1905 г., а ровно через год – в том же тоне – о совещании с лидерами УДРП: «Я спрашивал, а они отвечали: каковы взгляды среди крестьянства, привлекают ли на свою сторону интеллигентную публику – выходило, что ничего не добились...»²⁸

О скромном диапазоне влияния политических украинских организаций свидетельствовала хотя бы недолговечность большинства их изданий. Спрос на них оказался невелик, и часть тиражей приходилось распространять бесплатно²⁹. «Политические лозунги, которые выдвигали деятели УДРП, встречали поддержку лишь у части городской и сельской интеллигенции, для народных масс они оставались непонятными», – констатирует современный украинский исследователь³⁰. Так что дело было не столько в пассивности коллег, сколько в неготовности малороссийского общества воспринять политическую парадигму М. С. Грушевского. Он и в дальнейшем выделялся в кругу соратников волонтариз-

мом и напористостью, стремлением форсировать события, не считаясь со степенью зрелости предпосылок, что при неумеренном критицизме, нетерпимости, авторитарном и самолюбивом характере вело к постоянным трениям и многочисленным конфликтам с окружающими³³, но вместе с тем создало М. С. Грушевскому среди политических единомышленников репутацию непреклонного идейного борца и политического лидера. «Светочем праведного гнева» восторженно назвали его члены агрономического кружка Киевского коммерческого института в приветственном адресе по случаю его чествования в 1910 г.³³ Зато в галицийских политических кругах он получил ярлык «гайдамака в тоге», а в России уже в 1905–1906 гг. прослыл «вождем украинских сепаратистов»³⁴. Как-то в дневнике он записал о себе слова одного из соратников, интересные и как психологический портрет, и как суждение о месте портретируемого в украинском течении: «Чикаленко стал уверять, что все ко мне относятся самым серьезным образом, признают, что я “стою на целую голову выше современного украинства”, что я “колонна среди праха современного украинства”, но меня испортили галицийские фимиамы, и я подозрительно гляжу на каждую противную мне мысль, видя значительно дальше и лучше, я слишком страстно воспринимаю всякую оппозицию, тех, кто не видит так хорошо, как я, и что у меня в характере есть, очевидно, что-то такое, что портит отношения – эта пристрастность [?] etc»³⁵.

Украинские партии сделали национально-территориальную автономию своим программным требованием. Однако эта идея, толкуемая М. С. Грушевским в смысле максимального обособления от общероссийской жизни, не получила широкого понимания в Малороссии. Многие хотели свободы украинского языка, но мало кто считал нужным и был готов к рассечению границами автономии единого хозяйственно-экономического, культурного коммуникационного пространства Российского государства. Оппозиция царизму в ходе революции при выдви-

³³ В НОШ он вел неустанную борьбу с коллегами из-за распределения государственных субсидий и спонсорских средств. В 1912 г. галицийские оппоненты М. С. Грушевского выпустили специальную брошюру, в которой обвинили его в авторитаризме, деспотизме, обогащении за счет НОШ и даже в присвоении чужих научных материалов³¹. Подобная коллизия возникла в Киеве, куда во время революции он в расчете на местное благотворительное финансирование наметил перевести выпуск «ЛНВ» и «Записок» НОШ, объединив их с киевскими изданиями, в то время, как деятели киевской громады Б. Д. Гринченко, С. А. Ефремов, Ф. П. Матушевский на эти средства планировали учредить новые газеты и журналы. Галицийских партийно-политических деятелей, украинских депутатов Государственной думы и людей, просто сочувствовавших украинству, М. С. Грушевский постоянно упрекал в узости интересов, умеренности и пассивности. Все это запечатлелось на страницах его дневника³².

жении требований по национальному вопросу исходила из этих реальных настроений. Теоретически же общероссийские партии по-разному относились к идее национально-территориальной автономии.

Ближе других к концепции М. С. Грушевского в области государственного переустройства стояли социалисты-революционеры с их широким интересом к федеративному принципу и во внутрипартийном строительстве, и в представлениях о государственном устройстве. В программе партии 1906 г. эсеры с размахом продекларировали принципы автономии областей, городских и сельских общин, «возможно большее применение федеративных отношений между отдельными национальностями – с признанием между ними безусловного права на самоопределение» – и федеративного устройства Российского государства в целом³⁶. Эти теоретические формулы рождались в острой дискуссии и в ту пору не вызвали в ПСР большого практического интереса к национальному вопросу³⁷.

Не отрицала принцип национально-территориальной автономии и федерации и НСП. Такая позиция выработывалась теоретиками партии в контексте широко обсуждавшихся в то время проблем «национального» и «интернационального», «отечества» и «человечества». Один из лидеров партии А. В. Пешехонов считал ошибочным положение марксизма об отсутствии отечества у пролетариата и обращал внимание на то обстоятельство, что кроме классов существуют другие разнообразные виды объединений людей, в частности объединения по национальному признаку. Он полагал, что если человечеству суждено когда-нибудь стать единым, то это будет не государство, состоящее из отдельных граждан, а федерация, в которой между гражданами и государством будет стоять нация³⁸. В проекте программы НСП, датированном 8 июня 1906 г., говорилось: «Народовластие должно быть организовано в таких формах, чтобы весь народ мог участвовать в осуществлении принадлежащей ему власти и чтобы каждая национальность была свободна в своем культурном и политическом самоопределении. Не на централистических, а на федеративных началах должно быть построено демократическое государство». Авторы проекта предусматривали «введение в тех местностях империи, где этого пожелает население, национально-областной и областной автономии с предоставлением областным представительным учреждениям... законодательных прав по местным делам»³⁸. Однако, широко обсуждая эту проблему на страницах близкого к НСП журнала «Русское богатство», публицисты партии писали об актуальности автономии Финляндии и Польши, о постанов-

ке вопроса об автономии Литвы и Грузии, но, сетовал М. С. Грушевский, даже не упоминали Украины⁴⁰.

Российские социал-демократы смыкались с националами в острой критике самодержавного строя и на этой почве иногда тактически поддерживали последних. В частности, упомянутая резолюция апрельского съезда ученых и журналистов по национальному вопросу прошла благодаря голосам социал-демократов, нуждавшихся в союзниках для продвижения своих социально-экономических требований⁴¹. Но в принципе их взгляды не совпадали при том, что в РСДРП накануне первой русской революции немного уделяли внимания национальному вопросу. В. И. Ленин в те годы полагал, «что классовый антагонизм далеко отодвинул теперь на задний план национальные вопросы»⁴². В принятой в 1903 г. программе их толкование ограничено двумя общими формулами – требованием «равных прав для граждан... независимо от расы и национальности» и «признанием права на самоопределение за всеми нациями, входившими в состав государства»⁴³. Причем, если некоторые марксисты, в частности Р. Люксембург, опасались, что последняя формула по букве своей потворствует национализму – «обязывает поддерживать все национальные стремления», то В. И. Ленин, утверждая с самого начала, что рассматривает самоопределение как политический акт разрыва той или иной нации с действующей государственностью, вместе с тем давал понять, что считает эту формулу декларацией морально-психологического значения, а не императивом практического действия, обязывающим социал-демократов во всех случаях способствовать выходу из состава России изъявивших желание этнических групп⁴⁴. Он полагал, что достаточной гарантией крепости государства должен стать социально-экономический фактор. «Распадение России... будет оставаться пустой фразой, – читаем в его статье 1903 г. «Национальный вопрос в нашей программе», – пока экономическое развитие будет теснее сплачивать разные части одного политического целого»⁴⁵. Напомним, что М. С. Грушевский и его единомышленники вовсе не принимали в расчет фактор сложившегося экономического единства и как раз, напротив, старались внушить землякам, что только обособленность может обеспечить экономическое процветание края.

Доктринальная абсолютизация теоретиками РСДРП интернационального и классового фактора определила их отношение к автономистско-федералистским требованиям националов. «Не дело пролетариата проповедовать федерализм и национальную автономию... неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное классовое государство», –

писал В. И. Ленин в 1903 г.⁴⁶ «Мы должны всегда и безусловно стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством»⁴⁷, – утверждал он.

В не меньшей мере, чем в государственно-правовой В. И. Ленин критиковал федералистскую идею в партийно-организационной области, ибо набиравшая силу тенденция образования национальных социал-демократических групп, соглашавшихся в общегосударственном масштабе лишь на федеративную связь между собой, шла вразрез с планами построения многонациональной, жестко централизованной партии. С особой непримиримостью В. И. Ленин и его соратники выступали против концепции культурно-национальной автономии, так как полагали, что сосредоточение проблем воспитания, культуры, духовной жизни в национальных общинах затруднит глобальное идеологическое воздействие в духе интернационализма и приоритета классового борьбы.

Российские либералы подошли к формулировке национальной программы не столь декларативно, как левые партии. Вопрос подробно рассматривался на Земском съезде в сентябре 1905 г. Итоги этого обсуждения легли в основу решения учредительного собрания КДП и соответствующего раздела ее программы. При обсуждении многие, в том числе симпатизировавший украинству профессор-социолог М. М. Ковалевский, профессор-правовед Н. И. Лазаревский, в дальнейшем видный деятель КДП А. М. Колюбакин, высказались в пользу автономии, киевский профессор И. В. Лучицкий развивал идею федерации. Идею федеративного строя поддержала полтавская организация КДП⁴⁸. Но к национально-территориальному варианту автономии Земский съезд в целом и лидеры кадетской партии отнеслись критически, считая, что в своей теоретической отвлеченности он мало отвечал политическим и этническим реалиям страны. Вот как резюмировал позже итоги дискуссий 1905 г. на эту тему ее инициатор, доцент государственного права Московского университета, член ЦК КДП Ф. Ф. Кокошкин: «По тщательном обсуждении вопроса съезд решил... что прежде всего надо избежать смешения национальных вопросов с вопросами автономии тех или иных национальностей... В одних случаях, предоставляя самую широкую децентрализацию управления, можно все же не дать нациям удовлетворения; в других – различные национальности так переплетаются на одной и той же территории, что для того, чтобы не попасть в

безвыходный тупик и не решить вопроса во вред кому-либо из национальностей единственным средством является не ставить вопрос о национальной автономии. Автономия тогда понималась в связи с определенной территорией, лишь немногие понимали ее вне такой связи... тогда как чисто национальные требования, стоящие вне связи с автономией, признавались всеми... Какую автономию надо было, например, признать в Тифлисе – армянскую или грузинскую? ... Там, где между национальностями нет определенных границ, где пришлось бы перекраивать территории, создавая пределы автономных единиц, там такие вопросы вызвали бы самое острое столкновение интересов различных недержавных народностей между собою»⁴⁹.

Свой вариант решения национального вопроса кадеты сформулировали в духе классического либерализма – вне представления о нации-этнотосе как юридическом целом и тем более вне понятия о национальной территории. «Основной закон Российской империи, – читаем в программе КДП 1905 г., – должен гарантировать всем населяющим империю народностям помимо полной гражданской и политической равноправности всем гражданам право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности»⁵⁰.

В ходе описанной Ф. Ф. Кокошкиным дискуссии ее участники пришли к выводу, «что в России децентрализация необходима для всех ее частей в форме широкого местного самоуправления. Наряду с этим требовали областную автономию для окраин... Съезд признавал, что в некоторых местах может возникнуть эта потребность, но... все понимали, что истинные желания широких слоев населения не могут быть выяснены под гнетом существующего режима... Если вопрос об автономии будет поставлен конкретно по отношению к отдельным местностям, то это создаст огромную опасность для освободительного движения... Вопрос об автономии оставлен был лишь в самой общей форме с оговоркой, что лишь в свободной России, после установления демократического строя, найдутся точные данные для решения национальных вопросов»⁵¹.

Немногочисленные сторонники украинского политического течения имели мало сил для широкой кампании по выборам в I Государственную думу. РУП и эсеры бойкотировали выборы. УДРП проявила себя только

в Полтавской и отчасти Киевской губерниях. От нее в Полтавской губернии в думу был избран единственный депутат В. М. Шемет – учредитель первой на украинском языке газеты «Хлібороб» в Лубнах. Многие сочувствовавшие украинскому течению прошли по спискам общероссийских партий, прежде всего КДП, но затем вследствие непризнания последней идеи национально-территориальной автономии образовали Украинскую парламентарную громаду, насчитывавшую от 40 до 45 депутатов (в том числе 19 крестьян, 4 рабочих, 17 земских деятелей) из 98, по другим данным – из 102, избранных от малороссийских губерний. Громаду возглавил И. Л. Шраг. В нее вошли полтавские депутаты В. М. Шемет, П. И. Чижевский, И. Н. Присецкий, избранный от Харьковской губернии М. М. Ковалевский, киевские депутаты историк Н. Ф. Беляшевский, Здановский, кадеты Е. Г. Шольц, Ф. Р. Штейнгель, депутат от Волынской губернии А. В. Вязлов, черниговский земский деятель член КДП А. А. Свечин, подольский адвокат И. К. Заболотный, К. Бардиж и большая группа депутатов-крестьян, избранных как беспартийные и не связанные ранее с украинскими активистами-интеллигентами: Г. Л. Зубченко, Н. С. Оиацкий, Литвин, А. Е. Тесля, А. Грабовецкий, П. Н. Куриленко, Нестеренко, Филоненко, Выровый, Возовик, И. И. Лысенко, С. Таран, Дьяченко, И. Тарасенко, Л. Е. Штефанюк, Игнатенко, Бей, Рыбачек, Романюк, Богач, Гринюк⁵².

Украинская парламентарная громада собиралась раз в неделю на открытые заседания вместе с украинским петербургским клубом. К началу работы думы в Петербург прибыл М. С. Грушевский. Громада учредила свой печатный орган «Украинский вестник» под редакцией А. И. Лотоцкого. Тесно сотрудничали с громадой петербургские украинцы П. Я. Стебицкий и А. А. Русов. Для депутатов-крестьян собрания совместно с членами украинского клуба были политической школой. Здесь им прививали идею национально-территориальной автономии. М. С. Грушевский подготовил для внесения в Государственную думу текст «Декларации украинской автономии». Вопрос о государственной самостоятельности не ставился, названный «политической утопией», зато «объединение народностей на федеративных началах» считалось реальной целью⁵³. Впрочем шансов для объявления этой программы с думской трибуны не оказалось. Вопрос был исключен из планов работы думы кадетами, решившими, что углубление в национальную проблематику помешает борьбе за общегражданские свободы. Украинская программа не получила ожидавшейся безоговорочной поддержки и в Союзе автономистов, образованном думскими национальными групп-

нами, в том числе несколькими украинскими депутатами во главе с И. Л. Шрагом. Начало этому объединению было положено на съезде автономистов в Петербурге 19–21 ноября 1905 г. с участием 115 представителей 13 национальностей под председательством польского филолога И. А. Бодуэна де Куртене. В мае 1906 г. уже был готов проект программы союза народов⁵⁴. А. И. Лотоцкий назвал позже Союз федералистов, прекративший существование с роспуском думы I созыва, первой попыткой национального разделения России⁵⁵. Ведущую роль в Союзе заняли поляки – 40 из 115–120 членов. Они, а также представители казачьих областей, предпочитали национально-территориальной принцип областной автономии, а еврейские представители – экстерриториальной. К тому же в общественном мнении крепло убеждение в том, что автономия касается лишь таких зрелых в национальном отношении народов, как поляки и финны, или этнически резко выделявшихся народов кавказского и других регионов. Относительно же славянских групп населения России, никогда не враждовавших между собой, все еще преобладало мнение об их единстве и нераздельности. Такое представление бытовало и в левых демократических кругах. Активистам украинских организаций еще в 1912 г. на конференции сочувствовавшей им Трудовой группы пришлось требовать ясности в данном вопросе. И конференция, на которой в полный голос декларировались права каждой народности на использование родного языка, на самоуправление и широкую автономию, особо «постановила занести в протокол заседания, что под словом “народности” понимаются также украинцы и белорусы»⁵⁶.

Между тем М. С. Грушевский во время работы I Государственной думы горячо возражал против деления наций на зрелые и незрелые. «В вопросе национального равноправия не должны иметь место отметки культурности, сознательности, исторической давности, дипломатической обоснованности», – писал он в те дни, и призывал к введению строя национально-территориальной автономии, «не ожидая вспышек “национального инстинкта”, ни плебисцитов населения»⁵⁷, и этим невольно демонстрировал, как мало соответствовала назревшим жизненным проблемам края его волюнтаристская политическая схема.

По свидетельству Л. Н. Жебунева, деятельного участника украинских организаций с народническим прошлым, в 1905 г. «на народных митингах (Полтавская губерния) высказывались желания довести до Думы требования украинской школы, литературы, в немногих случаях – автономии»⁵⁸. В Екатеринославе, Киеве, Одессе, Николаеве в декабре 1905 г. бушевали рабочие восстания, никак не связанные с украинством.

На Черниговщине, Полтавщине и в других местах в это время кавалерия и казаки расправлялись с крестьянами, боровшимися за землю. По данным исследования, из 6 802 крестьянских выступлений в крае только 886 (13%) имели политический характер и лишь в немногих из них выдвигались национальные требования⁵⁹. Даже депутаты-крестьяне из Малороссии, формально признавшие платформу украинских организаций, имели сомнения, не повредит ли обособление края в рамках национально-территориальной автономии их хозяйственной деятельности и, в частности процессу колонизации свободных земель на востоке. Их, как все крестьянство России, больше волновал земельный вопрос, занявший центральное место в работе I Государственной думы.

М. С. Грушевский также включил в свою программу проект аграрной реформы в довольно радикальном варианте отчуждения земли свыше установленного максимума. Этим помимо социально-экономической преследовалась национально-политическая цель подрыва влияния инонациональных владельцев крупной земельной собственности – поляков, великороссов, а также этнических малороссов, «вписавшихся» в общегосударственную элиту Российской империи. «Ликвидация крупного землевладения, – утверждал он, – для каждого сознательного украинца является актом в высшей степени желательным... Этот акт возвращает в национальное достояние земельный капитал, изъятый из него дезертирством высших классов»⁶⁰. М. С. Грушевский стремился к тому, чтобы проведение реформы попало в руки национальных элементов и потому твердо выступал против образования общегосударственного земельного фонда, предлагая передать дело местным земельным комитетам, которые образовывались бы с учетом экономических и этнографических, всякий раз подчеркивал он, условий. Он предлагал для начала отдавать землю в пользование, а не в собственность, чтобы со временем можно было внести корректировку по этническому признаку и в крестьянское землевладение⁶¹. Все эти положения легли в основу декларации Украинской парламентарной громады, обнародованной незадолго до роспуска думы.

Среди членов II Государственной думы от малороссийских губерний преобладали депутаты, избранные по крестьянской курии. Многие из них первоначально вступили во фракцию трудовиков. (Трудовая группа, говорилось в одном из ее более поздних документов, «как бы незаконный плод политического греха эсеровской партии», образовалась в I Государственной думе из сторонников ПСР, которая официально бойкотировала выборы. После роспуска I Государственной думы она превратилась в партию⁶² и при следующих выборах именно на юге само-

стоятельно или в блоке с родственными группами успешно проявила себя⁶³.) Но вскоре некоторые из них по разным поводам стали выходить из этой фракции*. 30 мая 1907 г. заявление о выходе, мотивированное желанием «организовать... самостоятельную Украинскую думскую фракцию», подписала большая группа: «украинский казак» С. А. Сайко, С. В. Нечитайло, П. Снегирь, И. Каташинский, П. Мороз, П. Рогожа, Ф. Дубонос, В. Е. Чигирин, А. И. Дидуров, П. Зубченко, А. Семенов, Д. Лагно, А. Наумов, Н. Дементьев, Т. Веретенко, З. Чеповенко, (одна подпись неразборчива), а также А. А. Соловей и С. Матвев, которые в Трудовой группе к тому времени не числились⁶⁶.

Парламентский клуб «Украинская трудовая громада» насчитывал 47 членов. В Бюро вошли А. Ф. Гриневич, Н. Рубис, врач эсер Н. С. Долгополов, фельдшер С. В. Нечитайло, И. Лось-Колендзян, черниговский крестьянин эсер В. И. Хвост. В своем учредительном воззвании, опубликованном в органе громады «Рідна справа – вісти з Думи», фракция выставила программу автономии Украины, введения местного самоуправления, родного языка в школе, суде, церкви, образования в южных университетах кафедр украиноведения и т. д.⁶⁷

А вот какие требования передали в думу черниговские крестьяне через своего депутата В. И. Хвоста: уничтожения военно-полевых судов, политической амнистии, «полной автономии для нашей Украины... отобрать всю землю казенную, кабинетскую, удельную, монастырскую и частновладельческую», уничтожить все косвенные налоги с заменой подоходно-прогрессивным; «всех палачей-чиновников к суду снизу доверху, уничтожение Государственного совета, потому что он не выбран народом, а сами ничего не роблять, а получают наших кровных денег по 25 руб. в сутки»; всеобщего равного и прямого тай-

* Священник Ф. А. Гриневич 16 апреля 1907 г. заявил о несогласии с голосованием фракции по вопросу о числе новобранцев в армию. Это заявление подписали также депутаты-крестьяне А. Соловей (11 мая вернулся в Трудовую группу), А. Дидурок, Ф. Дубонос, П. Зубченко, А. Ф. Наумов⁶⁴.

В заявлении, поданном в Бюро Трудовой группы 4 мая 1907 г. членом Государственной думы от Киевской губернии П. Снегирем, читаем: «За время пребывания в Трудовой группе я не раз обнаруживал среди членов ее отсутствие единодушия, неподчинение меньшинства решению большинства и другие неурядицы, что я терпеть и переносить не могу».

Радикальным средством к устранению указанных мною недостатков... было бы предложить всем малодушным членам выйти из Трудовой группы, в противном случае нахождение их в группе заставит многих членов более стойких... к числу которых я причислю и себя, уйти из Трудовой группы...»⁶⁵

ного голосования и Учредительного собрания; «все чиновники должны быть выбраны народом сверху донизу...»⁶⁸

М. С. Грушевский и другие украинские деятели гордились фактом участия крестьянских депутатов в украинской фракции I и II Государственной думы. В. Н. Леонтович, выступая в начале 1914 г. с докладом «Украинское движение народное, а не интеллигентское», говорил: «Выборы в 1-ю и 2-ю Думу под знаком не национальных идей. Выбраны лица, не подготовленные теоретически. М[ожно] б[ыло] предполагать, что избранники забудут. Но они скоро сорганизовались в национальную фракцию». Докладчик считал это одним из главных признаков, «свидетельствовавших о силе и жизнеспособности» украинского направления⁶⁹.

Подобным образом как высшую точку украинского движения до первой мировой войны, оценивают факт образования украинских парламентских фракций с участием крестьянских депутатов и некоторые современные украинские исследователи⁷⁰.

И все-таки это не означало ни устойчивости, ни тем более единообразия национально-политической ориентации малороссийского крестьянства, ни преобладания настроений в пользу украинского течения. Настоятельная необходимость решения земельного вопроса объединяла крестьянство Российской империи независимо от этнической принадлежности. Поэтому привлекательной организацией, включавшей десятки тысяч крестьян и в малороссийских губерниях, сделался в начале революции Всероссийский крестьянский союз. Усиленная агитация украинских партий за образование отдельного Украинского крестьянского союза возымела действие лишь в Полтавщине⁷¹.

Самыми же многочисленными в Малороссии стали правые монархические организации – отделения общероссийского СРН, союза имени Михаила Архангела, дубровинского союза, Русской монархической партии, а также идеологически родственные автономные местные союзы, братства, артели и пр. При этом, подчеркивает современный украинский автор, «было бы грубой ошибкой считать, что черносотенные партии на Украине складывались лишь из этнических русских... Анализируя списки черносотенных организаций, можно сделать вывод, что в небольших городах и тем более в селах украинцы в этих организациях решительно преобладали»⁷². И не только украинцы. По данным канцелярии одесского градоначальника, организованные в порту под эги-

⁶⁸ Цит. по черновой записи П. Н. Милюкова.

дой СРН погрузочно-разгрузочные артели состояли «главным образом из армян, грузин и персов», а предводителями уличных эксцессов, затевавшихся в Одессе дружинниками СРН, нередко выступали германский подданный Э. Ройек и австрийский подданный М. Тумп⁷³.

Разумеется, организационным успехам правых способствовало покровительство со стороны правительства и местных властей, в годы революции поощрявших и субсидировавших боевую работу монархических организаций. Но были и другие, глубинные мотивы. Когда правые, ставя своей задачей борьбу с революцией, взяли курс на создание массовых организаций, в их политико-пропагандистском комплексе не могла не занять места социальная проблематика, в первую очередь такие жгучие вопросы, как земельный и рабочий. Особенно заметна сделалась эта тенденция в провинциальных организациях, где ее развивали некоторые активисты СРН. Так, екатеринославский губернатор в марте 1907 г. сообщал министру внутренних дел, что в Александровске отдел СРН образовался по инициативе жандармского ротмистра Будаговского – человека, «фанатично преданного националистическим и патриотическим идеалам». Но, добавлял губернатор, «я не могу назвать его лицом консервативных убеждений, так как в вопросе, например, аграрном он склоняется к крайним партиям, – и тому должно отчасти приписать несомненное влияние, которое он имеет и на часть рабочего населения Александровска»⁷⁴. Начальник херсонского жандармского управления со своей стороны сообщал в 1911 г., что в Херсоне и Елисаветграде активист СРН И. П. Фоменко «вел агитацию, восстанавливая крестьян против помещиков, возбуждал неимущие классы против имущих и организовал для избития помещиков... боевую дружину»⁷⁵.

Подчиняясь настроениям «низов», правые монархисты считали нужным сформулировать аграрную программу. «Молим тебя, любвеобильный монарх, – писали они в адресе, направленном царю II съездом отделов СРН Юга России в октябре 1908 г., – издать закон о наделении землей тех безземельных крестьян и мещан, которые занимаются хлебопашеством; издать строгие законы о воспреещении хлебного ростовщичества и покупки у крестьян их урожаев на корню; установить при каждой школе в деревне и при церковноприходских школах участки земли для обучения детей на практике правильному земледелию; урегулировать арендные цены на землю, дабы она не служила предметом спекуляции; устроить в школах и деревнях ремесленные школы... облегчить крестьянам покупку земли от помещиков через Крестьянский банк с выдачею

сруд по оценке неимущим крестьянам; улучшить быт и материальное положение верноподданных тебе мешчан»⁷⁶. Внимание к крестьянским нуждам, пусть словесное, имело свои последствия. Массовым, порой целыми селами, стало вступление в СРН крестьян в Правобережье. В Подольской губернии в 1907 г. насчитывалось 70 его отделов и подотделов с 8,5 тыс. членов только из крестьян, а на Волыни действовало более 600 организаций Союза⁷⁷. Здесь социальные грани во многом совпадали с этническими и конфессиональными – крестьяне-малороссы находились на нижних ступенях общественной лестницы и искали защиты от всевластия крупных земельных собственников-поляков* и экономически доминировавшего над крестьянами еврейского населения. Последний антагонизм уходил корнями в далекие времена, когда по приглашению польских королей евреи стали селиться в Правобережье, захватив к XVI в. в свои руки с согласия польского дворянства всю торговлю, в том числе и винную. Это занятие обогатило многих из них и сделало в глазах народа отравителями и «кровопийцами». В освободительной войне 1648–1654 гг. евреи наряду с поляками стали объектом народного гнева. В XIX в. крестьяне воспринимали как непосредственно враждебную своим интересам их роль в качестве арендаторов и управляющих в крупных польских владениях⁷⁹. Иными словами, националистические настроения служили опосредованным выражением острых социально-классовых противоречий. Национализм крестьян-малороссов приобретал, по словам английского историка Э. Карра, антисемитскую и антипольскую направленность, политически же они не отделяли себя от великороссов⁸⁰.

В некоторых местах правые не ограничивались традиционной словесной агитацией, но использовали организационно-хозяйственные методы, учреждая экономические союзы, кредитные и потребительские

* Типичная для Волыни ситуация отразилась в «Записке о положении и нуждах крестьян Семеновского сельского общества... Ровенского уезда», поданной в Трудовую группу II Государственной думы. В ней говорилось, что вотчинный владелец польский граф В. И. Броель-Пляттер самовольно отобрал у сельского общества сервитуты (право пользоваться выпасом, водопоем для скота и т. д.) и часть крестьянской пашни. Оставшаяся «земля окружена лесами Пляттера, холодная, не обогревается солнцем, плохая по качеству... Все мы полуголомые, нищие, живем в крайней бедности... Наши старики только вздыхают о прежних, хотя и крепостных, но все-таки лучших временах». Крестьяне просили содействия в том, чтобы их «восстановить во всех прежних владениях всеми прежними землями, восстановить общую толоку, водопой, полюбовно, а не судебным порядком (где нам темным и бедным людям судиться с таким просвещенным, богатым и весьма влиятельным человеком!), сенокосы. Уничтожить чересполосицу, восстановить право на свободное распоряжение общественными лесами» и пополнить за счет имущества графа крестьянские наделы «до полной трудовой нормы», которая, ожидали просители, будет установлена Государственной думой⁷⁸.

кие товарищества. Почаевская лавра на Волыни с ее признанным авторитетом среди верующих и немалыми издательскими возможностями сделалась не только мощным духовно-пропагандистским центром правых, но также и очагом многих экономических начинаний, которые возглавлял архимандрит Виталий (В. И. Максименко). Под эгидой Почаевского отдела СРН был учрежден банк для обслуживания крестьян, создана сеть потребительских лавок, предусматривалась продажа казенных земель по сниженным ценам, содействие переселению крестьян на свободные земли, развитие мелкого кредита, инициатива строительства государственных элеваторов⁸¹.

Подобные приемы использовались в рабочей и вообще в городской среде. Выступая против вовлечения рабочих в политическую борьбу, правые организации нередко защищали их в экономических спорах с предпринимателями. Так, урегулирование конфликта на крупнейшем в Екатеринославе предприятии тяжелой промышленности Брянском заводе обеспечило образование в городе большого отдела Союза русских рабочих. В одесском порту артели, созданные СРН и объединившие 1 350 грузчиков, монополизировали все погрузочные работы⁸². Киевский отдел Союза русских рабочих включал свыше 3 тыс. членов. Всего же в Киеве были 34 подобные организации – Извозо-промышленный отдел союза имени Михаила Архангела, Собрание русских торговцев, студенческая Партия академического порядка, Общество активной борьбы с революцией и анархией с отделением в Екатеринославе, Патриотическое общество молодежи «Двуглавый орел» (накануне войны насчитывало в Киеве 256 членов; лидеры – студент Голубев, священник Ф. Н. Синькевич, журналистка Д. Е. Куделенко) с отделениями в Екатеринославе, Нежине, Черкассах, военно-спортивные клубы «Орел», Киевское русское спортивное общество и «Русский богатырь» во главе с В. Е. Разметальским и журналистом А. И. Савенко⁸³.

Таким образом, революция 1905–1907 гг. дала украинскому течению возможность открыто обозначить свое присутствие в политико-идеологической палитре страны. Вместе с тем обнаружилось, что на общественном уровне оно обрело внушительный противовес в виде правых монархических организаций.

Глава 5

Украинское течение в послереволюционном политическом пейзаже

Век II Государственной думы, как и I, оказался коротким – всего 103 дня. После их роспуска более 200 депутатов обоих созывов по политическим мотивам прошли через тюремное заключение¹. Революция захлебнулась. Царское правительство приняло курс на ликвидацию многих ее достижений. Изменилась ситуация на политической сцене.

Правые монархические круги, считавшие выполненной взятую на себя роль в подавлении революции, занялись определением новых целей и тактики. Одни во главе с А. И. Дубровиным, не признавая внесенных революцией перемен, придерживались старых представлений о неограниченности царской власти, утверждали, что Манифест 17 октября 1905 г. противоречит идее самодержавия, был навязан царю силой и потому не подлежит исполнению. Они отрицали конституционализм, противопоставляя ему идею «исконной русской соборности», критиковали столыпинскую реформу и предпочитали следовать выработанным в годы революции методам прямого действия при непосредственной апелляции к массам. Их нередко называли «революционерами справа».

Другие – марковцы – признали новые реалии, выступили за обновление СРН и взяли курс на поддержку правительственных реформ и участие в Государственной думе. Подобной ориентации придерживался и союз Михаила Архангела.

Помимо этих крайних организаций на правом фланге появилось еще одно направление. О нем современный украинский исследователь пишет: «Одной из характерных черт политической жизни Российской империи в период, который начался после революции 1905–1907 гг., было возникновение новой влиятельной политической силы – русского

национализма... В лице русского национализма украинское национальное движение обрело последовательного и бескомпромиссного противника»².

В российской партийно-политической структуре русские националисты заняли место между правыми монархистами и октябристами, ставя своими целями укрепление сознания русского народного единства, упрочение русской государственности на началах самодержавия в единении с законодательным народным представительством, развитие русской культуры.

Избирательный закон 3 июня 1907 г., направленный на изменение соотношения курialsных выборщиков, позволил правым монархистам получить в III Государственной думе 140 депутатских мест. Часть из них объединилась во фракцию правых и крайне правых (51 депутат). Параллельно представленная в думе и в Государственном совете группа русских националистов по инициативе члена Государственного совета С. В. Рухлова, депутата Государственной думы князя А. П. Урусова, публициста газеты «Новое время» М. О. Меньшикова образовала в 1908 г. Всероссийский национальный союз (ВНС), остававшийся вначале столичной организацией, не слишком связанной с провинцией. Но именно на периферии, в юго-западных губерниях, стали создаваться новые, родственные ей центры русских националистов. Весной 1908 г. по инициативе лидера киевского отделения СРН профессора Д. И. Пихно был учрежден Киевский клуб русских националистов (ККРН) под председательством профессора В. Е. Чернова, с 1912 г. – журналиста, депутата IV Государственной думы А. И. Савенко. Крупной организацией стал также основанный в 1909 г. И. Г. Раковичем Подольский союз русских националистов (ПСРН). Эти организации взаимодействовали с ВНС, не вливаясь в него. Отделы же ВНС открывались там, где не было филиалов ККРН и ПСРН. В конце 1913 г. отдел ВНС в Киеве образовали правые деятели ККРН (П. Я. Армашевский и др.), недовольные объективной позицией некоторых коллег в нашумевшем деле М. Бейлиса. Органом этой группы стала газета «Киев». Для поддержки галицийских москвофилов одним из лидеров ВНС графом В. А. Бобринским было основано Галицийское русское общество (ГРО). Его самый большой отдел в Киеве возглавили Н. В. Стороженко и Ю. А. Яворский. В 1911 г. возникло Западно-русское общество (ЗРО), занимавшееся преимущественно экономическими вопросами.

Киевский клуб русских националистов имел идейной основой представление о малороссах (понятие «украинец» они отрицали) как юж-

ной ветви единого русского народа. Украинское движение, согласно уставу ККРН, считалось вредным и безосновательным, а главной целью культурной и идеологической деятельности ставилась борьба «с польским натиском и с украинофильством силами самой Украины». В рядах Клуба, объединившего свыше 700 членов, насчитывалось не менее 40% этнических малороссов^{3*}. Так что, если оставить в стороне вульгарно-материалистическую риторику, объяснявшую этот факт корыстолюбием высших слоев, желавших пользоваться привилегиями «господствующей нации»^{4*}, и если принять во внимание, что русские

Среди них – успешный предприниматель, инженер В. Я. Демченко – строитель Киево-Полтавской железной дороги, организатор уличного и транспортного благоустройства Киева; цвет киевской профессуры как гуманитарных – известный филолог-славист, византист, член-корреспондент Императорской академии наук Т. Д. Флоринский – так и прикладных специальностей: профессор-педагог В. Е. Чернов; крупный специалист в области политической экономики и прикладной экономики профессор Д. И. Пихно; профессор кафедры геологии Киевского университета и директор Высших женских курсов П. Я. Армашевский, благодаря работам которого было обеспечено артезианское водоснабжение Киева и разработана система защиты от оползней нагорной части города вдоль берега Днепра.

Во время гражданской войны местные политические оппоненты не вступали с ними в словесные дискуссии. «Чрезвычайка расстреляла через двадцать четыре часа после ареста профессоров Флоринского, Зилова физика и Армашевского минералога. Последние два старика около семидесяти лет. Надо положить конец произвольным расстрелам научных и технических сил... Высшая школа здесь на задворках, управляют ею мальчики комиссары», – узнаем из телеграммы представителя Всероссийского центра в Киеве Федоровского от 20 мая 1919 г., адресованной в «Наркомпрос Наркому Покровскому. Копия: Кремль Горбунову»⁴.

Но не только «мальчики-комиссары» с легкостью распоряжались жизнями известных представителей научной и технической интеллигенции. В протоколе Особой комиссии Киевской ЧК от 19 мая 1919 г. напротив искаженной фамилии «Армашевский (в документе: Аркашевский. – И. М.) Петр Яковлевич» значится постановление: «Применить высшую меру наказания, известно предварительно т. Раковского». Так что расправа, как видно, была совершена с ведома главы правительства Советской Украины. В том же списке – «Щеголев Сергей: – автор широко известных книг об украинском движении, приговоренный к «высшим мерам наказания» и конфискации наличных денег»⁴.

О том, что вопрос был значительно сложнее, свидетельствует то обстоятельство, что среди не разделявших украинскую идею этнических малороссов были не только корыстолюбцы, шарлатаны и ретрограды, но и люди высоких нравственных качеств и передовых убеждений.

И. И. Петрункевич – выдающийся деятель КДП, бескомпромиссный либерал и непримиримый, жестоко преследовавшийся самодержавием, его противник – до конца своих дней не мыслил отдельной от России судьбы Украины. Этнический малоросс, еще в молодые годы (1879 г.) за земскую деятельность административно высланный и навсегда лишенный права вернуться на родную Черниговщину, он не разделял политических настроений украинства ни когда оно только зарождалось, ни тогда, когда на волне революции 1917 г. его приверженцы приступили к реализации поставленных целей. Свое неприятие украинства, безусловно замыкавшего на национальную проблематику весь комплекс социальных, экономических, политических факторов развития, он недвусмысленно выразил в мемуарах,

монархически-националистические организации оказались привлекаемыми и для украинского крестьянства, то придется признать, что русский национализм, опиравшийся в крае на немалую часть этнических малороссов, представлял внушительную альтернативу украинскому направлению. М. С. Грушевский, правда, называл многочисленные категории земляков «тоже малороссов» не отделявших себя от России, явлением патологическим, обреченным на вымирание⁷. Но реальная ситуация не подтверждала такого прогноза. Один из деятелей украинского течения Н. Е. Шаповал (печатавшийся под псевдонимом Н. Сриблянский) на страницах «ЛНВ» честно признался, что соотношение сил в крае не в пользу украинского движения. Последнее может апеллировать только к моральному праву; «если оно будет прислушиваться к большинству голосов, то должно будет закрыть лавочку, — большинство против него»⁸.

Между тем в октябре 1909 г. в III Государственной думе в результате слияния национальной группы и умеренно правых, отделившихся от фракции правых и умеренно-правых («не выдержали грубости неумеренных» — шутил один из отделившихся), образовалась солидная фракция русских националистов числом около 100 человек во главе с «умеренно правым» крупным подольским помещиком П. Н. Балашевым⁹. Яркой фигурой фракции зарекомендовал себя талантливый публицист и общественный деятель, убежденный сторонник П. А. Столыпина, редактор и издатель чрезвычайно популярной газеты «Киевлянин», практически ставшей главным органом русских националистов, В. В. Шульгин¹⁰. Эта фракция выступала против национальных движений как

написанных в 1920-е годы. «Итак, я, уроженец Украины, переселился в Великороссию, — вспоминал он о факте высылки. — Как ни близко то время к настоящему времени, но тогда Россия была еще едина... между Черниговской и Тверской губерниями существовало не более различия, чем между французскими департаментами Нормандией и Провансом... профессор Грушевский не был конкурентом кукольного гетмана Павла Скоропадского и не мечтал о «самостийной» Украине... Черниговская и Тверская губернии считались одинаково губерниями русскими, не подозревавшими, что они населены иноплеменными народами, счастье и интересы которых требуют якобы независимости одного от другого»⁸.

• В. В. Шульгин унаследовал газету от отца В. Я. Шульгина и отчима Д. И. Пихно. Шульгины принадлежали к известному в крае старинному казачьему роду, в котором среди близких родственников оказались люди диаметрально противоположной национально-политической ориентации. Двоюродный брат В. В. Шульгина педагог и историк Я. Н. Шульгин (равно осиротев, он воспитывался в доме В. Я. Шульгина) преданно служил украинской идее и в конце жизни все скромное состояние отдал на цели издания украинской литературы. Все три его сына активно участвовали в украинском движении. Александр, выпускник Петербургского университета стал министром иностранных дел отделившейся от России в 1917 г. Украинс-

разрушительной антигосударственной силы⁴, подчеркивая государствообразующую роль русских и православия. С октябристами, по тем же мотивам не сочувствовавшими националам окраин и также имевшими в своих рядах немало этнических малороссов, она разделила роль правого центра и сделалась опорой кабинета П. А. Столыпина, который в национально-политических течениях, в том числе и украинском, видел угрозу государственной целостности России.

В одном из официальных документов он писал: «Наше правительство с XVII столетия постоянно боролось с движением, известным в наше время под именем украинского и олицетворяющим собой... устроительство Малорусской Украины на автономно-национально-территориальных началах. Национальное и политическое стремление настолько тесно связаны, что... в нашу государственную задачу не может не входить устранение всех подобных обстоятельств, в особенности искусственных среди одноплеменных народностей»¹³. Образование ККРН А. А. Столыпин приветствовал телеграммой: «Твердо верю, что загоревшийся на Западе России свет русской национальной идеи не погаснет и скоро озарит всю Россию»¹⁴.

При нем в циркуляре Министерства внутренних дел от 20 января 1910 г. губернаторам было предписано не допускать регистрации культурно-просветительных обществ, в том числе украинских, которые «имеют целью объединение инородческих элементов на почве исключительно национальных интересов»¹⁵. В отношении украинской печати вновь была введена помимо общей специальная цензура. Украинские деятели, для которых с поражением революции культуричество осталось единственной сферой национальной рабо-

кой народной республики. Младший Владимир погиб в гражданской войне, сражаясь на стороне УНР¹⁰. А В. В. Шульгин в годы гражданской войны вместе с двумя сыновьями – 18-ти и 14-ти лет в рядах белого движения боролся за «единую, нераздельную Россию»¹¹.

Русские националисты не были одиноки в такой оценке. Они любили ссылаться на мнение известного французского ученого и общественного деятеля, знатока и автора книг по российской истории А. Рамбо, который, проводя параллель между упомянутой вспышкой этнического регионализма во Франции и украинским течением, писал: «Наши провансальцы, будучи не менее малороссов *преданными литературному культу родной речи*, прекрасно понимают вместе с тем, что воссоздание Прованса, как независимого государства, возможно только на развалинах Франции. Отделить себя... от Марселя, Тулона, Ниццы... Франция... не допустит пока она существует. А радикалы украинфильства не догадываются, по-видимому, что Одесса, Севастополь, Ялта – это русские Марсель, Тулон, Ницца. Надо быть совершенно лишенными политического чутья, чтобы пренебрегать в планах будущего такими *событиями в прошлом, как Полтавская битва, Наваринское сражение, оборона Севастополя*, и при этом не считаться вовсе с силой общерусского унитаристского населения во всех местностях России, населенных малороссами»¹².

ты, остро реагировали на все эти ограничения¹⁶, но от упомянутого циркуляра М. С. Грушевский был в восторге, увидев в причислении украинцев к «инородцам» невольное признание их самостоятельной нацией. В статье «Гимн благодарности» он писал, что «циркуляр следует записать золотыми буквами в истории украинского движения»¹⁷. Вообще, когда надо было подчеркнуть, что «национальное движение на Украине стало интенсивнее», он без предвзятости признавал, что «скромные остатки российских свобод все же дают возможность для украинской прессы кое-что делать в смысле организации общественного мнения и популяризации национальных идей»¹⁸. В 1913 г., по данным И. Н. Полторацкого, кадета и украинского активиста, под эгидой украинских организаций выходило 22 печатных органа во главе с киевской «Радой» и «ЛНВ», перенесенным из Львова в Киев. Из них 18 издавались только на украинском языке, четыре – на русском и украинском одновременно¹⁹. В 1912 г. в Москве был учрежден на русском языке журнал «Украинская жизнь». Его фактическим редактором стал С. В. Петлюра. Украинские отделы велись в некоторых русских изданиях. Действовало 49 украинских книгоиздательств. Они выпускали в год от 196 до 242 наименований общим тиражом в 500–600 тыс. экземпляров. Тиражи периодики были невелики – от 800 экземпляров до четырех (редко – пяти) тысяч, количество подписчиков и того меньше. Значительная часть тиражей распространялась бесплатно, шла по обмену с другими изданиями²⁰. По оптимистическому замечанию В. Н. Леонтовича, благодаря распространению украинской книги армия и учебные заведения переставали быть обрусительными учреждениями: солдаты, несмотря на запрет, читали украинские книги и возвращались «усиленными патриотами», учащиеся пользовались разговорным украинским языком²¹. Изданию и распространению украинской литературы способствовали создававшиеся после 1905 г. общества «Просвита». Первые организации, рассказывал Д. И. Дорошенко на собрании Украинского клуба в начале 1914 г. (согласно черновой записи присутствовавшего на собрании П. Н. Милюкова), возникли в Екатеринославе и Одессе. В 1906 г. городские и сельские «Просвиты» образовались в Киевской, Черниговской губерниях, в Житомире, Подольской и Херсонской губерниях, на Кубани²².

У истоков киевской «Просвиты» стояли В. В. Антонович, В. Д. Гринченко, С. А. Ефремов, В. К. Винниченко, Леся Украинка, В. П. Науменко, И. М. Стещенко, дочь и сын М. П. Драгоманова, композитор Н. В. Лысенко. За время своей деятельности она выпустила 34 наименования

народных брошюр в 164 тыс. экземпляров; из них распространено было 45 тысяч, разослано даром 12 864; в год читалось до 100 популярных лекций, устраивались концерты. Украинские социал-демократы постоянно критиковали киевскую «Просвиту» за политическую умеренность, близкий же организации публицист, напротив, подчеркивал, что она «не придерживалась узких рамок ошибочно понимаемого просветительства», а способствовала «пробуждению у читателей национальной сознательности и пропаганде социальной сознательности»²³. Закрыта она была в 1910 г. за «дискредитирование монархической власти... восхваление революционных и бунтовщических деяний... проповедь решения аграрного вопроса по рецептам анархистов, коммунистов... поднятие знамени узконациональной автономии» и т. д. Черниговская и екатеринодарская «Просвиты» прекратили существование из-за отсутствия деятельности²⁴. Библиотека закрытой «Просвиты» в Киеве перешла к киевскому Украинскому гражданскому собранию, более известному как Украинский клуб. В нем кроме обычных клубных развлечений систематически проводились литературные, научные, публицистические чтения, тематические экскурсии и пр. Согласно данным писательницы и драматурга Л. М. Старицкой-Черняховской, он насчитывал 400 действительных членов и 300 активистов из учащейся молодежи. По обвинению в политической пропаганде против существующего строя он был закрыт, но вместо него образовался клуб «Родина», который тоже испытывал стеснения вроде запрета на символику украинства – желто-голубые флаги²⁵.

«Просвиты» создавались без единого координирующего центра. В них нередко сталкивались интересы украинских партий, старавшихся использовать эти учреждения в политических целях. Так, «Просвята» в Каменец-Подольском была закрыта за то, что в ее библиотеке раздавали социалистические листовки, в Одессе помещение служило складом нелегальной литературы²⁶. После закрытия одесской «Просвиты» продолжал свою деятельность одесский Украинский клуб. Однако в этом космополитическом городе он должен был для привлечения посетителей включать в украинские программы русские номера. Русская речь была обычной и среди членов клуба. В результате «сознательные украинцы» откололись, образовав в 1912 г. второй клуб – «Украинская хата». В Москве роль клуба предназначалась открытому в 1911 г. музыкально-драматическому кружку «Кобзарь»²⁷.

Успешной оказалась деятельность екатеринославской «Просвиты» и особенно 15-ти ее сельских и поселковых филиалов. Инициатива вначале принадлежала сельской интеллигенции, учителям, духовен-

ству, которые вскоре, однако, отошли на задний план. Ослабла и городская организация. К 1914 г. в ней, согласно документам, не оказалось ни одного члена, уплатившего взнос. В филиалах сетовали на малую помощь со стороны городской интеллигенции. Но, по словам Д. И. Дорошенко, много потрудившегося в екатеринославской «Просвите», «появились новые работники» – сами крестьяне, группы «сознательных украинцев» на казенных и частных заводах. В селе Мануйловке около 100 крестьян и рабочих на собранные деньги построили каменное здание «Просвиты», где проводили лекции, организовали книжную торговлю (с оборотом в 1 000 руб. в год), учредили потребительское общество. Успешными были организации в селах Диевка, Гупаловка, Криничка, Перещепино и др. На спектакли и концерты зрители приезжали из окрестных сел. Устраивались семейные вечера и детские елки с книгами в виде подарков (в 10-ти селах их получили 2 000 детей). Порой сельские «Просвиты» взаимодействовали с рабочими организациями. Мануйловская совместно с рабочими и служащими нижнеднепровских железнодорожных мастерских в 1911 г. широко отметила шевченковский юбилей. В этих мастерских неуклонно росла подписка на украинские издания. Активностью в украинском вопросе выделялись рабочие железнодорожного депо в Конотопе²⁸. В рабочей среде пропаганду вели украинские социал-демократические организации. Некоторое представление о масштабах воздействия национальных идей на рабочих дают, например, опубликованные в печати адреса по вопросу о создании украинского университета во Львове, подписанные 433 рабочими и служащими – от шести подписей, поставленных в Лозовой Павловке Екатеринославской губернии, и 17-ти – служащих харьковского паровозостроительного завода до 88 подписей рабочих города Ромны на Полтавщине и 112 подписей рабочих упомянутых нижнеднепровских мастерских²⁹.

Д. И. Дорошенко отмечал «организационное влияние “Просвит” на выборы» в некоторых округах. Может быть, именно поэтому администрация отказала в открытии еще шести филиалов, которые стали действовать нелегально. В целом при всех достижениях влияние «Просвиты» не сделалось доминирующим в культурной и общественной жизни Екатеринославщины.

Украинской идеей была проникнута деятельность Украинского научного общества под председательством М. С. Грушевского, открытого в Киеве в 1907 г. В 1912 г. оно насчитывало 87 действительных членов из числа местных ученых, своих сторонников из Петербурга и Москвы, а

также галицийских и буковинских профессоров, выпустило девять томов «Записок» и два сборника – по медицине, по естествознанию и технике. Давнюю традицию имело харьковское историко-филологическое общество во главе с профессорами Д. И. Багалеем и Н. Ф. Сумцовым. В Екатеринославе с 1901 г. научное общество, ориентированное преимущественно на естественные и прикладные науки, вело и просветительскую работу, устраивая лекции на русском языке в народных аудиториях, в том числе и по истории Украины. В Москве при возглавлявшемся Ф. Е. Коршем Обществе славянской культуры в 1910 г. образовалась украинская секция. В ней выделялись активностью профессор А. Е. Крымский и брат М. С. Грушевского – А. С. Грушевский³⁰.

Особое место в пропаганде украинской национальной идеи ее сторонники отводили такому массовому виду искусства, как театр, который еще в XIX в. принял на себя эту функцию и, возможно, именно поэтому подвергся официальным ограничениям: разрешались лишь постановки из народной жизни на этнографическом материале, не допускались «шютучные» пьесы об интеллигенции; украинскую пьесу можно было показать только вслед за русской с одинаковым количеством актов и т. д. С революцией 1905 г. отошли в прошлое многие ограничения. По данным руководства КДП, в 1913 г. насчитывалось 138 украинских театральных трупп, по-видимому, вместе с любительскими коллективами, так как по другим источникам, профессиональных трупп было около тридцати³¹.

На упомянутой встрече украинских деятелей с П. Н. Милюковым Л. М. Старицкая-Черняховская говорила, что «гнет дает украинскому театру высокое настроение», и подчеркивала его демократизм, идейность, социальную направленность, внимание к проблемам «национальной жизни, труда и капитала, настроениям рабочих масс»³².

Все украинские культурно-просветительные учреждения, по сведениям И. Н. Полторацкого, себя не окупали, но пользовались достаточными для поддержания деятельности частными средствами³⁴.

³⁰ Даже классика, приводила она пример, интерпретируется в духе «настроений борьбы с существующим порядком. Камениый гость – воплощение монархизма, дойна Анна – вольного революционера»³².

Сама писательница была автором исторической мелодрамы «Гетман Дорошенко». В ней главный герой со товарищи мечтал «столочь в ступе Москву». Язывательный критик, сторонник культурного единства славянских народов России, признавал литературные и жанровые достоинства этой пьесы. Но вместе с тем подчеркивал, что хорошо написанные в ней диалоги московского посла с казаками только лишний раз свидетельствуют о «поразительной близости вплоть до лексической тождественности обонх наречий»³³.

Широкое распространение в малороссийских губерниях получили впервые разрешенные в годы революции экономические организации – кооперативы, кредитные и потребительские товарищества и т. д. Вскоре край занял лидирующее положение по количеству кооперативов пропорционально численности населения, уступая только польским губерниям³⁵. Украинским политикам с их нешироким влиянием, конечно, не под силу было возглавить все кооперативное движение. Экономический интерес, потребности рационализации и модернизации хозяйства были главным его стимулом. В пропаганде конкретных знаний и форм усовершенствования сельского хозяйства деятельно участвовали активисты российских партий – трудовики, народные социалисты, либералы. С популярными статьями о способах интенсификации сельского хозяйства выступал экономист из Полтавы член I Государственной думы от КДП Я. К. Имшенецкий. Энергичным пропагандистом кооперации сделался украинский литератор и деятель Товарищества украинских прогрессистов (об этой организации речь будет дальше) В. М. Домаицкий. В проблематику кооперации углубились такие известные, тесно связанные с краем ученые-экономисты, как М. И. Туган-Барановский, автор монографии «Социальные основы кооперации» (Пг., 1916) и В. А. Косинский.

Политические же лидеры украинского движения, в частности М. С. Грушевский, если и заинтересовались сферой экономических учреждений, то не по их главному, хозяйственному назначению, а в качестве «единственно дозволенной формы организации». Украинская печать призывала местные отделения «Просвиты» включиться в кооперативную работу, чтобы «украинизировать» экономические структуры. «Кооперация должна быть построена на национальной почве, ибо за пределами национальности нет никакого прогресса, никакой культуры», – декларировал на I Украинском просветительно-экономическом конгрессе 1909 г. во Львове журналист и кооперативный деятель Н. Гехтер, развивая, впрочем, далее важную и недостававшую многим украинским лидерам мысль о том, что «национальная идея должна иметь своею базой экономические потребности народа, ибо иначе она повиснет в воздухе и не будет иметь никаких видов на реализацию»³⁶.

Под маркой «украинизации» пропагандировалась идея областного банка взаимного кредита. И. Н. Полторацкий с достаточным основанием объяснял потребность его создания чисто экономическими региональными нуждами³⁷. Однако когда выяснилось, что кооператоры малороссийских губерний по тем же экономическим соображениям подписались на половину акций учрежденного в Москве Народного банка, а многие

члены Киевского потребительского общества после его банкротства вступили в Московский союз потребителей, украинские газеты осудили практичных кооператоров за поддержку «чужих» организаций³⁸.

Политические партии в России и по обновленному революцией законодательству не получили полного правового признания. Национально-политические организации после подавления революции вовсе лишились условий работы. Левые украинские партии, как, впрочем, и общероссийские, были разгромлены полицейскими преследованиями. Многие активисты скрылись в эмиграции (больше всего – в Галиции, но часть и в Швейцарии, Англии и в других странах). Непоправимый урон понесла Спилка: аресту подверглись все делегаты ее конференции, созванной по инициативе проникшего в партийную среду провокатора; затем, в конце 1907 г., почти в полном составе был арестован Главный комитет и разгромлено большинство местных организаций. Избежавшие ареста и эмигрировавшие активисты в дальнейшем пытались возобновить работу, наладить партийную печать. В 1909 г. под редакцией Л. Д. Троцкого было возобновлено издание «Правды» как органа Спилки. Но уже с четвертого номера название этой организации исчезло из логотипа газеты. В этом же году вышел единственный номер «Известий Украинского Союза». До 1912 г. от имени Спилки выпускались отдельные воззвания, но восстановить организацию не удалось³⁹.

С поражением революции в упадок пришла и УСДРП, полностью лишившись печатной базы и потеряв арестованными или добровольно выбывшими большую часть своих членов. В первые послереволюционные годы национально-партийная жизнь, по словам современного украинского исследователя, теплилась лишь благодаря отдельным подвижникам. Среди них автор особо подчеркивает роль идеолога и публициста Л. О. Юркевича. Выходец из мелкопоместной семьи, студент Киевского университета, человек слабого здоровья, в 1907 г. он по настоянию родителей выехал за границу для продолжения образования. Но, оказавшись в кругу однопартийцев-эмигрантов, вновь окупнулся в политическую работу. В пору, когда единственной доступной оставалась литературно-политическая сфера, Л. О. Юркевич своей актуальной публицистикой не дал угаснуть партии. В те годы горячо обсуждался вопрос о характере дальнейшей деятельности УСДРП. Находящийся в Киеве ЦК (Н. В. Порш, С. В. Петлюра и др.) ориентировался на создание рабочих ячеек и борьбу нелегальными средствами. Заграничный комитет (А. И. Жук, Д. И. Довцов, В. В. Дорошенко) признавал предпочтительной работу среди интеллигенции и расширение

легальных форм. Л. О. Юркевич выступил за активизацию всех форм и поддержал ЦК в его стремлении к массовой работе. В 1910 г. он способствовал объединению полемизировавших на эту тему между собой журналов «Робітник» и «Праця» в единый орган украинской социал-демократии «Наш голос», в который вложил часть средств из полученного от отца наследства, и стал активнейшим его автором. В 1913 г. на собственные средства основал в Киеве литературно-общественный журнал «Дзвін» («Колокол»), собравший лучшие украинские писательские силы и левых публицистов. В отличие от большинства коллег, критиковавших послереволюционное культурничество Товарищества украинских прогрессистов и догматически считавших национально-культурную работу «буржуазными затеями», не заслуживающими усилий «малыми делами», Л. О. Юркевич рассматривал ее как важную форму идеологического влияния. Он призывал национально-культурной работой воспитывать национальное сознание пролетариата, чтобы поставить его во главе национального возрождения, в котором пока лидировала интеллигенция – «средний», по определению Л. О. Юркевича, класс. Кстати, это нетрадиционное для социал-демократии деление украинского общества на высший (денационализированный), средний и низший классы родилось в дискуссии с украинскими либералами, считавшими украинское движение надклассовым⁴⁰.

Практическую работу УСДРП смогла возобновить только в 1910 г. В Киеве удалось организовать подпольную типографию, местные ячейки начали агитацию среди рабочих. Но масштаб и результаты этой деятельности оставались более, чем скромными.

В это время часть украинских эмигрантов-социалистов (А. И. Жук, В. В. Дорошенко, Д. И. Доицов, В. Степанковский и др.) под влиянием политической атмосферы Дунайской империи, где украинское движение развивалось более успешно, пережили идейно-политическую эволюцию, во многом утратив интерес к социальной проблематике в пользу национальной в ее радикальном и абсолютизированном толковании. Среди них распространилось мнение, что репрессии царского правительства и невысокий уровень национального самосознания народа не позволяют рассчитывать на национальное возрождение лишь собственными силами, что необходимо искать помощи извне, которую могли бы оказать Австро-Венгрия и Германия вследствие обострения их отношений с Россией. При этом, восхищаясь достижениями украинцев в Галиции, они, как видно, не принимали во внимание, что среди прочего галицийское украинское движение, включая социал-демократию,

всегда придерживалось эволюционных принципов и было неукоснительно лояльно к австрийскому государству в его внутренней и внешней политике в то время, как российское украинство с самого зарождения поставило себя в состояние конфронтации с государственной властью, испытывая в ответ репрессии и ограничения. Названные лица стали считать желательным в неуклонно надвигавшемся с 1908 г. военном конфликте завоевание Австро-Венгрией украинских территорий, что, по их мнению, укрепило бы в Дунайской империи украинские элементы. Этот вопрос обсуждался, в частности, на совещании группы эмигрантов во Львове в марте 1911 г. Л. О. Юркевич не поддержал австрийской ориентации. Особую позицию занял В. К. Липинский, мыслитель и публицист консервативно-монархических взглядов (поляк по происхождению, волынский помещик, порвавший с семьей, которая не разделяла его украинского патриотизма). В центр своей концепции он ставил идею государственной самостоятельности Украины, а вариант присоединения к Австро-Венгрии рассматривал как переходную стадию, считая, что в случае войны украинцы не должны делать выбора между воюющими сторонами, относясь к ним одинаково лояльно и пассивно⁴¹. Но большинство объявило главным врагом украинской идеи Россию, призывая выступить на стороне австро-германского блока. На Базельском конгрессе II Интернационала в ноябре 1912 г. было обнародовано «Воззвание украинских социал-демократических партий России и Австрии», подписанное от ЦК УСДРП Д. И. Донцовым, от Комитета Спилки М. И. Меленевским, а также двумя представителями УСДРП Галиции. В нем говорилось: «Протестуя против войны, мы, однако, на этом самом месте торжественно заявляем, что в случае военного столкновения Австрии с Россией нашей главной задачей будет воевать против нашего извечного врага, против русского царизма»⁴². Вместе с галицийскими украинскими активистами сепаратисты-эмигранты развернули информационно-пропагандистскую работу, стараясь заинтересовать украинским вопросом и европейскую общественность.

Кипучей энергией во Львове выделялся молодой литератор и публицист Д. И. Донцов, сочетавший организационную и митинговую активность с интенсивной идеологической работой. Он прибыл в эмиграцию еще горячим поборником социал-демократии и противником националистической идеологии, критикуя «всеукраинство» деятелей УДРП – теорию бесклассовости украинского общества. «Мы уверены, что в борьбе украинского общества за национальное освобождение украинский пролетариат выступит не под сине-желтым знаменем всеук-

районства, а под красным флагом революционной социал-демократии», — писал он в 1910 г.⁴³ Но вскоре на социал-демократические идеи стал налагаться национализм антироссийской окраски, получивший развитие в брошюре Д. И. Донцова «Модерне москвофильство» и в произнесенном им на II Всеукраинском съезде студентов (Львов, 1913 г.) программном докладе «Современное политическое положение нации и наши задачи». В первой работе Д. И. Донцов поставил вопрос о вреде русского влияния на развитие украинской культуры и общественно-политической мысли и подверг уничтожающей критике аполятичный «культурно-сентиментальный» этап украинства. Досталось и М. С. Грушевскому, которого как сторонника автономистско-федералистской концепции он обвинил в «москвофильстве» и предательстве украинских интересов. В докладе — развивал концепцию сепаратизма, призванную, как он считал, сменить не получивший отклика в России и лишенный практического значения в Галиции лозунг «самостийной» Украины. Продолжая называть себя марксистом*, Д. И. Донцов отвергал либеральный принцип разрешения национального вопроса на путях осуществления гражданского равноправия, поскольку такое решение оставляло проблему

* Вскоре он был исключен из УСДРП и в дальнейшем в своих социально- и национально-политических взглядах эволюционировал вправо, заметно повлияв при этом на идеологию украинского движения. Его идейный противник В. К. Липинский, как видно, не без оснований объяснял эту эволюцию зависимостью от смены условий и страны пребывания Д. И. Донцова. В пору гетманства П. П. Скоропадского (1918 г.) он стал в ряды консервативной партии хлеборобов-демократов и в полную противоположность своим прежним утверждениям призывал «собрать все творческие силы края под сине-желтым флагом, помня, что силами одной социалистической интеллигенции государства не построить»⁴⁴. Оказавшись после этого вновь в эмиграции и осев в конце концов в присоединенной к Польше Восточной Галиции, Донцов провозгласил, что «ни одна нация не освобождается только собственными силами», и стал пропагандировать идею ориентации на «империализм европейских держав... интересы которых в данный момент противостоят интересам России»⁴⁵, считая желательным образовать против нее блок Польши, Румынии и Венгрии, ради чего стоило бы уступить этим странам некоторые украинские территории⁴⁶. Но вскоре его пригласили редактировать журнал Украинской военной организации (УВО), положившей начало новому, экстремистскому и террористическому течению украинского национализма в Восточной Галиции. Возникновение последнего стало ответом на насильственное, с санкции западных демократий, присоединение края к Польше. В 1929 г. на базе УВО возникла политическая Организация украинских националистов (ОУН), расколовшаяся позже на фракции; в годы второй мировой войны одна из них — фракция С. Бандеры сформировала печально знаменитую Украинскую повстанческую армию (УПА). Д. И. Донцов, с самого начала сделавшись идеологом этого течения, конструировал (на фоне быстро набравших в 1920-е годы силу в Европе идей и практики фашистского тоталитаризма) свою новую теорию «действительного», «волевого», «интерпретированного» национализма, изложенную в опубликованной в 1926 г. книге «Национализм».

развития национальной культуры делом «частной инициативы» само украинского общества, без всякой помощи государства», а революционно-демократическое разрешение считал маловероятным из-за «численной слабости единственного подлинно революционного элемента – рабочего класса, предательства буржуазии и тупости крестьянства»⁵⁴. Вместе с тем он утверждал, будто великодержавность России зиждется на обладании украинской территорией, «соками которой кормится российская промышленность и государственный бюджет».

Подобно ницшеанцам и приверженцам других виталистических систем он утверждал превосходство воли перед разумом и противопоставлял осмысленному мировосприятию зоологическую волю индивидуума к жизни при подавлении ее у других. На этом основывались первые заповеди «действительного» национализма: «укрепление воли к жизни, к власти, к экспансии» и борьба за осознание ее необходимости⁵⁷, а также последующие – романтизм, догматизм в восприятии предлагаемой идеологии и иллюзионизм как синтез обоих начал⁵⁸; фанатизм и аморальность, ибо национальная идея не признает общечеловеческих ценностей, осуществлять аморальную политику должен фанатик, агрессивный и истеричный к инакомыслию⁵⁹.

Автор «Национализма» делил народы на высшие и низшие и утверждал право «сильных рас» управлять «на благо существующей культуре и цивилизации», предлагая осуществлять это «право» путем «творческого насилия инициативного меньшинства», которое должно подчинить собственный народ и склонить его к агрессии против других народов. «Творческое насилие», совершаемое «инициативным меньшинством», он провозглашал основой всех общественных процессов⁶⁰.

В организационном строении Д. И. Донцов придерживался принципов иерархии, основанной на взаимной вражде и ненависти и скрепленной дисциплиной и слепой верой в свою противостоящую всем другим бескомпромиссную правду. Нескончаемым дебатам в политических партиях он противопоставлял дисциплину духовного ордена, предлагая по этому образцу строить национальную организацию.

В своей публицистике 1930-х годов Д. И. Донцов выступал апологетом гитлеровского фашизма. Его идеи глубоко вошли в идеологический комплекс ОУН, искавшей решения украинского вопроса на путях политического и военного сотрудничества с гитлеровской Германией, а человеконенавистническая теория служила этическим обоснованием кровавой практики ОУН и УПА, в которых Берлин видел не политических партнеров, а пособников-карателей. К концу войны некоторые комбатанты этих организаций стали отрешиваться от своего идеолога с его прогерманской пропагандой, продолжавшего теоретизировать в Берлине и в оккупированной гитлеровцами Праге, «углубляя» идею инициативных начал политики, еще круче, чем прежде замешенную на противопоставлении народа – «плебса», «толпы», «касты жаб, черепах или свиной» – и слоя «лучших людей», способных образовать «правящую касту»⁶¹.

Другие оуновцы и вовсе протестовали задним числом против отождествления идеологии, программы и тактики «организованного национализма» ОУН с «волевым национализмом» Д. И. Донцова, ставя в вину последнему равнодушие к идее «соборности» Украины и предпочитая в этом плане теоретические построения Н. И. Михновского, истинного, по их словам, «праотца-пионера» украинского национализма⁶².

Но самое непостижимое видится в том, что современный киевский автор презентует российским читателям обоих этих расистов и необузданных вдохновителей насилия как «наиболее ярких выразителей идеи национальной державности Украины»⁶³.

что отсутствие в стране политических сил, готовых признать украинский государственный суверенитет ставит русских в число «реакционных наций» (по классификации К. Маркса) и делает украинство «врагом российской государственности вообще как таковой»⁵⁵.

Он находил неуместным лозунг «самостийной» Украины, допуская союзные отношения с Россией, и называл «актуальным, более реальным, более конкретным – и быстрее осуществимым лозунг полного разрыва с Россией – политический сепаратизм»⁵⁶.

В те годы Д. И. Донцов призывал практически готовиться к активному участию в австро-русском конфликте: в Галиции – осуществлять военную подготовку и организацию молодежи, политически воспитывать народ в духе сепаратизма, вести антимосковскую агитацию, бороться с москвофильством. Возможности организации российских украинцев под своим флагом он признавал ограниченными. В частности, военную подготовку молодежи считал нереальной из-за «страшно низкого уровня национального сознания даже у интеллигенции» и советовал сосредоточиться на идейно-политическом воспитании и пропаганде австрославизма⁵⁷.

Но дело было не только в «низком уровне национального сознания» масс. Сепаратизма, построенного на австро-германской геополитической ориентации, не разделяли как украинское автономистско-федералистское течение в России, так и националистические радикалы из группировки Н. И. Михновского. Последний считал, что победа Австрии в приближавшейся войне будет означать захват поляками Правобережья, и предупреждал против германского экспансионизма. Воплощение идеи «соборности» он стал связывать с присоединением к России Восточной Галиции и Буковины⁵⁸.

После того как съезд украинского студенчества во Львове принял сторону Д. И. Донцова, произошел раскол и в кругах украинской социал-демократической эмиграции. Государственного сепаратизма не поддержали бывший тогда главой заграничной группы УСДРП В. К. Винниченко, а также Л. О. Юркевич и другие эмигранты в Лозанне. Это размежевание нашло отражение на страницах нового органа УСДРП «Дзвін»⁵⁹.

Однако появление сепаратистов – выходцев из России, открыто ориентировавшихся на враждебный России блок, в глазах как ее правительства, так и общества бросило тень на все украинское течение, которое по-прежнему сохраняло связи с австрийской Галицией. Настоящий масштаб явления не был известен, поскольку сами сепара-

тисты стремились преувеличить влияние своих идей, а отсутствие легальности загрудняло точное представление о массовых общественных настроениях, так что даже близкие к украинскому течению либералы очень по-разному оценивали перспективы сепаратизма. «Сепаратизм давно погребен», считал киевский профессор кадет Л. Н. Яснопольский. «Нельзя отрицать сепаратизма и антирусского движения, и притом не только в политической, но и в культурной области. Проповедуеться коренной разрыв с влиянием русской культуры», – высказывал противоположное мнение М. М. Могилянский, кадетский публицист родом из Чернигова, сотрудничавший с украинскими организациями. Другие полагали, что сепаратистские стремления, присущие пока только отдельным лицам, могут расширяться, если украинские требования не будут признаны российским обществом⁶⁰. Московский кадетский деятель польского происхождения А. Р. Ледницкий, признавая наличие украинского сепаратизма, считал, что он может быть преодолен с помощью рациональной политики. «Галицийские украинцы и русские [украинцы] – один и тот же народ. Если Киев будет центром украинской культуры, то в Галиция вместо москвофильства возникнет украинофильство», – рассуждал он⁶¹.

Но тенденция культурного отторжения Малороссии даже частью либералов воспринималась как фактор разрушения общерусской культуры, скреплявшей в единое целое Российское государство. С таких позиций, в частности, в 1911–1912 гг. выступил в редактируемом им журнале «Русская мысль» известный общественный и политический деятель, один из основателей КДП П. Б. Струве, чем вызвал протесты украинских активистов и несогласие своих однопартийцев.

Между тем в некоторых украинских кругах стремление к самоутверждению выливалось в специфические, порой экстремистские формы. Так, отпочковавшаяся от УНП террористическая организация Украинская народная оборона наметила в год 250-летия Переяславской рады взорвать царские монументы в Киеве, Одессе, Харькове. Произведен был взрыв, но неудачный, только памятника А. С. Пушкину в Харькове – скульптура устояла. Еще одна акция планировалась этой организацией в Полтаве в связи с 200-летием Полтавской битвы (1909 г.), но также не удалась⁶². Либеральные украинские деятели отметили эту годовщину публикациями (в Галиции), прославляя в них гетмана И. Мазепу как украинского патриота и чуть ли не продолжателя дела Б. Хмельницкого, который якобы тоже хотел, но не успел порвать с Россией.

Но в интерпретации событий Петровской эпохи инициатива была перехвачена активистами ККРН. На торжествах, организованных Киевским отделом Императорского военно-исторического общества, против украинских активистов было пущено как символ измены прозвище «мазепинцы»⁶³. Выступавший от ККРН А. И. Савенко заявил, что украинский вопрос бесповоротно решен самой историей «и что бы ни говорили мазепинцы, украинцы никогда не пойдут за ними, как 200 лет тому назад наши предки не пошли за Мазепой»⁶⁴.

Киевские организации обращались в правительство, доказывая, что «мазепинское» движение, при опоре на галицийско-австрийскую базу, приобретает угрожающие размеры, и призывали бороться с ним так же беспощадно, как австрийское правительство преследует москвофилов. По предложению А. И. Савенко, В. В. Шульгина, В. А. Бобринского и М. О. Меньшикова съезд ВНС в 1912 г. принял резолюцию «против попыток левых партий расколоть русский народ и причислить малороссов и белорусов к инородцам»⁶⁵. На II съезде этого союза в 1914 г. А. И. Савенко бил тревогу: «Украинцы связывают свои надежды на осуществление автономии с разгромом России в будущей войне с Австро-Венгрией и Германией. На развалинах великой России будут основаны под скипетром Габсбургов в пределах Австро-Венгрии автономные Польша и Украина»⁶⁶.

Либеральные круги украинского направления строили свое анти-сепаратистское «алиби», подчеркивая принципиальное неприятие проавстрийского варианта, половинчатого с точки зрения стратегии собирания украинских земель. «В теории, конечно, можно делить так или иначе карту Европы, — говорил Н. П. Василенко, — но в действительной жизни не так легко целые страны откальваются и присоединяются. Думают, что если не народ, то интеллигенция будет помогать Австрии. Да для чего же? Ведь допустивши самое большее, самое невероятное, что Австрии удастся отнять Киев от России, — разве это решило бы украинский вопрос?.. Украинский вопрос может и должен быть решен только на почве русской государственности»⁶⁷.

Украинские либералы после отступления революции, как и левые, лишились инструментов легальной политической деятельности. Единственной организационной структурой стал образованный в 1908 г. официально непартийный Союз украинских прогрессивных групп, более известный как Товарищество украинских прогрессистов (ТУП), в котором преобладали деятели умеренного склада из УДРП, члены

общероссийской КДП, но входили и левые элементы эсеровской и социал-демократической ориентации.

В результате действия избирательного закона 3 июня 1907 г. в Государственной думе III созыва уже не удалось образовать украинскую фракцию, что, впрочем, не означало отсутствия среди депутатов этнических малороссов – священников, крестьян, профессоров, представителей знатных фамилий – избранных от различных, в том числе русских националистических партий.

На первой сессии думы в марте 1908 г. 37 депутатов – среди них священники Киевской епархии: беспартийный Солуха и октябрист Трегубов, кадеты профессора И. В. Лучицкий из Киева и А. И. Никольский из Одессы, адвокаты В. А. Маклаков, О. Я. Пергамент, М. С. Аджемов, трудовик А. А. Булат и др. внесли законопроект «О языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением». В связи с этим ККРН провел общее собрание с принятием пространной резолюции протеста; в ней требование украинской школы характеризовалось как политическая акция, направленная на воспитание «национального и политического сепаратизма». Особо подчеркивалось, что протест против законопроекта исходит от самих малороссов, которые заявляют, что их родным является общерусский литературный язык. Эта резолюция и другие материалы в том же роде, растиражированные печатью и распространенные среди членов думы, возымели действие. Авторы законопроекта не решились поставить его на рассмотрение⁶⁸. Возникшая ситуация отразилась в постановлении конференции КДП 1909 г. В нем отмечалось, что «по национальному вопросу оппозиция в думе остается на своей принципиальной позиции защиты гражданского равенства и прав отдельных национальностей, хотя в этом направлении она не может рассчитывать на успех, так как национализм является очевидным, вновь освященным лозунгом центра и правых»⁶⁹.

Тем не менее в ноябре 1910 г. при обсуждении законопроекта о реформе школы И. В. Лучицкий вместе с П. Н. Милюковым выступили с поправкой об использовании украинского языка в школе, которая собрала 132 голоса, но была отклонена с перевесом в 29 голосов. В декабре того же года депутат из Подольской губернии священник М. Сендерко потребовал введения местного языка в начальной школе для преодоления массовой неграмотности. При обсуждении в 1912 г. законопроекта о Холмщине украинский характер этой области подчеркивали И. В. Лучицкий, трудовики А. А. Булат и К. М. Петров, социал-демократ П. И. Покровский. Н. С. Чхейдзе говорил о «трагической судьбе»

украинцев в России, этой, по экспрессивной лексике социал-демократов, «порабощенной» национальности. Депутат из Одессы кадет А. И. Никольский огласил письмо М. С. Грушевского, в котором украинский лидер отрицал пользу русской культуры для жителей Холмщины.

Деятельность по сохранению и развитию этно-культурной самобытности Малороссии отнюдь не была монополией украинского политического течения. В нее включились широкие общественные слои разной политической ориентации вплоть до активистов ККРН. Один из известных деятелей КДП А. И. Шингарев рассказывал после поездки по малороссийским губерниям, «что даже те элементы украинства, которые в качестве членов Государственной Думы из Украины обзывают украинское движение “мазепинством”, у себя дома продельывают видную культурную работу: кустарный музей и дом губернского земства в Полтаве в украинском стиле⁷², музей писанок в Житомире и т. п. Очевидно, национально-культурное движение сильно и глубоко на Украине и с ним надо очень считаться»⁷², — делал он вывод.

Но лидеры украинского политического течения были озабочены другим. Они искали путей пропаганды своей далеко идущей программы структурных государственных преобразований и рассчитывали сделать рупором этих идей представленные в думе левые и либеральные партии. Для установления и укрепления отношений с ними использовались разные способы.

Ущербность политической жизни в России побуждала оппозицию кроме обычных межпартийных контактов налаживать конспиративные связи, одним из видов которых стало политическое масонство.

Масонство в России, ведущее свое происхождение от разгромленной Екатериной II организации Н. И. Новикова — так называемое московское масонство, близкое по обряду к шотландскому, — стало возрождаться в 1890-е годы и особенно оживилось в период революции

⁷² Подробнее об этой работе на Полтавщине говорил в 1916 г. депутат Государственной думы М. И. Коваленко, обращаясь к гласным губернского земского собрания: «Вы много приложили стараний к собиранию малорусских орнаментов; вы энергично собирали памятники старинного народного творчества; вы организовали целую сеть кустарных школ, где население обучается готовить разные изделия в малорусском стиле, вы учредили музей, занимающий первое место среди провинциальных музеев, где хранится множество народных произведений в малорусском стиле, вы построили... это великолепное здание, которым все восхищаются»⁷⁰. Речь шла о здании губернской земской управы (ныне — Полтавский краеведческий музей), возведенном по проекту известного украинского художника и архитектора В. Г. Кричевского при участии художников С. Васильковского и М. Самокиша. «Земская управа — прямо на удивление всей Европе: кланусь, нигде в России нет подобного здания», — писал другой ценитель, известный литературовед, впоследствии академик А. И. Белецкий, посетив Полтаву в 1909 г.⁷¹

1905–1907 гг. Завоеванная тогда фактическая свобода слова, собраний и организаций способствовала восстановлению старых лож, образованно различных оккультных и мистических кружков, но также расширила возможности и тех, кто искал в масонстве подхода к важнейшим общественным и нравственным проблемам жизни. Тогда же и в последующее время стало распространяться так или иначе связанное с объединением лож Великого Востока Франции (ВВФ) масонство политической окраски, которое В. А. Нагродский – адепт московского (шотландского) обряда и автор написанного им в эмиграции неопубликованного очерка по истории масонства в России (1933 г.) – именовал «думским масонством»⁷³. Писатель А. В. Амфитеатров вспоминал потом: «Перемасонил нас всех Максим Максимович Ковалевский». Историк, социолог, общественный деятель либерального толка, он по возвращении из эмиграции в 1906 г. получил разрешение Верховного совета объединения лож Великого Востока Франции на открытие в России лож этого обряда⁷⁴. Первая из них – «Возрождение» была учреждена в Москве в ноябре 1906 г. В нее вступили ставший к тому времени депутатом I Государственной думы М. М. Ковалевский и другие лица, в основном принадлежавшие к французскому масонству: адвокат и видный деятель КДП В. А. Маклаков, профессор государственного права С. А. Котляревский, врач Н. Н. Баженов, социолог Е. В. де Роберти, историк В. О. Ключевский и др.⁷⁵

Вскоре к ним добавились депутаты I Государственной думы князь С. Д. Урусов, земский деятель, левый кадет В. П. Обнинский (Н. Н. Бер-

⁷³ Известная общественная деятельница Е. Д. Кускова в своей переписке 1950-х годов с А. Ф. Керенским, эмигрантами, бывшими меньшевиками Б. И. Николаевским, Н. В. Вольским, вдовой Ф. И. Дана и др. проводила мысль о том, что российское политическое масонство зародилось в самом начале XX в. в недрах нелегальной организации либеральной интеллигенции из бывших марксистов и левых земцев – Союза освобождения. Эта версия подробно рассмотрена западной исследовательницей Б. Нортоном, которая на основании косвенных указаний Е. Д. Кусковой и якобы устного свидетельства А. Ф. Керенского, переданного сотрудничавшим с последним профессором С. В. Утехиным, в качестве основателей политического масонства помнит Е. Д. Кусковой и ее мужа С. Н. Прокоповича назвала Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, В. В. Водовозова, князей П. Д. Долгорукова и Д. И. Шаховского, И. М. Гревса, С. А. Котляревского, Н. Н. Ковалевского, Н. Н. Львова, П. Н. Новгородцева, И. И. Петрункевича и А. С. Петрункевич, В. И. Вернадского, Д. Е. Жуковского, Ф. И. Родичева. Этот список в точности повторил перечень лиц, приведенный в воспоминаниях И. И. Петрункевича, как участников учредительного съезда Союза освобождения, состоявшегося в 1903 г. за границей⁷⁴. Однако П. Н. Милоков, в свое время близко стоявший к Союзу, в 1938 г. утверждал, что в нем «секретной организации, кроме «технической группы», не было и целью его была как раз легальная деятельность»⁷⁵.

берова, автор книги «Люди и ложи», назвала его работы «Новый строй» и «Последний самодержец» источником идеологии и политических целей русского масонства), адвокаты Е. И. Кедрин, С. А. Балвинский, О. Б. Голдовский и др.⁷⁷

Эмиссары ВВФ Б. Сеншоль и Г. Булз, участвуя в 1908 г. в открытии петербургской ложи «Полярная звезда» (ее членами стали Е. И. Кедрин, профессор И. В. Лучицкий, архитектор П. М. Макаров, народоолец-шлиссельбуржец Н. А. Морозов, деятели КДП А. И. Шингарев и А. М. Колюбакин, историки П. Е. Щеголев и Н. П. Павлов-Сильванский и др.), предоставили российским масонам право учреждать новые ложи без предварительной консультации с французским центром⁷⁸. Сумножением числа лож в столицах и в провинции был создан Совет российских лож. В 1909 г. его возглавил С. Д. Урусов (при участии председателя II Государственной думы Ф. А. Головина, депутата графа А. А. Орлова-Давыдова, двоюродного брата П. А. Столыпина и друга великого князя Николая Михайловича, а также активных в общественно-политической жизни врача и адвоката М. С. Маргулиеса и князя Д. О. Бебутова). Это масонское течение, связанное с ВВФ, имело политический характер. Видный кадетский деятель И. В. Гессен, вспоминая, как в 1904 г. Д. И. Шаховской и М. М. Ковалевский старались вовлечь его в свою организацию, писал, что «Ковалевский, едва успев поздороваться, сразу же стал доказывать... что только масонство может победить самодержавие»⁷⁹.

Исходя из уроков неудавшейся революции, некоторые деятели оппозиции так определяли политическую функцию масонства. «Не повторять ошибок 1905 г., когда разбитая на отдельные группы революция была по частям разбита царским правительством»⁸⁰, — писал один из видных деятелей левого крыла КДП и с 1908 г. член масонского «братства», товарищ председателя IV Государственной думы Н. В. Некрасов. В этом плане полезным представлялось масонское правило смягчения «резких противоположностей между крайними мнениями, сближение политических групп, способных действовать на общей почве»⁸¹. Масонская организация оказалась привлекательной для многих общественных и политических деятелей оппозиции, признававших необходимость консолидации.

Условия вынуждали российское политическое масонство к строгой конспирации, отказу от обычно принятой документации, что породило в ангажированной историографии противоположные интерпретации — от полного отрицания до зловещей демонизации — его роли в судьбоносных событиях от кавуна первой мировой войны до Октябрьской революции⁸².

В конце 1909 г., чтобы избавиться от ненадежных «братьев» и предупредить полицейскую провокацию, организация приостановила деятельность, но уже в следующем году возобновила, включая в свои ряды не только либералов из круга членов и сторонников КДП*, членов Партии прогрессистов (И. Н. Ефремов, А. И. Коновалов, М. А. Караулов), но и лиц эсеровской ориентации, народных социалистов и деятелей из Трудовой группы (А. Ф. Керенский, А. А. Демьянов, А. А. Булат, П. Н. Переверзев, В. Я. Гурвич), социал-демократов (меньшевиков) (Н. С. Чхеидзе, Е. П. Гегечкори, А. И. Чхенкели, А. Я. Гальперн, М. И. Скобелев, Н. Д. Соколов, Н. Н. Суханов) и даже некоторых большевиков (И. И. Скворцов-Степанов).

Летом 1912 г. в Москве собрался конвент масонских лож, на котором по настоянию председательствовавшего Н. В. Некрасова был поставлен вопрос о выделении российского масонства в самостоятельную организацию. Она отказалась от полного масонского ритуала и системы степеней посвящения, от письменной документации, стала принимать женщин и осталась «нерегулярной» – непризнанной по всем правилам международного масонства. Устав ее был зашифрован в книге «Итальянские угольщики» пера эсера С. Д. Мстиславского (Масловского), выступившего под псевдонимом – Евграф Сидоренко⁸⁷. В литературе российское политическое масонство начала XX в. подразделяется на «масонство М. М. Ковалевского», непосредственно подчиненное ВВФ, и «нерегулярную» организацию. При этом одни авто-

* Известно, что среди кадетских лидеров к масонским организациям кроме уже названных принадлежали Ф. Ф. Кокошкин, В. А. Оболенский, В. А. Степанов, Н. К. Волков, Л. А. Велихов, И. П. Демидов и др. В некоторых полицейских источниках к масонам причислялся и П. Н. Милуков. Однако это не подтвердилось свидетельствами из кругов российского масонства. Сам он в интервью Б. И. Николаевскому (1927 г.) говорил, будто ничего не знал о масонах, что первые разговоры с намеками на эту тему, но безуспешно, с ним стали вести в период IV Государственной думы, а о существовании масонской организации он узнал лишь в 1917 г.⁸⁸ В 1938 г. в выходившем в Париже журнале «Русские записки» он тем не менее признался, что еще накануне революции 1905 г. «получил неоднократные и настойчивые предложения (от В. Я. Богучарского) войти в некий тайный союз». «Дорожа своей свободой и не желая подчиняться решениям неизвестного мне коллектива, – резюмировал он этот эпизод, – я упорно отказывался. Впоследствии мне, однако, пришлось считаться с готовыми решениями, принятыми без моего участия»⁸⁴.

Свои сговаривания на закулисные влияния масонов он конкретизировал в опубликованных в 1955 г. воспоминаниях на примере их (масонов) роли в формировании Временного правительства⁸⁸. Это в свою очередь вызвало тревогу у бывших адептов российского масонства и, в частности, побудило А. Ф. Керенского дать в мемуарах некоторые пояснения о масонской организации⁸⁹.

ры отрицают какую-либо связь между первым и второй, считая, что в кругах международного масонства даже не было известно о «нерегулярных» российских ложах⁸⁸. Другие, напротив, полагают, что между обеими организациями не было непроходимой грани, одна переливалась в другую⁸⁹.

В Малороссии до запрета в начале XIX в. масонство было распространено шире, чем в других частях Российского государства. Ложи разного подчинения имели устойчивую традицию в Киеве, Одессе, Полтаве, Житомире, Каменец-Подольском. По мнению польского исследователя восточноевропейского масонства Л. Хасса, нашедшему подтверждение в очерке В. А. Нагородского и сведениях Л. Д. Кандурова, в эмиграции также грудившегося над историей русского масонства, в течение XIX в. деятельность лож продолжалась скрытно, хотя численно они сократились. Есть версия, что организационное восстановление масонства в малороссийских губерниях началось раньше, чем в северных столицах. Так, из эмигрантского издания по украиноведению можно узнать, что в 1900 г. пять лож из названных выше городов образовали Великую ложу Украины. Вскоре к ним добавились ложа «Шевченко» в Харькове и «Братство» в Чернигове⁹⁰. В. А. Нагородский и Л. Хасс, используя данные «Ежегодника всемирного масонства» за 1923 г., оба пишут об учреждении 17 января 1900 г. Великой ложи Украины. Российский автор О. А. Платонов со ссылкой на «Ежегодник» за 1932 г. утверждает, что Великая ложа Украины возникла в Женеве в 1902 г. и координировала деятельность ряда радикально-националистических, по его словам, лож: «Рассеянного мрака» в Житомире, «Озириса» в Каменец-Подольском, «Бессмертия» в Киеве, «Понта Евксинского» в Одессе, «Люби и верности» в Полтаве и уже названных – в Чернигове и Харькове. А. И. Серков же считает версию о раннем становлении Великой ложи Украины не более, чем датированной 1919 годом выдумкой из круга С. В. Петлюры, стремившегося по масонским каналам добиться международного признания и поддержки власти на Украине возглавляемой им Директорией⁹².

Польский исследователь не располагает сведениями о характере, деятельности и судьбе «масонской организационной сети на Украине» в ближайшее десятилетие. Он сообщает только, что около 1910 г. встречаются упоминания о вновь образованной или восстановившей деятельность ложе «Святого Андрея Первозванного», по его мнению, никак не связанной с общероссийскими ложами и их ответвлениями на Украине. Однако В. А. Нагородский писал о том, что после передачи в 1910 г.

полномочий французского ордена мартинистов в России главе традиционного масонства московского обряда под эгидой этой организации было основано несколько периферийных очагов, в том числе на юге России с центром в Киеве. Опираясь на сведения Л. Д. Кандаурова, он сообщал об учреждении в Киеве в 1910 г. мартинистской ложи «Святого Андрея Первозванного» во главе с С. К. Моркотуном (или Маркотуном – этническим малороссом, адвокатом, до 1917 г. жившим в Москве). В 1912 г. в Киеве образовались областные ложи для Юго-Западного края, Новороссии и Крыма под эгидой Верховного капитула «Нарцисс», следовавшие шотландскому уставу. Капитул «Нарцисс» объединил вокруг себя пробужденную историческую ложу «Соединенные славяне», прекратившую деятельность после процесса над декабристами, тайно действовавшие в течение XIX в. полтавскую ложу «Кирилл и Мефодий» и ложу «Святой Йордан» в Феодосии, открытую в 1915 г. походную фронттовую ложу с центром в Бердичеве, одесскую и киевскую ложи «Нарцисс»⁹³. По данным арестованных в 1919 г. киевской ЧК членов последней А. К. Анохина, А. Б. Лева, Попова (Панова), она была образована в 1914 г. и включала как «братьев» – украинцев (Н. А. Шумицкий, А. М. Галип, Гасенко, Лысенко, Шкляревский), так и общероссов (М. С. Лупаков, Д. А. Брюханов)⁹⁴. В Киеве приобщился к масонству этого обряда поэт Ю. К. Терапиано.

В. А. Нагродский вслед за Л. Д. Кандауровым подчеркивал, что масонство московского обряда и связанные с ним организации в малороссийских губерниях до революции 1917 г. держались в стороне от политики. Но осенью этого года, когда Украина объявила себя самостоятельным государством, «считаясь с обстоятельствами, Московский центр утвердил Верховный и Правящий капитул «Нарцисс» в правах Национального Верховного Капитула, и ложу «Нарцисс» Великой ложей Украины»⁹⁵. Добавим к этому, что она немедленно пополнилась «братьями» – неопитами из украинских политиков, вышедших в скоротечных событиях того времени в первый ряд и старавшихся использовать в своей деятельности масонские рычаги.

Пока же, до первой мировой войны, политикой целенаправленно занималось «думское», по терминологии В. А. Нагродского и Л. Д. Кандаурова, масонство. Своих adeptов оно нашло и в Малороссии среди общественно активных людей, в том числе сторонников украинского течения, не имевших возможности легально вести национально-политическую работу. А ложи, объединявшие лиц разной партийной принадлежности, расширяли горизонт политического взаимодействия.

Масонская инициатива в Киеве принадлежала профессору И. В. Луцицкому, посвященному в «братья» в Петербурге, и Д. О. Бебутову, побывавшему в 1909 г. в Киеве, а затем вместе с адвокатом А. Д. Марголиным — в Одессе, где посвятили несколько человек. Но ложа «Звезда Востока» в Одессе открылась позже. В нее вошли профессора Новороссийского университета Д. А. Крыжановский, Шатуновский, Коган, кадетский деятель Житков, фабрикант Шпенцер, школьные учителя и т. д. С 1915 г. к этой ложе принадлежал украинский социал-демократ, будущий глава правительства УНР и учредитель Украинской автокефальной православной церкви В. М. Чеховский.

В Киеве в начале 1909 г. была образована ложа «Киевская Заря», которую возглавил член I Государственной думы барон Ф. Р. Штейнгель. В нее вступили кадеты: деятель ТУП юрист А. Г. Вязлов, глава Страхового комитета И. Н. Полторацкий, чиновник судебной палаты Пахомов и др. В том же году от «Киевской Зари» отпочковалась ложа «Правда», в которой тоже было много киевских кадетов (профессора С. А. Иванов, В. А. Косинский, юрист Д. Н. Григорович-Барский) и активистов украинского направления (С. А. Ефремов, Ф. П. Магушевский, А. Г. Вязлов, И. Л. Шраг), а также член судебной палаты С. Н. Чебаков, член окружного суда М. И. Радченко, В. Г. Бажаев и др. С. А. Ефремов свидетельствовал позже, что в 1910–1911 гг. из ложи «Правда» выделилась масонская «мастерская» «Единение» с участием его самого, С. Н. Чебакова, М. И. Радченко, литературоведа Г. В. Александровского, ботаника, эсера В. А. Лозинского, Н. К. Васнюхова. От нее в свою очередь отпочковалась ложа «Федерация» (или «Свет Правды») с участием украинских деятелей В. К. Прокоповича и А. В. Никовского, профессора А. В. Корчак-Чепурковского, З. А. Ахримовича и др.

В те же годы в Киеве образовалась ложа «Заря» во главе с известным украинским просветителем литературоведом В. П. Науменко с участием статистика Л. С. Лычкова, профессора Д. Е. Белинга, приват-доцента В. И. Казановского, служащего Государственного банка В. В. Игнатовича и др. По показаниям Л. С. Лычкова и Д. Е. Белинга, в 1916 г. в нее ненадолго вступил будущий видный деятель Украинского советского правительства В. П. Затонский, работавший тогда в лаборатории Общества сахарозаводчиков. «Заря» в свою очередь разделилась, образовав в 1917 г. ложу «Рассвет». Из киевских масонских «мастерских» С. А. Ефремов назвал еще ложи «Истина» и «Астрея». В Екатеринославе ему были известны «братья» Ю. Павловский и И. Труба, в Полтаве — ложа с участием депутата I Государственной думы

П. И. Чижевского. Эти данные, полученные преимущественно из свидетельств Д. Е. Белинга, А. В. Никовского, С. А. Ефремова, приводит украинский автор О. О. Крыжановская⁹⁶. Из других источников известно, что одним из лидеров киевского масонства был Н. П. Василенко, заметную роль играл ученый-химик Л. В. Писаржевский, преподаватель Киевского университета эсер А. Н. Зарубин, кадеты: Я. К. Имшенецкий – в Полтаве, в Черниговской губернии – земский деятель А. А. Свечин, одесский адвокат О. Я. Пергамент. К масонской организации принадлежал активный деятель ТУП, в дальнейшем известный историк украинского зарубежья Д. И. Дорошенко. К масонам причисляли попечителя Киевского учебного округа профессора П. А. Зилова. Входил в организацию «думского» масонства, по его собственному признанию, и М. С. Грушевский^{97*} (киевская ложа «Правда»). О времени его вступления нет данных. Может быть, это случилось и в ранние сроки, так как с зачинателем организации французского подчинения М. М. Ковалевским он поддерживал знакомство и по приглашению последнего в апреле–мае 1903 г. читал лекции по истории Украины в его Русской высшей школе общественных наук в Париже⁹⁸, а, возможно, и в период учреждения киевских лож. Во всяком случае в московском конvente 1912 г. М. С. Грушевский участвовал вместе с Н. П. Василенко и Ф. Р. Штейнгелем, из чего можно заключить, что всего в Киеве в то время действовало три ложи московско-петербургского подчинения, ибо, согласно регламенту, в конvente могли присутствовать по одному представителю от каждой¹⁰⁰.

М. С. Грушевский, человек, всецело поглощенный идеей украинской государственности, в масонском «братстве» отличался резкостью стиля поведения и антирусским настроением. Когда на конvente 1912 г. было решено выделиться в самостоятельный обидианс (объединение лож), то, по свидетельству А. Я. Гальперна, «подавляющее большинство конвента стояло за название “Великий Восток России”»; М. С. Грушевский же требовал, чтобы в названии ни в коем случае не было слова “Россия”. Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией как государственной единицей право на целостное существование. Его с рядом оговорок поддерживал Василенко».

* Один из его проживавших в Канаде родственников духовного звания так и не мог поверить этому, имея в виду происхождение рода Грушевских из духовенства. В 1966 г. он с возмущением писал исследователю жизни и творчества М. С. Грушевского: «Мне было очень неприятно, когда я прочел в католическом журнале... будто дядька Михайло был масоном... Это уж такая несправда, что, по-моему, призывает небо к отмщению»⁹⁸.

«Против Грушевского, – продолжал А. Я. Гальперн, – выступали все остальные, и спор, временами очень резкий, длился два дня. Самыми лучшими были выступления Колюбакина... Некрасова и Штейнгеля, который, хотя и представлял киевские логи, но целиком присоединился к “российской ориентации”. Крайними централистами выступали [В. А.] Степанов, [В. П.] Обнинский* и я, – я тогда был против даже федерации. Я выступил с очень резкой филиппикой против Грушевского и заявил, что было бы позором подчиниться его требованиям и устранить слово “Россия”... В конце концов было принято название “Великий Восток народов России”»¹⁰³. Позже автор приведенного свидетельства узнал, что он был направлен делегатом конвента специально для того, чтобы своей позицией нейтрализовать антироссийские крайности М. С. Грушевского.

Таким образом, в ложах Великого Востока народов России (ВВНР) встречались люди различной партийной принадлежности, через которых в партиях осуществлялась линия на сближение оппозиционных сил.

В 1912 г. предстояли очередные выборы в Государственную думу, и оппозиция в лице общероссийских партий и национальных групп, сильно урезанная в своем парламентском представительстве избирательным законом 1907 г., проявляла взаимный интерес к предвыборной блокировке и к дальнейшим парламентским контактам¹⁰⁵. Украинские деятели давно стремились сделать левых и либералов проводниками своих идей, а теперь в блоке с этими партиями рассчитывали и на парламентские мандаты¹⁰⁶. На съезде ТУП в апреле 1912 г. было принято решение поддерживать кандидатов тех партий, которые соглашались с украинской предвыборной платформой (по некоторым данным, она была разработана и принята на предыдущем съезде ТУП в 1911 г.)¹⁰⁷, и выставлять собственных кандидатов против тех, кто ее не признавал. В этой платформе содержалась обще-

* Перечисленные лица разве что по контрасту с максималистом М. С. Грушевским могли выглядеть безоглядными централистами. В действительности, начиная с дискуссий на земских съездах 1905 г., они признавали допустимость областной, т. е. территориальной автономии в пределах единого государства. А левый кадет В. П. Обнинский к тому же был одним из инициаторов и ревностных участников организаций автономистов-федералистов, расходясь на этой почве с официальной линией своей партии¹⁰¹. В марте 1916 г. в специальном обращении к ЦК КДП по случаю кончины В. П. Обнинского украинские деятели С. А. Ефремов, В. К. Прокопович, А. В. Никовский от имени ТУП охарактеризовали покойного как «пионера федерализма... стоявшего далеко впереди обычной позиции русского общества»¹⁰².

¹⁰³ Н. В. Некрасов в своих показаниях после очередного ареста в 1939 г. называл организацию – «Масонство народов России»¹⁰⁴.

государственная часть, рассчитанная на привлечение трудовых слоев и национальных меньшинств, — с требованиями демократизации местного самоуправления, расширения законодательства о труде, отмены хуторской системы и отрубов, ликвидации черты оседлости, вероисповедных и национальных ограничений — и специфически украинская часть, касавшаяся прав местного языка в школе, администрации, суде, церкви, отмены особых пошлин на ввозимую из-за границы украинскую литературу и т. д.¹⁰⁸

Среди левых более всего стремились к идейному и практическому сближению с национальными организациями, в том числе и украинскими, трудовики. В резолюции состоявшейся в 1912 г. их конференции было записано, что Трудовая группа «будет защищать право каждой народности на свободное употребление своего языка в богослужении, школе, суде и местном самоуправлении, а равно поддерживать их стремление к местному самоуправлению на началах широкой автономии, при сохранении единства и целостности государства»¹⁰⁹. Более того, отступив от господствовавшего стереотипа триединой нации, конференция зафиксировала в своих документах, что считает украинцев и белорусов самостоятельными народностями¹¹⁰. В марте 1912 г. члены Трудовой группы провели совещание совместно с представителями национальных организаций армян, белорусов, грузин, евреев, поляков и украинцев. На предварительное обсуждение был вынесен вопрос о «необходимости единения родственных национально-политических течений в России» и принято решение собрать материалы о состоянии вопроса применительно к каждой национальности, а также «пропагандировать идею созвучия в ближайшем будущем конференции представителей родственных общественно-политических партий и групп, выражающих интересы трудовых, демократических кругов различных национальностей, населяющих Россию»¹¹¹.

Для подготовки конференции была составлена анкета, предполагавшая широкое и всестороннее изучение национального вопроса. В ней предлагалось указать на недостатки действующего законодательства, на нарушение национальных интересов административной практикой и проявления административного произвола. Каждой партии или группе предлагалось сформулировать требования в общекультурной, социально-экономической, гражданско-правовой и политической областях, охарактеризовать избранную тактику и ближайшие шаги. Ставился также вопрос о взаимоотношениях живущих вместе народов, наличии, причинах и способах устранения антагонизмов между ними. Предлагалось высказаться о формах постановки национально-

го вопроса в Государственной думе и способах его освещения перед общественностью. Все ответы авторы анкеты просили подкреплять цифровыми и фактическими данными, снабжать документами и публицистикой национальных партий и групп¹¹².

Для получения сведений, предусмотренных анкетой, представители трудовиков приезжали в Киев, но, по словам И. Н. Полторацкого, «беседа украинцев с ними не носила характера соглашения»¹¹³. Контакты продолжались, и в дальнейшем лидер Трудовой группы в IV Государственной думе В. И. Дзюбинский остро критиковал национальную политику правительства и лоялизм «омосковленных малороссов», включая председателя думы, потомка запорожских казаков М. В. Родзянко¹¹⁴. Впрочем, претензии к последнему расходились с некоторыми теоретическими представлениями трудовиков, в частности с положением, сформулированным в одном из подготовительных документов, согласно которому «критерием для определения национальности является не религия и даже не язык... критерием... является собственное сознание человека. Если считает себя русским, значит он русский... Наше требование самоопределения подразумевает решение спорных национальных вопросов посредством плебисцита...»¹¹⁵ Стоит отметить, что М. С. Грушевский, называя нацию «неизбежной, неустранимой», как бы заранее и навсегда предопределенной формой существования человечества, отрицал необходимость демократической процедуры – плебисцита по национальному вопросу и, в частности, требовал введения национально-территориальной автономии «явочным порядком»¹¹⁶. Практическая подоплека такой позиции состояла в отсутствии уверенности, что большинство населения Малороссии при свободном волеизъявлении поддержит идею административного, экономического и культурного обособления.

Некоторые теоретические расхождения не мешали украинским организациям пользоваться поддержкой трудовиков, чьи депутаты, как описал позже публицист Трудовой группы В. В. Водовозов, «зорко следя за каждым словом и действием правительства и реакционного националистического большинства в Думе, упорно всеми своими выступлениями работали над концентрированием... народного негодования против старого строя»¹¹⁷. А это вполне отвечало целям украинских лидеров.

Однако трудовики, достаточно многочисленные в I и II думах, из-за действия избирательного закона 1907 г. получили в III думе только 13 мандатов и не могли рассчитывать на большее в дальнейшем¹¹⁸. Поэтому деятели ТУП нуждались и в сотрудничестве с кадетами, значительно шире представленными в думе. Кадеты тоже были заинтересованы в голосах сторонников украинских организаций, ибо в

большинство малороссийских губерний был очевиден перевес октябристов, русских националистов и крайне правых. Местные отделения КДП получили свободу рук в предвыборных соглашениях¹¹⁹. Но состоялись они не везде. В Одессе украинская организация выдвинула своего кандидата – радикально настроенного И. М. Луденко и в конечном итоге поддержала кандидата сиюнистов против кадета. В Полтаве и Чернигове кадеты отказались от переговоров, рассчитывая и без того на «украинские» голоса. В Харькове украинская сторона поставила непомерные требования¹²⁰. Но в Киеве переговоры принесли результаты. Они состоялись 1 февраля 1912 г. К сожалению, в архивном фонде ЦК КДП имеется лишь фрагмент «конспективной записи выступлений представителей украинского движения» перед делегацией киевских кадетов. Практически это короткое предложение главы киевского отдела КДП Е. Г. Шольпа о «порядке прений: ...непосредственное ознакомление, соглашение перед выборами» и предложение М. С. Грушевского сделать общей темой совещания, по которой украинская сторона подготовила шесть информационных докладов, «сепаратизм, федерализм». В деле есть запись только его доклада на названную тему¹²¹.

Выступая, он охарактеризовал ТУП как объединение украинских кадетов, трудовиков и социал-демократов, присутствовавших в качестве членов бюро этого союза, «обнимающего всю территорию Украины: политический штаб, а не армия... тесная связь организаций, которые могли бы в момент необходимости сыграть роль мобилизующих органов». Организация, по словам докладчика, придерживается трех принципов: парламентаризма, автономизма, федерализма. Два последних – «не только программа дня, а украинская традиция», идущая от декабристов и от идеологии Кирилло-Мефодиевского братства, внесшего поправку в прежнюю концепцию федерации: «украинская народность – равноправный член федерации»; в 1870-е годы имело место перенесение идеи славянской федерации на реальную почву России – «федерация народов и областей», согласно М. П. Драгоманову; наконец, новая, по словам М. С. Грушевского, формула, данная в 1906 г. «представителями украинской фракции и украинского прогрессивного общества», которую не успели огласить с трибуны I Государственной думы, но опубликовали в «Украинском вестнике». Она, заявил докладчик, остается программой украинским организациям и предусматривает «переустройство всего [строю России] на федеративных началах» и «создание автономной Украины на автономно-территориальных началах»¹²².

Он подчеркивал, что эта программа направлена «против консервативных и либеральных формул» и «противопологается идее *postепен*

ного распространения автономии», начиная с Финляндия и Польши, «а остальные под знаком вопроса, как не давшие доказательств необходимости распространения» автономии. «Это задержит нашу борьбу с общим врагом, – утверждал М. С. Грушевский. – Необходимо обеспечить возможность явочным порядком, автоматически провозгласить автономию. Если вопрос о такой Федеративной России – вопрос далекого будущего, то... признание этой формы желательной считаем вопросом очередным»¹²³. Провозглашение же автономии он называл неотложным вопросом, заверяя в отсутствии тенденций агрессивного национализма и стремления обеспечить «украинской народности... государствующее положение». Он ставил вопрос о необходимости «объединить части украинской территории, разделенные административными подразделениями, чтобы», как объяснял, «охранить эту территорию от дальнейшей эксплуатации», подчеркивая, будто это отвечает экономическим интересам области в целом и вовсе отрицал политическую подоплеку требуемого объединения¹²⁴.

Далее М. С. Грушевский ссылался на внешнеполитические обстоятельства – «отношения между Россией и Австрией, которые развернули возможность большой войны», – пригрозив, в случае неприятия изложенных им требований, взрывом проавстрийского сепаратизма. «Положение украинцев в России вызвало мнение, что... улучшение есть утопия, и единственное спасение в сепаратизме... воссоединение с Австрией, где национальная жизнь пользуется прочными гарантиями», – сказал он, представив альтернативой сепаратизму свою федералистскую программу: «Прогрессивное украинство противопоставляет [сепаратизму] программу федерализации... Автономия – вопрос жизни и смерти украинства...»¹²⁵

Дальнейший ход дискуссии по впервые поставленным М. С. Грушевским перед кадетами стратегическим вопросам на этом киевском совещании неизвестен. Но предвыборное соглашение было достигнуто. Киевские кадеты выступили с областной предвыборной платформой, в которой изложили требования местных национальностей. При поддержке последних в думу прошел единственный от Киевской губернии депутат КДП профессор С. А. Иванов, что для губернии, где традиционно преобладали правые, было признано частичным успехом¹²⁶.

Глава 6

Предпосылки актуализации украинского вопроса накануне первой мировой войны

Вопрос о реализации предвыборных договоренностей был поставлен украинскими активистами очень скоро. 5 мая 1913 г. на заседании ЦК КДП П. Н. Милюков и Н. А. Гредескул, «делясь впечатлениями своих поездок по провинции, отметили, что в Киеве и Екатеринославе им пришлось натолкнуться на обострение национального чувства в украинцах, причем в некоторой степени обострение это ставится и на счет партии к.-д. В Киеве говорили, что депутаты к.-д. не в должной мере защищают в Думе права украинского языка и школы, а в обоих городах к.-д. упрекали за статью члена Центрального комитета г. С[труве], отнесшегося с одобрением к книге Щеголева, тогда как Щеголева украинцы считают чуть ли не за доносчика* ; в вину г-ну С[труве] ставят и его взгляды на

* Имелась в виду книга С. Н. Щеголева «Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма». В этом обширном, информационно насыщенном исследовании имеется культурно-исторический очерк жизни Малороссии и ранних стадий украинофильства, сделан обстоятельный (на основе огромного фактического и литературного материала) критический анализ идеологии и деятельности украинских организаций в начале XX в. Книга написана в духе традиционного представления о триедином народе и его общерусской культуре, чем вызвала острую критику со стороны активистов украинского течения, которые, кроме всего прочего, приписали автору, использовавшему разнообразные, опубликованные в публицистике и периодике данные, доносительство на украинские организации¹.

К такой оценке горячо присоединился В. И. Ленин, обрушив на автора раздраженную, не слишком доказательную брань: «Zitatensac (мешок штат) сыщика. Пишет неграмотно... невежда... Масса имен с прямой целью доноса (с. 382, 393 и др.)»². Однако на первой из указанных В. И. Лениным страниц названы широко известные авторы легально издававшихся в России исторических исследований: М. С. Грушевский, А. Я. Ефименко, Н. Аркас, Д. И. Эварницкий (Яворницкий), Н. П. Василенко; на второй – нет персоналий, кроме имен покойных к тому времени литераторов Е. П. Гребенки, П. А. Кулиша и Н. И. Стороженко.

гибельность для России ее расслоения на три национальные культуры; указывают, что статьи г. С[труве]⁴ идут вразрез с § программы к.-д., говорящим о культурном самоопределении национальностей»⁵.

Побывавшие на периферии кадетские лидеры отмечали повсеместный подъем «национальных чувств», чему способствовала неудачная политика правительства. Но действовали и внешние факторы, которые стимулировали активность националов. М. С. Грушевский прямо говорил, что именно осложнившиеся отношения между Россией и Австро-Венгрией «поставили остро вопрос о “негосударственных” народностях» в России⁶. Обе враждующие группировки в подготовке к войне широко использовали национально-этнический фактор как инструмент разложения в стане своих будущих военных противников. «Освобождение малых национальностей, принцип “самоопределения народностей” был... основной идеологией последней войны на стороне союзников. А на стороне неприятелей – тоже до войны – сложился определенный план – использовать этот принцип с целью ослабления военной мощи России», – писал позже П. Н. Милюков⁷. Турция, теряя владения на Балканах, обращала взор на российский восток, рассчитывая найти понимание среди проживавших там этнически родственных тюркских групп. Крайние немецкие националисты – пангерманисты обозначили перспективу украинского вопроса в плане вытеснения России из Европы. Их идеологи пропагандировали отторжение «Финляндии, Литвы, Польши, Малороссии, Бессарабии и Черноморского побережья», чтобы Россия «снова стала тем, чем была до Петра Великого». При этом отделение украинских земель предполагалось оформить в виде образования на них «самостоятельного» государства. Идеи пангерманистов оказались близки правительственным кругам, которые с началом войны стали открыто их пропагандировать. «Россия по возможности должна быть оттеснена от германской границы, а ее господство над нерусскими вассальными народностями сломлено», – говорилось в «сентябрьской программе» военных целей (1914 г.), сформулированной канцлером Т. Бетман-Гольвегом⁸. Австрийские планы отторжения Правобережья Днепра были прозрачны и общеизвестны. М. С. Грушевский записал в дневнике 31 мая

В принципе же весьма сомнительно, чтобы доиском могли служить сведения, почерпнутые из легальной украинской печати. А таковы главные источники С. Н. Щеголева, чем охотно воспользовался и В. И. Ленин, сделав после ругательного вступления пространные выписки из книги и признав в конечном счете ее информативные достоинства: «ценность книги – тема читат из укр[]ской литературы. Систем [] (сыщицкий) обзор истории и совр[] движения украинского»⁹.

1910 г. со слов галицийского политика, депутата австрийского парламента Л. Цегельского, что наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд «еще во время боснийской аннексии носился с тем, чтобы захватить [Украину] до Днепра и, присоединив к этому Вост[очную] Галицию, сделать в Киеве секундатуру (?); а поляки противились. Это более или менее совпадает, весьма близко, с тем, что предполагал я», — прокомментировал услышанное М. С. Грушевский⁹.

«Россия, как государство, смешиваемая со своим устарелым политическим режимом, самодержавием и с особой националистической тактикой этого режима, в последние годы перед войной оказалась, — по мнению П. Н. Милюкова, — в крайне неблагоприятном положении»¹⁰. Тем не менее российская националистическая пропаганда, поддержанная официальными кругами, с огромным риском для внутреннего единства полиэтнической державы также присоединилась к «освободительной» риторике и заговорила в полный голос о воссоединении с Россией «подъяремной Руси» — Восточной Галиции¹¹. Австрийское же правительство с присущей ему гибкостью противопоставило этой словесной кампании перспективу практического расширения прав русин в Галиции: незадолго до войны в галицийском сейме было увеличено представительство русин и принято решение об открытии отдельного украинского университета во Львове, что произвело большое впечатление на украинских деятелей в России.

Под влиянием всех этих внутренних и внешних обстоятельств изменился вектор устремлений национальных деятелей. «Если раньше довольствовались равноправием, то теперь на первый план выдвигается требование децентрализации», — констатировал осенью 1913 г. член ЦК КДП А. Р. Ледницкий¹². Руководство кадетов тревожило, что «на окраинах национальные вопросы сильно заглушают общегражданские мотивы» (П. Н. Милюков), «езде спрос на автономию» (Н. А. Гредескул). В 1905 г. господствовал американский взгляд на нацию как на совокупность граждан страны, а «теперь получает преобладание австрийская точка зрения — отстаивание национальностями своих отдельных прав», — сформулировал свое представление о происходившем кадетский публицист А. С. Изгоев (Лянде)¹³.

⁹ И все же, по мнению некоторых современных западных авторов, русский национализм конца царской эпохи отставал от Запада в том смысле, что в Западной и Центральной Европе накануне первой мировой войны стала нормой милитаристская и шовинистическая политика. В России же массовые издания формулировали более терпимое отношение к нерусским, особенно в сравнении с линией американской и британской пропаганды в аналогичных вопросах¹⁴.

К тому же возобновились усилия по объединению национальных движений народов России в Союз автономистов-федералистов, и некоторые кадетские активисты приняли в нем большое участие. После прекращения с роспуском I Государственной думы деятельности организации автономистов предпринимались неоднократные попытки ее возобновления. Они активизировались с 1910 г. В 1912 г. в Москве состоялся съезд Союза автономистов-федералистов. В личном архивном фонде П. Н. Милюкова имеется два документа – проект Устава Союза автономистов-федералистов, сопровождаемый списком членов Центрального комитета организации, и еще один, отличающийся от первого, перечень. К сожалению, оба документа не датированы. Судя по приведенным в них фамилиям, определенная роль в создании организации принадлежала политическому масонству. По свидетельству А. Я. Гальперна, в ложах ВВНР действительно широко обсуждался вопрос о формах будущей организации России, вызванный позицией М. С. Грушевского и его сторонников¹⁵. Но в отличие от них инициаторы Союза предполагали федерализацию России на началах территориальной, а не национально-территориальной автономии, что подтверждает упомянутый проект устава. В нем говорится, что «Союз стремится к фактическому осуществлению равноправия национальностей... и к осуществлению всех культурно-автономных прав национального меньшинства как в пределах всего государства, так и в пределах его автономных частей... к осуществлению принципа самой широкой децентрализации в форме автономии отдельных областей на демократических началах. Самоуправление и областная автономия составляют ближайшую цель Союза. Его конечная цель – переустройство всего Российского государства на федеративных началах, как единственно возможных на столь обширной территории»¹⁶. Среди членов ЦК Союза автономистов-федералистов в первом списке – из 26-ти фамилий (председателем комитета назван масон, профессор И. А. Бодуэн де Куртене) – значились видные кадеты масоны А. М. Коллюбакин, О. Я. Пергамент, И. В. Лучицкий. Последний представлял и украинскую организацию, а кроме него – названы были принадлежавшие к петербургской украинской громаде А. А. Русов (казначей ЦК Союза), П. Я. Стебницкий, возможно, и профессор Петербургского университета А. А. Жижиленко¹⁷. Во втором списке, включающем 46 фамилий, наряду с упомянутыми в первом кадетскими деятелями названы В. И. Вернадский – в качестве председателя ЦК Союза автономистов-федералистов; его заместители (оба масоны) – А. М. Коллюбакин и Л. И. Петражицкий, а также московские

кадеты профессор С. А. Котляревский, А. Р. Ледницкий, В. П. Обнинский. Среди украинских представителей, кроме перечисленных в первом списке, – И. Л. Шраг¹⁸.

В январе 1911 г. В. П. Обнинский приезжал в Киев для переговоров с руководством ТУП на тему Союза автономистов-федералистов. М. С. Грушевский в дальнейшем высоко оценил факт воссоздания Союза и роль В. П. Обнинского в организации съезда 1912 г.¹⁹ Однако полное взаимопонимание вряд ли было достигнуто, ибо украинский лидер, только что избранный почетным председателем ТУП, был решительным противником одобряемой Союзом областной (территориальной) автономии. Имея в виду неутешительный для галицийских русин в Австро-Венгрии опыт такой автономии со смешанным этническим составом населения, в которой поляки оказались привилегированным этносом, М. С. Грушевский считал приемлемой только национально-территориальную автономию²⁰.

В свою очередь такие идеологи кадетов, как П. Н. Милюков, Ф. Ф. Кокошкин и другие умеренные деятели, черпая из того же источника – из политической практики Австро-Венгрии, где фактический федерализм (система автономных провинций различной национально-этнической принадлежности, раздираемая на этой почве непримиримыми противоречиями и конфликтами*) так стимулировал национальные требования, что их нескончаемое обсуждение парализовало, по всеобщему признанию, другие важные стороны внутренней жизни страны, выступали противниками федеративного устройства. «В России национальная борьба начинает ставиться так же, как в Австрии, которая из-за нее не может сдвинуться с места, – говорил Ф. Ф. Кокошкин в марте 1914 г. – Но там уже раньше завоеван конституционный строй... Россия же рискует остаться на том же месте, где и сейчас, если националисты начнут сводить свои счета»²³.

Стоит заметить, что негативный опыт австрийского автономизма-федерализма в то время впечатлял российских политиков разной ори-

* В той же Галиции между поляками и украинцами не прекращалась вражда такого накала, что в дневнике М. С. Грушевского под датой 27 октября 1907 г. записано о ситуации во Львовском университете: «Читал лекцию с револьвером в кармане, а аудитория была большая, умышленно собралась... Все это вследствие слухов о мобилизации поляков»²¹. Это было незадолго до выборов, перед которыми польская администрация оказала поддержку москвофилам, получившим в результате в местном сейме 10 мандатов против 11-ти у украинцев – народоцев и радикалов. В отместку студент-украинец М. Сичинский совершил покушение на наместника – поляка А. Потоцкого²².

ентации. В. И. Ленин в январе 1917 г., проанализировав полученные данные о настроениях украинцев в немецком плену, где они подвергались усиленной агитации за «самостийность», с видимым облегчением написал: «...Условия для галицийской пропаганды архиблагоприятные. И все же близость к великорусам брала верх!.. Отсюда вытекает, что, авось, от «австрийского типа» развития судьба России избавит»²⁴.

Кадетские же лидеры накануне войны во избежание обвинений в потворстве центробежным стремлениям федералистов сочли за лучшее не участвовать в их мероприятиях в рамках Союза автономистов-федералистов, а для обсуждения национальной проблематики устанавливать контакты с каждой отдельной национальной группой²⁵.

Подтвержденная на конференции в мае 1913 г. позиция партии в национальном вопросе не вышла за пределы общегражданских требований: «Укрепление связей с вероисповедными и национальными группами путем оказания им помощи в их борьбе за вероисповедную свободу и равноправие»²⁶.

Многое из того, что в области национальных отношений беспокоило кадетов, давало о себе знать в украинском течении. «В Киеве дело о национальных вопросах обстоит далеко не благополучно», — считал П. Н. Миллюков. Для более обстоятельного выяснения положения 7 октября в Москве состоялось совещание ЦК КДП с представителями Киевского комитета партии И. Н. Полторацким, Е. Г. Шольпом, Ф. Р. Штейнгелем, В. А. Косинским (в протоколе — Коссинский), Н. П. Василенко, Л. Н. Яснопольским. Среди них были члены ТУП или только сочувствовавшие украинскому течению лица. Многих объединяло с московскими и петербургскими деятелями «братство» Великого Востока народов России.

Глава Киевского комитета КДП Е. Г. Шольп сообщил, что «против партии к.-д. раздаются упреки, что она мало защищает интересы украинцев в Г. Думе». «У нас желают, чтобы наши представители в Г. Думе выступали с соответствующими заявлениями при всяком возможном случае. Между тем в Думе о нас упоминалось редко», — подтвердил упрек Ф. Р. Штейнгель. Н. П. Василенко рассказал о притеснениях администрации, «о препятствиях в постановке памятника Шевченко, о запрещении народным учителям и крестьянам выписывать «Раду»», посетовав, что «о всех этих притеснениях в киевской печати говорить нельзя, а русская печать этим не интересуется»²⁷.

Но дело не сводилось к частностям. В период заключения предвыборного соглашения М. С. Грушевский видел его смысл в пропаганде

с помощью КДП дальних целей украинской организации: национально-территориальной автономии края с перспективой федерализации России и внедрение этих идей в общественное сознание. На данном совещании вопрос об автономии рассматривался как один из вариантов более широкой проблемы децентрализации управления. Обсуждение показало, что и в Киевском комитете не все связывали децентрализацию непосредственно с национальным вопросом. Е. Г. Шольп заявил, что к Юго-Западному краю, где украинское население составляет большинство, он относит Киевскую, Подольскую, Воыньскую, Черниговскую и Полтавскую губернии. Этот край вполне может стать особой областью, хотя такое «областное выделение не совпадает с национальным». При этом Киевский комитет сделался бы областным с правом самостоятельно образовывать губернские комитеты КДП и иметь обязательное представительство в ЦК²⁸. И. Н. Полторацкий добавил, что к децентрализации стремятся и местные великороссы, проявляется тенденция экономической децентрализации в виде создания региональной банковской системы²⁹.

Е. Г. Шольп отметил большую сложность украинского вопроса, вытекавшую из отсутствия единства в его понимании. Все едины в требовании родного языка в начальной школе и суде, но «далее идут уже разными: одни мечтают о самостоятельной культуре и даже государственности, другие так далеко не идут»³⁰. М. М. Могилянский обратил внимание на левоцентристский партийный состав украинского течения: социал-демократы и народники (эсеры), украинские демократы-радикалы и конституционные демократы. «Правее нет». И подчеркнул при этом, что «идеал автономии формулирован во всех партиях»³¹.

От лица сторонников национально-территориальной автономии Н. П. Василенко заявил, что в программе КДП «недержавные народности (украинцев, грузин, латышей и т. д.) следует относительно прав самостоятельного существования уравнивать с державными национальностями (поляками и финляндцами)». «Есть... стремление, чтобы на Украину смотрели как на область, имеющую такое же право на автономию, как и Польша, — продолжил эту мысль Ф. Р. Штейнгель. — Доминирующая роль в автономной украинской области должна принадлежать украинцам... Мы стремимся через автономию перейти к национальному бытию»³². На последний тезис профессор экономики Киевского политехнического института потомок старинного гетманского рода с Черниговщины В. А. Косинский резонно возразил, что как раз

нужно «стремиться через создание особой национальности перейти к автономной области, а не наоборот». Пока же «украинское движение распространено только среди культурных слоев, масса в нем не участвует», заметил он, подчеркивая вместе с тем роль свободного использования родного языка как средства сплочения «в однородное и особое целое». Профессор сомневался также в обоснованности автономистского проекта с экономической точки зрения. «Несомненно существуют исторические, экономические, национальные особенности, – рассуждал он, – но нет тяготения к определенному центру». Нет «ясных признаков для определения границ автономной области. Киев не является экономическим центром. Рынками для сбыта сельскохозяйственных произведений скорее являются Одесса, Херсон и Кенигсберг»³³.

Затрагивался вопрос и о литературном украинском языке, каким он представлялся после его реформирования во львовском НОШ, вызывая неприятие в некоторых литературных, научных и читательских кругах. Украинские активисты приписывали возражения ученых-лингвистов, выступавших оппонентами языковых нововведений, их политическому ретроградству. В этом, в частности, они обвиняли профессора Т. Д. Флоринского, опубликовавшего в 1900 г. книгу «Малорусский язык и “українсько-руський” литературный сепаратизм». Но в 1912 г. увидела свет объемистая брошюра известного писателя-украинофила И. С. Нечуй-Левицкого под выразительным названием «Кривое зеркало украинского языка», в которой признанный мастер слова назвал предлагаемый в качестве украинского литературный язык «тяжелым и нечистым, сложенным по латинскому или польскому синтаксису» с переделанным или прямо заимствованным «множеством польских слов». «Г. Грушевский учинил такую путаницу, такую смуту в литературе... что о современном книжном языке можно выразиться народным присловием: что огород – то и народ, что редакция, то и своя особая орфография и даже особый язык... С таким оснащением украинская литература далеко вперед не уйдет, ибо весь этот галицийский и польский груз обломит нашу телегу... этот груз – простомусор, засоряющий наш язык», – заключил маститый литератор³⁴.

На кадетском совещании высказывались люди либеральных взглядов, сочувствовавшие украинскому течению. П. Н. Милюков говорил о них: «В киевской группе трудно отличить, где кончается к.-д. и начинается украинец»³⁵. Они тоже подвергли сомнению продуктивность языковой акции в плане ее влияния на народное просвещение и формирование национального самосознания. «Печатный язык простому населению

кажется скорее похожим на польский», – говорил В. А. Косинский. «Замечания относительно уродливости языка не лишены оснований, – подтверждал Л. Н. Яснопольский. – Этот язык действительно чужд народу, да и интеллигенция не в состоянии свободно говорить на нем». И только Н. П. Василенко слабо возражал, приводя в доказательство, что «Евангелие, напечатанное на этом языке, чрезвычайно широко расходится», хотя и не отрицал, что «пребывание украинцев во Львове несомненно повело к проникновению польских слов в украинский печатный язык»³⁶.

Как видим, в высказанной критике не было высокомерия, а скорее понимание того, что развитие языка плохо поддается форсированным волевым решениям, подчиняясь собственным законам и реальным общественным условиям. «Нет такого языка, который не мог бы сделаться языком культурным, если на нем будет говорить, мыслить и чувствовать интеллигенция. Этот вопрос... есть вопрос нескольких десятков лет», – говорил П. Н. Милюков с трибуны Государственной думы в ноябре 1910 г., отстаивая право родного языка в школах Малороссии и Белороссии³⁸.

Итог совещания, вынесенный кадетскими лидерами, был таков: «Украинский вопрос, безусловно, требует внимания, но выявленное его состояние не свидетельствует о необходимости немедленной постановки требования украинской автономии»³⁹. Правда, А. Р. Ледницкий высказался за дальнейшее обсуждение вопроса о том, «какими признаками должно определяться право на автономию, признаками только национальными, или только территориальными или теми и другими вместе»⁴⁰. Но П. Н. Милюков, напомнив о наличии многих разногласий среди самих украинцев, с присущей ему твердостью резюмировал, что «по условиям момента сейчас своевременно говорить о расширении прав самоуправления, но не провозглашать национальную автономию»⁴¹.

Вскоре украинский вопрос привлек к себе более широкое общественное внимание. Приближался 100-летний юбилей Т. Г. Шевченко. Пос-

³⁶ Но украинские радикалы спешили, не останавливаясь ради поставленной цели перед сомнительными средствами. Б. Д. Гринченко, например, взявшись подготовить для популярного московского издательства несколько произведений Г. Ф. Квитки-Основьяненко, выбросил из авторских текстов все «москализмы». «Не нам помогать обрусению, лучше будет подать широкой украинской массе Квиткины повести, очищенные от чужого, негодного элемента», – объяснял он такой прием редактирования. Соредактор серии профессор А. Е. Крымский писал позже, что «невзирая на весь свой филологический ригоризм», не только одобрил это, но при редактировании других произведений того же автора пошел еще дальше. «вымарав весь (обильный, нечего сказать!) царсклавный и антидемократический элемент»³⁷.

ле 1905 г. украинские деятели широко отмечали в феврале дни его памяти, создавая, при известном сочувствии левых и либеральных кругов, его культ как политического борца с «ненавистной московщиной». В 1905 г. полтавское земство объявило сбор средств на памятник Т. Г. Шевченко. В Киеве был создан специальный комитет, куда вошли и украинские деятели (в него допускались лица и организации, внесшие сумму от 1 000 руб. и более). На пути оказалось много сложностей: не дали удовлетворительных результатов объявлявшиеся конкурсы на проект монумента, подвергался пересмотру вопрос о месте его установки в Киеве и т. д. Украинские организации использовали затянувшийся сбор средств для политической агитации: в селах расклеивались плакаты, многочисленные вечера и концерты обставлялись ритуалом вставания при исполнении политически заостренных произведений Т. Г. Шевченко и т. д.

Пятидесятилетие со дня кончины поэта в 1911 г. прошло под знаком чествования его как вдохновителя украинского национально-политического движения. В украинской печати его окрестили «исключительным явлением в истории всех времен и народов» и «организатором украинской нации»⁴². Проведение центрального торжества взял тогда на себя киевский Украинский клуб. Глава клуба композитор Н. В. Лысенко стал председателем юбилейного комитета. Но тут вмешалась администрация, встревоженная политическими акцентами кампании. 1 февраля 1911 г. киевский гражданский губернатор по предписанию генерал-губернатора Юго-Западного края предупредил членов комитета, что «юбилейное чествование не должно иметь характера пропаганды украинских учений». В тот раз совет клуба вовсе отказался «от публичного чествования поэта», мотивируя тем, что «неопределенность понятия “украинские учения” не позволяет предвидеть, что, с точки зрения администрации, нежелательно и подлежит запрету»⁴³. Активистка клуба писательница и педагог Л. Яновская в докладе «О препятствиях, чинимых властями Шевченковским торжествам», сделанном в 1914 г., так изложила этот эпизод (в записи П. Н. Милюкова): «Губернатор не утвердил программы и запретил много раз повторять выступления. Клуб признал невозможным критиковать» это решение. Вскоре городская дума изменяла свое прежнее решение и на выбранном первоначально для монумента поэта месте разрешила в 1911 г. соорудить «неуклюжую», на вкус Н. П. Василенко, «бетонную статую княгини Ольги» — скульптурную группу с княгиней в центре, апостолом Андреем Первозванным и славянскими просветителями Кириллом и Мефодием по сторонам. Столь же

несправедливым счел Н. П. Василенко увековечение в связи с 200-летием Полтавской битвы памяти Василия Кочубея и полковника Искры раньше, чем состоялось открытие памятника Т. Г. Шевченко. Работа над ним была продолжена по ходатайству генерал-губернатора перед Сенатом в 1912 г.⁴⁴

Зато ККРН отметил годовщину 1911 г. своим общим собранием, на котором А. И. Савенко выступил с докладом «Певец самостийной Украины». Оратор сказал, что его сердцу близок «Шевченко как поэт-лирик, который воспевал Украину», но разъяснил, что с общерусской точки зрения «находим в его творчестве такие элементы, которые не позволяют нам серьезно относиться к памяти поэта», и призвал не участвовать и протестовать против чествования⁴⁵.

Деятели ККРН в это время вообще, выражаясь современным языком спорта, усилили «игру на поле противника», подчеркивая тождественность своей идеологии с волей и стремлениями большинства малороссов, а украинскую организацию изображая проводником выгодного внешним силам сепаратизма. «Черносотенцы-малороссы, такие, как Савенко, — записал в своем дневнике 2 января 1912 г. Е. Х. Чикаленко, — начали теперь называть себя “богдановцами” в память Богдана Хмельницкого, который присоединил Украину к Москве, противопоставляя себя “мазепинцам”, которые якобы хотят оторвать ее от России... В действительности мы “богдановцы”, ибо мы с самого начала возрождения украинского сознания далее автономии никак не шли... Драгоманов и Грушевский в своих трудах всякий раз были автономистами, а не сепаратистами и с политикой Мазепы ничего общего не имели»⁴⁶.

Подготовка к исполнившемуся в 1914 г. 100-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко началась под патронатом городской думы Киева, ассигновавшей 5 тыс. рублей. Гласные думы предложили создать комиссию для составления программы чествования. Комиссия подарила соответствующих антрепренеров. Планировалось заложить, наконец, памятник. В работу включились органы самоуправления в Чернигове, Харькове, Полтаве. О разных формах участия в чествовании пришли сведения из Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, Ростова, из малых городов и селений. Разумеется, активно участвовали в подготовке «сознательные украинцы», не получившие со стороны властей, по словам Л. Яновской, ни одного предостережения⁴⁷.

Но тут в дело включились русские националисты. Правда, крайне правые из ГРО и из образованного недавно отдела ВНС через газету

«Киев» заявили категорически о недопустимости чествования вообще. Однако ККРН на общем собрании 11 января 1914 г. принял резолюцию, в которой признал естественным и законным желание поклонников автора «Кобзаря» воздать должное памяти певца Малороссии. Вместе с тем в резолюции говорилось, что «шайка мазепинцев как зарубежных, так и российских, являющаяся инициаторами почитания памяти Шевченко, чтит его не как поэта, а исключительно как политического деятеля, как заклятого врага единой и нераздельной России... На территории всей южной России ведется затаенная пропаганда идей украинского сепаратизма... План мазепинцев заключается в том, чтобы оторвать от России всю Малороссию, до Волги и до Кавказа и ввести ее в состав Австро-Венгрии на федеративных началах, как автономную единицу». Резолюция завершалась призывом протестовать против попыток придать торжеству политический антироссийский характер⁴⁸.

Деятели ККРН во главе с А. И. Савенко предложили почтить память поэта Т. Г. Шевченко изданием совместными усилиями учебного округа, губернского и уездных земств собрания его произведений для раздачи школьникам. Книжки, к огромному возмущению «сознательных украинцев», предлагалось напечатать не в новом, фонетическом, а в прежнем, как во времена поэта, этимологическом написании⁴⁹.

«Было бы подлинным оскорблением памяти поэта, если бы националисты приняли участие в грядущих торжествах. Только не это», — последовал ответ «сознательных украинцев» в газете «Рада»⁵⁰. Русские националисты восприняли такую реакцию как лишнее подтверждение правоты своих политических подозрений. В столицу от них полетели телеграммы министрам и другим влиятельным лицам с призывом не допустить в дни памяти Т. Г. Шевченко политической демонстрации. Подобные обращения поступали из других городов. Из Чернигова предлагали конфисковать сборы на памятник и устроить на них больницу. В Харькове потребовали не допускать к чествованию учащихся⁵¹. Лидер киевского отдела ГРО Н. В. Стороженко направил даже личное письмо П. П. Скоропадскому, генералу императорской свиты, командиру одного из гвардейских полков в Петербурге с просьбой повлиять на высшие сферы и не допустить, чтобы «распропагандированные... мазепинцами учителя и некоторые попы совершали паломничество в Киев для поклонения “батьке” Тарасу и воспитывали подрастающее поколение в духе Шевченко, то есть ненависти к царю и всему русскому. Это позор для нас, малороссов, и для нашего первопрестольного Киева»⁵².

Правительство отреагировало, не вникая в тождества предложений А. И. Савенко. 5 февраля 1914 г. министр внутренних дел направил циркуляр, в котором рекомендовал губернаторам на местах избегать официального характера торжеств. «Циркуляр в форме совета», – признавала Л. Яновская, прогнозирувавшая взрыв возмущения, если правительство издаст настоящий запрет⁵³. Но оказалось достаточно и совета. В накаленной обстановке противоборства он был истолкован многими, в том числе, а, может быть, и в первую очередь сторонниками украинского течения как состоявшийся запрет, вокруг которого удалось развернуть бурную кампанию протеста. В городскую думу Киева тут же было подано ходатайство о чествовании с 1 500 подписями, собранными за три дня.

Группа депутатов Государственной думы внесла запрос по поводу запрета⁵⁴. 11 февраля дума приняла решение о срочном его рассмотрении. За «спешность» высказались деятель Союза автономистов-федералистов народный социалист В. Л. Геловани⁵⁵, полтавский депутат октябрист Д. П. Капнист. Последний назвал себя «убежденным противником так называемого украинства в кавычках». «Меня как малоросса приводит в негодование стремление приверженцев этого движения навязать... совершенно нам несвойственную склонность к сепаратизму, к какому-то отторжению от России, – заявил он. – Шевченко дорог нам как певец нашего родного края и заставить нас замолчать в день его чествования было бы более чем странно... Малороссы, как и великороссы равноправные сыны русской державы. Общее чествование послужило бы лишним доказательством этого единства России»⁵⁶.

Самые яркие ораторы Государственной думы приняли участие в обсуждении запроса. С обличающей правительство речью выступил депутат от КДП «русский Мирабо» (автор знаменитой метафоры «столыпинские галстуки» Ф. И. Родичев). «Чувство презрения к народной славе» и «национальное бесстыдство» есть в этом запрете, сказал он, обрушившись на власти за их неуклюжую тактику. «Если есть средство обострить и поднять... национальное чувство... раздуть... какое-нибудь движение... это средство есть преследование... Одна та наличность зарубежного украинского университета и гонение украинского движения в России есть такое могучее средство украинской националистической пропаганды, что только слепой... мог прибегнуть к такому действию»⁵⁷.

⁵³ 9 февраля лидер кадетов П. Н. Милоков получил из Киева телеграмму следующего содержания: «Украинское общество горячо приветствует запрос о запрещении чествовать нашего великого поэта Шевченко и просит народных представителей помнить, что оно будет чутко прислушиваться к каждому слову, сказанному ими в защиту достоинства украинского народа»⁵⁴.

Правый же депутат В. М. Пуришкевич, оправдывая меры противников украинства, утверждал, что масса народная не имеет помыслов об отделении, но «вопрос идет о небольшой группе украинской интеллигенции, которая из большого чистого праздника создала бы политическое течение и стали бы развивать на этом празднике свои политические идеи, утопические с нашей общерусской точки зрения... Великий Гейне... за пропаганду идей антигосударственных, по сей день не имеет в Германии памятника. Почему же того, что допустимо в Германии... нельзя допустить в России»⁵⁸, – вопрошал председатель Союза Михаила Архангела, напомнив о политической стороне деятельности Т. Г. Шевченко, чтобы оправдать запрет на присвоение имени поэта улицам городов, учебным заведениям и пр.

П. Н. Милюков написал в своих мемуарах, что считал долгом выступить «в защиту украинского национального самоопределения», и, чтобы подготовиться к парламентской речи, «специально съездил в Киев и имел там обширные совещания с группой почтенных украинских «прогрессистов»⁵⁹. Из протоколов ЦК КДП следует, что из-за экстренности случая на поездку не было даже санкции парламентской фракции. Он лишь на заседании ЦК 9 февраля 1914 г. успел сообщить, что «получил из партийных кругов приглашение в Киев для обмена мыслями с местными украинскими организациями по программным вопросам: украинцы желают знать более определенно отношение к.-д. партии к интересам украинским». П. Н. Милюков отметил также важность поездки для закрепления союза с украинцами, которых собирают «разными посулами» левые партии⁶⁰.

Коллеги по ЦК признали поездку «желательной и своевременной». А. И. Шингарев при этом подчеркнул «силу и глубину» национально-культурного движения на Украине, заметив, что, по его собственным наблюдениям во время последней поездки туда, сторонников автономии немного, «и это течение чисто интеллигентское, очень слабо... Но все же следует присматриваться и ближе изучать... выяснять его возможные перспективы»⁶¹.

17 февраля лидер КДП докладывал на заседании ЦК о визите^{**}, следовавшем, по его словам, две цели: совещание с местной партий-

* Так в тексте.

** По украинским источникам, совещание П. Н. Милюкова с руководством ТУП прошло в квартире Ф. Р. Штейнгеля 1 марта⁶², т. е. 16 февраля, по принятому тогда старому стилю. Но, судя по тому, что 17 февраля он уже выступал с отчетом в Петербурге, совещание с украинскими деятелями состоялось несколько раньше.

ной группой и объяснение по программным вопросам с украинскими национальными организациями. Он рассказал, что «имел с украинцами несколько заседаний», что «после заседания, длившегося 6 часов, состоялся в [Украинском] клубе банкет на 400 приглашенных, в конце которого было выступление с.-д.-тов, не имевшее большого успеха»^{63*}. Украинские деятели, рассказывал П. Н. Милюков, «отнеслись к совещанию очень внимательно и подготовили одиннадцать докладов, касавшихся различных сторон местной жизни и деятельности и различных общих пожеланий... Из докладов один выделялся поостроте и широте темы «Сепаратизм и федерализм»... Доклад, исшедший из времени декабристов... и Кирилло-Мефодиевского братства, к драгомановской «Вільний Спілці», наконец, к новой формуле... признающей целью объединение народностей на федеративных началах, но вместе с тем отрицающей лозунг «Самостийной Украины», как политическую утопию»⁶⁴. Это был доклад М. С. Грушевского.

Политическим проблемам текущего дня было посвящено его второе выступление, формально заявленное как доклад о кафедрах украиноведения в университетах юга России, в котором он высказал упрек «великорусской интеллигенции» за сдержанность в этом вопросе, доказывая, что при переходе к школьному обучению по-украински** потребуется соответствующий контингент преподавателей, и это вновь поднимет роль Галиции, где приближается к решению вопрос об открытии украинского университета. «Если нежелательно это, то надо предоставить возможность удовлетворить потребности в границах», — записал П. Н. Милюков слова докладчика, перешедшего к доказательству политических выгод такого подхода. Сила галицийского движения в том, рассуждал он, что туда перенесено украинское движение из России. В 1906 г. галицийские издания много потеряли от того, что появилась местная печать и книги. М. С. Грушевский утверждал, что расхождение в политических

* Те украинские социал-демократы, которые включились в ТУП, нередко критиковали его демократически-радикальное ядро за буржуазность, что не могло быть убедительным в глазах либерала П. Н. Милюкова.

** С докладом о необходимости введения украинского языка в школе выступил В. К. Прокопович, заявивший, что это стало требованием жизни, которое поддерживают некоторые земства, спаржин, крестьянское население и сельская интеллигенция. По результатам проведенного опроса, из 378 участников 324 высказались в пользу украинского языка. Пока же родителям приходится посылать детей для обучения в галицийские гимназии. Сочувствие, выраженное КДП, заключил докладчик, должно привести к внесению в думу соответствующего законопроекта⁶⁶.

программах галицийского и российского украинства будет увеличиваться, и роль Галиции как «Пьемонта» сократится, если на месте найдутся точки приложения национальной энергии^{66*}.

Несколько позже П. Н. Милюков рассказал, что украинские деятели настаивали, чтобы представители КДП огласили их автономистско-федералистскую программу в Государственной думе «с целью ознакомить русское общественное мнение с требованиями и пожеланиями украинцев и, с одной стороны, показать, что украинское движение далеко от всякого “сепаратизма” и “мазепинства”, т. е. что оно никоим образом не посягает на целостность государства Российского, но, с другой стороны, и опровергнуть “народолюбивую” точку зрения лиц вроде графа К[ашиста], полтавского депутата, утверждавшего, что в украинском движении вовсе нет политического элемента, а лишь любовь к своему языку, песне, быту»⁶⁹.

Но лидер КДП, уже определивший свой взгляд на принципы, заложенные в предлагаемой программе, сразу возразил, что, не исключая в будущем актуализации идеи автономии, заранее «ставит точку перед федерацией»⁷⁰. «Партия к.-д. не только отрицает возможность федерации в близком будущем, но и будет бороться против принципа федерации как утопического», — дополнил он перед своими петербургскими коллегами сказанное в Киеве⁷¹. Относительно автономии он не был столь категоричен, имея в виду реализацию ее в виде широкого областного самоуправления, но формирование национально-территориальных единиц «с отдельными провинциями, со своим бюджетом, войском» и другими признаками государственности, как того хотели украинские деятели, также считал неприемлемым⁷².

Киевляне не одинаково отнеслись к выявившемуся противоречию. Н. П. Василенко, озабоченный тем, что «русская пресса не обращает дол-

* Из других, произнесенных украинскими деятелями 11 докладов в бумагах П. Н. Милюкова имеются сделанные им записи по упомянутым ранее выступлениям В. Н. Леонтовича на тему «Украинское движение народное, а не интеллигентское», дополненным рассказом Л. Н. Жебунева о тяге масс к литературе на украинском языке; записи докладов Д. И. Дорошенко об обществах «Провснта», Л. М. Старицкой-Черняховской — об украинском театре, Л. Яновской — о преградах, чинимых юбилею Т. Г. Шевченко, Ф. П. Матушевского — о намечившемся в связи с этим сотрудничестве украинской организации с парламентской оппозицией. Среди записей П. Н. Милюкова есть также изложение речи неназванного украинского деятеля о препятствиях, создаваемых украинской прессе на ее пути к читателям, и фрагмент выступления того же деятеля об успехах украинского просветительства. Судя по нумерации страниц, отсутствуют записи двух первых докладов⁶⁷. Некоторые услышанные данные П. Н. Милюков непосредственно включил в свою парламентскую речь по украинскому вопросу⁶⁸.

жного внимания на украинский вопрос»⁷⁴, предложил открытую дискуссию, на что П. Н. Миллюков, по словам М. С. Грушевского, признав такую полемику «совершенно нежелательной и вредной», возразил: «Зачем мы, друзья... будем ссориться и давать пищу для наших общих врагов»⁷⁴.

Е. Г. Шольп, выступая от имени Киевского комитета КДП, заметил, что на месте лучше виден рост и интенсивность украинского движения: украинские национальные элементы выдвигались на кооперативном и других съездах, стал заметен рост украинской литературы, к украинскому течению, судя по выступлению Мерция⁷⁵ в Государственной думе, склоняются крестьяне – хотя лидер киевских кадетов не взялся бы определить масштабы движения в целом. Необходимо идти рука об руку, заявил он, но обратил внимание на «особенности» во взаимных контактах: кадеты – чисто политическая партия, украинская организация, в которой слились все партии, включая украинских трудовиков и «даже с.-д.», не ставит в своей программе задачи, выдвигаемые КДП. Поэтому, считал оратор, следовало выступать солидарно в вопросе школы, но соблюдать осторожность в других, выходящих за рамки программы партии. «Мы все более будем входить в контакт не только по вопросам национальным, но экономическим и общеполитическим. Всякое усиление чисто политической струи будет нами особенно приветствоваться. Может быть, и среди украинства произойдет расслоение», – выразил надежду Е. Г. Шольп, отметив в заключение испытанные на собственном опыте публициста сложности освещения украинской проблематики в печати⁷⁶.

И. Н. Полторацкий объяснил ситуацию с точки зрения лиц, совмещавших принадлежность к КДП и украинской организации. «Мы сперва были кадетами, а потом стали организованными украинцами, – сказал он. – Мы нашли возможным участвовать в украинских организациях, т. к. программа к. д. допускает расширение национальных

⁷⁴ В докладе «Отношение русской прессы к украинскому вопросу» он, согласно записи П. Н. Миллюкова, заявил: «От требований наших никогда не отступим: знаменем останется переустройство России на началах федерации. Факты и идеи в достаточной степени развиваются в украинской прессе. Но русское общество ознакомлено мало... Русская пресса замалчивает. Украинское движение остается или загадкой, или представляется превратно... Желательно ч[то] б[ы] "Речь" полемизировала с нами, ч[то] б[ы] спорили, возражали. До с[их] п[ор] отношение ограничивалось сообщением внеклеточических фактов преследований, а идейной стороны "Речь" не затрагивала. Желательно, чтобы в "Речи" были затронуты все эти вопросы»⁷⁴.

⁷⁵ П. Ф. Мерция – крестьянин Киевской губернии, депутат IV Государственной думы из фракции русских националистов. Выступил с протестом против запрета чествования Т. Г. Шевченко.

прав и расширение автономий. Правда, федерализма нет... Украинское движение д[олжно] б[ыть] приобщено к общерусскому: без политического освобождения нет и национального. Без национального освобождения нет политического... Р[усская] пресса должна звучать на ноте освобождения национальностей»⁷⁶.

Только М. С. Грушевский, в отличие от большинства своих коллег, резко отреагировал на отказ П. Н. Милюкова обсуждать идею федерации, пригрозив, что «такая постановка вопроса может отрезать путь для дальнейших переговоров и соглашений на этой почве», но вместе с тем не подводя дела к разрыву. «Мы расстались с Вами тогда под впечатлением, что этот вопрос должен послужить предметом наших ближайших бесед», – напомнил он вскоре в письме к кадетскому лидеру⁷⁷. Потому общее впечатление П. Н. Милюкова об этой поездке в Киев было положительным. Ему показалось, что сделанные им заявления «не были враждебно встречены украинцами, взаимное понимание в известной мере было достигнуто, и на вечернем банкете говорилось уже не о федерации, а о культурном самоопределении и об автономии и ее возможных пределах в условиях текущей российской действительности»⁷⁸. В этих словах спустя месяц с небольшим на заседании ЦК КДП в присутствии своих киевских собеседников П. Н. Милюков осветил финал киевских переговоров, напомнив, что сам он «совершенно ясно высказался за то, чтобы, говоря о требованиях украинцев в Г. думе, указывать только совершенно установленные ближайшие пункты этих требований», но в ответ услышал, что «украинцы не боятся открытия их программы во всю ширь», и тогда пообещал, что «так и сделает, но оставляет за собою право полемизировать против того, чего он не признает»⁸⁰.

На очередном заседании Государственной думы 19 февраля при обсуждении вопроса о запрете чествования Т. Г. Шевченко П. Н. Милюков выступил с пространной речью, в которой, по признанию М. С. Грушевского, «впервые с думской трибуны так широко был поставлен украинский вопрос, что она долго будет служить необходимым пунктом для оценки украинского движения в прогрессивных кругах России»⁸¹.

Обратившись к непосредственному предмету обсуждения, П. Н. Милюков подчеркнул масштабы личности и творчества Т. Г. Шевченко,

* В мемуарах он писал по поводу этих своих предложений, что ими «вожди ТУП удовлетворились, соглашаясь отодвинуть в будущее требование "федерации" и совершенно исключая "сепаратизм". Только проф. Грушевский хитрил со мной, скрывая от меня свои истинные намерения»⁹.

сказав, что «это поэт народный, а не простонародный», что его творчество нельзя считать «простым повторением народных украинских песен... Шевченко имеет такие же права по отношению к своему народу и так же народ к нему относится, как к нашим лучшим поэтам»⁸².

Но большую часть выступления П. Н. Милюков посвятил полемике с правыми относительно характера украинского течения. Он заявил, что, с одной стороны, русские националисты из Киева не представили доказательств тех обвинений в сепаратизме и государственной измене, которые они выдвинули против украинского движения, а с другой – октябрист Д. П. Капнист вместо опровержения этих обвинений стал отрицать сам факт украинского движения. «Украинское движение существует, оно будет существовать и попытка отрицать украинское движение бесполезна»⁸³, – заявил лидер кадетов, явно подыгрывая украинским партнерам, ибо сведущие специалисты, весьма далекие от пристрастий русских националистов, более чем скромно оценивали потенциал украинских организаций. «Украинское движение в России в противоположность галицийскому – не только как некая сила, но и вообще как политическое течение, с которым следует считаться, до сих пор (после неких слабеньких усилий создать собственное автономистское движение в 1905–1906 гг.) практически не существует», – утверждал в 1911 г. знаток украинского вопроса польский социалист Л. Василевский⁸⁴.

П. Н. Милюков же, продолжая свою речь в пользу украинского движения, сказал, что киевские националисты умышленно, в своих целях все перепутали. «Если верить их обвинениям, есть какие-то “мазепинцы” с профессором Грушевским во главе, которых националисты г. Киева считают “сепаратистами”... Если это так... то отчего же в собственной среде этих предполагаемых сепаратистов, являются люди, которые... вместо того, чтобы считать их сепаратистами и австрофилами, обвиняют их в москвофильстве», – поставил вопрос оратор, сославшись на уже упоминавшуюся брошюру Д. И. Донцова «Модерне москвофильство», в которой автор клеймил М. С. Грушевского и его сторонников именем москвофилов и «чистых культурников» за якобы отсутствие реальной политической программы и «безграничное преклонение перед русской культурой»⁸⁵. П. Н. Милюков взял под защиту это, по его мнению, «среднее» и «господствовавшее» в украинских кругах направление. Он высказал убеждение, что именно подавление этого течения чревато смещением центра украинства в австрийские пределы и появлением на Украине сепаратистов – сторонников Д. И. Донцова. «Войтесь его!» – патетически предупредил оратор. – Если вы будете продолжать вашу

политику, Донцовы будут считаться не единицами... а сотнями, тысячами, миллионами»⁸⁶.

Но, перейдя к характеристике политических постулатов своих «подзащитных» и подчеркнув, что верит «в глубокую и полную искренность вождей движения, которые развернули это знамя федералистски-автономистских единиц», П. Н. Милюков заявил, что «совершенно не разделяет стремлений автономистов-федералистов и считал бы осуществление их политической программы для России вредным и опасным делом»⁸⁷. Автономистско-федералистскую концепцию он назвал, с одной стороны, данью исторической традиции украинства, а, с другой – приравнял к безгосударственному федерализму анархиста М. А. Бакунина, но вместе с тем выразил надежду на эволюцию этой идеи к более приемлемым формам и отметил, что полностью доверяет утверждениям украинской печати, что «автономистско-федералистские идеалы украинского общества уже сами по себе исключают стремление к разрушению Российского государства»⁸⁸. «Нигде в цивилизованных странах людей за идеалы не преследуют, – напомнил оратор, – не преследуют за то, что у социалистов носит типичное название “музыки будущего”». Программу же украинской организации в области текущей законодательной и административной практики – требование «украинизации школьного просвещения на Украине, права украинского языка в судебных и правительственных учреждениях, устранения ограничений для украинского печатного слова, улучшения условий для легального существования украинских национальных учреждений» он защищал как насущные и законные в рамках действующей государственной системы⁸⁹.

Выступивший вслед за кадетским лидером А. И. Савенко со своей стороны доказывал, что «вся политическая агитация, известная под названием украинского движения», направлена к самостоятельному политическому бытию. «Правда, – заметил он, – практически даже вожди украинского движения не знали, как осуществить этот политический идеал... потому что не было тех внешних факторов, на которые они могли бы опереться... в течение только последних 20–30 лет у них появилась новая тактическая программа... В той же газете “Рада” они откровенно об этом говорят: ...требуем того же, что имеет Финляндия... но теория финляндского государственного права – это теория сепаратизма». «Разве мы не вправе сказать, что украинское движение при таких условиях есть движение сепаратистское?» – вопрошал оратор и продолжал, еще раз демонстрируя тот глубокий раскол, который возник при самоидентификации автохтонного населения края. «В ряду вопросов

окраинных, инородческих, – говорил этнический малоросс А. И. Савенко, – украинский является самым странным. Это не инородческий вопрос, ибо мы, во-первых, вовсе не украинцы – я не знаю, на каком основании г. Милюков председателя Государственной Думы назвал украинцем*. Председатель Государственной Думы не украинец, а малоросс, – мы малороссы вовсе не считаем себя украинцами, мы считаем себя чисто русскими людьми». «Совершенно верно», – тут же с председательского места откликнулся М. В. Родзянко. А А. И. Савенко продолжал: «Если я ставлю в настоящее время в параллель этот вопрос с другими инородческими окраинными вопросами, так... потому, что сами представители украинского движения называют себя инородцами. Они отказываются от чести носить русское имя... Малороссия никогда самостоятельным государством не была, – хотя в настоящее время М. Грушевский, историк Украины, и доказывает... что поляне, древляне, северяне и т. д. были украинцы**... но мы же знаем, что все это есть исторический подлог... что никаких украинцев Нестор-летописец не знал... что гениальный автор “Слова о полку” знал русское племя, рус-

* П. Н. Милюков в своей речи упрекнул «депутата-украинца и притом Председателя Государственной Думы М. В. Родзянко», который ранее высказался против создания украинского литературного языка на том основании, что он якобы не понятен простым малороссам: в частности, крестьяне Екатеринославской губернии не восприняли в переводе на украинский язык Манифест 17 октября 1905 г. Лидер кадетов напомнил, что в ответ на это заявление «в три дня крестьяне и рабочие четырех сопредельных уездов трех местностей, где живет и действует... Родзянко, собрали 1 700 подписей под протестом, опровергавшим заявление Председателя Государственной Думы»⁹⁰.

Однако о том, как мало значили в жизни трудового народа политические дискуссии на тему языка, красноречиво говорит курьезный эпизод, засвидетельствованный Е. Х. Чикаленко в письме к П. Я. Стебишскому летом 1917 г., в разгар ничем не ограниченной агитации Украинской центральной рады за национально-территориальную автономию, украинизацию школы и пр.: в ходе уездного крестьянского съезда на Херсонщине, сообщал Е. Х. Чикаленко, «выявилось, что крестьяне не знают, что они говорят на украинском языке и потому протестуют против украинизации школы»⁹¹.

** Вот что писал М. С. Грушевский, стремясь доказать предпочтительность понятия «украинцы»: «Этим последним именем стали называть их с тех пор, как исконное историческое имя этой народности – “Русь”, “Русин” усвоено было великорусской народностью и Московским государством, в эпоху политического упадка украинских земель смотревшим на себя как на единственного наследника старого Киевского “Русского” государства, созданного украинскими племенами. Будучи официальным, книжным происхождением, имя это: “Малороссы”, “Малороссия” не было принято народом, и теперь во все более широкое употребление входит имя “Украинна”, “Украинцы”, начавшее приобретать характер национального имени с XVII в., когда украинское Поднепровье, носившее это имя специально в значении пограничья, окраины, становится очагом национальных движений и национальной жизни Украины»⁹².

ских людей, русскую землю, русскую славу... Слово «украинцы» появилось в нашу эпоху»⁹³.

Включившиеся в дискуссию левые депутаты, разумеется, были на стороне поборников украинства, выводя на первый план при этом социально-обличительные моменты. «Шевченко ненавидел крепостничество. Это ему не прощают потомки крепостников... Второй грех Шевченко: он демократ и сын демократической Украины... в основе украинского самосознания всегда лежало демократическое самосознание. Это опасность для современного полицейского режима», – заявил лидер думской фракции трудовиков В. И. Дзюбинский⁹⁴.

«Для нас нет наций, опасных для России. Опасными являются только хозяйствующие в ней общественные группы. На нашем знамени свобода нации и самоопределение», – говорил депутат-меньшевик И. Н. Туляков, призывая «соединиться под одним знаменем социал-демократии и идти на общего врага, который целыми веками тормозит и культуру, и национальное развитие каждой национальности России»⁹⁵.

Возвращаясь к центральному событию дискуссии в думе – выступлению П. Н. Милюкова – можно сказать, что рядовые сторонники украинства были удовлетворены его заступничеством. «Искренне благодарю за речь о Шевченко», – написал ему в коротком послании по-украински инженер Семен Мазуренко⁹⁶. «Верим, что объективное освещение украинского вопроса с трибуны Государственной Думы рассеет клевету об украинском сепаратизме и тогда замолкнут самозванные малороссы Савенки. Приветствуем выступление Вашей партии [в] защиту прав украинского народа», – телеграфировал П. Н. Милюкову от имени украинцев г. Николаева ветврач Загоруйченко⁹⁷.

Но было в выступлении П. Н. Милюкова и то, что не могло понравиться идеологам политического украинства, а именно подход к украинскому течению: в нем лидеру кадетов виделась неоднородность устремлений и целей. При этом он дал понять, что не считает политическое крыло, объединенное в ТУП, доминирующей общественной силой.

М. С. Грушевский был встревожен и разочарован этим и поспешил с письмом к П. Н. Милюкову (4 марта 1914 г.), в котором после коротких слов признательности за внимание к украинскому вопросу и за солидарность с культурно-национальными требованиями, обрушился на адресата с упреками за якобы минимизацию общественного веса политического украинства и за резко выявленное несогласие с его стратегическими целями: «Ряд вопросов схвачен и освещен чрезвычайно удачно. Но наряду с этим она [речь] содержит в себе положения, появление

которых очень смутило моих друзей... Нас удивило, что Вы выступили так решительно принципиально против автономно-федеративного постулата... казалось бы достаточным высказанной Вами сначала надежды... что эволюция политической программы сведет украинцев в будущем с этой позиции. Мы [слово неразборчиво] думаем, что украинство не дает положительных данных для такой уверенности, но как полемический прием, по существу безвредный, мог бы быть нам полезен, – поучал кадетского лидера изощренный тактик М. С. Грушевский. – Вы не сделали даже никакой разницы между постулатом автономии и федерализмом... Получается такое впечатление... правильно отмежевывая как “ничтожные кружки” сепаратистское течение, Вы затем выделяете в “небольшую группу” и украинцев, признающих принципы автономии и федерации и указываете на Мерция как на настоящее мерило украинства и в сущности становитесь на позицию Капниста, от которой так определенно отмежевались.⁹⁸ Позже, при встрече, он назвал это выступление П. Н. Милюкова «ударом в спину с дружественной стороны», сказав, что украинские деятели не хотели бы его, если бы знали, что оратор выскажется даже против автономии⁹⁹. В письме же он посетовал: «Вы словно хотите отрезать путь для дальнейших переговоров и соглашений на этой почве». И предложил «безотлагательно» продолжить обмен мнениями, дабы «возникшие недоумения... выяснить как можно скорее и полнее, чтобы расчистить почву, на которой должно было бы протекать дальнейшее сотрудничество, свободное от недоумок и непонимания друг друга»¹⁰⁰.

Глава 7

Украинское движение, российские либералы и левые. Программы и практика

Свое намерение расширить платформу сотрудничества с кадетами М. С. Грушевский подкрепил немедленным действием. Он прибыл в Петербург вместе с киевскими делегатами на конференцию КДП, назначенную на 23–25 марта 1914 г., и перед ее открытием встретился с П. Н. Милюковым. Последний, желая избежать излишней, с его точки зрения, дискуссии, предложил: если украинские деятели недовольны критикой их политической программы, то он «готов в дальнейших своих думских изложениях по украинскому вопросу оставаться лишь в пределах культурного самоопределения украинцев, не вызывающего возражений и споров»¹. Но украинскому лидеру этого было мало. Он напомнил, что «в самой программе к.-д. партии есть пункт (§ 24), допускающий в принципе автономное устройство для разных национальностей», и настоял на проведении переговоров со всем ЦК, сообщив заодно, что параллельно уже условился о встречах с трудовиками и другими думскими группами².

П. Н. Милюков, доложив 22 марта ЦК КДП о состоявшемся разговоре с М. С. Грушевским, заключил: «Если украинцы будут демонстративно настаивать на своих широких требованиях, от них придется отгораживаться»³.

Совещание состоялось 24 марта 1914 г. Со стороны КДП в нем участвовали члены Петербургского отделения ЦК П. Н. Милюков, А. М. Колюбакин, А. С. Изгоев, Ф. И. Родичев, А. Н. Рутцен, А. А. Корнилов, В. И. Вернадский, В. Д. Набоков, из Московского отделения – Ф. Ф. Кокошкин, Н. М. Кишкин, М. Г. Комиссаров, из Киева – М. С. Грушевский, С. А. Иванов, делегаты конференции КДП Д. Н. Григорович-Бар-

ский, Н. П. Василенко и Ф. Р. Штейнгель, а также от петербургских украинцев – сотрудничавший с кадетами журналист М. А. Славинский.

Оно проходило в перерыве между заседаниями конференции, на которой киевские делегаты при поддержке Н. В. Некрасова и А. М. Колубакина, говорили о превращении национального вопроса в крупный фактор, которому следует пойти навстречу более решительно, чем это было прежде⁴.

Открыл совещание П. Н. Милюков. «При обсуждении украинского вопроса... смешиваются и спутываются вопрос о политической автономии и о федеративном строе государства, – сказал он, еще раз подчеркнув, что против лозунга федерации имеет принципиальные возражения. – Сейчас ставится вопрос о совместимости программы для украинцев с программой к.-д... в пределах допустимости для украинцев политической автономии. Точка зрения ЦК к.-д.: не следует в настоящее время форсировать программу к.-д. до этого пункта, достаточно остановиться пока на признании необходимости широкого самоуправления. В каком виде это самоуправление – это предмет настоящего обсуждения»⁵.

М. С. Грушевский во вступительном слове и последующем докладе чередовал выдвижение максимальных требований с уклончивым отступлением от них, то относя свою политическую схему к «неотступным нуждам украинства», непризнание которых якобы увеличит опасность сепаратизма и заставит украинских деятелей пересматривать политическую тактику, искать других партнеров, то соглашаясь ограничить политические требования. Он показал с достаточной убедительностью, что сепаратизм в пользу Австрии не свойствен украинскому движению в России, ибо «не имеет корней в народе». Однако открытая травля «мазепинцев» стала, по словам М. С. Грушевского, причиной того, что украинские организации сочли своевременным и полезным в качестве альтернативы сепаратизму развернуть программу автономии для настоящего времени и федерализации России – для будущего.

«Центр тяжести союза украинских групп лежит сейчас в автономии», – повторял он, одновременно отгораживаясь от идей бакунинского анархизма и выводя свою программу из «договорного характера присоединения Малороссии при Богдане [Хмельницком]»⁶, т. е. как бы подразумевая установление отношений, близких к средневековому принципу вассалитета–протектората. Для начала XX в. это была более чем странная модель «демократизации государственного строя», декларируемой Союзом прогрессивных украинских групп. Столь же малоубедительным оказалось объяснение М. С. Грушевского по «воп-

росу о федерализации России». «Признание россиянами этого принципа для украинцев важно лишь как залог, как гарантия и наших требований, и уважения нашего здания»^{*} – произнес он малопонятную фразу, которая так была откомментирована кем-то из кадетских деятелей на полях протокола: «Тут противоречие. Это уже не историческая, а именно Бакунинская идеологическая точка зрения»⁷.

Заключая доклад, М. С. Грушевский использовал еще один довод. «Вопрос об автономии и федерации, – сказал он, – стоит на почве парадоксальной: подобно тому, как было в Северной Америке, где федерализм послужил объединению, а не разъединению народностей»^{**}, он и для будущего государственного единства России является *conditio sine qua non*^{***}, на что кто-то из кадетов возразил на полях: «Это верно в том случае, если России грозит сперва сепаратизм»¹⁰, точно подметив некорректность сравнения, ибо в США, как и в других известных федеративных системах, федерация венчала объединение разрозненных до того, самоуправляемых территорий, а не наоборот. И что особенно важно, национально-этнический фактор – стержень умозрительной схемы М. С. Грушевского, не был определяющим в структурировании реально существовавших в то время федеративных систем. Он был заранее отвергнут в США – этом «плавильном котле» этносов и культур. Дальнейшие попытки отдельных этнических групп административно обособиться по национально-этническому признаку решительно там пресекались¹¹. В Австро-Венгрии, как и в Швейцарской конфедерации, некоторые кантоны которой оказались этнически однородными, этнический фактор выступал лишь сопутствующим следствием исторического процесса, географических и других условий. Австрийское же правительство, руководствуясь идеей построения гомогенного общества

* Здание (полонизм) – мнение. В публикации «Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии 1912–1914 гг.» (Т. 2. С. 301) вместо слова «уважения» ошибочно стоит «увенчания».

** Характерно, что месяцем ранее В. И. Ленин, не раз до того заявлявший о принципиальной «враждебности к федерации и децентрализации – по той простой причине, что капитализм требует для своего развития возможно более крупных и возможно более централизованных государств»⁸, ситуационно использовал похожую аргументацию. «Почему же... “федерализм” не мешает единству Соединенных Штатов Северной Америки, ни Швейцарии? – вопрошал он для того, чтобы острее задеть русских националистов, подчеркивавших, что украинский автономизм-федерализм на руку враждебной России Австро-Венгрии»⁹.

*** Непременным условием (лат.).

полиэтнической империи⁸ и предоставляя во второй половине XIX в. автономию отдельным этнически неоднородным провинциям, не спешило делить их по этническому признаку, как того требовали, в частности, галицийские украинцы, стремившиеся покончить с польской гегемонией в крае.

На вопрос Ф. И. Родичева, как понимаются границы украинской территории с востока, если «украинское национальное сознание стоит на точке требования автономии и федерации», М. С. Грушевский предварительно уточнил, что пока «украинцы стоят на почве лишь национально-территориальной автономии», не преминув напомнить при этом о перспективе объединения вокруг данного требования «других национальностей, в среде которых разрабатывается вопрос о союзе недержавных народностей». И далее пояснил: «В будущем должны быть выделены национальные области, т. е. такие, на территории которых преобладает данная нация, и эти области должны образовать автономные единицы в составе Российского государства... С востока в пределы Украины войдут части Воронежской губернии, Донской области и т. д.»¹³

Ф. Ф. Кокошкин, открывая дискуссию, сослался на организационные проблемы КДП и предложил снять с обсуждения вопрос о федерации, но против этого солидарно выступили киевляне. Д. Н. Григорович-Барский, не принимавший участия в украинской организации, был того мнения, что «отрицательное отношение к вопросу о федерации вызовет тяжелые для партии последствия... местные круги данным вопросом очень заинтересованы и могли бы выйти из партии... есть риск потерять для партии этот край». Разделяя эти опасения, весьма умеренный среди деятелей ТУП Ф. Р. Штейнгель заявил, что в случае принятия отрицательной резолюции о федерализме «он убежденный к.-д.-т... счел бы себя вынужденным покинуть партию»¹⁴.

Но П. Н. Милуков на эти предупреждения и дальнейшие налегания М. С. Грушевского ответил, что сам «готов будет уйти из партии к.-д., если она заявит себя сторонницей федерализма»¹⁵. Однако активисты

⁸ В 1890-е годы чешские политические круги и организации других этнических групп показали, что не приемлют венскую модель наднационального политического пространства¹⁴. Свое участие в представительных органах монархии они использовали для продвижения требований национального характера, парализовав тем самым обсуждение других назревших проблем. Выше уже была речь о том, как сильно повлиял этот опыт на российскую оппозицию от либералов до левых, заинтересовано наблюдавшую внутреннюю жизнь соседней империи. И кадеты, и российские социал-демократы считали национальное устройство Австро-Венгрии безусловно отрицательным образцом.

Союза автономистов-федералистов В. И. Вернадский и А. М. Колюбакин предложили ему публично не выступать «с отрицанием автономии и федерализма во избежание возможного глубокого раскола в партии». Последний находил также, что вопрос об автономии в партийной программе может быть обсужден на съезде партии, созыва которого добивалась левая часть кадетского руководства¹⁶.

М. А. Славинский, поддерживая земляков, напомнил кадетским лидерам о необходимости сплочения политически родственных сил. «Трудно думать, – говорил он, – чтобы путем простой эволюции страна успела в скором времени получить все те блага, какие находятся в программе партии к.-д.; гораздо вероятнее, что придется переживать новую волну событий, при которой понадобится вся сила общеимперской партии... и надо же эту силу собирать, а не расточать. В 1905 г. было достаточно общих формул, но с тех пор многое изменилось: в деревне началась бытовая земельная революция; на окраинах сильно возросло национальное движение... Партия к.-д. ... является лабораторией идей... Если она не пойдет навстречу национальным течениям, то они пойдут боковыми руслами – к невыгоде как для партии, так и для самого дела свободы России»¹⁷.

Украинским деятелям оппонировал Ф. Ф. Кокошкин. Он и на конференции призывал к осторожности в обращении с «растяжимыми формулами» политического самоопределения национальностей, ибо это может привести к распаду государства. Теперь он развивал мысль о необходимой последовательности политических преобразований: на первом плане – решение общедемократических задач, включая национальное равноправие, и лишь после этого – постановка специфических вопросов о формах национальной организации, решаемых свободным волеизъявлением народов. «Истинные желания широких слоев населения не могут быть выяснены под гнетом существующего режима и... только в свободной России можно надеяться получить правильный ответ»¹⁸, – говорил он. Требование автономии Польши, единственное включенное в программу КДП (кстати, именно этот факт подтолкнул украинских деятелей к выдвиганию аналогичного требования) вызвано было, по словам Ф. Ф. Кокошкина, как очевидной административной обособленностью Царства Польского, так и определенностью ориентации поляков, высоким уровнем их национального самосознания: «Не было сомнения, что при опросе населения огромное большинство населения сознательно высказалось бы за автономию Польши... Для

других же окраин установлено, что необходимость для них автономии должна еще быть выяснена в течение известного исторического процесса»¹⁹. Ф. Ф. Кокошкин считал преждевременным и опасным расширение круга претендентов: «Ограничиться одной украинской автономией не удастся, сейчас же явятся со своими требованиями и другие группы. И так как всеми ими вопрос ставится не только на национальную, но и на территориальную почву, то сейчас же возникнет ряд важнейших вопросов – армянский, грузинский, татарский (азербайджанский. – *И.М.*)... Если вопросы национальной автономии будут поставлены конкретно, то в ближайший следующий момент освободительное движение потерпит неизбежное крушение, так как неизбежны будут столкновения между самими недержавными народностями... Россия... рискует остаться на том же месте, где и сейчас, если национальности начнут сводить свои счета... В 1905 г. ясно звучала общая задача – добиться прав человека и гражданина... не было торга о взаимных выгодах; теперь... еврейский националист Жаботинский прямо говорит: “Разные там свободы – это дело ваше, а если вы хотите нашей поддержки, осуществите такие-то наши национальные требования”. При таком настроении никакого будущего перед Россией нет»²⁰.

Но у каждой стороны была своя правда. Возражая на эти упреки, М. А. Славинский напомнил, что в 1905 г. «искали единства для борьбы за права человека, в том числе национальные», но после поражения революции права «недержавных» народностей были урезаны значительно больше, чем великороссов²¹.

М. С. Грушевский же продолжал настаивать на том, «чтобы из уст деятелей партии в Г. Думе... совершенно категорически или в приближительных выражениях было заявлено о готовности работать для автономии Украины и те же мысли выражены были бы в близкой партии прессе». Если кадеты в этом откажут, то «ввиду опасности ирредентизма»*, заявлял он вопреки предыдущим собственным заверениям об отсутствии на Украине такового, «украинцам придется искать в других думских группах ораторов»²².

Но лидер кадетов не уступал, напоминая, что лозунг автономии, даже при известных успехах украинского движения не обрел еще «ни необходимой повелительной силы... ни организаций, которые имели бы достаточно полномочий осуществить автономию, ни даже стихийной

* Слово «ирредентизм» употреблено в значении «сепаратизм».

исторической необходимости». «Трудно еще сказать, – пояснил он свою мысль, – что дал бы референдум, произведенный на Украине»²³.

М. С. Грушевский и сам это понимал, но в том и состояли его стратегические расчеты, чтобы, требуя национально-территориальной автономии, стимулировать формирование у малороссов украинского самосознания. «Украинская нация после 250-ти лет борьбы и угнетения сильно ослабленная, – сетовал он. – Надо собрать рассыпавшуюся хранину, восстановить утраты и для этого идея целокупной Украины представляется наиболее желательной»²⁴. И уж в другом тоне пообещал, что «ждать момента, когда [украинцы] будут так же сильны, как и поляки... они не станут»²⁵.

Не смущали его и сложности территориального размежевания, на которые указывали кадеты. «Очень мало имеется территорий, безнадежно спутанных, да и здесь при желании легко будет столкнуться. Надо думать, что и без участия к.-д. народы сумеют сговориться между собою», – говорил М. С. Грушевский, намекая на перспективу объединения «недержавных» народностей против центра²⁶. Опасения межэтнических конфликтов он представил не заслуживающими внимания, нарисовав идеальную картину будущих отношений: «С другими народностями у украинцев никогда не было антагонизма, и они готовы принять все меры, чтобы и впредь не было; готовы не только стоять за равноправие, но и помощь всякую оказывать даже наиболее обособляющимся – сионистам. В этом пункте разногласия немислимы: имеется в виду союз чистый, свободный от человеконенавистничества, от националистических тенденций, в этом украинцы могут дать полную гарантию»²⁷. Однако лидер кадетов считал принцип национально-территориальной автономии не слишком удачным с точки зрения гарантий равноправия этнических групп и позволил себе усомниться в сказанном его украинским визави, тем более, что реалии межэтнических отношений в крае были далеки от изображенной последним идиллии. «Здесь предлагали считаться с тем, что украинское движение стало уже демократическим, что оно гарантирует все права меньшинства, что никакие трения между украинцами и другими народностями просто немислимы... Было бы очень важно, если бы все это фактически было кем-то установлено. Но, по совести говоря... я не имею такой уверенности. Точка зрения, высказанная здесь М. С. Грушевским], в сущности ничего не дает евреям больше того, что в свое время обещали мадьяры славянам, – рассуждал П. Н. Милюков. – Фактически в поведении многих украинцев по отношению к евреям можно найти далеко не желательные черты. Правильнее было бы говорить,

что трения по отношению к евреям были, и что их теперь... постараются изжить, но не доказывать, что они были немислямы и в прошлом»^{28*}.

В дискуссии М. С. Грушевский часто менял характер и стилистику рассуждений, добавляя все новые краски в свою аргументацию. В частности, на задевшее за живое замечание П. Н. Милюкова, что украинские деятели добиваются включения своих политических требований в программу действий КДП, чтобы обеспечить «добавочный вес своим требованиям»³⁴, он возразил с помощью возвышенных морально-психологических доводов, сказав, что украинские деятели «явились для известных соглашений, но только не на почве правила *do ut des*». «Следовало бы остерегаться сводить дело на эту почву, — предуп-

М. С. Грушевский и сам хорошо это знал и при других обстоятельствах сокрушался над острой еврейского вопроса в крае, над «чрезвычайным скоплением еврейского пролетариата», с одной стороны, и «осужденной на безысходную тьму туземной украинской массой населения... создавшей другой полюс этого страшного вопроса, не переставшего поражать нас самыми ужасными конфликтами, перед которыми не раз останавливалась общественная мысль»²⁹. Предметом его внимания были и украинско-польские противоречия. В 1905–1907 гг. он так конструировал аграрную программу, называя аграрный вопрос общенациональным, чтобы лишить поляков в Правобережье источника их силы – земельной и другой собственности³⁰.

Все эти антагонизмы прорвались массовыми кровавыми эксцессами, как только в результате мировой войны обрушились скрепы государственного механизма. Вот как описывал ситуацию в Правобережье, где устанавливалась власть Директории Украинской народной республики, поручик бывшей австрийской армии А. Кучиньский в рапорте от 30 декабря 1918 г., направленном в польский генеральный штаб: «Гражданское население, прежде всего польские граждане, администрация и фабричные чиновники обречены на верную смерть. Сам видел около Славуты трех поляков, брошенных казаками и крестьянами в подвал, залитый водой по горло (в декабре). Их держали так, пока не умерли. У Шепетовки – 11 страшно покалеченных трупов. В одном имении убито 17 служащих, убежали только трое. Это мы видели воочию. Но видели мы мало, так как держались железной дороги... Крестьяне говорят: «Раньше паны нас били нагайками, поэтому теперь мы панов режем пилами», и выполняют это дословно... Больше всего издеваются над бывшими русскими офицерами»³¹.

В этой смуте никто не отличался человечностью. По воспоминаниям одного из польских политических деятелей, будущий министр иностранных дел Польши Ю. Бек с легкостью рассказывал, как в конце 1918 г. он, тогда молодой офицер польской разведки, пробирался с товарищами по Украине: «В деревнях мы убивали всех поголовно и все сжигали при малейшем подозрении в неискренности. Я собственноручно работал прикладом»³².

Украинские же повстанцы, образовавшие армию Директории под командованием С. В. Петлюры, считали себе такую стойкую репутацию погромщиков, что не помогло ни учреждение в правительстве УНР министерства по еврейским делам, ни грозные, но запоздалые приказы о суровом наказании виновников еврейских погромов, ни попытки пропаганды списать все на «провокации и замыслы польско-деникинской реакции»³³. Погромная практика петлюровцев послужила одной из формальных причин отказа в признании УНР западными державами.

Даю, чтобы ты мне дал (лат.).

редил он. – Украинцы вскрыли здесь свое внутреннее отношение к русскому народу и партии к.-д. ... здесь прежде всего и больше всего ставился вопрос моральной связи, единства, отчасти вопрос психологический. Русских, может быть, нисколько не трогает, а для украинцев является ... очень большим вопросом о такой связи. Ведь гонения со стороны великорусских националистов против украинцев, лишение родного языка, литературы и пр. – все это продельвалось во имя того, что оба народа, великорусский и украинский, когда-то вместе вырабатывали общую культуру. Проф. Стоцкий* отрицает эту общность даже в самом отдаленном прошлом**, академик Шахматов*** ему возражает. Так ли украинцы близки к русским, как к сербам и словенцам – все это вопрос психологии, чувства, а не торга. Созвучность с русским народом в идеалах автономии, в романтических идеях людей 40-х годов о федерализме – все это для украинцев вопрос не торга, а... национального бытия... этот момент... вполне реальная подпочва желания тесного контакта украинцев с кадетами»³⁶.

Но при реальных и непреодоленных идейно-политических разногласиях такого рода аргументация мало что могла изменить. Главным итогом совещания стороны сочли взаимную информацию, подтвердившую несовпадение взглядов на пути и способы разрешения украинского вопроса. В силе осталась договоренность об официальной поддержке КДП культурно-национальной программы украинских

* С. Смаль-Стоцкий – языковед, профессор Черновицкого университета, деятель УНДП Буковины, депутат австрийского парламента. В своих трудах развивал идею непосредственно праславянских корней украинского языка, вне связи с восточнославянской языковой группой. «Резко выступал против идеи прарусского языка А. Шахматова... явные преувеличения (напр., утверждения об особой близости украинского и сербского языков...) мешали принятию многих правильных идей С.-С.», – читаем в современном украинском издании по биографистике³⁶.

** Одно время в этно-антропологии развивалась теория, согласно которой украинцы среди народов Восточной Европы принадлежали будто бы к особой адриатической или динарской группе. Она была отвергнута авторитетными специалистами, в том числе украинскими. В частности, Ф. К. Вовк, снискавший себе к тому времени европейскую известность, придерживался мнения о происхождении украинского народа из единого корня с великорусским и белорусским. Об этом он писал в соответствующих разделах энциклопедического издания «Украинский народ в его прошлом и настоящем» (Пг., 1916).

*** В тексте ошибочно – Шахов. М. С. Грушевский имел в виду только что опубликованную статью А. А. Шахматова «До питання про початок української мови» (Україна. 1914. № 1. С. 7–9).

организаций. 30 марта на заседании Петербургского отделения ЦК КДП с участием М. С. Грушевского и М. А. Славинского было условлено о постановке фракцией кадетов на рассмотрение Государственной думы законопроектов о введении украинского языка в школах, об учреждении кафедр украиноведения в трех южных университетах и о внесении запросов по поводу ограничений в деятельности украинских организаций и печати³⁷. Однако начавшаяся вскоре первая мировая война помешала осуществлению этих договоренностей.

РСДРП, как и конституционные демократы, претендовала на роль общероссийской партии, стремилась вобрать в себя национальные социал-демократические группы и к национальному вопросу во многом подходила с этой организационно-партийной точки зрения. Однако жесткое требование партийного централизма отталкивало от РСДРП националов. Украинская и литовская группы вовсе не имели с ней связи. Другие поддерживали, к неудовольствию большевистских лидеров, отношения фактически на федеративной основе. К этому добавлялись программно-теоретические разногласия. Многие в национальных группах, как и в среде меньшевиков, находили в известных случаях приемлемой предложенную австрийскими социал-демократами идею культурно-национальной автономии, которую В. И. Ленин яростно отвергал как «утонченный» буржуазный национализм³⁸.

Знаком неэффективности усилий по созданию унитарной партии всех национальностей, на чем особо настаивали большевики, стала Пражская конференция РСДРП (январь 1912 г.), «блиставшая» отсутствием делегатов национальных групп. Зато представители Закавказского областного комитета, Бунда, Латышского края, заграничный комитет Спилки приняли участие в конференции меньшевистских групп в августе 1912 г., которая наряду с программным лозунгом права наций на самоопределение и территориальной автономии национальных единиц сочла приемлемой идею культурно-национальной автономии. В основе разногласий большевиков с польскими социал-демократами лежало отрицание последними программного положения о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Сделавшуюся фактом «полную обособленность латышской, польской, еврейской... социал-демократии» В. И. Ленин в ноябре 1912 г. перечислил среди «больных вопросов» партии³⁹.

Резолюции с осуждением «сепаратизма» национальных социал-демократических групп – пражская и вторая, принятая на совещании партийных работников в Кракове в декабре 1912 г.⁴⁰, – не могли изме-

нить положения. А. М. Горький в переписке с В. И. Лениным в начале 1913 г. назвал их «отпиской и канцелярщиной» и посоветовал посерьезнее заняться национальным вопросом, на что В. И. Ленин отвечал: «У нас один чудесный грузин засел и пишет большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы»⁴¹. Это о работе И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», направленной, по словам В. И. Ленина, «против бундовской сволочи»⁴², т. е. мотивированной все теми же организационно-партийными задачами.

Оказавшись перед фактом активизации национальных течений и одновременно раскола партийных рядов на национальной почве, он и сам вскоре включился в обсуждение этой проблематики, представляя на суд социал-демократической и близкой к ней эмиграции рефераты по национальному вопросу в Цюрихе, Женеве, Берне (июль 1913 г.), Париже, Брюсселе, Льеже (январь–февраль 1914 г.) и Кракове (март 1914 г.) в аудиториях, которые состояли не только из сторонников, но и противников, выступавших с критикой его позиции. Планы, подготовительные материалы к рефератам, а также положенная на бумагу полемика с оппонентами составили основу известных статей В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу» (октябрь–декабрь 1913 г.), «О праве наций на самоопределение» (апрель–июнь 1914 г.) и др.⁴³

В этих трудах национальная концепция лидеров большевизма предстала противоречивым сочетанием некоторых общедемократических деклараций и максималистских лозунгов огромного, в случае приведения их в действие, разрушительного потенциала с произвольной схемой историко-социальных процессов, приспособленной к потребностям текущей политической тактики, с умозрительными социальными прогнозами, подчиненными задаче объяснения национальных процессов в рамках генеральной доктрины классовой борьбы как доминанты общественного развития.

Первоочередной с точки зрения строительства партии лидеры большевизма считали задачу дискредитации идеи культурно-национальной автономии, сближавшей Бунд с буржуазными еврейскими партиями и воспринятой некоторыми другими национальными группами. Бундовские сторонники этой концепции утверждали, что капитализм смешивает нации, делая невозможной их «привязку» к определенной территории. Опираясь на понятие нации как «общности характера», данное австрийским социал-демократом О. Бауэром, они предлагали «организовать нации» на экстерриториальной основе, образуя специальные органы управления национально-культурной жизнью для каждой из отдель-

ных этнических групп. Большевистские теоретики объявили такую систему «утонченным, абсолютным» национализмом, противоречащим лозунгу интернационализма, а определение О. Бауэра – идеалистическим⁴⁴.

Более подходящей они сочли точку зрения другого социал-демократического теоретика К. Каутского, выведившего понятие нации из общности языка и территории, и, опираясь на такие критерии, составили собственное определение. Феномен нации они охарактеризовали как формационно обусловленный продукт историко-экономического процесса, связав его существование с определенной стадией развития – капитализмом. «Нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец», – писал И. В. Сталин⁴⁵. Он сформулировал и понятие нации как «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁴⁶. И. В. Сталин исключил при этом этнический, природный компонент, искусственно выделив из него лишь такие характеристики, как язык и психический склад. Он специально подчеркивал, что «нация – не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность» и призывал не смешивать «нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической»⁴⁷. У В. И. Ленина мы не найдем корректировки этого определения, ибо оно отвечало доктрине интернационализма и позволяло умозрительно прогнозировать угасание национального начала вместе с закатом капитализма и возводить в неизбежность «всемирно-историческую тенденцию капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее... составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»⁴⁸.

«Пролетариат, – заявлял от его лица В. И. Ленин, – приветствует всякую ассимиляцию наций за исключением насильственной или опирающейся на привилегии... Марксизм выдвигает на место всякого национализма – интернационализм – слияние всех наций в высшем единстве»⁴⁹.

Но чтобы столь абсолютизированная декларация интернационализма не оттолкнула окончательно от большевиков национальные течения с их разрушительным по отношению к существующему государству идейным потенциалом, последним предлагалась призрачная перспектива самостоятельной государственности в виде права наций на самоопределение вплоть до отделения. Большевистские теоретики напоминали, что Россия стоит на пороге буржуазно-демократических преобразований,

которые на заре капитализма в Европе сопровождались образованием национальных государств. «Эпоха национальных движений – конец средних веков и начало нового времени, эпоха буржуазно-демократических революций, – рассуждал В. И. Ленин. – Экономические основы? Капитализм требует сплочения внутреннего рынка. Рынок есть центр торговых сношений. Главное орудие человеческих торговых сношений есть язык. Сплочение национальных областей... и создание *национального государства*. Экономическая необходимость его.

Политическая надстройка над экономикой. Демократизм, суверенность наций. *Inde*⁵⁰ национальное государство». Как далека была эта логика от социально-экономических реалий российского капитализма начала XX в., как глубоко, в частности, продвинулась интеграция национальных областей в общероссийское экономическое пространство, показывает хотя бы факт, что накануне провозглашения в 1917 г. автономии Украины сельские делегаты Украинского крестьянского съезда больше всего опасались, что в этом случае установление таможенных барьеров может отрезать их от общероссийского рынка⁵¹. Подобным образом крестьянские депутаты Украинской парламентарной громады в I Государственной думе тревожились, не лишит ли их автономия возможности переселения на свободные земли на востоке⁵².

Стоит также заметить, что понятие нации, лишенное этнических характеристик, не согласовывалось с провозглашенным социал-демократами правом иародов России на политическое самоопределение, ибо при исключении этнического компонента неясным делался вопрос о том, кому собственно принадлежало бы это право. Сталинское определение скорее приближалось к понятию нации как общности сограждан – принципу, на котором строились национальные государства Западной Европы и США. Применительно к Российскому государству реализация этого принципа означала бы осуществление гражданского равноправия всех этнических групп, трактуемых как сограждане – единая политическая нация. Однако большевики провозглашали право на политическое самоопределение именно этнических групп. Причем В. И. Ленин при последующем толковании суживал его до права выхода из состава прежнего государства, «чтобы разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобнее), составляя разные государства»⁵³. В этом смысле постановка требования права на самоопределение являла собой факт demonstra-

⁵⁰ отсюда (лат.).

тивного умалчивания о значительно более многообразных, чем пресловутый «аппарат насилия», жизнеобеспечивающих функциях государства, воплощавшихся в единстве хозяйственного и правового организма, в геополитической целостности в исторически сложившихся традициях взаимных культурных влияний и т. д.

Впрочем, в других своих трудах лидер большевиков показал, что вовсе не игнорировал интеграционную, скрепляющую государственное единство, роль названных факторов, но ошибочно приписывал им некий автоматизм, выводимый из представления о безусловном приоритете экономических рычагов исторического процесса над всеми остальными. «Политиканство, вызываемое всеми отношениями капиталистического общества, – читаем в его работе «О праве наций на самоопределение», – вызывает иногда крайне легкомысленную и даже просто вздорную болтовню парламентариев или публицистов об отделении той или иной нации... Кто стоит на точке зрения демократии, т. е. решения государственных вопросов массой населения, тот прекрасно знает, что от болтовни политиканов до решения масс – “дистанция огромного размера”. Массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, а на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения»⁵⁴.

Возвращаясь к толкованию, даваемому В. И. Лениным понятию самоопределения наций исключительно в политико-государственной плоскости, надо заметить, что делалось это в ущерб принципу личной свободы, ибо подобно националистическим концепциям предполагало признание за нациями, т. е. за этно-национальными общинами, права выступать как перед государством, так и перед своими членами в качестве некоего общественного организма, наделенного юридическим статусом. Сужение же принципа самоопределения до права на отделение вызывало недоумение даже у единомышленников В. И. Ленина*. Ему приходилось специально объяснять хитросплетения предлагаемой тактики «признания марксистами *всей России* и в первую голову великороссами права наций на отделение» и вместе с тем «агитации против

* В статье И. В. Сталина политическое самоопределение толковалось шире: «Нация имеет право устраниваться по своему желанию. Она имеет право устранивать свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступать с другими нациями в федеративные отноше-

отделения со стороны марксистов той или иной угнетенной нации»⁵⁷. «Отделения мы вовсе не проповедуем, – отвечал он в декабре 1913 г. на сомнения С. Г. Шаумяна. – В общем мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожителства, что иногда больше связи получится после свободного отделения!»⁵⁸

Украинский социал-демократ Л. О. Юркевич в статье «Русские социал-демократы и национальный вопрос» (1917 г.) писал по поводу этой замысловатой тактики: «Выходит, что программа в национальном вопросе, которая заключает в себе признание “права на самоопределение наций” и одновременно его отрицание – равняется нулю»⁵⁹. Короче выразился на эту тему присутствовавший на реферате В. И. Ленина в Берне еврейский деятель Сегалевич: «... Дающий слишком много ничего не дает...»⁶⁰

«Нелогичной» назвали позицию В. И. Ленина при обсуждении его реферата в Кракове польские социал-демократы, считая ее отступлением от интернациональных принципов классовой борьбы, в то время, как представители Польской социалистической партии, напротив, критиковали за уклончивость в вопросе о независимости Польши⁶¹.

Жизнь не замедлила подвергнуть испытанию теоретические постулаты большевистских лидеров, распорядившись так, что реальный процесс лукаво декларированного ими политического самооп-

ния. Она имеет право совершенно отделиться»⁵⁸. Аналогичную точку зрения в переписке с В. И. Лениным представил С. Г. Шаумян⁵⁹.

В пылу полемики В. И. Ленин ссылался на идейно-воспитательный смысл формулы самоопределения, утрируя, очевидно, для выразительности завоевательные эпизоды в истории формирования империи и уж вовсе некорректно представляя роль и место великорусских народных масс в имперской системе.

Лозунг самоопределения, записал его слова один из участников дискуссии в Кракове, «является прежде всего орудием борьбы против великорусского национализма, который в течение столетий воспитывал массы народа, массы солдат в убеждении, что земли и народы, завоеванные их оружием, их кровью, являются их законной добычей, с которой можно поступать как с их собственностью, с объектом эксплуатации»⁶². Строго научные данные не подтверждают подобной характеристики. «В структурированной по сословному принципу Российской империи не было деления на имперский русский господствующий слой и нерусские нижние слои, – пишет А. Каппелер, – предпочтение, оказываемое русским как народу, не было системой, напротив, по сравнению с нерусскими их нередко ущемляли. Так, русские крепостные и их потомки находились в худшей правовой, экономической и социальной ситуации по сравнению с нерусскими государственными крестьянами»⁶³. Стоит отметить также, что современная наука относит формирование великорусского национального самосознания самое раннее ко второй половине XIX в., а не к периоду длиной в несколько столетий, о которых говорит В. И. Ленин.

ределения был приведен в действие этнократическими элитами национальных областей, как раз в момент законодательной отмены Февральской революцией всех национальных ограничений, и продолжался с нарастающей силой после того, как большевикам внезапно удалось занять место у государственного руля. И тогда для предотвращения окончательного распада государства им потребовались чрезвычайные, не имевшие ничего общего с демократическим волеизъявлением, меры.

Пока же В. И. Ленин яростно ниспровергал получившее поддержку в либеральных и демократических кругах требование национальных активистов о национальной школе, до абсурда критиковал понятие национальной культуры, препарированное им по классовому признаку и противопоставленное как «буржуазный обман» лозунгу «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения»⁶⁴. «Борьба против всякого национального гнета – безусловно да. Борьба за всякое национальное развитие, за “национальную культуру” вообще – безусловно нет», – определил В. И. Ленин в 1913 г. пределы сотрудничества с национальными силами⁶⁵.

Официальная позиция была изложена в специальной резолюции так называемого летнего совещания ЦК РСДРП (сентябрь–октябрь 1913 г.). Реальному делу организации национальной школы в ней противопоставлялась, во-первых, декларация принципов: «отсутствие обязательного государственного языка... при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными... привилегии одной из наций и... нарушения прав национального меньшинства», и во многих случаях невыполнимое на практике требование «обеспечения населения школ с преподаванием на всех местных языках», во-вторых⁶⁷.

Логика отрицания решения национального вопроса в пределах культурно-национальной концепции и жажда разрушения существующих государственных устоев подталкивали В. И. Ленина к признанию той части национальной программы австрийской социал-демократии, в которой формулировался национально-территориальный принцип. «Неосомненно, что единый национальный состав населения – один из важнейших факторов для свободного и широкого, действительно современного торгового оборота, – писал он так, будто языковые различия и в самом

⁶⁴ «Какая “национальная культура”? Какая культура вредна?... Какая это интернациональная культура?» – резонно недоумевал грузинский социал-демократ П. Д. Сакварелдзе, выступив в дискуссии вокруг женевского реферата В. И. Ленина⁶⁵.

деле препятствовали поступлению, к примеру, хлопка из Средней Азии на российские фабрики или распространению текстильной продукции последних на Украине. — Несомненно, что ни один марксист... не станет защищать... русских губерний и уездов... не станет оспаривать необходимости замены этих устарелых делений делениями по возможности по национальному составу населения. Несомненно, наконец, что для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа... с цельным единым национальным составом»⁶⁸. Но эта идеальная схема, по признанию самого ее автора, мало соответствовала реальной этнической и экономической ситуации. «Национальный состав населения, — рассуждал он в связи с этим, — один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других. Города, например, играют важнейшую экономическую роль при капитализме, а города везде... отличаются наиболее пестрым составом населения. Отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно. Поэтому целиком и исключительно становиться на почву «национально-территориалистического» принципа марксисты не должны»⁶⁹.

Национально-территориальный принцип вызывал у теоретиков большевизма оговорки еще и потому, что в программах национальных движений соединялся с концепцией федеративного государства, отвергавшейся тогда большевиками-централистами. «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства», — писал В. И. Ленин С. Г. Шаумяну в декабре 1913 г.⁷⁰ В результате в упомянутой резолюции был сформулирован половинчатый вариант, соединявший элементы разных административных систем: «Широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.»⁷¹

В предвоенные годы В. И. Ленин, как и политики других направлений, заинтересовался украинским вопросом. Сведения о положении в малороссийских губерниях и состоянии украинского движения он, находясь вне России, во многом черпал из вышеназванной книги обрусевшего им С. Н. Щеголева⁷². О воззрениях многих украинских деятелей, в том числе М. С. Грушевского, И. Франко и др., также судил по приведенным С. Н. Щеголевым цитатам, кстати, не всегда точно их воспроизводя, что не могло не влиять на интерпретации.

Сожаления М. С. Грушевского по поводу того, что многие этнические малороссы, вовлекаясь в общероссийское революционное движение, «охладевали к национальному вопросу», В. И. Ленин охарактеризовал восклицанием «реакция!!»⁷³ В других же обстоятельствах взял под защиту ультранационалиста Д. И. Донцова только для того, чтобы поострее раскритиковать антисепаратистское выступление сотрудничавшего с ТУП кадетского публициста М. М. Могилянского⁷⁴. Д. И. Донцов был признателен за поддержку.

Кадеты вообще за их государственническую позицию, предусматривавшую лишь культурно-национальное самоопределение, подвергались яростным нападкам большевистского лидера. Зато узнав, что на конференции КДП в марте 1914 г. киевские делегаты, поддержанные Н. В. Некрасовым и А. М. Колюбакиным, критиковали организационную политику ЦК и требовали большего внимания к национальному вопросу, он с готовностью приписал этой группе свое видение проблемы: «Делегаты – либеральные буржуа, знакомые с положением дел на Украине, и “левые” кадеты поставили вопрос именно о политическом самоопределении наций... Значит г. Кокошкин защищал “культурное” самоопределение *против* “политического”»⁷⁵. Так выдавалось желаемое за действительное, ибо ни на конференции КДП, ни при описанных выше переговорах членов ЦК КДП с представителями ТУП и киевскими делегатами вопрос о политическом самоопределении в ленинском понимании не ставился.

Но более всего В. И. Ленина занимала проблема взаимоотношений с украинскими социал-демократами, которых согласно доктрине интернационализма он хотел видеть под знаменами РСДРП. На эту тему он вел длинную дискуссию с Л. О. Юркевичем, обращая, в частности, внимание оппонента на объективные, связанные с ускоренным экономическим развитием Юга, причины «ассимиляции» великорусского и украинского пролетариата и подчеркивая прогрессивность данного процесса, «как прогрессивно перемалывание наций в Америке»⁷⁶. Собственно, в этой полемике с польскими социал-демократами, с Л. О. Юркевичем и несколькими другими критиками большевистской национальной программы написаны основные статьи В. И. Ленина по национальному вопросу.

Однако теоретические дискуссии мало помогли в партийном строительстве. Украинские социал-демократы твердо держались национального принципа партийной организации. В. И. Ленин писал в редакцию журнала «Дзвін», что «проповедью отделения украинских рабочих в осо-

бую социал-демократическую организацию возмущен глубоко»⁷⁷. Поворот к обособлению по национальному признаку совершался и среди активистов распадавшейся Спилки. В конце июля 1912 г. М. И. Меленевский отозвал свои статьи, направленные перед тем по протекции В. И. Ленина в «Правду», объяснив отказ от дальнейшего сотрудничества проявлением «вредных... тенденций» в печати РСДРП⁷⁸. Активисты Спилки М. И. Меленевский, П. Бензя, Г. Довженко, О. Н. Лола, А. Ф. Скоропис-Йолтуховский, М. С. Ткаченко и др., не объявляя о роспуске своей организации, в 1912–1913 гг. практически присоединились к УСДРП⁷⁹. Только единицы среди украинской политической эмиграции как, в частности, О. Н. Лола (В. Степанюк), продолжали печататься в большевистских изданиях, не соглашаясь с принципом организации рабочих по национальностям. В. И. Ленин писал о нем: «Самое главное, что он централист. Это так редко и так ценно, по нашим поганым временам»⁸⁰. В письме от 24 апреля 1914 г. он просил И. Ф. Арманд, находившуюся в Цюрихе, «всеми силами постараться повидать украинских с.-д., выяснить их позицию по вопросу об отдельной национально-украинской с.-д. организации и постараться организовать хоть малую группку анти-сепаратистов (в партийно-организационном смысле. — И. М.)»⁸¹.

Острота организационно-идеологических разногласий в партийных верхах значительно менее сказывалась в практической работе низовых организаций. Так, в Екатеринославе местные большевики, имевшие определенное влияние на рабочих в этом промышленном районе, 15 ноября 1915 г. заключили с организацией УСДРП соглашение следующего содержания: «Для более успешного развития классового пролетарского движения... ведущие работу в Екатеринославском районе организации Русской и Украинской социал-демократических партий, не признавая за собой компетенции войти в программное объединение без согласия высших партийных учреждений и организаций других районов, приняли постановление объединиться в очередной общепрактической работе на следующих основаниях: 1. Организации признаются взаимно равноправными представителями Украинская — украинского, а Русская — русского пролетариата Екатеринославского района. 2. Интересы пролетариата других наций... обязуются отстаивать совместно... 3. В общих бюро... имеют равное представительство. 4. В внутренней агитации и организационной работе самостоятельны. 5. Русская социал-демократическая организация признает принципы национальных организаций пролетариата и выставление Украинской социал-демократией своих программных требований, в том числе ав-

тономии Украины и всех негосударственных наций»⁸². На этом же собрании был одобрен антивоенный манифест Циммервальдской конференции. Однако практические последствия заключенного соглашения были минимизированы полицейским разгромом екатеринославской организации УСДРП, учиненным 27 ноября 1915 г., – арестовано было 11 активистов⁸³.

Таким образом, между общероссийской либеральной и левой, и украинской национальной оппозицией не было полного согласия относительно существа и способов решения украинского вопроса. Не было единообразия в понимании проблемы и внутри каждой из этих оппозиционных групп, в свою очередь структурированных по партийному признаку. Тем не менее находились точки соприкосновения, создававшие поле для сотрудничества. Российские либералы не разделяли государственно-политических амбиций украинского движения, но готовы были поддержать его национально-культурную программу. Украинские социал-демократы сторонились интернационалистской доктрины и организационного унитаризма своих российских визави. Но практика нередко подсказывала необходимость совместной пропаганды классовой борьбы.

Впрочем, начавшаяся вскоре война затруднила реализацию и этих скромных возможностей.

Глава 8

Начало первой мировой войны: украинство в Восточной Галиции

Первая мировая война поставила приверженцев украинства в России и в Австро-Венгрии перед новым выбором. Галицийские украинские партии заранее выступили на стороне правительства Австро-Венгрии, полагая, что смогут таким путем воплотить хотя бы свою программу-минимум – объединение Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатья в единый автономный край, а, может быть, реализовать и более широкие планы – присоединение под эгидой Австрии, в случае ее победы над Россией, украинских земель по меньшей мере до Днепра. Украинские социал-демократы Галиции и Буковины на словах дистанцировались от имперской и династической Вены, но вместе с австрийскими и немецкими социал-демократами главным злом считали царизм и призывали направить энергию украинского пролетариата на разрушение Российской империи¹. С началом войны представители УНДП, РУРП и УСДП образовали Главный украинский совет (ГУС) под председательством лидера украинского клуба (фракции) в австрийском парламенте К. Левицкого (УНДП) и его заместителей М. Павлыка (РУРП) и Н. Ганкевича (УСДП). ГУС в своей программной декларации объявил Россию «историческим врагом Украины». От правительства он получил разрешение на формирование – симметрично с уже созданным в Галиции Польским легионом – легиона Украинских сечевых стрелцов (УСС)², как предполагалось, ядра будущей национальной армии, которая, со-

¹ Галицийские украинские политики широко пропагандировали традиции запорожского казачества, привлекая сельскую молодежь в полувойенные пожарно-гимнастические общества, называвшиеся «сечами» и организованные по образцу Запорожской сечи. В городах для молоде-

гласно декларации ГУС, «смогла бы оторвать от России всю Украину с Киевом, Полтавой, Черниговом, Харьковом, Доном, Кубанью и побережьем Черного моря»². Правительство, однако, ограничило численность легиона 2,5 тыс. добровольцев.

Одновременно эмигранты из России во главе с Д. И. Донцовым (В. В. Дорошенко, Н. К. Зализняк, А. И. Жук, М. Е. Гаврилко, Е. Любарский-Письменный и др. – всего около 10 человек), и ранее пропагандировавшие сепаратизм и старавшиеся в этом ракурсе популяризировать украинский вопрос в Европе, сочли, что настал решительный час.

Собравшись 4 августа 1914 г. в одном из львовских кафе, они образовали Союз освобождения Украины (СОУ) под руководством Д. И. Донцова. О целях и предполагаемой роли Союза сообщалось в первом номере печатного органа «Вістник Союзу визволення України» (сентябрь 1914 г.). Там говорилось, что национально-политической платформой Союза является независимость Украины, формой правления будущего государства станет конституционная монархия с демократическим политическим строем, гражданскими, языковыми и церковными свободами и немедленно проведенной в пользу крестьян аграрной реформой. Реализацию намеченных целей СОУ связывал с разгромом России в войне и намеревался возглавить организацию национальных сил в тех землях, которые будут отвоеваны на Востоке, подготовить украинский национальный конгресс и представлять интересы украинского народа на международной арене. В случае же присоединения этих территорий к Австрии – настаивать на создании особого автономного края³.

В своем первом воззвании – «К украинскому народу России», написанном Д. И. Донцовым, Союз призывал украинцев не бояться прихода австрийской армии, так как она «принесет землю и свободу». В следующем воззвании – «К общественному мнению Европы» разъяснялось, будто «война ведется между культурой и варварством... чтобы сломить окончательно идею "панмосковизма", который нанес неисчислимый вред всей Европе... Только свободная... Украина могла бы своей обширной территорией... составить для Европы защиту от России, стену, которая... освободила бы славянский мир от вредного влияния панмосковизма. В полном сознании своей исторической миссии... Украина всегда была открытым врагом России и в своих освободительных стремлениях она всегда искала помощи у Запада, особенно у нем-

жи по чешскому опыту были созданы гимнастические общества «Сокол». Прошедшая подготовку в этих организациях молодежь записывалась в УСС.

цев»⁴. Развивая эту мысль в изданной на немецком языке брошюре «Украинское государство и война против России» Д. И. Донцов призывал Германию и Австро-Венгрию расчленить Россию на автономные национальные единицы⁵.

Вскоре к СОУ присоединились бывшие видные деятели Спилки А. Ф. Скоропис-Йолтуховский и М. И. Меленевский, сделавшиеся за время обучения в Мюнхене большими поклонниками германских учреждений вплоть до «кайзеровской полиции», ибо она, по словам А. Ф. Скорописа, «являла чудеса благородства»⁶. Война застала их на кавикулах в Лондоне, откуда они с бланками австрийских паспортов, заполненными в германском посольстве, прибыли во Львов и предложили свои услуги представителю австрийского МИД, которому стали доказывать, что успех на Украине можно обеспечить только посулом раздела земельных латифундий между крестьянским населением, и это должно быть обещано не каким-то никому не известным СОУ, а непосредственно двумя императорами – австрийским и германским в специальном манифесте. Но чиновник МИД направил их все-таки для работы в СОУ⁷.

Правительство в Вене, рассчитывавшее вначале на быстрые военные успехи, находило полезным, как явствует из меморандума МИД от 10 января 1915 г., чтобы его армия заняла территорию противника, имея рядом с собой украинскую организацию, выступавшую за отделение Украины от России⁸. Из этих соображений австрийский генеральный штаб уже взял под свое покровительство Заграничный комитет украинских эсеров Н. К. Зализняка, обязав его предоставлять информацию о положении на Украине, устанавливать контакты со сторонниками в крае и организовывать их, снабжая пропагандистской литературой и оружием для подготовки украинского восстания.

Над СОУ, претендовавшим на статус «полноправной договаривающейся стороны» и представительства будущей «суверенной Украины XX в.», распростерло свою опеку австрийское внешнеполитическое ведомство, предоставив до конца 1914 г. солидные субсидии. Получатели предпочитали именовать их «государственным займом у союзников», но австрийские дипломатические чиновники считали банальной платой за так называемые услуги особого рода⁹.

На поступавшие средства Союз учредил несколько довольно хорошо поставленных изданий: иллюстрированный журнал на украинском языке «Вістник Союзу визволення України», в Вене на немецком языке выходила газета «Украинские известия», в Лозанне по-французски – «Украинское обозрение»; издавались пропагандистские книги и бро-

шюры на 11-ти языках, печатались географические карты, на которых будущее Украинское государство простиралось от рек Прута, Сана и Нарева на западе до Дона, Донца и Кавказских гор на востоке. СОУ направлял эмиссаров в другие страны (Германию, Турцию, Болгарию, Румынию, Швецию, Швейцарию, Италию), где был расчет заполучить идейных сторонников и пособников своему делу. Лидеры Союза обращались с воззваниями к народам Европы. В воззвании к болгарам содержалось напоминание, что в балканском конфликте Россия поддержала Сербию, и призыв в отместку выступить на стороне Центральных держав¹⁰. Румынам внушалось, что ради захвата Бессарабии стоит принять участие в разгроме России «и отеснении ее до ее этнографических границ прежнего Московского царства»¹¹. К «немецкому императору и немецкому народу» авторы воззвания обращались с просьбой «осуществить национально-государственную независимость» и обещали «немецкой интеллигентности» и немецкому капиталу... богато вознаграждающее поле деятельности» на Украине¹², а шведам напоминали об историческом примере их бывшего союза с гетманом И. Мазепой, чтобы побудить к новому спасению Европы от «московского варварства и московской ненасытности»¹³.

В сентябре 1914 г. М. И. Меленевский отправился в Болгарию и Турцию для установления от имени СОУ представительских отношений с правительствами этих стран. В Константинополе он свел знакомство с бывшим членом РСДРП, ставшим завзятым германофилом А. Л. Гельфаном (Парвусом), который теперь не просто призывал к свержению самодержавия, но пропагандировал, за немецкие деньги, идею расчленения России на мелкие государства, называя это неременным условием победы демократии¹⁴. Через Парвуса М. И. Меленевский связался с немецкими агентами М. Циммером и Небелем, узнал от них, готовясь к вступлению в войну против России, турецкое командование при участии немецких военных разработало план восстания кавказских народов, и предложил заодно поднять против России казаков на Кубани и моряков черноморского флота в районе Одессы.

Совместный план предусматривал высадку на Кавказском побережье турецкого корпуса численностью до 50 тысяч и украинского отряда в 500 человек из галицийских «сечевых стрельцов» и добровольцев (их предстояло завербовать из военнопленных-малороссов) под командованием полковника австрийской армии поляка графа С. Шептицкого, родного

¹⁰ Так в документе.

брата униатского митрополита А. Шептицкого. Предполагалось, что этот отряд поднимет местных казаков, которые провозгласят на Кубани Украинское государство^{*}; откуда удастся распространить украинское движение на запад. Военных моряков надеялись подтолкнуть к выступлению обещанием, что восставшим кораблям будет позволено войти в порт Константинополя, где суда будут выкуплены у повстанцев турецким правительством. Турецкий офицер, руководивший подготовкой акции, согласился поддержать план М. И. Меленевского при условии гарантий со стороны австрийского правительства.

Последнее не обольщалось насчет реальности учреждения «Украинского государства», но было заинтересовано в том, чтобы «поколебать, наконец, российский колосс», а также обозначить свой интерес в Турции, чтобы этот стратегически важный регион не остался объектом исключительно германского влияния. Поэтому Вена не только формально солидаризировалась с инициативой М. И. Меленевского, но и потратила немалые средства на военную и пропагандистскую подготовку операции. Однако турецкое командование вскоре отменило экспедицию своего корпуса, не отказавшись, правда, от доставки морем к месту действия украинского отряда. Но СОУ не решился на самостоятельную акцию, ибо к тому времени во всей полноте открылась беспочвенность повстанческих иллюзий: активистам Союза, занявшимся вербовкой «повстанцев» из военнопленных-малороссов в австрийских лагерях, где условия неволи отличались большой суровостью, удалось сагитировать для десантной операции на Кубани только троих вместо необходимых ста человек. С подобным результатом закончилась и попытка сформировать для отправки на Кавказ отряд из военнопленных-грузин, для чего М. И. Меленевский вызвал из Женевы в Вену грузинского меньшевика В. Д. Мгеладзе (Триа)¹⁵.

Легальная деятельность М. И. Меленевского в Константинополе вначале выглядела более успешной. В середине ноября ему удалось добиться приема у министра внутренних дел Турции Талаат-бея, заверившего собеседника, что «Порта, так же, как берлинский и венский каби-

^{*} Эти расчеты были абсолютно беспочвенны. Кубанское казачество, хотя и вело происхождение от переселенных в конце XVIII в. на Черноморское побережье Северного Кавказа запорожцев, в рассматриваемое время не отождествляло себя с малороссами-украинцами и было далеко от национально-государственных устремлений поборников украинства. После крушения российской монархии, когда украинские активисты приступили к формированию украинской государственности, кубанское казачество, стремясь оградить свои регионально-сословные интересы, образовало собственную Кубанскую раду и краевое правительство.

нет, сознает необходимость освобождения Украины от русского господства. Когда Россия будет побеждена, турецкое правительство окажет содействие украинскому народу в деле образования им *независимого государства*¹⁶. Это заявление было растиражировано печатью, в том числе и российской. Органы СОУ торжественно комментировали его как факт признания Союза в качестве представительства одной из воюющих против России сторон. Современный украинский автор и сейчас без тени сомнения приравнивает заявление турецкого министра по значению «для текущей украинской истории... к известной декларации Бальфура для истории еврейского народа и государства Израиль»¹⁷. Своим «дипломатическим» успехом М. И. Меленевскому на некоторое время удалось сгладить неблагоприятное впечатление от провала «повстанческих» планов, и он тут же поставил перед австрийским МИД вопрос о дополнительных средствах, так как, пояснил он, ранее полученное «частично послано через людей в Украину, частично, согласно договору, выплачено русским революционерам; остается очень мало. Прошу обязательно срочно выслать по крайней мере 50 тыс. золотом или в немецких банкнотах»¹⁸.

Руководство СОУ и ранее сообщало, будто Союз материально поддерживал эмигрантов из большевистской фракции российских социал-демократов и помогал им в установлении связей с Россией*, не приводя, правда, ничего конкретного²⁰. Но на сей раз сообщение о договоре с «русскими революционерами» вызвало особый интерес австрийской дипломатии. «Было бы полезно ознакомиться с договором с российскими революционерами, о котором упоминает Меленевский», – рекомендовал шеф политического отдела МИД Австрии послу в Константинополе И. Паллавичини. Последний со своей стороны в письме от 2 декабря 1914 г. пояснял, что названный договор следует понимать лишь как устные договоренности М. И. Меленевского с российскими левыми, будто бы заверившими его, что за эти деньги вставят пункт о независимости Украины в свою партийную программу и будут поддерживать Союз²¹.

Однако похоже, что единственным партнером, единомыслие с которым М. И. Меленевский выдавал за договор с «русскими револю-

* Предположения американского исследователя, что описанные таким образом отношения были следствием «широких контактов с украинскими группами», будто бы установленных В. И. Лениным во время пребывания в Галиции¹⁹, не представляются убедительными по той причине, что до войны украинские группы сторонились большевиков, считая их унитаристами, и только военное «пораженчество» В. И. Ленина вызвало к нему интерес сепаратистов.

пионерами», выступал Парвус, ибо, как справедливо подчеркивает современный украинский исследователь, «ни одна из... социал-демократических или кадетская фракция никогда не собиралась включать требование о самостоятельности Украины в свои партийные программы»²². К этому стоит добавить несколько конкретных фактов о неудачах СОУ в переговорах с зарубежными группами социал-демократов из России. Грузинские социал-демократы в Женеве опубликовали открытое письмо, рассказав в нем о полученном ими от Союза предложении «воспользоваться современной великой войной для освобождения угнетенных наций России и для... организационного... объединения». При этом представитель СОУ «обещал всякое материальное содействие» и откровенно объяснял, что его организация «действует под покровительством одной из воюющих держав и получает от нее материальную помощь», но в ответ услышал, что «грузинские социал-демократы поддержат всякое движение, не противоречащее интересам и идеалам пролетариата как класса», однако обращение СОУ отвергают, «как предложение такой организации, которая действует при материальной поддержке и покровительстве Гогенцоллернов и Габсбургов и их братьев»²³.

Возможно, предложение грузинским социал-демократам имело место до того, как М. И. Меленевский оповестил своих австрийских «спонсоров» о договоре с «русскими революционерами». Зато достоверно известно, что к В. И. Ленину он обратился с письмом, датированным лишь 28 декабря 1914 г. и переданным через названного выше Триа. В письме вовсе не упоминалось о покровительстве воюющей с Россией державы, а назывались совсем другие, вымышленные источники финансирования СОУ.

«Дорогой Владимир Ильич! – дружески и комплиментарно началось это послание. – Очень рад, что могу передать Вам свой лучший привет. В эти времена, когда подул такой всеобщий истинно русский ветер по московским губерниям – Ваше и Вашей группы выступления со старыми революционными лозунгами и Ваше верное понимание совершающихся событий заставило и меня и моих товарищей поверить, что не все оподлено в России и что есть элементы и группы, с которыми и нам, украинским с.-д. и революционным укр. демократам, можно и следует связаться и при взаимной поддержке продолжать старое наше великое революционное дело.

Союз Освобождения Украины, куда вошли как автономная и полноправная группа и мы, сплчане и другие украинские с.-д. элемен-

ты, является в настоящий момент истинно демократической организацией, преследующей своей целью захват власти на Украине и проведение тех реформ, за которые массы народные боролись все время у нас (конфискации в пользу народа помещичьих и других земель, полная демократизация политических и других учреждений, Учредительное Собрание для Украины). Союз наш действует и сейчас как ядро будущего украинского правительства, оттягивая к себе все живые силы и борясь с *собственной украинской реакцией*. Мы уверены, что наши стремления встретят с Вашей стороны полное сочувствие. И если так, то мы были бы очень рады вступить с большевиками в более тесные сношения. Мы были бы тоже чрезвычайно рады, если б и русские революционные силы, во главе с Вашей группой поставили перед собой аналогичные задачи вплоть до стремления и подготовки захвата власти в русской части России.

Среди украинского населения чрезвычайный национально-революционный подъем, в особенности среди галицких украинцев и украинцев Америки. Это способствовало поступлению в наш Союз крупных пожертвований, это же помогло нам организовать прекрасно всякую технику и т. д. Если бы мы с Вами столкнулись для совместных действий, то мы охотно оказали б Вам всякую материальную и другую помощь. Если Вы захотите вступить немедленно в официальные переговоры, то телеграфируйте мне кратко... а я сообщу нашему комитету, чтобы он немедленно делегировал к Вам специальное лицо для этих переговоров... Как поживаете, как себя чувствуете? Буду очень благодарен, если будете высылать на мой Софийский адрес все Ваши издания. Лучший привет Надежде Константиновне. Жму крепко руку. Ваш Басок*», — тоном доброго знакомого закончил письмо М. И. Меленевский, подписав его одним из своих псевдонимов²⁴.

В. И. Ленин, как он писал позже, объясняясь по поводу обвинений его «оборонческой» печатью в сотрудничестве с СОУ, предложением М. И. Меленевского «был так возмущен, что немедленно в присутствии Триа написал ответ», содержание которого изложил в статье «О клеветниках», напечатанной в газете «Рабочий» 12 сентября 1917 г. «В письме к Баску я заявлял, — читаем в ней, — что, так как он вступает в сношения с одним из империалистов (о связи Союза с немецким правительством В. И. Ленину, по его словам, рассказал Триа. — *И.М.*), то наши дороги безусловно расходятся и у нас нет ничего общего.

* В публикации ошибочно — Басон.

Этим ограничились какие бы то ни было мои «отношения» к «Союзу освобождения Украины»^{25*}.

Как видно, не встретил сочувствия СОУ и в парижской группе российских социал-демократов. В одном из ноябрьских 1914 г. номеров их газеты «Голос» (сами деятели СОУ называли ее «солидной и честной») появилась статья бывшего редактора немецкоязычного органа СОУ в Вене «Украинские известия» Н. Н. Троцкого, безжалостно высмеявшего беспочвенные представительские амбиции и дипломатические мистификации эмиссаров Союза, которых, по словам журналиста, «уже спускали с кое-каких лестниц и притом преимущественно с верхних этажей»²⁷. С критикой СОУ выступил и один из соиздателей «Голоса» Д. З. Мануильский²⁸.

Но самый ощутимый удар – если не считать стратегического провала австрийских планов военного вторжения на территорию российской Украины – созрел внутри организационных структур самих сепаратистов СОУ в группе, руководимой лидером эсеровской организации Н. К. Зализняком, ставшим к тому же в сентябре 1914 г., после официального выхода Д. И. Донцова, главой СОУ. Задачей эсеровского подразделения Н. К. Зализняка, получившего 250 тыс. крон от австрийского правительства и еще 200 тысяч от германского представителя в Вене на пропаганду и приобретение револьверов для украинских подпольщиков в России, была подготовка восстания одесских моряков и вообще революционизация Украины. Созданные им в Болгарии и Румынии подпольные ячейки должны были собирать информацию о внутреннем положении в России, готовить боевиков для подрывной работы там, устанавливать контакты с нужными лицами и организациями и разными способами посылать туда пропагандистские материалы и оружие. В формировании транспортов революционной литературы из Румынии участвовали, по данным одесского жандармского управления, эмигрант из России З. Арборе-Ралли и «доктор Раковский», а переправлять их помогали бывшие «потемкинцы». Кроме того, прокламации с призывом к российским солдатам не стрелять в противника, а сдавать

* Полностью текст этого ответа, датированного 12 января 1915 г., был опубликован в мемориальном номере журнала «Пролетарская революция» за 1924 г. В нем говорилось: «Любезный гражданин! Триа передал мне Ваше письмо от 28/XII. 1914 г. Вы явно ошибаетесь: мы стоим на точке зрения интернациональной революционной социал-демократии, а Вы – на точке зрения национально-буржуазной. Мы работаем за сближение рабочих разных (и особенно воюющих) стран, а Вы, видимо, сближаетесь с буржуазией и правительством (? – И.М.) «своей» нации. Нам не по дороге»²⁹.

ему за деньги оружие и боеприпасы, в большом количестве закупоривались в бутылки и направлялись по течению Прута, выносившему их на российский берег. То есть многое, по признанию самого Н. К. Зализняка, делалось практически безадресно. В узком кругу он сетовал на неимение реальных контактов и конкретных адресов в крае, на отсутствие информации о том, кому попадают и как используются посылаемые деньги и оружие, на нежелание единомышленников-эмигрантов ехать в качестве агитаторов на родину. Дело кончилось тем, что один из завербованных Н. К. Зализняком агентов – Цеглинский, и сам бездействовавший и отчитывавшийся вымышленными данными, направил в австрийский МИД пространный донос на него с описанием многочисленных фактов очковтирательства и использования средств на личные цели.

Н. К. Зализняк не сумел доказать, что его всеровская группа имеет связи и влияние на родине, был лишен субсидий, по настоянию австрийского МИД исключен из СОУ и в феврале 1915 г. после приостановки боевой и издательской деятельности его группы выслан в Швейцарию²⁹.

Тень пала и на весь Союз. Кураторы из австрийского МИД стали сомневаться в достоверности отчетов о его деятельности, не находя упоминаний о ней ни в российской, ни в печати нейтральных стран. Чтобы спасти свою репутацию, руководители Союза обратились к парламентскому клубу галицийских украинцев «с просьбой избрать особую комиссию, которая проверила бы как все предприятия Союзом политические шаги, так и его деятельность вообще». Комиссия в составе трех депутатов австрийского парламента во главе с вице-председателем Украинского парламентского клуба Е. Петрушевичем 23 декабря 1914 г. по результатам проверки сделала заключение, что СОУ «работает согласно своей программе и ни в чем не изменил ни украинскому национальному делу, ни той программе ... что работа Союза чрезвычайно солидна, на удивление производительна, успешна и разностороння ... распоряжение деньгами весьма бережно и деловито. [Союз] употребляет их лишь в интересах украинского дела, никак не сорит и не расходует для нечистых целей»³⁰.

Все это было изложено в специальном буклете, датированном 8 февраля 1915 г. и подписанном А. Жуком, А. Скоропис-Йолтуховским, М. Меленевским и Вл. Дорошенко – президиумом СОУ, избранным после исключения Н. Зализняка. Буклет, как видно, распространялся за рубежом и в России среди организаций и лиц, так или иначе сочувствовавших украинскому движению (экземпляры его имеются в архивных фондах

П. Н. Милюкова и одного из лидеров трудовиков в IV Государственной думе А. Ф. Керенского³¹). Но его содержание вряд ли разубедило критиков этой организации. Среди них оказались и левые украинские группы, на чье «игровое поле» деятели СОУ попытались вступить, образовав из своего состава, а также некоторых социал-демократов Галиции и Буковины под идейным руководством Парвуса инициативно-организационную группу украинской социал-демократии. В мае 1915 г. в Софии вышел первый номер газеты этой группы «Робітничий прапор»³². Как бы ответом послужило выступление представителя УСДРП Л. О. Юркевича. С началом войны он с большим трудом выехал из Галиции в нейтральную Швейцарию и в феврале 1915 г. учредил в Женеве газету «Боротьба», в которой стал систематически публиковать компрометирующие СОУ материалы, в том числе поместил заявление Д. И. Донцова, будто он оставил Союз по причине отказа коллег обнародовать материальные источники и расходы организации³³. Со своей стороны Л. О. Юркевич охарактеризовал СОУ «как агентурную организацию правительств центральных государств, находящуюся на денежном содержании австрийского и немецкого правительств», инициативно-организационную же группу окрестил, имея в виду высказывания М. И. Меленеского об «украинской монархии с одним из немецких принцев», — «социалистическим филиальным отделением монархического союза». «Во главе “Украинской социал-демократии” стоит “Иван Гилька”, иначе выражаясь “Басок”... ведущий переговоры с австрийскими и турецкими министрами под именем фон-Меленеский», — высмеял редактор «Боротьбы» сословно-монархическую метаморфозу бывшего спилковца, напомнив его прежние простецкие конспиративные псевдонимы³⁴. Л. О. Юркевич даже выступил с идеей международного социалистического суда над членами СОУ, чтобы лишить их права называться социалистами. Большинство партийных товарищей не поддержали его бескомпромиссность в отношении Союза³⁵.

* Эта демонстрация «шепетильности» не помешала Д. И. Донцову после выхода из СОУ работать в пользу Центральных держав, получая регулярно под расписку жалование от германского посла в Швейцарии Г. Ромберга³⁶. А. Ф. Скоропис-Йолтуховский назвал настоящей причиной уюда Д. И. Донцова из Союза его конфликт с другими членами и боязнь не быть из-за этого вновь избранным в руководство³⁴.

** В дальнейшем судьба жестоко обошлась с этим незаурядным деятелем УСДРП. При первых известиях о Февральской революции он, несмотря на плохое состояние здоровья, отправился на родину через воюющую Европу. Уже в Скандинавии узнал об Октябрьском перевороте. На границе его настиг тяжелый приступ болезни. Мать только через полгода отыскала его в лечебнице в Петрограде и перевезла в Москву, где он вскоре умер³⁶.

Параллельно с публикациями в «Боротьбе» с разоблачением агентурной роли, «пораженческой» практики и моральной нечистоплотности активистов СОУ на страницах петроградского социал-демократического журнала «Современный мир» выступил Г. А. Алексинский.

Но главной причиной неудачи концепции СОУ стала военная слабость Австрии. «Успех украинской акции», говорилось в меморандуме ее МИД от 15 января 1915 г., могла бы обеспечить только оккупация российской Украины; попытки же «вызвать движение издали, путем посылки прокламаций и оружия, бессильны»³⁷. Сделав такой вывод, австрийские кураторы решили без лишних церемоний прекратить официальные контакты с СОУ, чтобы, мотивировали они не без издевки, «восстановить важную для его престижа независимость». Предполагалось выдворить СОУ в страны «с дешевыми условиями жизни» – Швейцарию или Турцию. Его членам с большим трудом удалось получить разрешение остаться все-таки в Вене, но только в качестве частных лиц. Впрочем разрыв не был полным: Союзу предписывалось «быть готовым к сотрудничеству с австрийским и германским правительствами», расширять связи с Россией и позволялось продолжать за пределами Австро-Венгрии и Германии пропагандистско-издательскую деятельность³⁸. В дальнейшем главной сферой его активности стала организация под патронатом военных министерств самостийнической пропаганды в лагерях для военнопленных-малороссов. Центр этой работы переместился в Германию, где для ее финансирования была создана специальная Посредническая организация во Франкфурте-на-Одере. СОУ не был допущен к управлению в той части Волыни и Подляшья, которая в 1916 г. оказалась занятой войсками Центральных держав. Его эмиссарам лишь было позволено открывать там украинские школы с учителями из пленных-малороссов. Из них же набирались диверсионные группы. Вместо создания самостоятельного украинского воинского подразделения, как хотели руководители СОУ, им разрешили формировать из пленных только диверсионные и пропагандистские группы с задачей «перекинуть на фронт украинскую бациллу»³⁹.

Таким образом, реальная роль СОУ как жестко подчиненной Центральным державам организации с агитационными и провокативно-вспомогательными функциями оказалась несоизмеримой с первоначальными замыслами его учредителей. Вместе с тем факт его образования и первые бравурные антироссийские начинания болезненно отразились на положении сторонников украинского течения в России.

Восточная Галиция являлась яблоком раздора между Австро-Венгрией и Россией. Последняя претендовала на нее на основании этнического родства с коренным населением – русинами. «Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла и князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, нераздельной и великой России. Да свершится... дело великих собирателей земли Русской. Да поможет Господь завершить дело Великого князя Ивана Калиты», – говорилось в манифесте верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, оглашенном при вступлении русской армии в Восточную Галицию⁴⁰.

Большинство галицийских русин надеялись, что с ее приходом будет положен предел польской политической и культурной гегемонии, а крестьяне рассчитывали еще и на решение земельного вопроса, потому, видно, в нетерпении и срывались на погромы помещичьих имений (принадлежавших здесь в основном полякам и арендаторам-евреям)⁴¹.

Однако тот раскол, который возник при формировании национального самосознания русин, – деление на украинцев и москвофилов, подогревавшееся политическим соперничеством Вены и Петербурга, – чрезвычайно осложнил перспективу интеграции края в случае перехода его под юрисдикцию России.

Политика российской администрации в занятой русской армией в начале войны части Галиции отличалась прямолинейностью. «В этих землях коренное население всегда было русским, устройство их посему должно быть основано на русских началах», – говорил временный военный генерал-губернатор Галиции Г. А. Бобринский, обещая не только преобразование прежней государственно-административной системы края, но как бы ставя за скобки и все украинское течение галицийских русин⁴². И действительно была остановлена работа украинской школьной системы, печати, издательств, библиотек, книжных магазинов, клубов «Просвиты» и многих кооперативов. Украинские деятели в России, критикуя эти меры, подчеркивали, что «область оказалась в положении полного паралича всех жизненных отправлений»⁴³. Были затронуты насущные интересы значительной части галицийских русин, повлияв на их настроения не в пользу российской администрации.

«Великая мировая война ведется во имя освобождения малых народов от гнета имперской политики крупных национальных организмов, – писали украинские деятели в России в докладной записке на имя министра народного просвещения, напоминая о либертарианской риторике идеологов войны. – Но по отношению к малорусской народ-

ности в пределах Австрии война с первых же месяцев приняла не освободительный, а захватный характер, в зависимости от... традиций нашей внешней политики. Свобода была дарована лишь той незначительной части галицийского населения... идеология которой ограничивалась племенными и вероисповедными симпатиями к России»⁴⁴.

Местной опорой российской администрации стали только москвофилы. Их приверженность России к началу XX в. в новом поколении приняла более открытые, чем прежде формы. Они стали говорить и писать по-русски, что привело к разладу со старшим поколением, расколу организации и обострению отношений с народоовцами. Активизация москвофильства способствовало развитие неославизма, сблизившего под знаменем славянской солидарности русские, польские, чешские националистические круги, русинских москвофилов и др. Задачу неославизма его инициаторы и идеологи видели в сопротивлении германской экспансии. Важным событием стал неославистский съезд в Праге в июне 1908 г.

Галицийские сторонники украинства не разделяли идею славянской солидарности, отрицая опасность пангерманизма. Они, напротив, возлагали на него определенные надежды и старались убедить в том же сторонников украинского направления в России. Проводником этих взглядов выступал Д. И. Донцов. В его напечатанной на страницах журнала «Украинская жизнь» рецензии на чешский сборник «Славянство, его прошлое и настоящее» высмеивались тезисы неославистов о задачах славянства («как будто славянство имеет какие-нибудь общие задачи», – иронизировал рецензент) и об «общем враге», под которым подразумевается, конечно, «немец». «Для нас, украинцев, все эти возгласы о «славянской солидарности» и «общем враге» звучат несколько комично», – заключал Д. И. Донцов⁴⁵.

К слову, среди предвоенных дневниковых записей М. С. Грушевского есть и такая, свидетельствующая об известной осведомленности и благосклонности украинского лидера к германскому фактору: «Немцы чрезвычайно интересуются украинским вопросом ... последний влияет и на объявление войны, а на случай, если бы они были побеждены – уже теперь замышляют мщение, осью которого хотят сделать украинский вопрос»⁴⁶.

В целом проблема геополитической ориентации углубила накануне первой мировой войны раскол среди русин Австро-Венгрии. После пражского съезда лидер русских националистов В. А. Бобринский совершил поездку по Галиции и Буковине, что подбодрило москвофи-

лов, укрепив позиции молодых во главе с В. Ф. Дудыкевичем. Число их сторонников стало расти. Возникли новые экономические, просветительные, спортивные организации; в учебные заведения приглашались преподаватели из России; началось обучение крестьян русскому языку; организовывались экскурсии в Россию и паломничества в Почаевскую лавру, в святые места Киева и т. д. Хотя москвофилы подчеркивали свою аполитичность, пропагандируя лишь моральное, культурное и идейное единство с Россией, австрийское правительство сильно притесняло их: накануне войны последовала серия устрашающих судебных процессов формально по обвинению приверженцев москвофильства в антигосударственной деятельности. В Буковине под предлогом пресечения антигосударственной агитации закрывались школы русской ориентации. Власти натравливали на москвофилов молодежь украинского направления, поощряя столкновения между ними⁴⁷. Лидеры москвофилов вынуждены были перебраться в Россию, образовав в Киеве Карпато-русский освободительный комитет.

Натерпевшись от своих политических соперников при австрийских порядках, москвофилы с приходом русской армии при поддержке прибывших в Галицию представителей русских национальных организаций и правых депутатов Государственной думы особенно горячо настаивали перед российской администрацией на искоренении украинства и упрекали официальные органы в «нерешительности».

Но было бы неправильно думать, что ограничительные по отношению к галицийскому украинству меры российской администрации диктовались исключительно идеологией возвращения края к его русским истокам. Реальное значение в условиях военного времени имела антироссийская активность галицийских украинских организаций. Они были не просто лояльны к австрийскому правительству, но солидаризировались с ним в антироссийских планах и действиях, объявив Россию своим главным врагом. Руководящие центры галицийских украинских партий эвакуировались в Вену, но остались подпольные структуры, которые вместе с СОУ поставили целью мешать продвижению русских войск, собирать разведывательные данные, саботировать действия русской администрации, организовывать террористические акты. Покушения готовились, в частности, на временного генерал-губернатора Г. А. Вобринского и лидера москвофилов В. Ф. Дудыкевича. В подпольную работу были вовлечены активисты украинских просветительных организаций, хозяйственные и финансовые деятели, учителя и духовенство. Местами конспиративных встреч служили дворец

митрополита А. Шептицкого и центральное здание «Просвиты» во Львове, служебные помещения страховой компании «Днестр», Украинского ипотечного банка и общества «Народная торговля». Эти экономические организации и финансировали подполье. Российская жандармская контрразведка располагала обширными данными о такого рода деятельности и за короткое время выявила 67 прямых агентов антироссийских организаций⁴⁸.

Тем временем администрация готовила открытие государственных русских школ вместо украинских, в пяти городах Галиции организовала двухмесячные государственные курсы русского языка для учителей, а для желающих получить более солидную преподавательскую подготовку – льготные условия поступления на пятимесячные курсы в Петрограде, планировала перевести во Львов университет из Варшавы с преподаванием на русском языке⁴⁹.

Одновременно монархические круги и галицийские москвофилы ратовали за превращение галицийского крестьянства в опору российской власти. Русские националистические группировки, претендовавшие на организацию общественных «низов», осенью 1914 г. направляли царю ходатайства о наделении земель крестьян Галиции⁵⁰.

Официальный Петербург уже имел опыт подобной политики в Царстве Польском, где своим экономическим законодательством 1860-х годов подыгрывал крестьянам против мятежного польского дворянства, и в связи с галицийской ситуацией также приступил к рассмотрению мер по преобразованию земельных отношений тем более, что в данном случае они должны были изменить и национально-политический баланс в провинции. «Невероятные вещи происходят и готовятся в сфере социальных отношений, – говорил по этому поводу либерал и постепеновец П. Н. Милюков при обсуждении руководством КДП в декабре 1914 г. положения в Восточной Галиции, – предполагается конфисковать польские и еврейские имения и спустить их крестьянам через крестьянский банк»⁵¹. Правда, согласно международному праву, Россия не могла вводить новые социальные порядки, пока ее суверенитет над Восточной Галицией не был оформлен соответствующими договорами.

По тем же основаниям была сохранена прежняя судебная система с изменением лишь формулы отправления правосудия «не от имени австрийской верховной власти, а “во имя закона”, с признанием судебным языком русского и местных его поднаречий и временным допущением... польского языка», а также с персональными изменениями на судебных, прокурорских должностях и в нотариате с условием

занятия их лицами, «достойными» с точки зрения «преданности идее объединения славян Галиции под русским владычеством», — как говорилось в «Обязательном постановлении для местных судебных установлений», утвержденном 17 февраля 1915 г.⁵²

Православие стало гонимой униатскую церковь. Она оказалась обезглавленной, так как ее предстоятель митрополит А. Шептицкий за действия в пользу Австро-Венгрии* по требованию военного командования был выслан в глубь России (Курск, Суздаль). Другой епископ, как и некоторые антирусски настроенные священники, бежал из Галиции, и некому было отправлять службы и рукополагать в сан новых пастырей. Места униатских священников стали занимать православные. Святейший синод направил в Галицию фанатика православия архиепископа Евлогия (А. С. Георгиевского), чья бестактная пропаганда раздражала даже российскую администрацию. Впрочем, по наблюдению некоторых очевидцев, конфессиональный конфликт касался прежде всего духовенства, не слишком затронув паству. «Само население, — рассказывал побывавший в Галиции П. Б. Струве, — не знает различия унии и православия... Чего хотят массы — трудно разобрать: по-видимому, они хотят лишь священников с «русским [русинским] настроением», т. е. не любят поляков и австрийский режим». Но, предупреждал он, «униатское духовенство является огромной культурной силой... правительством будут сделаны опустошительные в культурном отношении шаги», если «под шум военных действий» вопрос будет решаться простой заменой униатских священников православными, что на практике чаще всего и имело место⁵⁴.

Тем временем власти Австро-Венгрии, чтобы объяснить свои военные неудачи, обвинили русинское население, особенно сельских жителей, в пособничестве врагу и обрушили на них беспримерный террор. Смертная казнь широко применялась по обвинению в измене и шпионаже, в том числе в отношении женщин и православных священников, зачастую по доносам на бытовой почве, без доказательства вины в суде. Нередко расправы над гражданскими лицами чинились сразу после ареста⁵⁵. За время войны властями Австро-Венгрии было рас-

* Сугубо политическая антирусинская деятельность духовного лидера галицийских украинцев была широко известна и получила документальные подтверждения при изъятии его архива. Считается, в частности, что именно на основании меморандума митрополита австрийское правительство составило ноту союзникам от 20 ноября 1914 г., в которой фактически объявило, что считает отделение Украины от России одной из своих целей в войне⁵³.

** О том, как это делалось, дает представление свидетельство одного из австрийских офицеров. «Два дня уже продолжался бой, — записал он. — На третий день привели к нам... 60 местных

стреляно и повешено 36 тыс. человек из гражданского населения Галиции. Тысячи ее жителей без судебных приговоров вывозились в концлагеря и годами содержались там. Особой бесчеловечностью порядков и массовой смертностью сделался известен лагерь Талергоф в Штирии. Преследования затронули и тех русин, кто причислял себя к лояльным Австро-Венгрии украинцам. Местные поляки подогревали недоверие к ним, утверждая в своей печати, «что все украинцы опасны для Австрии ввиду племенной связи с Россией и что разница между украинцами и москвофилами не больше, чем между евреями и израэлитами... Публичное употребление украинского языка давало повод для обвинения в москвофильстве»⁶⁶. Так описывалось положение галицийских русин в одной из записок, составленных украинскими активистами в России.

крестьян и около 80-ти женщин и детей. Мне приказали конвоировать узников. По дороге я узнал, что арестованные крестьяне – “русофилы”. Наконец, мы пришли на место... Чистое поле, на котором вокруг одинокого дерева толпились солдаты. Тут же стояла группа офицеров. Насмешки и крики вроде “русские собаки, изменники” посыпались по адресу ожидавших своей участи крестьян. Вид седых стариков, женщин с грудными младенцами на руках и плачущих от страха, голода и усталости детей, цеплявшихся за одежду своих матерей, производил также удручающее впечатление, что даже у одного из офицеров-немцев показались слезы. Стоявший рядом лейтенант спросил: “Что с тобой?” Тот ответил: “Ты думаешь, что эти люди виноваты в чем-нибудь? Я уверен, что нет”. Тогда лейтенант без заминки сказал: “Ведь это же русофилы, а их следовало бы еще до войны всех повешать”. Далее совершилась обычная казнь. Всех вешали через одну и ту же петлю, предварительно ударив жертву в подбородок и в лицо. Повешенного прокалывали штыком на глазах у матерей, жен, детей»⁶⁶.

Глава 9

Сепаратизм, российское украинство, думский центр и левые в начале первой мировой войны

С началом войны украинские деятели под эгидой ТУП через свои печатные органы – киевскую газету «Рада» и московский журнал «Украинская жизнь» – заявили о лояльности России. С. В. Петлюра, фактический редактор журнала, в написанной 30 июля статье-воззвании «Война и украинцы» декларировал, что для украинцев есть только один выбор между Россией и Австрией – выбор в пользу России.

Однако убедительность этих заявлений оказалась поставленной под вопрос фактом традиционных связей украинского течения в России с галицийскими украинскими организациями, активно поддержавшими военную акцию Центральных держав, и особенно – выступлениями СОУ. С занятием русскими войсками Львова сведения на эту тему пополнились новыми данными. «В движении галицийских мазепинцев приняли живейшее участие российские мазепинцы, – писал в своем донесении за 30 декабря 1914 г. начальник временного жандармского управления в Галиции полковник Мезенцов. – Был даже заключен формальный договор между Эрцгерцогом Францем Фердинандом и российскими мазепинцами... В 1910 г. у Эрцгерцога на аудиенции из Галиции были: ...выдающийся мазепинский деятель д-р Евгений Олесницкий и митрополит Шептицкий, из России: Е. Х. Чикаленко и Н. В. Лысенко из Киева и Н. Михновский... С объявлением австрийской мобилизации группа выдающихся мазепинских деятелей... уехала в Киев, увозя с собою огромное количество прокламаций “До украинского народа”. До своего отъезда в Киев они побывали у проф. М. С. Грушевского на его даче... в Карпатских горах и имели с ним деловые совещания...

В Киеве они собрались в Украинском клубе “Родина”... где присутствовали главные руководители Киевских мазепинцев: издатель ежедневника “Рада” Евгений Харлампиев Чикаленко, Леонид Жебунев, Павел Лавров... несколько студентов и делегаты от мазепинских деятелей Полтавы, Харькова, Екатеринослава и Одессы. На собрании в “Родине”, а затем в квартире Чикаленко... была основана новая мазепинская общая организация под названием “Союз Вызволения Украины” (“Союз освобождения Украины”). Цель этого союза... вести мазепинскую пропаганду между населением и войсками российской Украины»¹.

Эмигрантский исследователь Л. Винар называет приведенные данные «фантастическими выдумками», почерпнутыми от галицийских москвофилов². Некоторые эпизоды действительно сомнительны, другие – неточны в деталях и персоналиях. К примеру Е. Х. Чикаленко, ознакомившись с этим донесением после Февральской революции, опроверг свое присутствие на аудиенции у Франца Фердинанда, записав в дневнике, что «никогда его в глаза не видел»³. Но в принципе, судя хотя бы по ранее приведенной дневниковой записи М. С. Грушевского за 1910 г., обсуждавшиеся эрцгерцогом с галицийскими политиками планы отторжения Правобережья Днестра не были тайной для приднепровских деятелей⁴. В другой, более поздней дневниковой записи, оказавшейся затем в распоряжении Департамента полиции, М. С. Грушевский сформулировал необходимые, с его точки зрения, условия на случай занятия Украины австрийскими войсками. «При будущей войне, – писал профессор, – Австрия должна иметь в виду, что война [будет вестись] на украинской территории, [должна] обещать религиозную и национальную свободу, выкуп крупной собственности и дать украинцам надежду быть первенствующей народностью; границы [Украины] определены по Припять, Днестр и Черное море»⁵. Е. Х. Чикаленко со своей стороны не отрицал, что «во время войны говорил... лучше было бы Украину присоединить к Австрии, хоть до Днестра, чтобы усилить украинский элемент в Австрии»⁶.

Сомнительными в донесении жандармского полковника представляются данные о том, будто в Киев в качестве «наилучших агитаторов» с грузом антироссийских прокламаций прибыли такие известные галицийские политики, как депутат австрийского парламента Л. Цегельский, партийные лидеры В. Вудзиновский, Л. и Н. Гаякевичи, Ю. Бачинский, секретарь ГУС С. Баран и др. Скорее всего агитаторами тем более из-за линии фронта посылали не столь заметных на галицийской политической сцене людей. Руководители СОВ докладывали, в частно-

сти, своим австрийским кураторам, что в первые месяцы им удалось переправить в Россию четырех своих эмиссаров (Бориса, Панааса, Дмитра и Гриця), двое из которых якобы организовали конференцию местных членов Союза, наладили нелегальную типографию и благополучно отбыли в Константинополь⁷. Проверить это с необходимой точностью представляется затруднительным из-за неполноты корпуса источников. Но в документах российского политического наблюдения зафиксированы сведения, сопоставимые с данными этого отчета СОУ. Так, в Полтаве во второй половине 1914 г. полиции стал известен «Центральный комитет Полтавского района, филиал Союза освобождения Украины», который занялся организацией в уездах «порайонных комитетов» и кружков. Киевский сыск установил, что студенческая группа украинских социалистов-революционеров в начале 1915 г. стала выпускать (не в упомянутой ли в отчетах Союза подпольной типографии?) антивоенные листовки и малотиражный журнал «Боротьба», в котором перепечатала политическое кредо СОУ – его «Платформу»⁸. Журнал редактировал украинский эсеровский деятель Н. Н. Ковалевский при участии Л. Ковалева. В нем печатались также не принадлежавшие к социалистам-революционерам известные туповцы С. А. Ефремов, В. К. Прокопович, А. В. Никовский, А. М. Полонский⁹.

По сведениям Департамента полиции, СОУ установил контакты с украинскими организациями Киева и Петрограда. А украинцы, проживавшие на Кубани, свидетельствовали, что отделения Союза были также в Харьковской и Екатеринославской губерниях. В последней полиция находила экземпляры «Вістника Союзу визволення України». Немало изданий Союза обнаружилось в Одессе¹⁰.

После разоблачений в Женевской «Боротьбе» и выступления Г. А. Алексинского против СОУ – у Союза нашлись защитники в радикальных украинских кругах. Представители петроградских студенческих украинских групп (главный совет украинского студенчества в Петрограде возглавлял один из сыновей Е. Х. Чикаленко – историк, член УСДРП Л. Е. Чикаленко) составили обращение «К украинскому обществу», которое довели также до сведения общероссийской левой и либеральной оппозиции. Авторы обращения объявили недоказанными выдвинутые против СОУ обвинения. Они утверждали, будто Союз черпал средства лишь из украинского фонда, созданного еще во Львове совместно с галицийскими организациями, и старались перевести объяснение причин скандала из этической плоскости в область идеологических разногласий, называя разоблачения эмигрантской соци-

ал-демократической «Боротбы» «последним аккордом той борьбы, которую начали почти два года тому назад идейные единомышленники женеvского органа с вышеназванными товарищами (сепаратистами, членами СОУ. – И. М.)». «Как первые, так и вторые принадлежат к украинской социал-демократии, разделившейся после львовского съезда украинской молодежи в 1913 г. на две противоположные ориентации – российскую и австрийскую, что в настоящее время является характерным для всего украинского общества»¹¹, – подчеркивали авторы обращения, умалчивая только, какое ничтожное меньшинство среди жителей Украины составляли сторонники отделения от России, особенно с помощью австрийского и немецкого оружия.

А. А. Ковалевский, член руководства украинской студенческой организации в Петрограде, в письме к П. Н. Милукову от 22 апреля 1915 г. настаивал на публикации в газете «Речь» своей статьи, чтобы, писал он, опираясь на мнение «товарищей, студентов Львовского университета, с которыми мы дружим и которых лично знаем», раскрыть «дискретные внутренние причины выступления г. Алексинского и «Боротбы»», действовавших, по утверждению А. А. Ковалевского, «под эгидою... цензуры»¹².

Протест против компрометации СОУ, составленный Информационным бюро киевского украинского студенчества, поместила в одном из номеров киевская «Боротба»¹³.

Интерес к СОУ проявил и М. С. Грушевский. Война застала его на даче в Карпатах. Активисты Союза, получив разрешение австрийского генерального штаба, вывезли его на военном автомобиле в Вену, откуда он через некоторое время выехал в нейтральную тогда еще Италию.

В Вене М. С. Грушевский получал систематическую информацию от Н. К. Зализняка о контактах последнего с австрийским правительством. «Он, – писал Н. К. Зализняк, – не выражая ни одобрения моей политической деятельности, ни осуждения ее, все же считал возможным давать мне некоторые советы (например, по вопросу о том, как в случае частичной оккупации украинских земель Австро-Венгрией следовало бы перед австрийским правительством освещать земельный вопрос)»¹⁴. По свидетельству В. В. Дорошенко, в австрийской столице М. С. Грушевский «провел также совещание с президиумом СОУ и обещал поддерживать сношения с СОУ. С этой целью были согласованы условные фразы для переписки»¹⁵.

Из Италии М. С. Грушевский, по его словам, «списался с киевской родней и знакомыми и решил через Румынию выехать в Киев»¹⁶.

Мотивы этого решения до конца не выяснены. По одной версии, он приехал в Россию, чтобы избежать конфискации там имущества как лицо, находившееся на государственной службе в Австро-Венгрии¹⁷ (семье Грушевских в Киеве принадлежал знаменитый шестизэтажный дом в украинском стиле, возведенный в 1910 г., а также загородный земельный участок во Владикавказе). Мезенцов же в упомянутом донесении развивал на основании галицийских источников версию о связи его приезда с преобразованием структур ТУП в российский филиал СОУ. «Когда союз со своими отделениями... начал функционировать, – писал жандармский полковник, – киевские мазепинские главари призвали проф. М. С. Грушевского, чтобы он немедленно приехал в Киев и принял руководство “Союзом”»¹⁸.

Враждебная деятельность заграничных украинских центров, направленная на вовлечение в нее российского украинства, дала властям повод ужесточить по отношению к местным украинским организациям режим военного времени. Помимо обычной цензуры были введены дополнительные ограничения на украинскую печать, закрыты 11 украинских газет и журналов, в том числе киевские «Рада» и «ЛНВ», наложен запрет на использование новой, разработанной в Галиции, украинской орфографии, закрывались отделения «Просвиты», если в их действиях проявлялись выходящие за рамки устава политические моменты. Лица, заподозренные в нелояльности к правительству и его политической линии, высылались на восток¹⁹.

Высылке подвергся и М. С. Грушевский. Негласное наблюдение за ним было установлено еще до начала войны. 28 ноября 1914 г. вскоре после прибытия профессора в Киев последовал арест «в порядке положения о государственной охране» («Арестован без предварительного согласования со мною, что весьма повредило делу розыска», – сокрушался полковник Мезенцов²⁰.) При обыске у М. С. Грушевского были обнаружены значок «Радикальной украинской партии» и фотографии некоторых членов СОУ, «домогающейся поражения России в настоящей войне», как говорилось в протоколе изъятия. После трехмесячного пребывания в киевской Лукьяновской тюрьме он был препровожден в Симбирск под гласный надзор полиции, откуда осенью 1915 г. переехал в Казань, а через год – в Москву²¹.

Данные об антироссийской деятельности украинских эмигрантов за границей негативно влияли на позицию в основном оборончески настроенной российской общественности в украинском вопросе, затруднив постановку его в порядок текущей политической жизни. Представля-

ется, что именно поэтому в годы войны украинский вопрос так и не вышел из области риторических деклараций левых и внутривластных обсуждений конституционных демократов, которые не чувствовали необходимой общественной поддержки для того, чтобы вынести его на законодательный уровень, как было условлено накануне войны.

Знаковым в этом отношении было замечание относительно либерального среди других членов кабинета министра иностранных дел С. Д. Сазонова в Государственной думе 27 января 1915 г. о том, что «в Галиции на присылаемые из Берлина деньги искусственно поддерживалось так называемое украинское движение с целью внести раскол в самое сердце русского народа»²². Украинские деятели негодовали по этому поводу и упрекали своих союзников в думе, что те не опровергли замечания министра. Но для российских правительственных кругов и общественности, как видно, не было тайной наличие особых интересов Германии в Галиции. В период образования уже упоминавшегося Немецкого союза восточных приграничных областей (1894 г.) его деятельность носила преимущественно антипольский характер, направленный на германизацию Западных польских земель и ограничение, в экономических интересах Германии, фактической гегемонии поляков в Восточной Галиции, для чего оказывалась поддержка их национально-политическим противникам – русинам. С этой целью, в частности, канцлер Б. Бюлов в 1908 г. рекомендовал деятелям союза устанавливать «конфиденциальные связи с русинскими публицистами, чтобы иметь возможность громко заявлять в немецкой неофициальной печати о жалобах и страданиях русин»²³. Выполнение данной рекомендации само по себе делало германскую поддержку украинского движения в Галиции очевидным фактом. С началом первой мировой войны к этому добавилось открытое подстрекательство к сепаратизму украинцев в России. Немецкие газеты предсказывали, что там «вспыхнет тлеющий в малорусском народе огонь», как только германские войска перейдут в наступление²⁴. А чтобы пожарче его разжечь, вскоре был образован Немецкий союз поддержки вольнолюбивых стремлений украинцев «Свободная Украина», который не скупился на обещания признать право украинцев на создание самостоятельного государства. В такой обстановке в российской думе не нашлось ораторов, чтобы оспорить слова министра иностранных дел. В прениях по его заявлению только лидер меньшевистской фракции Н. С. Чхеидзе затронул украинский вопрос и то в ином аспекте, поставив в упрек правительству, что «разрешение национальной проблемы в Галиции производится путем обычных приемов насильственной русификации населе-

ния, путем уничтожения всех свобод, которыми галичане до тех пор пользовались безвозбранно», и завершил речь призывом содействовать скорейшему прекращению войны и заключению европейского мира, после чего из центра зала последовал вопрос, так или иначе отражавший вектор общественных настроений: «А сколько заплатили немцы?»²⁵

В своем партийном кругу кадеты также высказывали некоторые сомнения относительно лояльности представителей украинского течения, основанные, в частности на том, что лидерами галицийского ГУС оказались недавние политические партнеры М. С. Грушевского, что авторами журнала «Украинская жизнь» до последнего времени были Д. И. Донцов и М. И. Меленевский и т. п. Член ЦК КДП А. В. Тыркова с возмущением рассказывала, что образованный в Лондоне украинским эмигрантом В. Степанковским²⁶ при участии англичан Украинский комитет выпустил воззвание, в котором территория будущего Украинского государства описывалась «чуть ли не до Саратовской губернии»²⁷. И все же в целом руководство КДП сочло недопустимыми антиукраинские ограничения внутри страны и политику русификации в Восточной Галиции. «Присоединен целый край с тремя миллионами жителей, имевших широкие политические права, и в этом крае делаются невероятные веди: изъемяются книги на украинском языке, закрываются всевозможные общества – культурные и просветительные, ликвидируется все то, чего добились украинцы от поляков долгою борьбою за свои национальные права, и таким образом создается почва для новой борьбы, но уже не против поляков, а против обрусительного националистического курса нашей бюрократии... может явиться вопрос, для чего русские взяли Львов, если вместо свободы они несут туда угнетение», – говорил П. Н. Милюков на заседании ЦК КДП 5 октября 1914 г.²⁸ Он, как и А. И. Шингарев, А. В. Тыркова, профессора В. И. Вернадский, А. А. Корнилов, отмежевался от выступлений в печати П. Б. Струве, хотя и признававшего, что «политика правительства по отношению к украинцам неправильна и в принципе, и с точки зрения государственных интересов», но вместе с тем полагававшего, что украинский вопрос

²⁵ В документе ошибочно – Стефановский.

²⁶ В. Степанковский, украинскую пропаганду которого в Англии еще до войны финансировало австрийское правительство через страховое общество «Днестр», вскоре после начала войны перебрался в Вену, а затем – в Швейцарию, где стал платным агентом германского посла Г. Ромберга и вместе с Д. И. Донцовым сотрудничал в образованной в 1916 г. Лиге нерусских народов России. Лондонский же Украинский комитет во главе с Д. Рафаловичем превратился в представительское бюро СОУ²⁶.

сам собой угаснет с присоединением Восточной Галиции^{29*}. П. Н. Милюков публично раскритиковал такую позицию в статье «Украинский вопрос и П. Б. Струве», напечатанной в газете «Речь» 9 ноября 1914 г.

Лидер кадетов взял под защиту М. С. Грушевского, утверждая, что тот никогда не был сепаратистом и приводя в доказательство известные нападки на него несомненного сепаратиста Д. И. Донцова. Арест М. С. Грушевского П. Н. Милюков назвал «большой политической ошибкой»³¹. На упомянутом заседании он предложил все выступления КДП по украинскому вопросу делать, как и прежде, «по согласованию с самими украинцами. Положение для них сейчас очень серьезное, и предпринимать какие-либо шаги без них сейчас не следовало бы»³².

Осенью 1914 г. кадеты, социал-демократы и трудовики устраивали совещания по национальному вопросу, на которых социал-демократы высказывались даже в том смысле, что положение, в каком оказались украинские организации, будто бы делает естественным их уход в сепаратизм. Участвовавший в этих совещаниях М. А. Славинский отгородился от подобной логики и отрицал наличие сепаратизма в украинском течении³³.

Основная украинская организация – ТУП и вправду отмежевалась от покровительствуемой Австрией сепаратистской концепции. Принять ее, когда австрийская армия не только не вступила в Правобережье, но и была выброшена из Восточной Галиции, представлялось опасным и бесперспективным. «Эти желторотые парни, сидя в безопасном месте, разводят неосуществимые фантазии, а нас из-за них могут перевешать или куда-нибудь сослать», – записал в дневник свои соображения о планах активистов СОУ Е. Х. Чикаленко³⁴.

* Реакция в некоторых украинских кругах выходила за рамки обычной полемики. В декабре 1914 г. П. Б. Струве получил письмо за подписью «Мазепинцы». Авторы бездоказательно обвинили его в доносительстве и якобы прямой причастности к аресту М. С. Грушевского. «Час расплаты близок, – угрожали «Мазепинцы», – за Грушевского рассчитаемся с вами на днях. Мышьяк – сами убедитесь – действует верно... Но и другим передайте, что национально-политическая гегемония в Западной Европе будет у пруссаков, в Восточной Европе – у украинцев, вне Европы – у англичан. Эти три великих племени призваны историей совершить великое дело обновения человечества. Не забывайте, что у нас жива традиция... когда мы, украинцы, владели всей Восточной Европой, когда перед нами дрожала Византия... Ваша агитация нам на руку, так как ясно дает понять ... ту истину, что с великорусами (точнее москвитями) никакое соглашение невозможно. Слащавые писания Милюкова ... для нас не опасны ... Не культурой... мы будем бороться с вами, с тем, что наиболее понятно для монгольского черепа москвитов: "алельсинями"». «Очевидно, круглые метательные бомбы», – прокомментировали в Департаменте полиции последний термин³⁰.

Совет ТУП, получив 27 ноября 1914 г. от прибывшего в Киев М. С. Грушевского информацию о том, что СОУ поставил целью создание Украинского государства, в качестве представительства такового признан правительствами Центральных держав и считается воюющей с Россией стороной, принял решение передать лидерам Союза, чтобы они, незнакомые с обстановкой в России, «были очень осторожны в своих выступлениях от имени всей Украины». Особенно рискованной, вспоминал Д. И. Дорошенко, предоставивший для заседания Совета ТУП свою квартиру, представлялась деятельность эсеровской группы Н. К. Зализняка³⁵. Туповцев с сепаратистами по-прежнему разделяли не одинаковые стратегические цели. «Вступать в контакт с Союзом мы – тогда еще федералисты – не считали возможным», – писал Е. Х. Чикаленко по поводу поступившего зимой 1915 г. от СОУ предложения установить прямую связь³⁶.

Н. П. Василенко на конференции КДП в июне 1915 г. рассказывал, что агентов СОУ организации ТУП «во многих городах не приняли и войти в сношения не пожелали» как раз из-за программных разногласий. «Они, – записал П. Н. Милюков аргументацию Н. П. Василенко, – федералисты-автономисты. Первый шаг – автономия; федерация – в отдаленном будущем. Автономия требует неделимости территории». СОУ не принял этого, что «и заставило русских украинцев отнестись отрицательно к Союзу – и он остался в Австрии»³⁷.

Сотрудники журнала «Украинская жизнь» в выпущенной ими вторым изданием книге «Украинский вопрос» (первое, задуманное в противовес книге С. Н. Щеголева, вышло в 1915 г.) также отмежевались от СОУ, заявив по поводу «сенсационных легенд о группе украинских эмигрантов, пропагандирующих на австро-немецкие деньги идею освобождения Украины от русской власти», что «украинское движение в его целом не ответственно за увлечения отдельных лиц»³⁸.

Для украинских организаций, лишенных многих своих печатных органов, еще более возросло значение партнерства с общероссийскими партиями. Легальная политическая работа, которую продолжало ТУП, вначале концентрировалась на попытках восстановления закрытых изданий – некоторые из них возобновлялись в русских городах, где цензура была не так строга, – в кампании петиций с требованиями признания украинцев самостоятельной нацией и отмены ограничений в национальных проявлениях. В руководящие органы кадетов, социал-демократов, трудовиков, в их парламентские фракции увеличился поток писем, телеграмм, информационных справок и концептуальных материалов

по украинскому вопросу (к сожалению, большинство сохранившихся в архивных фондах экземпляров – без подписей и дат, так что лишь содержание позволяет судить о времени и происхождении этих документов)³⁹.

Многие документы составлены в сдержанных, убеждающих тонах. Но были материалы и конфронтационного стиля и содержания. Один из них, начинавшийся угрозой обращения вовне – к «культурным европейским народам... провозгласившим принцип равноправия и возрождения всех национальностей» – воспроизводил в преамбуле «рациональную схему» истории восточного славянства М. С. Грушевского. В нем утверждалось, будто киевский период Руси составлял исключительно историю «украинской нации», достигшей к тому времени «расцвета своей гражданственности», но в дальнейшем «обессиленной в борьбе с печенегами, половцами и татарами, защищавшейся от Польши, Крыма и Турции» и впоследствии якобы денационализированной в составе Российского государства. С немалой долей преувеличения характеризовались степень зрелости национального самосознания и масштаб украинского движения, а их незначительные реальные проявления рассматривались как результат официальной политики военного времени в прифронтовых украинских губерниях. Эта политика приравнивалась к катастрофе татарского нашествия. «Нашим стремлениям и достигнутым уже ранее культурным приобретениям в настоящее время угрожают удары, испытанные украинским народом только в XIII столетии», – утверждали авторы анализируемого документа⁴⁰.

Еще в одной записке в столь же абсолютизированном виде рисовалась роль края в системе российской государственности. «Украинский народ, – говорилось в ней, – населяет территорию, которая является основой экономического благосостояния и экономического могущества России, и от того, разрешит ли история украинский вопрос согласно с интересами России или нет, зависит, будет ли Россия мировой державой, сильной политически и экономически, имеющей свободный выход к мировым рынкам, или возвратится в пределы Московского государства XVI в.»⁴¹

Другие обращения, очевидно, были рассчитаны на положительный диалог с российским обществом и государством, и излагали конкретные культурно-национальные и гражданские постулаты.

В одной из ранних, относящихся к январю 1915 г., записок под названием «О задачах внутренней политики в отношении к украинскому населению» авторы рассуждали о беспочвенности страха перед политическим сепаратизмом и следовательно необоснованности анти-

украинских репрессий, о том, что «украинцы сознают племенные и культурные связи, соединяющие с великой Россией, в судьбах и государственном строительстве которой они сами уже третье столетие принимают активное участие», и что только проявляющееся в запретах на украинское печатное слово «стремление облечь русское единство в великорусские формы» вызывает противодействие со стороны украинцев, что украинское движение «зародилось на русской Украине и отсюда перешло в Галицию... только в силу внешних препятствий, повременных его развитию в России»⁴².

Ситуация в Восточной Галиции и российской Украине с подробным описанием всех антиукраинских акций властей была освещена в другом материале – «Политика правительства в украинском вопросе за шесть месяцев войны», представленном от имени украинской интеллигенции. Нарисовав картину паралича украинской общественной жизни в Галиции, авторы квалифицировали такую политику как «тяжелый удар по тому самому родному России народу, освобождение которого от чужеземного ярма было выдвинуто как одна из задач нынешней войны»⁴³. Они доказывали, что именно национальное самосознание галицийских украинцев «дало энергию и силу в борьбе с соперничеством более сильного в культурном и политическом смысле польского элемента»⁴⁴, и предупреждали, что «естественным последствием нынешней политики будет окатоличивание украинского населения, у которого данных для тяготения в польскую сторону гораздо больше в силу векового сожительства с поляками»⁴⁵. «Правительственные органы в мирную работу устройства завоеванной окраины и в нормальную жизнь населения внутренней области вносят политику несправедливости и гнета... Совместима ли такая политика с государственными интересами России? – задавались вопросом авторы записки и отвечали далее на него. – Открытый реакционными кругами в союзе с администрацией поход опасен и чреват весьма вредными последствиями для государства: культурный упадок страны, денационализация значительной части галицийских русин... Правительственная политика вносит в русскую жизнь новый элемент вражды и раздора. Украинская интеллигенция считает долгом предостеречь против спокойного созерцания подобной политики»⁴⁶.

И как бы откликаясь на последнее замечание, П. Н. Милюков посвятил свое выступление 26 января 1915 г. на совещании депутатов Государственной думы с членами Совета министров накануне открытия очередной сессии думы «мероприятиям власти по национальным вопросам – еврейскому, украинскому, польскому». Он подчеркивал, что

правительство, покровительствуя русским националистам («всем известна деятельность депутатов-националистов в Галиции... попытка денационализации целого народа путем насильственной ассимиляции»), проводит в этой области «опасную для успеха войны политику... ведущую к усилению центробежных течений в русском обществе», а среди русин Восточной Галиции она усилила проавстрийские настроения⁴⁷ (последнее замечание министр внутренних дел Н. А. Маклаков прокомментировал с удовлетворением: «Значит, мазепинцы открыты»)⁴⁸. Однако выступать с публичной критикой правительства кадетское руководство считало еще недопустимым все в тех же интересах «успеха войны», хотя близкие к театру военных действий киевские кадеты уже сигнализировали не только о неуклюжей национальной политике властей, но и о признаках неблагополучия на фронтах, о массе организационных просчетов и технических недостатков и прежде всего о плохом снабжении армии боеприпасами. Чтобы поделиться этими тревожными данными, в декабре 1914 г. в Петроград были специально командированы Е. Г. Шольц и В. А. Косинский. Но заговорить об этой «страшной правде» вслух П. Н. Милюков и другие лидеры «оборонческой» оппозиции сочли возможным только после летней катастрофы армий в 1915 г.⁴⁹

В январе же ЦК КДП рассмотрел на своем заседании предложения Киевского областного комитета о будущем устройстве Восточной Галиции в составе России. Проблема эта после летнего отступления потеряла актуальность, но состоявшаяся дискуссия представляет интерес как для характеристики политических настроений, так и с государственнo-правовой точки зрения.

Областной комитет представляли три делегата из Киева Д. Н. Григорович-Барский, С. А. Иванов и «г. У.» (по-видимому, В. В. Уляницкий) – «не украинцы и не принадлежат к украинским партийным организациям», – сказал о себе и о своих товарищах С. А. Иванов и пояснил: «Не являясь сами, а посылая своих русских друзей, украинцы надеются, что так скорее будет найден общий язык»⁵⁰. Делегаты сообщили, что Киевский комитет уже образовал комиссию из двадцати человек для выработки проекта статуса Восточной Галиции и украинской части Буковины с русинским населением, предполагая ввести в этих областях строй «подчиненной автономии» – «сеймового управления в тех приблизительно пределах, как при австрийском режиме»⁵¹. [В. В.] У[ляницкий] пояснил, что эти планы рассчитаны «на подготовку будущего... на создание мощного общественного настроения» и предупре-

дил, что в случае их отклонения «отпадение украинских организаций будет для КДП на юге большим ударом». Д. Н. Григорович-Барский, напомнив о правительственной риторике на тему «освобождения народов», заметил, что «в понимании украинцев нет речи о каких-либо новых правах, а лишь о неумалении тех прав, которыми освобожденные народы уже пользовались»⁵².

Но П. Н. Милюков сразу дал понять, что с точки зрения тактики при имевшемся соотношении сил в думе считает отстаивание особого статуса Восточной Галиции делом безнадежным и предпочитает ставить вопрос в более реальной, как ему виделось, плоскости защиты национально-культурной самобытности украинского населения провинции⁵³. Тем не менее идея сохранения за галицйцами прежних гражданских прав нашла сторонников в ЦК КДП. А. И. Шянгарев говорил о том, что принцип освободительной войны может воплощаться «в разных формах, но все же в таких, которые не ведут назад, не отнимают... приобретенных прав... Не стоит делать из Галиции второй Эльзас, который жалел бы о переходе к России»⁵⁴. Он считал, что КДП может выступить с законопроектом о статусе Галиции, хотя бы даже с демонстративной целью и находил, что под покровом защиты местных особенностей можно будет добиться практической цели сохранения и всех других прав, если, конечно, предложения киевлян не будут затрагивать «такие вещи, как свое войско и монета»⁵⁵.

Профессор А. А. Корнилов подчеркивал, что «автономия для того именно и нужна, чтобы служить орудием защиты культурных особенностей народа»⁵⁶, а В. И. Вернадский полагал, что «проекты защиты культурных благ галичан должны быть построены на более широких основаниях и включать в себя план реформ для русской Украины»⁵⁷.

Как всегда страстно выступил Ф. И. Родичев. Правительство, сказал он, «стало уже на путь борьбы со всем украинским и это будет путем раздувания украинского национализма в противовес национализму казенному. Все эти национализмы – несчастье для России, и партия... должна бороться с гидро казенного национализма... Нельзя спускать им этого вандализма... перчатка правительством уже брошена и приходится принять бой... Победой над национализмом спасено будет будущее страны. Иначе мы похороним сами себя»⁵⁸. Полемизируя со сторонниками поглощения и унификации завоеванных земель (Д. Д. Протопопов, например, утверждал, что «Галиция уже вошла в Российское государство и многое из того, что там было, уже безвозвратно потеряно», но для нее возможен экономический выигрыш⁵⁹), Ф. И. Родичев назвал недопусти-

мой подмену автономии земским самоуправлением, даже если «взамен галичане получают первостепенный дар – единство с Россией». «Не будет ли такое единство единством одной цепи, простым присоединением, а не освобождением? – поставил он риторический вопрос. – Надо требовать таких прав, как в Галиции для всей России... Если партия сдаст позицию в отношении Галиции, то она потеряет правовую точку зрения и в отношении русской Украины. Нельзя сходить с выигрышной точки зрения права. Иначе чем оправдать настоящую войну? К черту войну, если она приводит только к порабощению новых территорий. Связанные с войной национальные движения должны быть на самом деле освободительными. И надо помнить, что для внутреннего развития жизни всей России решение украинского вопроса даже важнее, чем польского... Было бы позором, если бы и украинцы вынуждены были апеллировать к Европе»⁶⁰. Угрозы такого рода со стороны украинских деятелей, как было показано выше, имели место.

Однако высказывались и иные мнения. В. А. Маклаков (вскоре он в интервью одному из польских изданий, подобно С. Д. Сазонову, заявил, что украинская интеллигенция вскормлена на немецкие деньги)⁶¹ был против внесения в Государственную думу законопроекта о галицийской автономии, так как считал, что «автономия – лишь переходная стадия к сепаратизму». К тому же, напоминал он, «Восточная Галиция не была самостоятельной, не имела отдельного самоуправления»⁶². Эту мысль развивал далее П. Б. Струве, подчеркивая этническую неоднородность Галиции и социально-политическое доминирование в ней поляков. «Сохранить статус Галиции не придется, – считал он, – т. к.... это значило бы сохранить в ней польское владычество, а между тем самое яркое, что [он] уловил во время недавней поездки туда – это удивительность тем, что “кончилось господство Польши”»⁶³.

П. Н. Милюков не отступил от ранее принятого партией принципа национально-культурного самоопределения в пользу национально-территориального варианта, каким, в его понимании, было бы немедленное признание автономии Восточной Галиции. Он считал, что «партия может обещать... принять бой с националистической политикой господствующего курса, стремящейся задавить и разрушить все местные национальные особенности... Все, что дальше этого – неясно, особенно... должна ли к.д. партия отстаивать сохранение австро-польского режима?» «Лучше оставить пока этот вопрос открытым», – заключил лидер партии, добавив, что пока нет основания ни отвергать подготавливаем-

мый киевской группой проект, ни обещать заранее, что он будет внесен в Государственную думу⁶⁴.

Киевскому комитету КДП и украинским деятелям, с которыми П. Н. Милюков при очередном посещении Киева весной 1915 г. имел продолжительную беседу, такая неопределенность в текущих вопросах и бездеятельность в продвижении намеченных ранее законопроектов об украинской школе и кафедрах украиноведения в южных университетах представлялась неудовлетворительной. На собрании представителей провинциальных групп КДП в Москве 22–23 февраля 1915 г. их делегаты сообщали «о том глубоко пессимистическом настроении, которое овладело многими украинцами и евреями, сомневающимися даже, что победа русского оружия принесет хоть ничтожную долю свободы не только покоренным, но и собственным гражданам-инородцам, и готовыми думать, что победа лишь усилит реакционный курс»⁶⁵. Лидеры КДП в этих условиях должны были признать украинский вопрос острым и не терпящим отлагательств. На конференции КДП, назначенной на июнь, предстояло обсуждение его и других национальных вопросов. Чтобы смягчить недовольство украинских деятелей, П. Н. Милюков предложил принадлежавшим к украинской организации членам партии подготовить специальные выступления⁶⁶, хотя заранее предполагал, что «окончательно сговориться с украинцами вряд ли удастся»⁶⁷. Последние, помимо вопроса о статусе Восточной Галиции настаивали на выполнении кадетами предвоенных договоренностей по культурно-национальным законопроектам. Кадеты же на время войны приняли правило, что партия «по внутренним вопросам молчит».

Конференция КДП состоялась 6–8 июня 1915 г. В центре ее внимания стал вопрос о выработке тактики в условиях военных неудач весны и лета того года и очевидной несостоятельности правительства в вопросах обороны. Все сходились в признании необходимости созыва Государственной думы, чтобы, по словам П. Н. Милюкова, «громко сказать народу правду»⁶⁸. При этом лидеры партии не помышляли о кардинальных изменениях в системе власти, уповая на персональные перемены в кабинете, на образование правительства, «пользующегося доверием населения», «правительства народной обороны». «Отечество в опасности – оно на краю гибели... При таких обстоятельствах, если бы спасителем являлся Марков II (лидер правого, националистического СРН. – И.М.), надо бы и его поддержать», – как всегда темпераментно возвещал Ф. Р. Родичев⁶⁹.

Но образовалась и оппозиция центральному руководству, ядро которой составили представители провинции, и прежде всего делегаты Киевского комитета, предложившие конференции свой проект резолюции. Они подвергли критике линию КДП на безоговорочную, с началом войны, поддержку правительства и предложили поставить в повестку парламентской борьбы требование «ответственного министерства».

«Смуту в умы вносит пресловутое “единение” с правительством, – говорил, выступая в дискуссии, глава Киевского комитета КДП Е. Г. Шольц, – никогда это единение не было ни полно, ни жизненно, как это казалось нашим руководителям в Петербурге... Такая *carte blanche*⁶, какую фракция и Центральный комитет дали в этот трудный момент правительству, им не заслужена – это большая историческая ошибка»⁷⁰. В. А. Косинский, напомнив, что на январской сессии Государственной думы представители КДП умолчали о сообщенном киевлянами факте катастрофической нехватки снарядов для артиллерии и других просчетах в работе тыла, прямо обвинил парламентскую фракцию в сокрытии от общественного мнения надвигавшейся опасности⁷¹. В центре проекта Киевского комитета были требования всеобщей политической амнистии и создания «ответственного министерства». Но он не был поддержан большинством делегатов.

Обсуждение украинского вопроса на конференции КДП состоялось 7 июня. Открывая его, П. Н. Милюков предупредил, что изучением украинских дел занимался Киевский комитет КДП, который и изложит результаты проделанной работы. Но выступление киевских представителей предварил оглашением подготовленного в ЦК проекта резолюции и соответствующим своим комментарием к нему. Он подчеркнул, что ЦК в связи с войной считал несвоевременным рассматривать украинский вопрос во всем объеме и сознательно сосредоточился на положении «в Галицийской части Украины», где русская власть – под влиянием русских националистов и вследствие действий гражданской администрации, сформированной из «отбросов русской бюрократии», – по его словам, «широко шагнула за пределы международного права»⁷².

Н. П. Василенко, выступивший с докладом от Киевского комитета, напротив, настаивал на рассмотрении украинского вопроса во всей полноте. Репрессии против украинских национально-культурных учреждений, сказал он, затронули не только Галицию, но и русскую Ук-

⁶ свобода действий (фр.).

райну. Для этих областей война, называемая освободительной, «выразилась в освобождении от ... украинской культуры».

Характеризуя ситуацию в Галиции, он отверг тезис официальной пропаганды об этой области как об исконно русской земле и подчеркнул, что галицийское украинство выросло на почве сохранения самобытности, выработанной исторической жизнью народа, и создало целую систему учреждений национальной культуры, которая «была сметена, как по мановению жезла, с приходом русских войск». Одновременно преследования начались и в русской Украине, где, по словам докладчика, не осталось ни одной украинской газеты, а «само слово "украинский" снова сделалось нецензурным».

«Главное сейчас победа, — в тон настроениям большинства сказал киевский докладчик, — но лишь при единении народностей. А раз в отношении между народностями вбивается клин, вносятся заподозривания и даже преследования слабейших сильнейшими, то какое же это единение?»

Вместе с тем докладчику, одному из лидеров ТУП, пришлось объясниться по проблеме, как раз дававшей пищу для разговоров о «мазепинстве» украинского движения — о взаимоотношениях с галицийским украинством, активно поддержавшим усилия австрийского правительства в войне против России. С подчеркнутой твердостью он заявил, что «политическая работа в русской Украине шла своим руслом, совершенно различным от того, что делалось в Галиции», и с той же категоричностью сообщил, что российские украинцы отказались от контактов с СООУ по причине своей приверженности в качестве автономистов-федералистов принципу неделимости государственной территории*. Представив таким образом признаки лояльности, своего рода «алиби» украинского движения, Н. П. Василенко предложил конференции внести определенность в позицию КДП, будто бы поколебленную недавними выступлениями по украинскому вопросу членов ЦК П. Б. Струве и В. А. Маклакова⁷⁴. Конференция дружно отмежевалась от индивидуальных взглядов П. Б. Струве как противоречащих программному принципу партии о праве на культурно-национальное самоопределение, после чего он подал заявление о выходе из ЦК⁷⁵.

* По поводу этих заверений М. М. Могиланский возразил по ходу обсуждения: «Не сказал бы категорически, что ... некоторой склонности к более свободной "австрийской ориентации" вовсе нет в русской Украине», добавив, правда, что «никакой государственной опасности эти настроения не представляют, но надо все же считаться с ними, и с причинами, их породившими»⁷⁴.

При обсуждении двух из четырех предложенных Киевским комитетом пунктов резолюции – о необходимости прекращения преследований украинской печати и культурных учреждений, а также обеспечения свободы совести униатского населения – участники дискуссии нашли их совпадающими с содержанием проекта ЦК. Предложение о сохранении за галицийцами всех прав в случае присоединения их края к России было признано преждевременным. Не одобрила конференция и предложение – на нем очень настаивал Н. П. Василенко – чтобы партия «в силу соглашения... заключенного перед выборами в IV Государственную Думу», поддержала право на употребление местного языка в школах, на университетских кафедрах, в местных судах и администрации. П. Н. Милюков заметил, что нет необходимости говорить о сохранении соглашения, если нет данных о нарушении его. Но главное – большинство делегатов так или иначе считало время войны неподходящим для постановки украинского вопроса в полном объеме⁷⁶. Эту точку зрения принял и другой киевский делегат Е. Г. Шольп⁷⁷.

Попытка В. П. Обнинского солидаризироваться с автономистско-федералистской концепцией, о которой напомнил Н. П. Василенко, и поставить на очередь вопрос об украинской автономии также не встретила поддержки конференции⁷⁸.

М. М. Могилянский, подчеркнув свое украинское происхождение, заявил, что по украинскому вопросу в данное время может повторить то, что высказал уже при обсуждении еврейского вопроса: «Если на очереди стоит защита и спасение родины, тогда все перед этой задачей второстепенно... Сцепить зубы и продолжать свое участие в национальной обороне!»⁷⁹

В конечном счете конференция с согласия киевских делегатов утвердила резолюцию с осуждением закрытия украинских культурных учреждений и преследований униатства, возложив ответственность за них на гражданскую администрацию Галиции и правые российские партии. Осуждению подверглось и закрытие органов украинской печати в России, гонения на украинский театр, административная высылка М. С. Грушевского⁸⁰.

В целом кадеты соблюдали осторожность, не слишком афишируя даже санкционированную конференцией критику украинской политики правительства, чтобы не подорвать, как они опасались, престиж и

боевой дух армии^{*}. Из тех же соображений они находили для себя невозможным участвовать в демонстративных парламентских акциях левых – принципиальных противников войны. Среди допустимых мер они рассматривали лишь требование о восстановлении украинской печати и о пересмотре дел арестованных и сосланных галицийцев.

В связи с открытием очередной сессии Государственной думы местные комитеты КДП обсудили вопрос о действиях ее парламентской фракции. При этом Одесский комитет, не подвергая сомнению правильность лозунга «организации победы», выразил более радикальные взгляды, чем утвержденная на конференции линия партии. Одесские кадеты признали недостаточной «смену лиц» в правительстве «при полном сохранении старой системы административного произвола и гнета» и считали, что «необходимо всеми доступными партии средствами добиваться образования нового министерства в составе представителей всех парламентских партий... то есть образования "*коалиционного министерства*"». Они настаивали на выдвигании требований «полной политической амнистии, которая дала бы возможность всем лучшим общественным силам примкнуть к работе на пользу родины», на немедленной «отмене всякого рода ограничений, циркуляров и распоряжений, которые в практике местной администрации опутали население густой сетью произвола», на «осуществлении широкой свободы печати» и постановке вопроса о местном самоуправлении «на широких демократических началах». Из национальной проблематики требовалось незамедлительное «снятие черты оседлости»⁸².

Постановление Киевского областного комитета о деятельности думской фракции КДП, принятое 7 августа 1915 г., отличалось большей умеренностью. В нем, в частности, говорилось, что критика «ошибок и злоупотреблений управления» не должна «развивать сил, необходимых для внешней обороны». Большинство членов Киевского комитета находило, что при всей правильности принципа «ответственного министерства» в реальных условиях оно «могло бы состояться из представителей правых групп Государственной думы» и «имело бы заведомо декларативный характер»⁸³. Киевский, как и Одесский, комитет в этом своем постановлении не обозначил специально украинского вопроса.

^{*} Архиепископ красноярский Никон (Н. И. Рождественский), давний поборник украинской школы, сумел по-своему преодолеть это противоречие. В июне 1915 г. он опубликовал в газете «Биржевые ведомости» открытое письмо под названием «Орлы и вороны», обозначив таким образом и противопоставив друг другу армию и русских политиков-националистов. «Налетели на закордонную Украину за славными русскими героями орлами русские вороны и давай все там повороньему устраивать... нет, вороны... Украина и закордонная, и русская нуждается в своей школе, в своих учреждениях... Не летайте за орлами и не мешайте им. Они слава России, в вы ее позор»⁸¹. В Киеве с разрешения цензуры письмо было издано отдельной брошюрой.

П. Н. Милюков на открытии 19 июля 1915 г. сессии Государственной думы при обсуждении декларации главы правительства также не поставил даже минимальных, признанных в КДП допустимыми, украинских требований о восстановлении украинской печати и пересмотре дел ссыльных галицийцев.

В связи с этим С. В. Петлюра от имени редакции «Украинской жизни» 22 июля направил ему письмо с упреком в том, что лидер кадетов «уклонился от лежавшей на нем обязанности» поставить при открытии сессии вопрос «о положении украинского слова». «Видимо сырые в национальном отношении русские, хотя бы теоретически они и отстаивали права угнетенных народностей, в трудную для этих народностей минуту не хотят им помочь», — с укоризной заключал автор свое письмо⁸⁴.

Но дело было сложнее. К тому времени общая политическая ситуация в стране изменилась под влиянием отступления русской армии, наглядно выявившего неспособность правительства обеспечить успех военных действий, наладить снабжение армии вооружением и боеприпасами, организовать всю многообразную тыловую инфраструктуру. В обществе появилось убеждение о наличии измены в высших эшелонах власти. Упал дух армии и населения прифронтовой полосы, опасавшегося вражеской оккупации. Так, в августе 1915 г. В. М. Пуришкевичу сообщали, что «в Екатеринославском уезде, в имении немца Петерса крестьяне обращаются в бегство от побоев Петерса, угроз приходом германцев и уничтожением крестьян... Запугивают крестьян, что против германцев борьба бесполезна, и все равно земли все будут немецкие, а крестьяне перебиты на удобрение»⁸⁵.

В законопослушных политических кругах кроме либералов в оппозицию к правительству стали центр и умеренные правые. Все они считали необходимым повышение роли Государственной думы, создание правительства «народного доверия» или даже, как хотели деятели Партии прогрессистов и некоторые кадеты, «ответственного министерства», участия общественных организаций в снабжении армии и т. д. С такой программой в думе образовался Прогрессивный блок при участии кадетов, октябристов, прогрессистов и отделившейся от фракции русских националистов группы «прогрессивных националистов» во главе с В. А. Бобринским. В последней преобладали депутаты из Малороссии (В. В. Шульгин, А. И. Савенко, В. Я. Демченко и др.). Правые остро реагировали на образование группы «прогрессивных националистов». Щепетильный в вопросах этики академик А. И. Соболевский с возмущением писал 28 августа 1915 г. киевско-

му профессору Ю. А. Кулаковскому, члену Русского собрания: «Изумительно много измены и готовности предать Россию кому угодно, совсем как в 1611–1612 гг. Кроме старых изменников... выскакивают новые. Во главе их ваш киевский Савенко. Этот прохвост мне никогда не внушал доверия, но я все-таки не ожидал от него такого прыжка, какой он сделал от украинофобства к украинству... Как смотрят теперь на Савенко киевские националисты? Следовало бы попросить его сложить с себя звание члена Государственной думы... А сверх того исключить из клуба националистов»⁸⁶.

В 1920-е годы В. В. Шульгин объяснял, что «весь смысл Прогрессивного блока был предупредить революцию и тем дать власти возможность довести войну до конца»⁸⁷.

Но с точки зрения правых блокировка с либералами, потворствовавшими украинству, была равнозначна пособничеству враждебным России силам. Активность и влияние правых в годы войны проявлялись значительно слабее, чем в революционный и послереволюционный период. Некоторые из них сами свернули деятельность во имя общенациональных интересов. В. М. Пуришкевич, например, приостановил свое участие в союзе Михайла Архангела и занялся организацией санитарных поездов на фронте. К тому же продолжалось дробление организаций, нередко враждовавших между собой. Правительство

⁸⁶ В. В. Шульгин прожил жизнь длиной в 98 лет, вместившую до революции бурную политическую деятельность под знаком монархизма, в революцию – принятие от имени Государственной думы царского отречения от престола, борьбу в рядах белого движения, эмиграцию, после второй мировой войны – заключение во владимирской тюрьме и литературный труд после освобождения. На склоне лет он признал: «Февральская революция имела своей главной причиной утомление от войны... как теперь понимаю, продолжать войну было безумием»⁸⁶.

Впрочем разрушительное действие войны на внутренний уклад России уже по ходу событий отмечалось многими. «Кто близко видел фронт и настроение войск, задолго до проповеди Ленина и Троцкого предсказывали основное следствие всего опыта войны: солдаты оставят фронт», – писал Н. М. Могилянский⁸⁸. На антивоенные настроения в «низах» обращали внимание и многие деятели Прогрессивного блока. В частности, Ф. И. Родичев в начале февраля 1916 г. утверждал, что в случае роспуска Государственной думы «новые выборы дадут сторонников мира во что бы то ни стало. Страна трещит»⁸⁹. На совещании лидеров блока 20 октября 1916 г. октябрист Д. П. Калинин, выступая противником сепаратного мира, вместе с тем констатировал, что «в деревне будут рады миру, даже не разбирая, какой»⁹¹.

Однако официальной линией КДП и Прогрессивного блока остался лозунг «война до победного конца». Более того, душа и лидер партии и блока П. Н. Милюков вопреки реальному положению долго еще видел в войне якобы интегрирующий общество фактор. «Кто его знает, – говорил он В. Д. Набокову в бытность свою министром иностранных дел Временного правительства, – может быть, еще благодаря войне все у нас еще как-то держится, а без войны скорее бы все рассыпалось»⁹².

же со своей стороны ограничило материальную поддержку ранее покровительствуемых организаций и ради «общенационального спокойствия» стало сдерживать их радикальные акции. Так, на Волыни в 1914 г. властям пришлось столкнуться с неповиновением сельских подотделов СРН, возглавивших крестьянские стачки и попытки захвата помещичьих земель⁹³. Тем не менее осенью 1915 г. правые, стремясь к консолидации, провели несколько совещаний. На одном из них – в Нижнем Новгороде 26–28 ноября 1915 г. была принята резолюция, в первом пункте которой предлагалось «просить министра юстиции... возбудить против лиц, входящих в состав прогрессивного блока, уголовное обвинение, так как “блок” является орудием международного заговора против России и... лица, входящие в состав блока... не оказывались даже перед сношениями с украинскими, руководимыми враждебной нам державой, организациями, задумали изменить существующий в России государственный строй». В следующем пункте конкретизировалась позиция по украинскому вопросу: «Признать украинифильство (“мазепинцы”) явлением крайне опасным, имеющим в виду расчленив Русь, чтобы воссоздать “украинскую” народность, и не допускать существования украинской литературы, украинских книжных магазинов (“книгарен”), комитетов помощи беженцам-украинцам и каких бы то ни было учреждений, поддерживающих и развивающих это пагубное движение»⁹⁴.

В такой обстановке блокировка КДП с партиями правее себя давала повод кадетским лидерам быть еще более сдержанными в национальных вопросах, тем более, что ожидаемая смена кабинета и так могла бы, по их расчетам, положительно повлиять на правительственный курс.

М. С. Грушевский смотрел на это иначе. В письме от 26 августа 1915 г. он укорял П. Н. Милюкова за то, что «в повестку думы не включено каких-либо положительных мер к разрешению украинского вопроса», назвав среди самых, по его мнению, безотлагательных введений преподавания на украинском языке в народной школе (заметьте, для края, ввергнутого своей близостью к фронту и начавшимся отступлением войск в пучину хозяйственных и бытовых катаклизмов). «И тем больнее и страшнее видеть, что Ваши сторонники справа, по-видимому, все еще ничему не научились в национальном вопросе... Теперь, когда австро-германские войска продвигаются в глубину украинской территории, неужели эти “умеренные” захотят ждать того момента, когда эти уступки потеряют всякий смысл и... примут вид

запоздалого благоразумия? – писал М. С. Грушевский, тонко намекая на вряд ли реальную опасность формирования в крае массовых симпатий к противникам России. – Момент таков, что именно теперь всякая уступка, всякий шаг к разрешению национальных и классовых проблем важнее победы на поле битвы, и такой характер имел бы закон об украинской школе: немедленное его проведение, искреннее, свободное от увертки и лазеек назад... было бы огромною победою российской государственности, как отказ от нее был бы ее поражением»⁹⁶.

В те же дни группа деятелей в составе депутата Государственной думы от Киева С. А. Иванова, писательницы и педагога С. Ф. Русовой, украинского журналиста Ф. П. Матушевского в связи с объявленной реформой народного образования вручила министру народного просвещения П. Н. Игнатьеву докладную записку о проведении ее в малороссийских губерниях с учетом национальных особенностей края, практически – об украинской школе с русским языком в качестве одного из предметов⁹⁶. Затем эта группа вместе с С. В. Петлюрой провела ряд встреч с лидерами левых и либеральных фракций⁹⁷.

Но либералы были заняты другим. 26 августа представители Прогрессивного блока на заседании Государственной думы изложили программу блока. На следующий день она была обсуждена со специально делегированными для этого министрами, которые, однако, заявили, что главное требование образованного под эгидой блока парламентского большинства – «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны», – выходит за пределы компетенции кабинета. Ответом же компетентного в поставленных вопросах самодержца было внезапное закрытие 3 сентября парламентской сессии⁹⁸.

В условиях очевидного игнорирования верховной властью скромного вызова парламентского большинства кадеты и далее определяли свои задачи, как говорилось в резолюции их очередного съезда в феврале 1916 г., «совокупностью требований Прогрессивного блока»⁹⁹.

Киевская организация КДП, сделавшаяся накануне и во время войны одним из самых активных провинциальных отделений партии, на своем областном съезде 20–21 октября 1915 г. признала «целесообразным... вызванным условиями переживаемого момента» образование Прогрессивного блока. Вместе с тем кадеты киевской организации хотели предупредить правый поворот партии. В принятой на их съезде резолюции отмечалась необходимость наряду с парламентской деятельностью в рамках блока организации более широкой работы во внепарламентских учреждениях и высказывалось пожелание, чтобы

блокировка с группами правее себя не «связывала отношений партии к левым группам, стоящим вне блока». В резолюции подчеркивалась задача КДП по скорейшей конкретизации требований блока и особо выделялась «необходимость выяснить в широких кругах характер деятельности правительства в отношении национальностей, населяющих Россию»¹⁰⁰.

Делегаты Киевского областного комитета были очень активны и критичны на съезде партии. Находясь в непосредственной близости к эпицентру военных событий, они лучше, чем в столицах, видели все выявленные экстремальными военными условиями дефекты государственного администрирования и полагали, что только решительный нажим на власть может служить исправлению положения. С этой точки зрения им представлялась неудовлетворительной линия кадетского руководства. Киевские деятели упрекали П. Н. Милюкова в замалчивании обнаружившихся уже к началу 1915 г. пороков государственной машины, настаивали на активном участии партии в земском, городском союзах и других непартийных организациях¹⁰¹. Они дистанцировались от безоговорочной поддержки официальной идеологии войны и поставили вопрос о ее разрушительных для страны экономических, социальных, нравственно-психологических последствиях. В. А. Косинский и Н. П. Василенко с тревогой говорили о «непосильных для некоторых слоев населения военных тяготах», о всеобщем «равнодушии и разрухе», об ущербе военному делу, наносимом тыловым хаосом, о том, что посевные площади в Малороссии – этом плодороднейшем крае – «угрожающе уменьшились», что не осталось излишков хлеба, а сельскохозяйственное производство и крупное, и особенно мелкое, крестьянское страдает от недостатка рабочих рук, отчего и некоторые сбережения, образовавшиеся в крестьянских семьях в связи с поставками для армии, не идут на улучшение хозяйства, а оседают пустыми бумажками в сберегательных кассах. «Дезорганизация деревенского тыла угрожает в будущем неприятными сюрпризами»^{*}, – предупреждал знаток аграрной проблематики профессор В. А. Косинский¹⁰⁶. Оба оратора говорили еще о тяжелых последствиях нерациональной системы окопных работ, о трагедии беженства, о немотивированной и бессистемной

* Характерно, что правые также были обеспокоены экономическим и социальным неблагополучием деревни и в переписке военных лет раз за разом подчеркивали необходимость исправления положения. «Крестьяне безропотно, по зову царя послали своих сыновей на смертный бой с врагом, – патетическим слогом писал глава харьковского отдела СРН Е. Е. Котов-Кюношенков. – Пусть же те герои из крестьянства, которых господь оставит в живых... увидят, что

эвакуации. В. В. Уляницкий обратил внимание на парализующее действие дезорганизации транспорта. «Так к победе не идут, так можно только погубить страну», – подытожил все очевидные признаки неблагополучия Н. П. Василенко¹⁰⁷.

И уж полным контрастом к привычной бодряческой риторике о «войне до победного конца» прозвучало, как момент истины, выступление делегата из Лубен Полтавской губернии инженера Д. М. Дьяченко. «Необходимо, наконец, сказать и о тех сомнениях, которые обуревают бульшую часть населения и некоторые интеллигентные круги, – начал он свою речь. – Необходим покой и надо залечить раны, а мы выносим решение: война до конца! Хватит ли сил? Не будет ли хуже, если вопреки реальному соотношению сил... мы все же будем твердить одно: война до конца! В лозунге «война до конца во что бы то ни стало» армия и народ почувствуют ложь и соответствующим образом отнесутся к носителям этого лозунга. Может быть, настало время открыто и честно сказать: «война неудачна, будем думать о мире и о том, как защитить наше государственное здание от развала!» ...Прав-

родина... исполнила их заветное желание, пусть она приготовит им, их отцам и братьям не ответственное министерство, не еврейское равноправие, а прежде всего материальное положение, которое было бы не хуже того, коим пользуются в России немцы-колонисты»¹⁰².

Указывались и конкретные варианты вознаграждения. «Народ тяготет к земле, а не к ограничению власти Государя, – писал А. С. Вязигин Н. Е. Маркову. – Удовлетворение этой тяги царем должно быть первым очередным делом, ибо искалеченные, потерявшие трудоспособность люди должны быть обеспечены не 2 руб. 50 коп. годовой пенсией, а по старинке – раздачей исотчужденной земли...»¹⁰³ «Союзник» из Херсонской губернии А. А. Бонковский предлагал за участие крестьян «в громадном числе на войне... увеличить им ссуду Крестьянским земельным банком на покупку земель, ибо выдаваемая ссуда наполовину меньше минимальной стоимости приобретаемой земли»¹⁰⁴.

Еще один правый деятель основатель Отечественного патриотического союза В. Г. Орлов, хорошо осведомленный о настроениях в глубинке благодаря постоянным разъездам в качестве ревизора движения железных дорог, в своем докладе министру внутренних дел за 1916 г. предупреждал косное и неповоротливое правительство, что достигнутое пока относительное единение «не должно быть признано залогом будущего внутреннего спокойствия» и предсказывал как следствие войны обострение всех внутренних конфликтов. «По сведениям, имеющимся в моем распоряжении, – писал он, – легкое брожение в деревне уже началось с возвращением солдатчины на поправку из госпиталей. Крестьянству в ярких красках солдаты рисуют экономическую жизнь немецких народов и восхваляют немецких государей и правительства за их заботы о народе. В деревне много ходит разговоров о государственном для немецких крестьян кредите на всякую сумму, а наш мелкий кредит и условия Крестьянского банка начали называть безбожными, под влиянием рассказов солдат о немецком землеустройстве... Многие из крестьян не стесняются с искренностью выражать пожелания, чтобы в русских землях скорее водворился немецкий порядок, чтобы и русский народ мог бы так же жить, как живет немецкий»¹⁰⁵.

да, вначале был подъем, но уже нет: его сменила усталость и апатия, мечты о скорейшем окончании войны... 95 процентов раненых в лазаретах первый вопрос задают: что нового о мире? Это самое горячее и затаенное желание их. Напрасно говорить, что война что-то дала крестьянству. Крестьянский мир разрушается... Надо стремиться к устранению бедствий войны, надо ее скорее и умненько локализовать»¹⁰⁸.

О необходимости «установить границу между действительными потребностями государства и интересами народностей, с одной стороны, и империализмом, с другой» говорил Н. П. Василенко¹⁰⁹, под империализмом имея в виду такие горячо пропагандировавшиеся кадетскими лидерами цели войны, как овладение Константинополем и черноморскими проливами.

На съезде не предусматривалось изменения партийной программы и какого-либо вычленения национальной проблематики из общедемократического комплекса. В резолюции предлагалось только «неустанно отстаивать интересы демократии и равноправия наций»¹¹⁰. Реально этому соответствовала принятая в рамках Прогрессивного блока скромная формула «вступления на путь отмены ограничения в правах евреев».

Представители Киевского комитета, озабоченные теми масштабными угрозами благополучию края, которые принесла война, не стали требовать немедленной реализации известных предвоенных договоренностей между кадетскими и украинскими лидерами по частным культурно-национальным вопросам. Вместе с тем Н. П. Василенко и Г. Б. Быховский подчеркивали на съезде факт обострения всех национальных проблем. Последний призывал руководство партии побуждать блок серьезнее относиться к вопросу о правах национальностей и, в частности, настаивать на рациональной политике обеспечения национальных прав во вновь завоеванных областях¹¹¹.

В целом киевские делегаты требовали от руководства «более резкой тактики», в том числе поддержки лозунга «ответственного министерства», что с точки зрения правых (об этом в конце 1915 г. писал председатель харьковского отдела СРН Е. Е. Котов-Коношенков) «находилось в полном противоречии с основными законами и присягой, которую давал каждый русский гражданин на верность царю самодержавному»¹¹². П. Н. Милюков также усматривал в требовании «ответственного министерства» путь к конституционному перевороту с введением парламентского строя, неуместному, по его мнению, во время войны.

Он противопоставлял этому лозунг «правительства доверия» как более приемлемый для всех фракций¹¹³. «Стремясь к ответственности

министра перед большинством Государственной думы, мы стремились бы вовсе не к изменению действующих Основных законов – нашей конституции, – возражал на это В. А. Косицкий. – Блок признан в стране рациональной мерой. Киевляне постановили даже, что ближайшей задачей момента является проведение программы блока и при известной настойчивости блока правительство должно будет рано или поздно пойти на большие уступки блоку хотя бы в том же направлении реорганизации власти»¹¹⁴. Именно в излишней осторожности лидеров видели киевляне причину сокращения влияния КДП. «Прогрессисты» приняли этот лозунг (ответственного министерства. – И. М.), т. е. лучше нас уловили известный рост настроений в обществе и стараются не идти вразрез настроениям», – заметил Н. П. Василенко¹¹⁵. «Ошибка думать, что власть поднесут. Борьба за власть – право каждой партии. У нас есть большинство в парламенте, которое могло бы определенно заявить, что оно готово взять власть в свои руки, – рассуждал Я. К. Имшенецкий, имея в виду большинство, образованное в рамках Прогрессивного блока, – а наши лидеры иногда говорили речи, из которых следовало как будто, что они этого боятся»¹¹⁶. Д. Н. Григорович-Барский со своей стороны находил неубедительными ссылки П. Н. Милюкова на правых партнеров по блоку для оправдания умеренной оппозиционности партии. Напротив, личные контакты с В. В. Шульгиным, А. И. Савенко, В. Я. Демченко убедили оратора в заинтересованности «прогрессивных националистов» в укреплении блока. А. И. Савенко прямо говорил при этом, что «пора поставить ответственное министерство»¹¹⁷. Вместе с тем Д. Н. Григорович-Барский обвинил руководство партии в том, что его тактика «сглаживания углов» привела к отторжению от КДП левых сил. «Мы тоже сталкиваемся с демократами, – говорил он, полемизируя с уничижительными отзывами Ф. И. Родичева о лидерах социал-демократии, – но признаться, не они ходят к нам, а мы к ним. И наше поведение встречает у них неодобрение. Украинцы и евреи начинают отходить от нас, ищут трудящихся и социал-демократов, а к нам идут неохотно и это тревожный признак»¹¹⁸.

Энергичная позиция делегатов Киевского комитета привела к избранию Н. П. Василенко, Д. Н. Григоровича-Барского, Я. К. Имшенецкого, Ф. Р. Штейнгеля и Г. Б. Выховского в состав нового ЦК¹¹⁹. Но это не оказало решающего влияния на дальнейшую тактику и лозунги КДП.

В отличие от кадетов левые группировки даже оборонческой ориентации придерживались тактики протестных демонстраций, для которых национальная политика правительства давала обильную пищу.

А. Ф. Керенский от имени Трудовой группы уже на известном заседании Государственной думы 26 июля 1914 г. поставил в вину властям, что они «даже в этот трудный час... не желают положить конец внутренним разногласиям ... не хотят пойти навстречу нерусским меньшинствам, которые, забыв о прошлых обидах, сражаются бок о бок с нами за Россию»¹²⁰.

Народные социалисты посвятили военной тематике весь публицистический отдел сентябрьского номера журнала «Русское богатство» за 1914 г., указывая на ошибочность представления, будто обстановка войны сама по себе может снять или нивелировать назревшие внутренние проблемы и противоречия. В. А. Мякотин на страницах этого номера полемизировал с теми либералами, которые принимали за чистую монету официальный лозунг освобождения славянских народов от ига «германизма», и утверждал, что значительно важнее найти более справедливое решение национального вопроса в самой России¹²¹. Управление по печати признало такую публицистику слишком радикальной, и выпуск журнала был приостановлен на все время военного положения.

В годы войны партии и группы народнического происхождения (эсеры, трудовики, энесы) активизировали действия по объединению своих сил. В течение 1915 г. они провели с этой целью несколько совместных совещаний в столицах и в провинции, на которых среди прочего вырабатывали общую позицию по актуальным политическим проблемам¹²².

В резолюции, принятой одним из таких совещаний в июле 1915 г., говорилось, что «резко осуждая политику разжигания националистических страстей и преследования отдельных народностей... совещание находит, что немедленное уравнивание перед законом всех граждан без различия национальности и вероисповедания делается совершенно необходимым... Депутаты, разделяющие мнения настоящего совещания, должны... выдвигая требование гражданского равноправия, уделить особое внимание беспремерному надругательству над интересами евреев и украинцев»¹²³.

В августе 1915 г. социал-демократы и трудовики успели внести парламентский запрос о преследованиях украинской печати и предложили думе сделать соответствующие обращения в военное ведомство и министерство внутренних дел. При этом лидер трудовиков В. И. Дзюбинский к огромному удовлетворению украинских деятелей сказал: «Враг стоит на пороге многострадальной русской Украины. Украинцы, принесшие столько жертв во время войны, заслуживают, чтобы к

их насущным вопросам и нуждам правительство и общество отнеслись, наконец, без заподозривания, без предубеждения, с полным доверием. Пора прекратить тяжелую борьбу с украинской народностью»¹²⁴.

Досрочное закрытие сессии помешало дальнейшему рассмотрению запроса.

Левые депутаты и в последующем произносили горячие обличительные речи, указывая на несоответствие провозглашенных правительством и поддержанных большинством партий освободительных целей реалиям войны. Об этом, в частности, говорил Н. С. Чхеидзе во время парламентской сессии, открывшейся 1 ноября 1916 г., когда фракция Прогрессивного блока решила добиться смены правительства, как условия успешного завершения войны.

Лидер социал-демократической фракции выступил с принципиально антивоенной речью, заявив под шкандальными правами, что требует «ликвидации этой ужасной войны». В отличие от большевиков он не искал революционного выхода из войны. «Те противоречия, которые к ней привели, исключают всякое представление об освободительном или исторически прогрессивном ее характере, — констатировал оратор, почерпнув значительную часть антивоенных аргументов из анализа состояния национальных проблем. — Ведь вы, господа, уверяли и сейчас уверяете, что основная идея этой войны — это ее освободительный характер. Но вы отлично, господа, знаете, к чему это освобождение привело... Какое же освобождение вы принесли, господа, Галиции, когда вы были победителями? И есть ли у нас гарантия, господа, что то же самое не повторится сейчас, если обстоятельства опять изменятся? А к чему свелось, господа, освобождение Армении? Территория турецких армян — территория «Ефратского казачества»... Старейшая часть Грузии Аджария, с населением из грузин-мусульман, совершенно разорена... Это лежит на совести правительства и на вашей совести, господа... А что сказать, господа, об Украине, об украинском вопросе, о положении Малороссии... Вся украинская пресса проявила величайшую лояльность и высший патристический порыв в начале войны и... тем не менее вся она была упразднена одним росчерком пера... в России закрыты все просветительные украинские учреждения, даже те, которые существовали при Столыпине... А в Финляндии, господа, что принесли жертвы за два с половиной года? Фактическое упразднение финляндского сейма... Ну, а Польша, а поляки. Ведь сегодня польский вопрос вновь стал центром общественного внимания»¹²⁵.

Говоря об актуализации польского вопроса, Н. С. Чхеидзе имел в виду, что за несколько дней до этого, 5 ноября (по новому стилю) правительства Германии и Австро-Венгрии выступили с совместной декларацией об образовании из отторгнутых у России польских губерний номинального Королевства Польского, опередив тем самым разрабатывавшиеся в России осторожные проекты польской автономии.

Вместе с другими общественными силами в 1915–1916 гг. оживилась и масонская организация. В ложах ВВНР оказалось немало лиц – кадетов и прогрессистов, – недовольных более чем осторожной тактикой Прогрессивного блока. Они стремились пополнить свои ряды адептами из трудовиков, эсеров и социал-демократов, чтобы установить более тесное сотрудничество с левыми фракциями и радикализировать оппозицию. «В Москве и Петрограде встречи деятелей с.д. и с.р. партий с представителями левых к.д. и прогрессистов стали за последние перед революцией годы постоянным правилом, – писал в своих показаниях Н. В. Некрасов, арестованный ЧК в 1921 г. – Здесь основным лозунгом была республика, а важнейшим практическим лозунгом – не повторять ошибок 1905 года»¹²⁶.

Во время войны в масонской среде появилась заговорщическая тенденция. Осенью 1915 г. с идеей покушения на царя являлся С. Д. Мстиславский, но не получил поддержки «братьев»¹²⁷. Большую склонность проявил Н. В. Некрасов. А. Ф. Керенский, как свидетельствовал Н. С. Чхеидзе, по прямому поручению Верховного совета ВВНР совершал агитационные поездки в провинцию для подготовки общественного мнения к такому развитию событий. Велся даже сбор денег на нужды переворота. Аналогичные свидетельства, приводимые О. О. Крыжановской, оставили киевские масоны А. В. Никовский и профессор Д. Е. Белинг. Последний – участник конвента 1916 г. – утверждал, что именно на нем было принято решение о финансовой поддержке акции по смене власти. Вместе с тем есть данные о возражениях украинских масонов против участия лож в подготовке переворота¹²⁸.

С масонскими влияниями связывают также заговорщическую деятельность А. И. Гучкова, осенью 1916 г. планировавшего предотвратить революцию путем дворцового переворота – замены на престоле Николая II его малолетним наследником и великим князем Михаилом Александровичем в качестве регента. О принадлежности к масонству А. И. Гучкова нет единого мнения. Но ближайшими его соратниками по заговору являлись Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко¹²⁹. Однако и парламентская деятельность оставалась в центре масонских интересов.

сонских интересов. В этом смысле ВВНР, пополненный адептами из левых партий, мог сделаться своего рода противовесом правоцентристскому Прогрессивному блоку. Правда, по некоторым данным, практическая деятельность масонской организации тормозилась внутренними разногласиями. В частности, Н. С. Чхеидзе подчеркивал, что это были расхождения, разъединявшие их и вне лож, — по вопросам о земле, об отношении к рабочему движению, к революции и пр.¹³⁰ Французские масонские эмиссары Б. Сеншоль и Г. Булэ утверждали, что кризис постиг организацию из-за ожесточенных споров об отношении к войне, так как одобрение войны противоречило масонскому интернационализму и идее братства народов. На этой почве будто бы распалось 12 из 40 лож¹³¹. Однако в большинстве источников находим свидетельства о преобладании в среде российских масонов патриотических, «оборонческих» настроений и о неединичных фактах учреждения новых лож. Так, Е. П. Гегечкори рассказал Б. И. Николаевскому, что во время войны С. Д. Урусов создал в Кутаиси Кавказскую ложу, в которой большинство составляли грузинские социал-демократы¹³². По данным Г. Я. Аронсона, в начале войны А. М. Колюбакин принял в ложу Витебска несколько левых кадетов и прогрессистов, а в 1916 г. А. Ф. Керенский пополнял ее левыми бундовцами и эсерами¹³³. А. Я. Гальперн свидетельствовал об учреждении новых лож в Петрограде, принявших в свои ряды Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, а также Е. Д. Кускову и С. Н. Прокоповича¹³⁴. Об активности политического масонства в военное время говорит и то обстоятельство, что историк и публицист С. П. Мельгунов, бывший народный социалист, занявшийся в эмиграции изучением его (масонства) роли в крушении императорской России, вообще датировал возрождение масонской организации 1915 годом, ссылаясь на полученное им тогда предложение вступить в нее. Среди ставших известными ему адептов он назвал В. П. Обнинского, Н. Н. Баженова, С. А. Балавинского, Н. В. Некрасова, М. И. Терещенко, А. И. Коновалова, А. Ф. Керенского. С. П. Мельгунов писал о «чисто политической» цели и левом характере организации и предполагал, что «инициатива, по-видимому, исходила из Киева»¹³⁵. О большой активности масонской организации в малороссийских губерниях писали и Н. В. Некрасов¹³⁶, и А. Я. Гальперн. Последний отмечал, правда, что в некоторых ложах там нашло место «пораженчество». «Исключением в вопросе об отношении к войне, если не считать Чхеидзе, была позиция части украинских лож, главным образом, киевских, руководителем которых был Грушевский, — рассказывал он в 1928 г. Б. И. Ни-

колаевскому. – Помню, что оттуда приезжал Григорович-Барский, который жаловался на пораженческую пропаганду в некоторых ложах. Почва для такой пропаганды там имелась, ибо на Украине скептицизм по отношению к задачам войны был вообще значительно более развит, чем в Петербурге и других городах Великороссии. Верховный совет тогда откомандировал в Киев Некрасова, и он там вел переговоры с Грушевским и его сторонниками»¹³⁷. А. Я. Гальперн неточен только, называя среди собеседников Н. В. Некрасова М. С. Грушевского, который с ноября 1914 г. был в Киеве под арестом, а затем – в ссылке. Впрочем, названные разногласия не помешали организационным успехам малороссийского масонства, что позволило в Киеве образовать местный совет масонских лож, до того допущенный только в Петрограде. На последнем конвенте в 1916 г. присутствовало семь представителей Киева (по числу лож), а также представители Харькова, Одессы, Полтавы или Кременчуга¹³⁸.

Во время войны активизировались национальные движения, особенно те, чьи территории были затронуты военными действиями. Через свою эмиграцию в Европе они стремились к интернационализации выдвигаемых требований и включению их в систему послевоенного международного урегулирования. Западные страны со своей стороны охотно играли на поле национальных отношений России. Высоко подняв лозунг «защиты прав малых народов», их политики и пропагандисты целились в Австро-Венгрию и Османскую Турцию, но не прочь были по ходу войны в соответствии с собственными интересами скорректировать ситуацию и в союзной России, тем более, что думские центристы рассчитывали именно при поддержке союзников добиться либерализации внутренней жизни, а национальные элиты народов России охотно принимали западную риторику на свой счет.

В Париже для рассмотрения «требований национальностей» еще в 1912 г. была образована международная общественная организация Союз национальностей, которая под председательством известного французского политика П. Пенлеве тогда же провела конференцию национальностей с участием делегаций латышей и литовцев и с оглашением письменных заявлений от имени украинских и финских национальных кругов. Во время войны эта организация переместилась в Швейцарию. В июне 1916 г. она провела в Лозанне свой третий съезд с участием представителей национальных меньшинств России. Правда, принятая съездом декларация прав национальностей отличалась умеренностью. Председательствовавший делегат Швейцарии Отлет предупреждал против

Но одновременно нейтральная Швейцария, где сосредоточилась революционная и национальная эмиграция из России, стала сферой повышенной активности германской дипломатии. Посол Г. Ромберг негласно поощрял различные бюро и комитеты, объединявшие эмигрантов по национальному признаку и финансировал их издания. Весной 1916 г. ему удалось инспирировать образование номинально самостоятельной и нейтральной Лиги нерусских народов России. Среди инициаторов Лиги выделялись прибалтийский немец барон Ропп, литовский журналист И. Габрис, эстонский революционер А. Кескюла (использовавший свои широкие контакты, нередко выступая связующим лицом между эмигрантскими кругами и соответствующими германскими и скандинавскими структурами), В. Степанковский и Д. И. Донцов, были также грузинские эмигранты и представители мусульман России. Официальным президентом Лиги стал лидер Польского кола в Государственной думе М. Лемпицкий, оставшийся в Варшаве после оккупации ее немцами.

Первой акцией Лиги нерусских народов стало открытое письмо американскому президенту В. Вильсону от 7 мая 1916 г. с жалобами на преследования и притеснения («придите нам на помощь, спасите нас от разрушения»), опубликованное в Лозанне и Стокгольме¹⁴⁰. Значительно позже и в других обстоятельствах В. Вильсон представил свое видение решения национальных вопросов на затронутых войной землях. Но данное обращение осталось незамеченным американским президентом, возможно и потому, что за ним опосредованно просматривался интерес Германии склонить США на свою сторону.

Примерно в то же время, в мае 1916 г., П. Н. Милюков в составе русской парламентской делегации, посетившей союзные европейские столицы, обсуждал с западными политиками национальные аспекты послевоенного устройства: польский, югославянские, румынский и т. д. Кроме того, он старался заручиться одобрением идеологии и тактики Прогрессивного блока со стороны российской эмиграции. В докладе по итогам поездки на заседании Военно-морского комитета Государственной думы 19 июня 1916 г. он рассказывал об одобрении деятельности думского большинства со стороны таких известных оппозиционеров-эмигрантов, как Г. В. Плеханов и П. А. Жропткин, докладывал о переговорах с поляками¹⁴¹. Но кроме того, по свидетельству одного из членов делегации, литовского депутата Государственной думы М. М. Ичаса, в Швейцарии П. Н. Милюков встречался еще и с большевиками, а также с представителями Лиги нерусских народов В. Степанковским и И. Габрисом, которые вверенно заявили ему, что русский «централизм непоправимо обречен»¹⁴².

Правые остро реагировали на все это, не только критикуя доморощенных либералов, но и ставя под сомнение лояльность союзников в отношении России. «Не находите ли вы ясного подтверждения, что кроме союзного согласия в борьбе на фронте, существует еще сверхсоюзное международное согласие против России, — обращался к своему единомышленнику лидер екатеринославских “союзников”, депутат III Государственной думы В. А. Образцов, перечисляя негативные, с его точки зрения, инспирированные Западом факты и тенденции, проявившиеся в течение 1916 г. — Случайность ли то, что к открытию русского парламента с натиском в пользу ответственного министерства 1) Принаравливается провозглашение акта о восстановлении Польши. 2) Имеет последовать провозглашение самостоятельной Литвы. 3) Возбуждается восстание в Туркестане... 4) Усиливается наглость финляндского сепаратизма. 5) Возбуждается племенной раздор призывом к “самостоятельности” Украины. 6) Проповедуются с думской кафедры самоуправление и автономия грузинские и татарские (азербайджанские. — *И. М.*). 7) Посылаются телеграммы из Америки от г. Вильсона г. армянам о том, что в 120 тыс. церквей делаются в их пользу сборы и судьба Великой Армении близка сердцу Америки. 8) Посылаются “дружественные” телеграммы г. Брианом о том, что по окончании войны союзниками будут удовлетворены “справедливые” национальные требования армян...»¹⁴³

В этом письме, датированном 14 ноября 1916 г., обсуждались практически те же факты, что и в вышеприведенной парламентской речи Н. С. Чхеидзе, но в диаметрально противоположной интерпретации, что характеризовало опасно углублявшийся раскол российского общества. И в свете последующих событий вовсе не кажутся преувеличением заключительные слова Н. С. Чхеидзе о том, что «война в процессе своего развития выдвинула... все элементы будущих столкновений, в сравнении с которыми, может быть, вот это самое злое и ужасное... покажется идиллией»¹⁴⁴.

Глава 10

Активизация украинского движения в 1915 – начале 1917 года

Отсутствие сколько-нибудь значительных признаков сепаратизма, лояльность к Российскому государству, проявленная в годы войны населением Украины, с одной стороны, и «впечатление, вынесенное украинцами от периода оккупации русскими Галиции, когда посланные туда русские чиновники... не могли», по словам Н. М. Могилянского, «органически понять своей роли в области, где украинцы уже успели создать свою культурную жизнь и свое тяжело давшееся экономическое благосостояние»¹ – с другой, укрепляли почву для более решительной постановки заинтересованными кругами украинского вопроса. Распространенной ее формой оставались многочисленные обращения и петиции с изложением украинских культурно-национальных и гражданских требований.

В начале 1916 г. украинские активисты предполагали, по данным полиции, направить в Государственную думу специальную делегацию из представителей украинских губерний и Галиции. В дальнейшем, правда, они ограничились подачей петиций на имя Н. С. Чхеидзе и П. Н. Милюкова. «Обращаемся... к Вашему посредничеству... с той надеждой, что Вы... искренне и горячо будете отстаивать дело того народа, который, как сирота у бессовестной мачехи, не имеет в законодательной палате русского государства своего украинского защитника, – с драматической выразительностью была составлена петиция, подписанная полтавскими деятелями, депутатом I Государственной думы П. И. Чижевским, Я. К. Имшенецким, писателем Г. А. Коваленко и др. – Теперь украинский народ в России приговорен к смерти. Его просветительно-культурные учреждения закрыты правительством, родное его слово заковано... Чего же больше... Это невиданное насилие

взывает к бунту и отмщению». Виновниками авторы, используя популярную тему измены, называли «тех верных союзников германцев, т. е. Русских националистов-империалистов, которым украинское прогрессивно-культурное движение почему-то есть соль в глазах, залепленных их шовинизмом». Требования этой петиции не выходили за рамки культурно-национального самоопределения и гражданского равноправия².

Молодежные же украинские организации Полтавской губернии сочли слишком скромными эти постулаты и сам факт обращения к кадетам. Они адресовались к Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенскому с требованием поставить вопрос об автономии Украины, подобной той, проект которой разрабатывался для Польши³.

Более умеренные украинские круги делали ставку на пробуждение общественного интереса и пропагандистскую поддержку своей прагматической культурно-национальной программы в общероссийском масштабе. «Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинской народностью прав на национально-культурное самоопределение, т. е. прав на свободную национальную работу в сфере школы, науки, литературно-общественной жизни, – говорилось в обширной записке «Украинский вопрос и русское общество», датированной началом 1917 г. – Голос украинской интеллигенции при укоренившемся предубеждении против украинского движения не может быть убедителен для правительства и широких, мало знакомых с сущностью вопроса общественных кругов». Авторы записки обращались к авторитету русских ученых и общественных деятелей, которые могли бы своими публицистическими выступлениями, изданием специальных брошюр, содействием учреждению украинской школы сдвинуть украинский вопрос с мертвой точки⁴.

П. Н. Милюкову адресовалось подписанное четырьмя лицами «Прошение жителей села Чернобай Полтавской губернии» с просьбой «выслушать наш голос и передать его при удобном случае всему составу Государственной Думы». «Мы не хотим, чтобы русский язык вовсе отсутствовал в нашей школе, – говорилось в прошении, – но для того, чтобы расширить умственный кругозор и экономическое богатство, нас необходимо учить на том языке, с которого растут и воспитываются наши дети... Скажите, что просьба наша не есть проведение мысли выделения Малороссии, а необходимая потребность – путь к культуре, улучшению жизни и поднятию патриотического духа и вечной преданности Царю и Родине»⁵.

Полный перечень гражданских и национально-культурных постулатов направили лидеру кадетов украинцы г. Новочеркаска и т. д.⁶

Расширился круг сторонников официального признания украинского языка. За его использование в сфере просвещения и культуры выступил в начале 1916 г. съезд представителей кооперативов Киевской губернии, некоторые делегаты которого держали речи по-украински⁷.

За украинскую школу стали высказываться правые деятели, ранее отрицавшие ее необходимость. Логика эволюция своих взглядов красноречиво изложил на собрании полтавского губернского земства в январе 1916 г. депутат Государственной думы М. И. Коваленко. «Передо мною, как и перед вами, — обратился он к гласным земского собрания, также в большинстве не отличавшимся либерализмом, — всегда стояла угроза малороссийского сепаратизма. Но вот объявлена война, и малорусская интеллигенция в качестве офицеров, и малорусский народ в качестве рядовых встал на защиту общего отечества и выказал себя таким же верным сыном России... Поэтому я прошу вас отрешиться при рассмотрении этого вопроса от всякой политики и оценить его исключительно с точки зрения педагогики и культуры...

Вы энергично собирали памятники старинного народного творчества, вы организовали целую сеть кустарных школ, где население обучается готовить разные изделия в малорусском стиле; вы учредили музей, занимающий первое место среди провинциальных музеев... вы построили это великолепное здание, которым все восхищаются, в старинном малороссийском стиле. Но ведь все это только внешние проявления народной души. Так неужели же мы не уделим достаточного внимания тому, что составляет сущность этой души и что выражается в языке?... Нужно... чтобы высказали свои мнения и желания и дали директивы нам, членам Государственной Думы, и мы поднимем этот вопрос в законодательном учреждении»⁸.

Обращение получило поддержку гласных земства депутата Государственной думы октябриста Д. П. Капниста и Ф. И. Лизюгуба, предложивших, чтобы в русских учебниках для украинских школьников были пояснения на их родном языке, а также, чтобы произведения малороссийских авторов цитировались в оригинале, что было зафиксировано в докладе земской управы⁹. Член ККРН потомок известного казачьего старшинского рода А. В. Стороженко возмущался такой либеральной, с его точки зрения, позицией полтавских деятелей: «Наши полтавские дворяне и земцы пропитаны октябристской слякотью, качаются как маятники и от них ничего устойчивого и твердо-

го добиться нельзя», – писал он в начале 1917 г.¹⁰ Полтавский же губернатор просто приостановил это и подобные постановления уездных земств на том основании, что «собственно педагогическая часть в круг ведения земства по училищному делу не входит», а цензура не пропустила в печать и речь М. И. Коваленко¹¹.

Неудача русских войск в Галиции и Буковине еще более осложнила ситуацию в малороссийских губерниях. Свыше 100 тыс. галицийцев, связанных с москофильством или вернувшихся в православие, покинули родину в страхе перед местью австрийских властей. Одновременно, отступая из Царства Польского, российское командование эвакуировало восточнославянское население Холмщины – до 300 тыс. человек. Весь край, где условия не были подготовлены к приему такой массы людей, переживал шок этой эвакуации, превратившейся из-за плохой организации в хаотическое бегство, умножившее беспорядок и породившее новые людские страдания. В пути люди гибли от антисанитарии, недостатка воды и пищи, добравшись до городов, занимали все чердаки и подвалы. Население Киева в это время, по некоторым данным, удвоилось от наплыва беженцев¹². Осенью 1915 г. из-за продолжавшегося отступления армии встала необходимость вывоза хлеба из Волыни и Подолии. Был поставлен вопрос об эвакуации городов Правобережья. М. М. Родзянко сообщал своему отцу – председателю Государственной думы, что в Екатеринославе распускается слух, будто немцы весной займут город, от чего домовладельцы в панике начали продавать дома¹³. Из Киева предполагалось перевести в глубь России учреждения, высшие учебные заведения, музеи и библиотеки. Позже, на съезде КДП киевские представители назвали это решение «нелепым и легкомысленным» предприятием, «внесшим разруху и ненужную панику». «Были уложены мастерские, лаборатории, библиотеки, – рассказывал В. А. Косицкий историю эвакуации политехнического института, в котором работал, – все было разрушено, актовый зал сожжен, а в конце концов в здании помещен лазарет на 2 000 раненых при одном враче без всяких приспособлений... Разорвались даже предприятия, работавшие на государственную оборону»¹⁴.

В этих условиях активисты Киевского областного комитета КДП и украинские либералы из ТУП широко включились в общественно-хозяйственную работу, связанную с расширением сферы деятельности таких организаций, как Военно-промышленный комитет, Всероссийский союз городов, Земский союз, с 1915 г. допущенных к участию в материально-техническом и продовольственном обеспечении армии,

опеке над ранеными и населением прифронтовой полосы. При этом украинские активисты, компенсируя ущербность своего политического статуса, целенаправленно заполняли своими сторонниками региональные отделения этих учреждений. Вскоре они составили большинство в Комитете Союза городов Юго-Западного фронта во главе с Ф. Р. Штейнгейлем (в Комитете работали А. Г. Вязлов, Н. И. Беляшевский, Д. И. Дорошенко, А. В. Никовский, Ф. П. Матушевский, В. Н. Леонтович, И. И. Красковский, В. В. Уляницкий), в Обществе помощи населению Юга России, пострадавшему от военных действий (председатель – директор Киевского филиала Государственного банка В. В. Игнатович). В нем заметную роль играла Л. М. Старицкая-Черняховская. Это общество, патронируемое великой княгиней Млищей Николаевной, оказывало помощь беженцам и ссыльным галицийцам, создавало детские приюты, в которых кроме бытовой опеки украинские активисты старались осуществлять воспитание и обучение в национальном духе. В работе таких учреждений участвовала большая часть украинской интеллигенции – врачей, учителей, студентов¹⁵. Впрочем, некоторые начинания украинских деятелей, как и русских правых анархистов и националистов, несли на себе не свойственную гуманитарным акциям печать националистической избирательности. «Союзники» Н. Е. Маркова и Г. Г. Замысловского инициировали создание комитетов помощи беженцам исключительно русского происхождения¹⁶. А киевские туповцы, устроив госпиталь в помещении своего клуба «Родина», старались принимать туда, как было замечено, только «нижних чинов малорусского происхождения, чтобы путем устной пропаганды и раздачи соответствующих брошюр пробудить в них сознание “украинской” племенной обособленности»¹⁷.

М. С. Грушевский критически относился к участию своих коллег из ТУП в гуманитарной и общественной деятельности военных лет, считая предосудительным сотрудничество в общероссийских организациях «оборонческого» характера¹⁸. Помимо принципиального «пораженчества» в этом сказывалась, как явствует из его воспоминаний, и личная обида на политических соратников, не так, как он задетых войной и при этом не проявивших должной солидарности с выпавшей ему участию ссыльного. В дальнейшем украинские либералы расценили такое психологическое состояние как одну из причин происшедшего вскоре поворота политических симпатий М. С. Грушевского влево. «Контраст между “ведущей ролью” в Галиции и унижением ссылки породил в нем болезненные настроения, которые все больше толкали

его на путь демагогии и вели к поступкам, неоправданным у человека такого глубокого ума...», – писал А. И. Лотоцкий¹⁹.

И действительно, когда по ходатайству членов Государственного совета от Императорской академии наук и Императорских университетов Д. Д. Гримма, В. И. Вернадского, М. М. Ковалевского, И. Х. Озерова, А. В. Васильева и С. Ф. Ольденбурга М. С. Грушевскому разрешили отбывать ссылку в Москве*, контакты с российскими либералами и киевскими прогрессистами, как видно, уже не слишком его интересовали. Подобно «союзникам» и русским националистам, критиковавшим либералов из общественных организаций за своекорыстие и расточительность**, М. С. Грушевский упрекал украинских прогрессистов в приспособленчестве, занятии «высоких позиций и получении высоких доходов в различных военных организациях». «С болью ощущал я, что собственно украинское, особенно киевское общество нисколько не жалеет о моем отсутствии, а может – напротив – даже чувствует некое облегчение, что не стало поперечного человека, который нарушал “соглашение в семействе, мир и тишину”»²², – читаем в его воспоминаниях. Он с неприязнью писал о навестивших его в Москве Д. И. Дорошенко как «одном из преуспевавших в Городском союзе благодаря московским

* В письме на имя министра внутренних дел они подчеркивали моральное и политическое значение такого разрешения: «Нахождение в Москве подбодрит Грушевского на дальнейший труд и поможет ему оправиться от того нравственного настроения, которое он испытал во время ареста и состояния под гласным надзором в Симбирске и Казани, а также окажет успокаивающее влияние на те круги малорусского населения, которые захвачены национально-просветительным движением, несущим Грушевского в числе видных деятелей»²⁰.

** «Записка православных крутов Киева», доложенная царю 14 января 1917 г. и признания им «достойной внимания», была полна разоблачений против «так называемых общественных организаций, под которыми разумеются общеземские и общегородские союзы, а также беженский комитет, стяжавшие себе в народе самую дурную славу...» «Народ видит, – говорилось в «Записке», – что в эти организации ушло все, что убоялось службы на фронте... Люди... вдруг облачились в полувоенные мундиры защитного цвета и стали почти козьями края... наполнили “общественные” организации и, впрочем колоссальными суммами денег, оказались в роли диктаторов уездов и целых губерний...»

Простой народ никогда не забудет, как во время устройства в нашем крае окопов... земские офицеры не жалели казенных денег. Безумная трата денег во время окопных работ была первым этапом к продовольственной разрухе...

«Общественные» организации установили для своих учреждений бесконечные штаты, кошмарные сметы и безумно разорительные для страны оклады содержания, подъемные, суточные и разъездные. Агенты “общественных” организаций сами удивляются баснословным размерам своего жалования и всяческих добавочных, щедро отпускаемых начальством» «Все военнообязанные в “общественных” организациях должны быть призваны на действительную военную службу», – требовали авторы «Записки»²¹.

связям» (по-видимому, имелись в виду масонские связи Д. И. Дорошенко, о чем мемуарист упомянул в другом месте) и Л. М. Старицкой-Черняховской – за то, что, по словам М. С. Грушевского, стала в Киеве центральной фигурой «правой» интеллигенции и «улучшила во время войны материальное положение», о М. М. Могилянском, приехавшем к нему из Петрограда посоветоваться об украинских делах, за то, что был «оборонцем»²³ и считал непреходящей целью защиту славянства от германской экспансии*.

Желание оправдать наступившую вскоре смену своих давних партнеров – украинских либералов на радикальную молодежь диктовало М. С. Грушевскому несправедливые оценки и обвинения, будто «украинские верхи связались с российскими верхами, отвернулись от меня, как от человека, скомпрометированного в глазах их высоких патронов»²⁵. Но такого рода упреки на страницах воспоминаний соседствуют с опровергающими их фактами, например, о намерении украинских либералов выдвинуть кандидатуру М. С. Грушевского на очередных выборах в Государственную думу и сделать ректором планировавшегося в Киеве вольного университета²⁶.

В Москве круг общения М. С. Грушевского составляли местные украинцы, сотрудники журналов «Украинская жизнь», «Промінь», а также редакция журнала «Голос минувшего» во главе с С. П. Мельгуновым и вообще эсеро-энесо-меньшевистская среда. Похоже, установлению контактов способствовала принадлежность к масонству. Накануне Февральской революции деятельность ВВНР очень оживилась. По некоторым данным, его Верховный совет поручил ложам составлять списки лиц, годных для будущей новой администрации²⁷. Даже скептический в своих поздних оценках возможностей российского масонства Н. С. Чхеидзе свидетельствовал, что в январе–феврале 1917 г. стали устраиваться более широкие, чем прежде масонские встречи с приглашением посторонних²⁸. Очевидно, одну из них описал в воспоминаниях М. С. Грушевский. Это было собрание «радикальных оппозиционных элементов», на которое он был вызван запиской А. Ф. Керенского. Присутствовали некоторые другие члены Великого Востока народов России, в частности мень-

* В речи, произнесенной 26 февраля 1916 г. в очередную годовщину Т. Г. Шевченко, М. М. Могилянский, говоря об опасности пангерманизма, использовал недопустимое, с точки зрения М. С. Грушевского, напоминание о том, что «даже старый режим в России не сумел быть могилей народов. Можно быть уверенным, что Германия сумеет. Надменно взирает немец на славянство и считает его годным в качестве навоза для торжествующего германизма»²⁴.

шевик Н. Д. Соколов. Собрание не возбудило у профессора особого расположения. А. Ф. Керенский говорил на нем о конфликте, назревавшем между царизмом, с одной стороны, и Государственной думой с общественными организациями, с другой, и о необходимости единого фронта оппозиции, но без «пораженчества». Н. Д. Соколов возражал, что не должно быть объединения с «империалистической оппозицией». Участвовавшая в этом собрании В. Н. Фигнер поддержала А. Ф. Керенского. М. С. Грушевский в записях 1920-х годов воспроизвел свою позицию как близкую по существу к большевистской: «Невозможно обойти вопрос об отношении к войне, как хочет Керенский. Последовательные сторонники освобождения не приемлют войны, и попытки объединить их с приемлющими кончатся расхождением. Пока продолжается война, невозможно совместная работа тех, для кого первым вопросом является ликвидация этой бойни с теми, кто смотрит на нее как на средство достижения каких-либо империалистических целей». Объединение он считал нереальным²⁹.

В ноябре 1916 г. в Москве состоялась встреча М. С. Грушевского с А. М. Горьким. По инициативе последнего издательство «Парус» уже готовило сборник произведений украинской литературы, и теперь писатель планировал издание в Петрограде большой ежедневной газеты с украинским отделом; для работы в ней предполагалось привлечь украинских публицистов М. А. Славинского и А. Ф. Саликовского.

А. М. Горький, по словам М. С. Грушевского, «очень симпатично выражал свою позицию в отношении украинства». Не исключено, что именно поэтому писатель заслужил лестную характеристику обычного скупого на похвалу и критичного украинского деятеля, редко бывавшего беспристрастным в своих оценках: главным мерилом человеческих качеств служило для него отношение тех или иных лиц к его идеям. Об А. М. Горьком читаем на страницах воспоминаний: «Он производил очень приятное впечатление и своим монументальным, подлинно плебейским, но безупречно культивированным обликом, и своей свободной, безыскусственной манерой, и словом человека, богатого умом, который много жил, смотрел, думал... Очень интересовался участием украинской интеллигенции в объединении оппозиционных демократических сил»³⁰.

При встрече на следующий день у А. Ф. Саликовского с участием М. С. Грушевского, В. К. Винниченко, А. Е. Крымского А. М. Горький «изложил свою платформу: объединение действительной оппозиции, т. е. пораженческих течений, начиная с левых либералов и далее до со-

циалистов*, и организация ежедневного органа». Однако список сотрудников и планируемые издания М. С. Грушевскому не понравились: «не чувствовалось боевого элемента» и потому «весь план и политический, и редакционный был принят без воодушевления... революция опередила выход горьковского номера»³².

Кроме легальной деятельности умеренного ТУП, в годы войны ожидалась работа украинских социалистических структур, не получивших возможности вследствие своего подпольного существования вырасти до организаций с систематической партийной практикой и определенно очерченной массовой базой. Нередко они развивались на основе студенческих, молодежных громад и гуртков (обществ и кружков) пропагандистского и политико-образовательного характера.

С точки зрения властей это были «антигосударственные» организации, подвергавшиеся систематическим преследованиям. В результате избыточные фактами документы полицейской слежки и дознаний, обычно содержащие подробные характеристики программных и агитационных материалов поднадзорных кружков вплоть до анализа языка и особенностей полиграфии их изданий, сведенные в упомянутую «Записку об украинском движении за 1914–1916 гг.», представляют, по признанию исследователей, наиболее полный источник по истории нелегальных украинских организаций в годы войны.

Первой была замечена организованная в ноябре 1914 г. «конференция представителей кружков украинской молодежи Харькова». Ее участники в специально выпущенной на украинском языке листовке заявили, что исходят из интересов рабочих и ставят целью подготовку сознательных борцов за лучшую долю угнетенного народа, для чего изложили программу политико-образовательных занятий в кружках³³.

В следующем месяце в Харькове появилось воззвание Центрального комитета Украинского социалистического коллектива с призывом к созданию организации, которая объединяла бы отдельные кружки на основании того общего, что было между ними. Предложенная программа включала требования гражданских и политических сво-

* Очевидно, имелось в виду создание Российской радикально-демократической партии (РРДП), учредительное собрание которой состоялось в марте 1917 г. А. М. Горький участвовал в подготовительной работе, начатой в 1915 г. Как раз в октябре–ноябре 1916 г. на квартире Н. С. Чхидзе состоялись конспиративные совещания народных социалистов (А. В. Пешехонов, В. А. Мяхотин, В. В. Воловцов), меньшевиков (Б. О. Богданов, О. А. Ерманский, Н. Д. Соколов), трудовика А. Ф. Керенского и др., принявших решение о создании партии. К ее образованию причастна была и Петроградская громада ТУП. Деятельным членом РРДП стал М. А. Славинский³¹.

бод; переустройства России в демократическую федеративную республику на основании национально-территориальной, в этнографических границах, автономии с областным национальным советом; замены постоянной армии милицией; социализации земли и социализации всех способов производства и т. д.³⁴

В начальный период активизации левых проявились интеграционные стремления. В январе 1915 г. делегаты от украинских групп социал-демократического и всеровского направлений на съезде в Москве обсуждали вопрос об образовании единой украинской социалистической партии, но к согласию не пришли³⁵, и в дальнейшем всеровские группы направили усилия на оформление своей партии, осуществившееся только в 1917 г.

Для харьковских молодежных групп, а там помимо Украинского социалистического коллектива в апреле 1915 г. был образован еще и Молодежный союз (Юнацка спилка) Левобережной Украины, сотрудничавший с Украинской студенческой громадой и Украинским национальным колом (кругом), была характерна эсеровская идеологическая ориентация и интерес к крестьянскому движению. Харьковский эсеры поддерживали связь с полтавскими украинскими ученическими кружками, примыкавшими к Юнацкой спилке. Большую идейную и организационную работу в левобережных губерниях вел украинский эсер, студент Харьковского университета А. И. Заливчий (товарищ Андрей)³⁶.

Организация УСДРП в Харькове ориентировалась на рабочую среду и издавала на украинском языке газету «Слово», вдохновителем которой, согласно данным полиции, стал нелегально вернувшийся из эмиграции в мае 1914 г. В. К. Винниченко. По сведениям жандармского наблюдения, он летом 1915 г. «совершил объезд Малороссии с целью инструктирования украинцев и поднятия на местах организационной работы украинской социал-демократии»³⁷. В начале 1916 г. харьковские украинские молодежные и социал-демократическая организации были разгромлены, многие активисты – арестованы: А. И. Заливчий был осужден на пожизненную ссылку в Тургайскую область, выслан за пределы Украины оказался известный поэт Г. Хоткевич³⁸.

В Киеве организация УСДРП заявила о себе выпуском воззваний и прокламаций к годовщинам «кровавого воскресенья», ленского расстрела, к дню памяти Т. Г. Шевченко, по случаю 1 мая и т. д. Полицейские аналитики, доискиваясь авторства и места изготовления печатных материалов социал-демократов, отмечали, что их воззвания

«изложены на наречии, приближающемся к употребляемому в малорусских губерниях», в то время, как «листки» упоминавшейся ранее киевской группы украинских социалистов-революционеров написаны «на искусственно созданном галицийском... книжном языке, употребляемом закордонными "мазепинцами"»³⁹.

Активизацию УСДРП и эсеровских групп полицейские источники приписывали влиянию Союза освобождения Украины. Внешне это, возможно, так и было. Но в идеологическом смысле левые украинские организации в годы войны не изменили своих национальных программ. УСДРП осталась на позициях автономизма. «Пораженческие» мотивы в ее агитации были связаны не с сепаратизмом, а имели социально-революционную природу. Даже эсеровские группы, в частности киевская, демонстрировавшая вначале интерес к СОУ и заграничной команде Н. К. Зализняка, в последующем своем программном и организационном оформлении следовали идее автономизма-федерализма. «В сфере политического переустройства основным... нашим идеалом является союз свободных национальных и краевых федераций, которые будут управляться общим парламентом... В условиях современного социально-политического момента партия УСР будет бороться за проведение в жизнь принципа национально-краевой автономии... обеспечение прав и интересов национальных меньших групп, развитие национального школьного дела», — было записано в составленном Н. Н. Ковалевским и опубликованном в 1916 г. «Проекте программы партии У.С.Р.»⁴⁰ То есть традиционная автономистско-федералистская схема в рамках государственного пространства России не подверглась пересмотру.

Правда, отдельные очаги самостийничества, по-видимому, возникли. М. С. Грушевский вспоминал, что навещавшие его в Москве киевские студенты «рассказывали об организации молодежи, которая входила в военные фронтовые формирования и распространяла свои прокламации. Среди молодых встречались австрофилы и, наоборот, самостийники и федералисты»⁴¹.

В свою очередь Р. Млыновецкий, зарубежный автор крайнего националистического направления, подобно Д. И. Донцову, клеймивший именем москвофилов все автономистско-федералистское течение украинцев во главе с М. С. Грушевским, сообщал в своей книге, будто в первой половине 1914 г. студенты-украинцы Варшавского университета, собравшись в Прушкове под Варшавой, основали Братство самостийников. Его учредительное собрание состоялось затем в Киеве. Это была, по словам автора, строго законспирированная группа из 28

человек. Всех их имен он не открыл и при издании в 1970-е годы своего труда, назвав лишь украинского активиста В. Д. Атамановского (Отамановского), в будущем коммунистического поэта и журналиста В. Влакитного (В. М. Елланского) и намекнув на якобы кратковременную принадлежность П. Г. Тычины и некую причастность в послереволюционное время П. М. Губенко (Остапа Вишни).

Инициативе Вратства автор приписывает, в частности, образование юнацких спллок, пропагандировавших национализм в духе «десяти заповедей» Н. И. Михновского, основание осенью 1916 г. кооперативного издательства «Вернигора» (названного по имени легендарного кобзаря, якобы в свое время предсказавшего самостоятельность Украины), специализировавшегося на выпуске литературы и агитационных изданий прозападного радикально-националистического толка.

«Горстка “рыцарей абсурда” – братчики решили уничтожить Росийскую империю, бойкотировать московскую культуру», – с восхищением характеризовал автор исходные цели Вратства, признавая вместе с тем, какое ничтожное место могла занимать группа с подобной программой в политическом спектре украинских организаций, если, по его словам, «девять десятых немногочисленных сознательных украинцев были яркими москвофилами». Тем менее убедительными представляются утверждения этого автора, будто Вратство самостийников, не рассекреченное после Февральской революции, решающим образом стало негласно направлять все украинское движение⁴².

Осенью 1915 г. органы политического наблюдения на основании изданного и ставшего им известным пространного программного документа зафиксировали образование в Екатеринославской губернии Инициативного комитета Украинского независимого союза, поставившего конечной целью независимое суверенное украинское государство на всей этнографической территории и широкие социальные преобразования в нем. Однако вся инициатива оказалась не более, чем обнародованием идейной декларации некоей эфемерной группы при полном отсутствии дальнейших практических проявлений⁴³.

Реальные же заботы екатеринославским «стражам порядка» доставило местное отделение УСДРП, сумевшее в 1915 г. организовать многообразную пропаганду и агитацию в рабочей среде путем распространения прокламаций на промышленных предприятиях и железной дороге, проведения конспиративных партийных и рабочих собраний с использованием помещений «Просвиты» и книжного магазина «Слово». Практическая работа подсказала необходимость сотрудни-

чества с местной организацией РСДРП, о чем в ноябре 1915 г. было достигнуто соглашение. Большая роль в активизации екатеринославской группы украинских социал-демократов принадлежала В. К. Винниченко. Местными лидерами выступали заводские, железнодорожные и кооперативные служащие Д. Н. Лисиченко, Ф. Е. Дубовой, Бохонко, Г. К. Герасимов, И. Д. Вырва.

К концу 1915 г. арестом активистов и изъятием документов группы деятельность ее была прекращена⁴⁴. В. К. Винниченко перебрался в Москву, где до Февральской революции жил на нелегальном положении, работая в украинских изданиях «Украинская жизнь» и «Промінь». В одном из частных московских театров в это время в присутствии нелегального автора и ссыльного М. С. Грушевского состоялась премьера его новой пьесы⁴⁵.

Сравнительно большая и политически активная украинская община была в Петрограде. Связующим центром между различными социальными группами выступал Украинский клуб. При нем — общество украиноведения и курсы «Наша школа». Действовало несколько украинских издательств и книжных складов, в том числе специализировавшихся на издании и распространении «дешевых и полезных книг для народа», литературы по социальной проблематике и рабочему вопросу (издательство «Джерело» — «Источник»).

Значительную часть украинской общины составляло студенчество. В его среде были сторонники разных украинских течений от культурников-старогромадовцев до социал-демократов и независимцев. В заведениях по месту учебы они образовывали нелегальные украинские кружки, из представителей которых сформировались центральные органы украинского студенчества в Петрограде — Главный совет и Информационное бюро. Заметную роль в них играли студент университета украинский социал-демократ Л. Е. Чикаленко, «политехник» А. А. Ковалевский, «электротехник» Е. В. Неронович и др.

Кроме этой организации корпоративного типа, на партийной основе образовался Украинский объединенный комитет социал-демократических фракций высших учебных заведений.

Ведущая роль в Петроградской громаде принадлежала членам ТУП. Среди них — государственный чиновник статский советник А. И. Лотоцкий, адвокат М. А. Корчинский (председатель Украинского клуба) — за ними велось полицейское наблюдение; бывший служащий министерства финансов П. Я. Стебницкий, публицист М. А. Славинский, молодой преподаватель университета А. Я. Шульгин и др.

К украинской социал-демократии в Петрограде принадлежали рабочие-украинцы и немалая часть украинской военной организации: военный чиновник И. К. Герасимов, военные писари М. А. Авдеенко, Т. Гайдай, П. Опанасенко, А. Гречаниченко и др.⁴⁶

Украинская идея объединяла все эти группы разнородной социально-политической ориентации.

В целом ограничения военного времени не лишили украинское течение жизнеспособности. Умеренные украинские круги нашли новые сферы приложения сил, помогавшие пропаганде украинства через участие в рожденных военным временем общественных и благотворительных организациях. Невзирая на запреты и преследования происходило восстановление левых украинских групп, ими велась идейная и организационная работа. Вскоре в обстановке хаоса, вызванного стихийным взрывом революции, наличие пусть узких, кадровых украинских организационных структур принесло неожиданные и весьма существенные, хотя и недолговременные результаты. Пока же этого не случилось, потенциал украинского течения даже в глазах его участников выглядел более чем скромно. Согласно оценке либерала и постепеновца Д. И. Дорошенко, «революционная деятельность украинских социалистов и украинского студенчества не имела влияния на широкие слои населения, но», смягчал он свой вывод, «она поддерживала оппозиционные настроения среди наиболее сознательных украинских рабочих и солдат-украинцев»⁴⁷.

Нелицеприятную характеристику общей ситуации в крае дал один из активных национальных деятелей из рядов украинской социал-демократии. И. П. Мазепа. «Накануне революции господствовал “русский дух” и не было заметно какого-нибудь широкого, массового национального движения», – писал он в своем опубликованном в 1940-е годы трехтомном труде «Украина в огне и буре революции»⁴⁸.

Политическая система императорской России не предусматривала полноценных механизмов выявления общественного мнения. Однако в годы войны, когда юго-западные территории оказались в непосредственном соприкосновении с театром военных действий, вопрос о массовых настроениях малороссийского населения, о степени и характере влияния на него украинских организаций занимал и общероссийские властные, и общественно-политические круги. Власти для ориентации пользовались материалами политического сыска. По этим данным, представленным в упоминавшейся выше служебной «Записке об украинском движении в 1914–1916 гг.», выходило, что «среди

сельского населения проявления сепаратистских тенденций не наблюдалось, так как оно считает себя частью великого русского народа». «Среди же сельской интеллигенции из местных уроженцев...», — отмечалось в «Записке», — прорывается стремление к выставлению своей областной культуры и к усвоению идеи украинской обособленности. Серьезным этапом в своей культурнической работе украинцы считают завоевание «своей» школы и «своих» культурных учреждений»⁴⁹.

Оппозиция искала ответа опосредованным путем. И такие несхожие политики, как П. Н. Милюков и В. И. Ленин, невольно сошлись у одного источника — получаемых ими данных о настроениях военнопленных — этнических малороссов, которых австро-германские военные власти выделяли в специальные лагеря, где эmissары СОУ и галицийские пропагандисты подвергали их политико-идеологической обработке. П. Н. Милюков в своих оценках исходил из сведений о ситуации в лагере Рацтадт (Германия), где военнопленные-малороссы разделились на четыре категории. Из них первая — «сечевики», готовые сражаться за «украинское дело» — насчитывала 1 500 человек; вторая — сочувствовавшие им и занимавшиеся на специальных украинских курсах «курсисты» — до 3 000 человек; 6 000 противников украинства; а большинство пленных не принимали ничьей стороны, сохраняя нейтралитет⁵⁰.

Эти данные вполне соотносились с тем, чем располагал В. И. Ленин. В письме к И. Ф. Арманд, датированном 30 января 1917 г., он передавал рассказ бежавшего из плена солдата: «Пробыл год в немецком плену... в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагерь по нациям и всеми силами откалывают их от России. Украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2 000 были за «самостийность» (самостоятельность в смысле более автономии, чем сепарации) после месячных усилий агитаторов!! Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам.

Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 — число большое. Год — срок большой. Условия для галицийской пропаганды — архи-благоприятные. И все же близость к великорусам брала верх!»⁵¹ Довольно точен был этот солдат из воронежских крестьян и в передаче духовно-психологического состояния, политических и социальных настроений пленных: «Насчет царя и бога все-де 27 000 вполне покончили, насчет крупных помещиков тоже. Озлобленные и просвещенные вернутся в Россию»⁵², — сделал важное для себя заключение из услышанного В. И. Ленин.

Немногим от приведенных отличались и данные одного из главных организаторов украинской пропаганды в лагерях А. Ф. Скоропис-Йолтуховского, засвидетельствовавшего, что после Февральской революции, когда члены СОУ от имени военнопленных попытались включиться в закипевшую в стране политическую жизнь, их составленный в «самостийническом» духе наказ подписало только 18 тыс. человек из 50-тысячного подневольного, полностью зависимого от поощрявшей украинство лагерной администрации контингента пленных-малороссов. Еще меньше нашлось желающих вступить в созданные затем из пленных украинские воинские части⁵³.

Слабая вовлеченность малороссийского населения в идеи и практику политического украинства давала повод не только российскому правительству, но и оппозиционным кругам считать в годы войны украинский вопрос не созревшим для постановки и рассмотрения, что среди активных сторонников украинства посеяло пессимизм и побудило некоторых из них не обходить вниманием австро-германский вариант решения вопроса. Но и тех в украинском течении, кто с поражением русской армии в Галиции воскресил на это надежду, вскоре постигли разочарование и неуверенность. Сначала уход русских войск вызвал среди галицийских и буковинских украинцев большой энтузиазм. Лидеры Главного украинского совета преобразовали свою организацию в Общеукраинский совет, руководимый К. Левицким, включив в него кроме галицийских и буковинских политиков деятелей СОУ как представителей российской Украины, и заявили, обратившись «ко всем народам цивилизованного мира», что своей целью ставят разрушение с помощью австро-германского блока Российской империи и образование там независимого украинского государства, а в пределах Австро-Венгрии – осуществление национально-территориальной автономии украинских земель. Общеукраинский совет возобновил в расширенном объеме предвоенные требования к австрийскому правительству об административном разделении Галиции на украинскую и польскую части и присоединении к Восточной Галиции Холмщины и Волыни, открытии украинского университета и т. д.⁵⁴

Первым событием, поколебавшим эти планы, стало русское наступление летом 1916 г. – «брусилловский прорыв», вновь отрезавший в пользу России широкую полосу территории Галиции и Волыни. Затем в августе этого года при вступлении Румынии в войну на стороне Антанты ей были обещаны территории Австро-Венгрии, включая Буковину, что создало почву для новой коллизии.

Но главный удар по планам Общеукраинского совета был нанесен австро-германскими покровителями. 5 ноября 1916 г. правительства обеих держав выступили с совместной декларацией об образовании из отвоєванных у России польских губерний Королевства Польского. Параллельно с актом 5 ноября Вена провозгласила автономию Галиции целиком, без разделения ее на национальные части⁵⁶, как того требовали украинцы, т. е. по-прежнему под польской гегемонией. Украинское парламентское представительство тщетно пыталось предотвратить это решение и так же безнадежно протестовало против него, требуя создания отдельного украинского коронного края в пределах Австрии. Безрезультатность этих требований привела к самороспуску Общеукраинского совета, а перенявшее руководство Украинское парламентское представительство во главе с Е. Петрушевичем взяло курс на самостоятельную политику, хотя возможностей для этого было немного.

Иначе отнеслись к случившемуся украинские деятели в России. Одни все еще сохраняли надежду на постепенную трансформацию официальной политики в украинском вопросе и по-прежнему рассчитывали на содействие думского оппозиционного большинства. Так, петроградские украинцы П. Я. Стебницкий и А. И. Лотоцкий 25 декабря адресовали П. Н. Милюкову письмо с напоминанием об актуальности украинского вопроса. Поводом послужила программная статья кадетского лидера, в которой авторы письма не обнаружили украинской галицийской проблематики. Они спрашивали, каким мыслится устройство Восточной Галиции и судьба ее украинского населения после войны. «Вопрос этот не отвлеченный и не академический, — объясняли авторы, — ибо с первых дней войны он уже был поставлен русским правительством на очередь... Далее, оставшаяся в пределах русской оккупации часть Восточной Галиции ожидает своего гражданского устройства... наконец, украинский вопрос теснейшим образом связан с польским, — и это уже не только в границах Австро-Венгрии, но и в пределах России (Холмщина). Удовлетворение национальных надежд польского народа, конечно, будет сопровождаться точным определением этнографических границ Польши и установлением гарантий для национального меньшинства, а следовательно и с этой точки зрения умалчивать о правах украинской народности не приходится. При том же, раз судьба польской Галиции пройдет стадию международного обсуждения, то и участь Восточной Галиции... весьма вероятно, остановит на себе внимание будущей международной конференции».

«Мы полагали бы, – говорилось далее в письме, – что украинский вопрос не должен быть исключен из обзора целей и задач войны... Именно для России этот вопрос имеет сугубо важное значение, являясь до сих пор темным пятном во внутренних национальных отношениях государства и почвою для грубых националистических эксцессов во имя русского единства, уже успевшим подорвать доверие к красивой мечте об освободительном характере войны». В письме выражалась надежда на дальнейшее сотрудничество и поддержку КДП украинских интересов⁵⁶.

Однако кадетское руководство с оглядкой на своих союзников по Прогрессивному блоку не рассматривало украинскую проблематику в ряду первоочередных. Правда, на волновавший украинцев вопрос о границах восстанавливаемой Польши кадеты, как и все другие российские группировки, недвусмысленно отвечали: только в этнографических границах⁵⁷. Но после того как провозглашение «русской» Польши Королевством Польским состоялось под эгидой Центральных держав, предварительно оккупировавших край, само влияние России на установление границ этого новообразования сделалось проблематичным.

В феврале 1917 г. накануне возобновления сессии Государственной думы сотрудничавшие с кадетами украинские деятели вновь напомнили о согласованных до войны требованиях – об украинской школе и о правах украинского языка в государственных актах. А литовцы тогда же через своих депутатов собирались поднять вопрос об автономии своего края. ЦК КДП на пленарном заседании 5 февраля в связи со всем этим подтвердил, что партия признает «культурное самоопределение этих народностей, но не государственное... Украинский вопрос сейчас вносить в думу не время, там он встретит большое сопротивление»⁵⁸.

Тем временем радикальные деятели ТУП сочли, что настал решающий период, и в этом плане, как видно, признали перспективным тот факт, что Германия с Австро-Венгрией своим актом 5 ноября практически приступили к перекройке карты региона. С их точки зрения, это был важный импульс к послевоенному национально-территориальному переустройству, тем более, что вскоре последовала «пацифистская» инициатива Центральных держав: в декабре 1916 г., после взятия немецкими войсками Бухареста, германское правительство от имени всех своих союзников сделало через нейтральные государства предложение приступить к мирным переговорам.

В. Вильсон, только что переизбранный в США на новый президентский срок под выдвинутым его партией лозунгом: «Он спас нас от вой-

ны», выступил с развитием этой инициативы, предложив воюющим правительствам объявить свои военные цели и возможные условия мира. Берлин, недовольный вмешательством третьей стороны, заявил, что предпочел бы непосредственные переговоры. Дипломаты Антанты, убедившись, что германское правительство не захотело подыграть жесту президента США, облекли свой отказ в либертарианскую форму заботы о «малых и угнетенных». В ответной коллективной ноте они утверждали, что мир невозможен «до тех пор, пока не обеспечено восстановление нарушенных прав и свобод, признание принципа национальностей и свободного существования малых государств»⁵⁹.

Однако украинские деятели не приняли пропагандистскую риторику дипломатов Антанты на свой счет. Они понимали, что бесполезно было бы ожидать применения провозглашенных западным блоком принципов в украинском вопросе: союзники не могли подвергнуть сомнению государственно-территориальную целостность России, что вскоре и подтвердилось в следующей коллективной ноте держав Антанты с изложением условий мира.

В этой ситуации лидеры ТУП, учитывая еще и тот внутренний надлом российского государственного механизма, который обнаружился после первых военных поражений и стремительно углублялся по мере продолжения войны, бросили вызов политике России и ее союзников. Это было сделано в декларации Совета ТУП «Наша позиция», написанной С. А. Ефремовым в конце декабря 1916 г. Декларация отличалась такой резкостью тона, антироссийской и антиантантовской направленностью (сам автор охарактеризовал ее позже как «острый протест против российской действительности» и признался, что не все в руководстве ТУП согласились с таким содержанием), что ее не взялась напечатать ни одна из газет – пришлось издавать нелегально в виде брошюры⁶⁰.

В декларации порицалась политика Антанты и прямо выражалось одобрение инициативы Центральных держав в отношении Польши: «Из последних [событий] наших дней всеобщее внимание привлекает акт восстановления польского государства»... и разговоры о замирении, которым несмелое начало положила нота Центральных держав, поддержанная известными выступлениями президента Вильсона, а к ни к

⁵⁹ В целом одобряемый как прецедент этот акт имел с точки зрения российских украинцев один тревожащий аспект: польские лидеры мыслили восстановление государственности в границах «исторической Польши», т. е. с ранее входившими в нее украинскими, белорусскими и литовскими землями. На эту тему в декларации пришлось сделать специальное предупреждение: «Мы не можем не протестовать самым решительным способом, – говорилось в ней, –

чему не обязывающему концу свели ноты-ответы держав Антанты»⁶².

В отличие от заявлений, сделанных Советом ТУП в начале войны – тогда газета «Рада» писала, что для «украинцев защита Российского государства – это защита от врага родной земли»⁶³, – теперь война называлась «чуждым и вредным для украинского и всех других народов империи делом», порочность которого украинским прогрессистам якобы была ясна с самого начала. Объявлялся нейтралитет по отношению к обеим воюющим сторонам, «так как ни одна из них не могла вызвать сочувствия ни в целях борьбы, ни в методах»⁶⁴. Горячо обличались фальшь и лицемерие освободительных лозунгов всех участников конфликта, но Центральному блоку все же делалось снисхождение и выражалось предпочтение. «Из негативного отношения к этой войне, – читаем в декларации, – происходит наше горячее сочувствие к попыткам вернуть согласие на землю, от кого бы они ни исходили... возмущаемся тем, что к недавним мирным усилиям не только правительства держав Антанты, но и руководящие общественные круги в лице правящих классов отнеслись чисто формально и на удивление пренебрежительно, отмахнувшись даже от переговоров на эту жгучую для всех тему»⁶⁵.

Конечно, зло войны было налицо. В декларации выразительно описывалось незавидное положение земель, ставших театром боевых действий и ближним тылом («война для украинского народа стала сущим вампиром, который высосал все жизненные соки края»), говорилось о непонятных и чуждых простому народу ее целях. С нечастой в то время мерой реализма предсказывалось приближение момента, когда «народные массы... не пойдут за лидерами, которые наградой за неслыханные муки указывают им крест на Святой Софии (главный православный собор в Константинополе, превращенный турками в мечеть. – И. М.) и черноморские проливы. И такой настрой, несомненно, передается в окопы армии»⁶⁶.

Вместе с тем горькая правда о войне и трезвая оценка ее дальнейших малообнадешивающих перспектив соседствовали с утрированными обвинениями правительства в якобы «разрушения, опять же, совершенно сознательном экономическом благосостояния» края⁶⁷, будто он

против уже выявленного... покушения польских шовинистов на земли, заселенные украинским нвродом. Братски предостерегаем поляков, чтобы они не начинали дела своего освобождения новой ошибкой, воскрешая карту «исторической Польши», и новым насилием над соседними народами: украинским, белорусским и литовским... Мы полностью поддерживаем требования галицийских украинцев, требования раздела Галиции на автономные национальные части, украинскую и польскую, и протестуем против той формы национального гнета над украинским народом, которую оповестил австрийский акт об автономии Галиции»⁶¹.

был не частью Российского государства, а занятой территорией противника. Впрочем автор декларации действительно оказался не далек от подобного толкования событий. «Украина и Сербия, Ирландия и Румыния, Бельгия и Польша, Греция и Черногория, Албания и Персия... – полностью или одна за другой падают жертвами “освободительных” эксцессов... лежат эти нации под пятой агрессора»⁶⁸, – писал он, не уточняя, правда, кого считает агрессором в отношении Украины. В череде дальнейших претензий он обвинил правительство и русское общество – «в беспощадной внутренней войне с собственными народами под покровом войны только с внешним врагом»⁶⁹.

Все эти инвективы выстраивались как фундамент и обоснование актуализации полномасштабной политической программы украинского течения, в которой принцип национально-административного обособления изображался как спасительный выход из лабиринта назревших проблем: «Мы, украинские прогрессисты, стоим на основе автономно-федеративного строя тех государств, с которыми свела нас историческая судьба; государство мы понимаем как свободный союз равноправных и равноценных наций... Мы боролись и боремся за полное обеспечение культурно-национальных ценностей и политических прав украинского народа, за надежный способ ему самостоятельно развиваться и экономически прогрессировать, а единственным прямым путем к этому считаем обеспечение национального характера всех форм частной и общественной жизни». Эта программа вместе с предложением союза адресовалась всем «негосударственным народам России»⁷⁰, что следовало понимать как намерение возбудить и объединить оппозицию национальных областей России по отношению к государственному центру.

Одновременно радикалы из ТУП стремились к окончанию войны придать украинскому вопросу статус международного и для этого искали себе зарубежных покровителей. Озлобленные против России, разочарованные неудовлетворительным, с украинской точки зрения, решением Австрии о галицийской автономии они теперь в американском президенте увидели деятеля, способного, по их выражению, «всему миру обеспечить согласие и справедливость»⁷¹. В. Вильсон действительно не отказался от дальнейших начинаний по послевоенному устройству Европы. В своем послании к сенату 22 января (по новому стилю) 1917 г. он заявил, в частности, что в послевоенной Европе должна существовать единая, независимая, самоуправляемая Польша, «но также и всем народам, которые до сих пор жили под властью враждебных им и руководимых злой волей правительств, должна быть га-

рантирована свобода жизни, религии, а также общественное и экономическое развитие»⁷².

Последние слова обнадежили украинских прогрессистов, хотя – вот парадокс – принадлежали они лидеру страны многих этносов, в которой в те годы официально осуществлялась доктрина «американизации» – слияния многих народов «в одну нацию, объединенную языком, работой, домашними узами и гражданством»⁷³, т. е. всего того, что применительно к малороссам в рамках Российской империи категорически отрицали поборники украинства.

«Русские считают украинцев частью русского, поляки частью польского народа... Украинский народ хочет быть самим собою и упорно борется за самобытное существование», – писал С. А. Ефремов в послании к В. Вильсону, составленном от имени Совета ТУП⁷⁴. Он восхищался тем, как «звучал... мужественный и благородный голос в защиту растоптанных надежд», описывал, с каким «волнением прислушиваются... молчаливые народные массы к великим словам, что несут им евангелие согласия и справедливости».

«В Ваших призывах к согласию и обновлению человечества, – обращался к президенту автор послания, – эти массы узнают свои лучшие стремления... И уж благословением прозвучали Ваши слова для негосударственных наций, которые за неисчислимые жертвы свои в пользу современных государств-левиафанов имеют расплату своим национальным угнетением...

Ваша... горячая защита угнетенных национальностей дает нам непоколебимую уверенность, что уже в процессе будущих мирных переговоров положение украинского народа прикует к себе внимание, и в обновленном мире он займет место, достойное 35-миллионного народа, его славной истории и упорной борьбы за свою национальную индивидуальность»⁷⁵.

Это письмо, датированное 22 января (по старому стилю), не успело быть передано за границу для отправки американскому президенту.

В России началась революция, неожиданно открывшая перед украинским течением новые перспективы.

Заключение

В отечественной историографии утвердилась точка зрения, что формирование трех восточнославянских народов – белорусов, великороссов (русских) и малороссов (украинцев) из некогда единого целого началось с раздельным их существованием – после распада Киевской Руси – в государствах с неодинаковыми государственно-политическими системами и различными этно-культурными влияниями – в России и Великом княжестве Литовском, позже – Речи Посполитой.

К середине XVII в. при заметном развитии этнической дифференциации в общественном сознании восточнославянских народов все еще немалое место занимало представление об их этническом родстве, языковой близости, единстве веры, общей исторической памяти, что послужило важным идейно-психологическим мотивом присоединения к Русскому государству Гетманства, образованного в результате освободительной борьбы местного населения против Речи Посполитой и завывавшего Левобережье Днепра (в дальнейшем – Малороссия).

Эта же этническая близость обусловила впоследствии для малороссов в Российской империи известную альтернативность формирования национального самосознания как общерусского или самостоятельного украинского.

Вхождение Гетманства, а с конца XVIII в. и Правобережья (Юго-Западного края) в состав централизованного абсолютистского государства заведомо благоприятствовало первой возможности. По мере экономической, социальной, административной и правовой интеграции, направленной на обновление Российского государства, сглаживались следы административной автономии бывшего Гетманства. Его старая политическая элита некоторое время противилась объединительному процессу, но разложение прежних социальных отношений, сопутствовавшее новому укладу жизни, свело на нет эту оппозицию.

Высшие слои малороссийского общества, получив все права привилегированных сословий, пошли навстречу объединительным уси-

лиям правительства. Их представители заняли заметное место во властных структурах империи. Аналогичная тенденция наблюдалась в сфере культуры: во второй половине XVII-XVIII в. малороссийская интеллигенция – духовные деятели, ученые, педагоги, писатели, художники, музыканты – играла большую роль в богословии и светской науке, в литературе и искусстве Российского государства, внося заметный вклад в его культурное развитие.

Малороссийское крестьянство, как и великорусское, в качестве низшего сословия не было непосредственно причастно к государственной жизни или к формированию высокой культуры. Но свидетельством приобщения его к интеграционному процессу можно считать отсутствие межэтнических конфликтов в местах совместного проживания малороссов и великороссов и каких-либо массовых выступлений первых на этнической основе.

Есть основания полагать, что именно реальные проявления социальной и культурной интеграции послужили почвой для укоренившейся в России концепции триединого русского народа с племенными различиями между тремя его ветвями и с языковыми особенностями на уровне наречий или диалектов. В рамках этой концепции мотивировалось утверждение об участии на равных представителей всех ветвей в создании русского литературного языка, делавшем, как считалось, излишним параллельное развитие иных языков и литератур русского корня.

Такое представление было характерно не только для официальных сфер, но и для российской общественности и разделялось преобладающей частью этнических малороссов, придерживавшихся двойной идентичности, не противопоставляя любви и приверженности к своей «малой родине» с ее общепризнанным этно-культурным своеобразием и гражданской верности Российскому государству. Современный украинский историк весьма точно определила это как «ментальный компромисс народа с уже сформировавшимися этническим сознанием, но без политико-государственной самореализации»¹.

Однако с начала XIX в. проявила себя и другая возможность. Со времени Петра I и Екатерины II Россия установила живые и непосредственные связи с Европой, что способствовало проникновению новейших общественных и политических идей и понятий о суверенитете народа, о демократии и республиканизме и развитию параллельно идеи нации. Все эти представления и понятия оказали существенное влияние на общественно-политическую ситуацию в России. Самым ярким политическим откликом стало движение дворянских революционеров

– декабристов. Своеобразное и неодинаковое преломление в разных кругах получила национальная и этническая проблематика.

Если для поляков современная концепция нации как этно-культурной и политической общности служила мощным подспорьем в политической борьбе за восстановление собственной государственности, то образованное общество Малороссии восприняло преимущественно романтические гердеровские мысли о своеобразии и неповторимости каждого народа, о влиянии глубинных народных корней на развитие и облик национальных культур. Малороссийские ученые и писатели, не связывая эту проблематику с вопросами политического статуса края, занялись собиранием этнографического материала, поэтических, музыкальных произведений народного творчества, дали первые образцы малороссийской художественной литературы с использованием местного народного языка. Все это служило укреплению этнокультурной традиции, но не имело ничего общего с выведением проблемы на политический уровень. Великорусская общественность, как признавали позже украинские либералы, отнеслась с «интересом к нарождавшейся литературе и с идейным сочувствием к национальному возрождению», выявленным «отдельными представителями славянофильской мысли»². Фольклорные и этнографические увлечения образованных малороссов не встречали препятствий со стороны властей.

Но М. С. Грушевский позже сетовал, что «создание национальной жизни» – он ее понимал не иначе, чем в политическом, государственном смысле – пришлось начинать «заново, на пустом месте»³.

И на этом самом «пустом месте» небольшие группы малороссийского дворянства выделились из общей массы лояльных, благонамеренных подданных империи. Под влиянием декабризма и в еще большей мере – польского национального движения они были вовлечены в политическую конспирацию под знаком польского варианта концепции славянской федерации, наделенного на политический раскол восточного славянства.

Идея славянской федерации и далее оставалась той внешней оболочкой, под покровом которой ее сторонники так или иначе хотели сформировать политический статус Украины. Социально-политическое наполнение украинских федеративных концепций со временем менялось. Идеология Кирилло-Мефодиевского братства в 40-е годы XIX в. воплотила страстное антикрепостничество, идеалистический, родственник российскому славянофильству, панславизм с романтическими элементами украинского мессианства, демократизм и республиканизм, соче-

тавшие европейские представления о гражданском равенстве, политической, национальной, языковой свободах с архаической вечевой традицией средневековых Новгорода и Пскова и стремлением возродить казачье народоправство.

Во второй половине XIX в. М. П. Драгоманов был социалистом-федералистом европейского толка. В основе его концепции лежала идея преобразования централизованного государства в федерацию свободных, самоуправляемых общин и территорий, создаваемых в первую очередь на основе общности экономических и культурных потребностей и уж затем – национальных интересов. Он полагал, что в случае демократизации, обеспечивающей полноту гражданских прав, окажутся удовлетворенными и многие национальные потребности.

В дальнейшем украинский федерализм начала XX в., ключевыми понятиями которого стали договорное начало и национально-территориальная автономия, приобрел некоторые этнократические признаки.

Таким образом, возникновение украинского вопроса было связано с началом формирования современного, включавшего политическую составляющую, национального самосознания. Процесс этот развивался чрезвычайно медленно, охватывая лишь узкие группы малороссов – молодежи и интеллигенции преимущественно гуманитарной специализации, которая сама по себе не могла вывести свои национальные устремления на уровень действительного и широкого движения. Правда, во время революции 1905–1907 гг. поборники украинства проявили определенную способность к действию: положили начало украинской печати, образовали украинскую фракцию в Государственной думе I созыва, поддержали создание национальных культурно-просветительных учреждений и т. д. Но для организации действительно широкого движения кроме, соответствующих политических условий и готовности идеологически подготовленных энтузиастов, необходима была заинтересованность как экономически властвовавших, так и массовых трудовых слоев. Однако ни те, ни другие из малороссов в своем социальном положении и профессионально-хозяйственной деятельности не испытывали ограничений по этническому признаку, что заведомо суживало социально-экономическую мотивировку, а следовательно социальную и материальную базу украинского движения и его кадровые ресурсы. В результате сторонники политического украинства не обладали сколько-нибудь заметными позициями в земствах и городском самоуправлении, не могли широко инициировать разрешенное после 1905 г. кооперативное движение и другие экономические организации.

Украинское национальное течение в России зародилось в революционной, антимонархической среде и даже в своем либеральном, постепенском варианте связывало решение национальных задач с изменением государственного строя, к чему большая часть малороссов не была готова. Власти же рассматривали идеологию украинского течения как один из источников антигосударственной опасности и за это преследовали ее приверженцев.

Между тем несравненно более успешным в формировании массового национального самосознания оказалось украинское движение в Галиции, участники которого, не дожидаясь кардинального преобразования государственной системы Дунайской империи, на основе неукоснительной лояльности к ее правительству вели кропотливую повседневную работу локального, на первый взгляд, характера, заботясь об открытии каждой новой украинской школы, библиотеки или сельского кооператива. И в результате, как справедливо отмечалось в одном из аналитических документов украинских либералов, галицийские украинские деятели «на почве общегосударственных конституционных свобод достигли высокого уровня развития в сфере национальной школы, науки, литературы, приобрели значительное политическое влияние... и укрепили экономическое положение своего народа»⁴.

В России же лояльность украинского течения подвергалась сомнению из-за конфронтационной политизированности некоторых его элементов, но особенно по причине широкого воздействия на него польского национального движения, служившего не только примером эффективной национальной мобилизации, но и непосредственно подогревавшего украинский национализм в качестве потенциально союзной силы в борьбе против российского государственного центра. Именно польская повстанческая пропаганда в Правобережье сделалась причиной отмены уже санкционированного правительственными инстанциями введения в начале 1860-х годов местного языка в народных школах Малороссии, вследствие чего украинское течение оказалось отрезанным от важнейшей сферы воспитания национального духа.

В последней трети XIX и в начале XX столетия по мере обострения противоречий России с Австро-Венгрией и Германией росла заинтересованность последних в использовании украинского течения в качестве центробежной силы, способной негативно влиять на внутреннюю ситуацию их внешнеполитического противника. Ущемленные в своих культурно-политических возможностях на родине сторонники украинства из России попали в австрийской Галиции в условия, бла-

гоприятствовавшие осуществлению поставленной ими перед собой задачи формирования культурных основ национальной жизни путем издания украинской художественной, научной, политической литературы, а также ведения организационно-политической работы.

Накануне первой мировой войны внешнеполитический фактор сыграл особую роль в активизации украинского, как и других национальных движений в России. Если в революции 1905–1907 гг. их стимулировал подъем революционных и демократических сил в стране, то в предвоенные годы взбодрило то обстоятельство, что лозунги освобождения малых народов и их самоопределения обе враждебные группировки великих держав сделали инструментом ослабления изнутри своих потенциальных противников – многонациональных Австро-Венгрии, Турции, России.

Естественно при этом, что австро-германская заинтересованность в украинском вопросе, как ранее и «польская интрига», дали российскому официозу и русским националистам повод для обвинений в иноземном и иноземном происхождении украинского движения, а традиционные связи последнего с австрийским галицийским украинством, полностью поддержавшим свое правительство против России, усугубили подозрения в потенциальном предательстве – в стремлении к отторжению края от России. Украинскому движению был присвоен ярлык «мазепинства».

На пороге XX в. в России началась партийно-политическая дифференциация. Анализ этого процесса позволяет судить о степени различий в подходе к украинскому вопросу, созревших в российском обществе. Официальные сферы по-прежнему придерживались традиционной идеологии общерусского единства и старались, пренебрегая культурной стороной украинского движения и отвергая национально-политическую, искоренить украинство как явление, по их разумению, чужеродное и антигосударственное. Даже часть российских либералов, которые полагали, что к тому времени завершился исторический процесс слияния малороссов и великороссов в единый национальный организм, оставив между ними лишь этно-региональные различия, видели в украинском движении опасность национально-культурного раскола и угрозу государственной целостности России.

Но большинство в либеральной оппозиции отошло от ранее доминировавшей концепции триединой нации, признав этно-языковую самостоятельность малороссов и сделав принцип их культурно-национального самоопределения своим программным и практическим требованием. Этот

принцип лег в основу соглашения о сотрудничестве между Конституционно-демократической партией и организацией украинских прогрессистов. (Первая мировая война помешала реализации условий этого соглашения.) Вместе с тем кадеты не разделяли украинского постулата национально-территориальной автономии, возражая, не без оснований, что при этнически смешанном населении страны административное структурирование по национальному признаку может поставить разные этнические группы в неравное положение и стать причиной новых межэтнических конфликтов. Они полагали, что проблема национального равноправия разрешима в рамках широкой демократизации государственной и общественной жизни, что и было их стратегической целью.

Из всего спектра российских политических направлений только социалисты-революционеры, поставившие федеративный принцип во главу угла партийного строительства, а также будущего общественного и государственного устройства, разделяли с украинскими деятелями перспективу «федеративных отношений между отдельными нациями» в Российском государстве. Родственная эсерам Трудовая группа теми небольшими силами, какими она располагала в Государственной думе III и IV созывов, поддерживала украинское движение, стараясь установить и внепарламентское сотрудничество.

Наконец, российская социал-демократия, ее большевистская фракция – именно большевикам в недалеком будущем выпало на практике заниматься украинским и другими национальными вопросами – до 1917 г. имела такую национальную программу, которая плохо соотносилась как со стратегическими устремлениями, так и с ближайшими практическими целями украинского движения. Большевистские теоретики в ранних суждениях по национальной проблематике отрицали необходимость национальной автономии, а связанное с ней федеративное устройство находили не лучшей, «слабой» формой государственной организации, считая в то время ключевым и достаточным для решения национального вопроса завоевание политической, гражданской свободы и равноправия при республиканско-демократическом устройстве⁶.

Особенно категоричны лидеры большевиков были в своем отрицании национально-культурного комплекса, представлявшего как раз программу-минимум украинского движения и получившего поддержку в либеральных и демократических кругах России. Ленинское неприятие «борьбы за всякое национальное развитие», за «национальную культуру вообще» заранее суживало перспективу сотрудничества с на-

циональными силами рамками «борьбы против всякого национально-го гнета»⁶, не оставляя поля для взаимодействия на конструктивной, созидательной основе: Партия, предлагавшая украинскому движению вместо живой поддержки его первоочередных национально-культурных требований абстрактную формулу права наций на отделение, провозглашавшегося к тому же в целях пропаганды, а не в качестве стратегической перспективы, не могла рассчитывать на взаимопонимание даже с левым крылом украинства.

Данные партийного структурирования, имевшего место и на национальной украинской почве, — образовались украинские партии социал-демократической, эсеровской и либеральной ориентации — содержат некоторые количественные и иные показатели, подтверждающие представление о весьма скромном масштабе украинского движения. Все без исключения украинские партии — они, как и общероссийские формировались в период революции 1905–1907 гг., т. е. практически при равных для всех возможностях, — численно уступали аналогичным по социально-политической ориентации общероссийским, действовавшим на одной с ними территории малороссийских губерний.

Характерно, что лозунг самостоятельной Украины, провозглашенный на рубеже столетий, при образовании Революционной украинской партии, вскоре был снят по причине неэффективности, непопулярности его в массе малороссов. Большинство украинских партий назвали стратегической целью автономию Украины в преобразованной на федеративных началах России. Основная преемница РУП Украинская социал-демократическая рабочая партия ограничилась программным требованием автономии. При этом показательно, что в годы первой революции гораздо большей, чем УСДРП популярностью пользовался образовавшийся параллельно Украинский социал-демократический союз — Спилка, не поддерживавший требования автономии и видевший свою роль в организации украинских рабочих в общероссийском социал-демократическом движении.

Значительная часть политически активных жителей края, считавших себя этническими малороссами, принадлежала к общероссийским партиям, в том числе и к таким, которые не проявляли озабоченности национальной проблематикой.

Более того, оказалось немало этнических малороссов, разделявших официальную концепцию триединой нации и боровшихся против украинства в рядах русских националистов. Причем это касалось не только верхних слоев, входивших в общероссийскую сословную или ин-

теллектуальную элиту, но и значительной части крестьян, в силу своего социального статуса мало затронутых русификацией, тем не менее составлявших в юго-западных губерниях массовую базу русских националистических организаций, которые превосходили по численности все другие партии и организации в крае.

Такого рода данные, хотя и не могли отразить точного соотношения социально- и национально-политических сил, как это бывает при конституционном строе с демократической избирательной системой, тем не менее с достаточной очевидностью свидетельствовали о том, что политическая и в конечном счете национально-государственная ориентация украинства не закрепились как доминанта в самосознании большинства малороссов, которые не видели противоречия между своей этнической идентичностью и своим российским гражданством.

Таким образом, носители национальной идеи в политическом ее значении — «сознательные украинцы», как они себя называли, находились среди своих земляков в очевидном меньшинстве и не были в состоянии вывести украинский вопрос на острие внутренней жизни дореволюционной России.

Правда, после крушения старой императорской России эта горстка «сознательных украинцев» благодаря своей убежденности и наличию организационных структур сумела в первый момент, в волнах углублявшегося хаоса, что называется, сорвать ветер с парусов антивоенного движения и назревшей в деревне аграрной революции и преобразовать эти мощные потоки в энергию государственного строительства. Но вскоре выяснилось, что только на короткое время, ибо при основании Украинской народной республики как этно-национального государства слабы оказались именно этно-национальные мотивы, достаточно развитые лишь в обществах, достигших зрелого и массового национально-политического сознания.

В дальнейшем формированию украинского самосознания способствовала советская власть, осуществившая, как ни парадоксально, национально-территориальные постулаты дореволюционного украинского движения в виде Украинской советской республики и по крайней мере в течение первого десятилетия форсировавшая политику административной и культурной украинизации.

Примечания

От автора

- ¹ Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Київ, 1996. Т. I. С. 398–400.
- ² Там же. С. 401.
- ³ Цит. по: Історія України. Нове бачення. Київ, 1996. Т. 2. С. 26.
- ⁴ Листування Є. Х. Чикаленко з В. К. Винниченком та П. Я. Стебницьким // Український історичний журнал (далее – УИЖ). 1997. № 5. С. 130.
- ⁵ Винниченко В. Відродження нації. Київ–Відень, 1990. Ч. II. С. 216–217.
- ⁶ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. Доба Центральної Ради. Ужгород, 1932. С. 198–199, 257–258.
- ⁷ Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Прага, 1942. Т. I. С. 27.

Глава 1

- ¹ Флоря Б. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья – раннего нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 13.
- ² Нальде Б. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 291.
- ³ Яковлева Т. Г. Годяцкий договор – легенда и реальность // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. I. С. 74.
- ⁴ Грушевський М. Листрована історія України. Київ, 1918. С. 331, 335, 336.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5787. Оп. I. Д. 28. Л. 14–15. – Н. М. Могилянский. Украина во время войны. (Машиннописный текст).
- ⁶ Флоря Б. Указ. соч. С. 17, 24.
- ⁷ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1954. Т. III. С. 468.
- ⁸ Там же. С. 152.
- ⁹ Горобец В. Украинно-российские отношения и политико-правовой статус Гетманщины (вторая половина XVII – первая четверть XVIII века) // Россия – Украина... С. 81.
- ¹⁰ Смолій В. А., Гурожий О. І. Становлення Української феодальної державності // УИЖ. 1990. № 10. С. 19–20.
- ¹¹ См.: Санин Г. Антисманские войны в 70–90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Россия – Украина... С. 61, 73; Артамонов В. Позиции гетманской власти и России на Украине в конце XVII – начале XVIII века // Там же. С. 89–99.
- ¹² Козут З. Російський централізм і українська автономія: ліквідація Гетьманщини 1760–1830. Київ, 1996. С. 226–232.
- ¹³ Франко І. Ukraina irredenta // Політологія. Кінець XIX – перша половина XX ст. Хрестоматія. Львів, 1996. С. 48.

- ¹⁴ *Ефименко А. Я.* Малорусское дворянство и его судьба. Исторический очерк // Вестник Европы. 1891. Т. VIII. С. 515–569; *Мякотин В. А.* Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. Прага, 1926. Вып. III.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 27.
- ¹⁶ *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина... С. 138.
- ¹⁷ *Драгоманів М.* Листи на Наддніпрянську Україну. Коломия, 1894. С. 88.
- ¹⁸ Там же. С. 32.
- ¹⁹ *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. С. 421–429.
- ²⁰ *Валков В.* «На родину туристом не ездят» // Литературная газета. 1989. 23 авг. С. 15.
- ²¹ *Миллер А.* Россия и русификация Украины в XIX век // Россия – Украина... С. 145.
- ²² *Гулыга А. В.* Гердер (1744–1803). М., 1963.
- ²³ *Костомаров Н. И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1990. С. 534.
- ²⁴ *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 300.
- ²⁵ *Grünberg K.* Polskie koncepcje federalistyczne 1864–1918. Warszawa, 1971. S. 292; *Hass L.* Wolnomularstwo ukraińskie (do rewolucji lutowej) // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Warszawa, 1981. T. XVII. S. 22–23.
- ²⁶ См.: *Бояца Д.* Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831–1863). Київ, 1997.
- ²⁷ *Сфремов С. А.* Масонство на Україні // Наше минуле. 1918. № 3. С. 9; *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 179–200.
- ²⁸ *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. С. 483.
- ²⁹ *Крижановська О. О.* Тасмні організації в Україні. Масонський рух у XVIII – на початку XX ст. Київ, 1998. С. 60–63, 128; *Серков А. И.* Указ. соч. С. 179–182.
- ³⁰ *Полонська-Василенко Н.* Історія України. Київ, 1995. Т. 2. С. 280, 292.
- ³¹ *Hass L.* Op. cit. S. 24–25.
- ³² *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 47; *Лисенко М. М.* До питання про Малоросійське товариство (1821–1825 рр.) // УДК. 1967. № 4. С. 66–75; *Сергієнко Г. Я.* Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. Київ, 1971.
- ³³ *Декабристы.* Избранные сочинения. М., 1987. Т. I. С. 82–84.
- ³⁴ Цит. по: *Полонська-Василенко Н.* Історія України. Т. 2. С. 293.
- ³⁵ Там же. С. 296.
- ³⁶ *Костомаров Н. И.* Исторические произведения. Автобиография. С. 534.
- ³⁷ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Избранные страницы. М., 1989. С. 390.
- ³⁸ *Лейкина-Свирская В. П.* Петрашевичи. М., 1965.
- ³⁹ К истории Общества св. Кирилла и Мефодия (1847 г). Устав и правила, прокламации // Было. 1906. № 2. С. 75.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Шкіль А.* Вітер імперії. Збірка статей з геополітики. Львів, 1999.
- ⁴² *Костомаров М.* Книги битія українського народу // Наше минуле. 1918. № 1. С. 7–17.
- ⁴³ *Зайончковский П. А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959. С. 119.
- ⁴⁴ *Драгоманів М. П.* Вибране. Київ, 1991. С. 220.
- ⁴⁵ *Костомаров Н. И.* Исторические произведения. Автобиография. С. 454; *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 183–184.
- ⁴⁶ *Шил Н. А.* Український національно-культурний рух // Нариси з історії українського національного руху. Київ, 1994. С. 53.
- ⁴⁷ Цит. по: *Лемке М. К.* Эпоха цензурных реформ. 1859–1865. СПб., 1904. С. 303.

- ⁴⁸ Драгоманов М. П. Вибране. С. 221–222.
- ⁴⁹ Там же. С. 211–212.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1856. Л. 11.
- ⁵¹ Дорошенко Д. Нарис історії України. Київ, 1991. Т. II. С. 296; Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 57–58.
- ⁵² Ульяновський В. «Ранній» Володимир Антонович: поза контекстами // Київська старовина. 1999. № 2. С. 139.
- ⁵³ Grünberg K. Op. cit. S. 24–28.
- ⁵⁴ Цит. по: Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II. М., 1909. С. 132.
- ⁵⁵ Вернадский В. Вольное // Родина. 1999. № 8. С. 86.
- ⁵⁶ См.: Бовуа Д. Шляхтич, кріпак і ревізор...
- ⁵⁷ Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995. С. 70, 82.
- ⁵⁸ Дорошенко Д. Нарис історії України. Т. II. С. 295–296.
- ⁵⁹ Світленко С. І. Народництво в Україні: сучасний погляд на проблему // УДЖ. 1997. № 3. С. 47; Рудько М. М. Революційні народники на Україні (70-ті роки XIX ст.). Київ, 1973.
- ⁶⁰ Гуревич Л. Дело о распространении малороссийской пропаганды // Былое. 1907. № 7. С. 168–169.
- ⁶¹ Цит. по: Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ... С. 304.
- ⁶² Ульяновський В. Назв. праця. С. 127–140.
- ⁶³ Дорошенко Д. Нарис історії України. Т. II. С. 312.
- ⁶⁴ Там же. С. 312–313.
- ⁶⁵ Савченко Ф. Заборона українства. 1876 р. Харків–Київ, 1930. С. 10–18.
- ⁶⁶ Франко І. Україна irredenta... С. 57.
- ⁶⁷ Драгоманів М. Листи... С. 108.
- ⁶⁸ Алексеев Л. Что такое украинфильство // Русское богатство. 1881. № 2. С. 23.
- ⁶⁹ Дейч Л. Украинцы и общерусская эмиграция // Вестник Европы. 1914. Т. 8. С. 217; Он же. За рубежом // Там же. 1912. Т. 9. С. 181–182.
- ⁷⁰ Драгоманов М. П. Опыт Украинской политико-социальной программы. Женева, 1884.
- ⁷¹ М. Т-ов. Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. 1872. Т. I (февраль). С. 663–677, 681–682; Т. III (май). С. 239.
- ⁷² Щеголев С. Н. Указ. соч. С. 252–263.
- ⁷³ Драгоманов М. Новокельское и провансальское движения во Франции // Вестник Европы. 1875. Т. VIII. С. 703–727.
- ⁷⁴ М. Т-ов. Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. 1872. Т. III (май). С. 215–225, 237.
- ⁷⁵ Драгоманов М. П. Опыт украинской политико-социальной программы. С. 31–32.
- ⁷⁶ М. Т-ов. Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. 1872. Т. II (март). С. 187, 195–196.
- ⁷⁷ Савченко Ф. Назв. праця. С. 62–63.
- ⁷⁸ Франко І. Передмова // Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм. Львів, 1906. С. IX; Щеголев С. Н. Указ. соч. С. 61.
- ⁷⁹ Wasilewski L. Ukraina i sprawa ukraińska. Kraków, 1911. S. 130.
- ⁸⁰ Палонська-Василенко Н. Назв. праця. Т. 2. С. 320; Наше минуле. 1918. № 2. С. 141–143.
- ⁸¹ Цит. по: Дорошенко Д. Нарис історії України. Т. II. С. 316.
- ⁸² Цит. по: Савченко Ф. Назв. праця. С. 381–383; см. також: Київ. 1988. № 9. С. 149.
- ⁸³ Цит. по: Єфремов С. За рік 1912-й. Під обухом. Більшовики в Києві. Київ, 1993. С. 72–74.
- ⁸⁴ Бунин И. А. Собр. соч. В 4-х т. М., 1988. Т. 3. С. 510, 528.
- ⁸⁵ Гревс И. М. П. Драгоманов о Тургенева // Былое. 1925. № 3. С. 115.

⁸⁶ Ульянов Н. И. Указ. соч. С. 190, 195.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 35. Л. 14. – Н. М. Могилянський. Записка по украинскому вопросу и о ближайших перспективах, связанных с Украиной. (Машинописный текст).

Глава 2

- ¹ Субтельный О. Украина. История. Киев, 1994. С. 129–132; *Wasilewski L.* Op. cit. S. 54–55.
- ² Грушевський М. Ілюстрована історія України. С. 503; *Hass L.* Op. cit. S. 26.
- ³ Цит. по: *Нагаєвський І.* Історія Української держави двадцятого століття. Київ, 1994. С. 23.
- ⁴ Подробнее см.: «Руська трійця» в історії суспільно-політичного руху і культури України. Київ, 1987.
- ⁵ Грушевський М. Ілюстрована історія України. С. 503.
- ⁶ *Radzik R.* Ruski ruch narodowy w Galicji Wschodniej 1848–1863 // *Kwartalnik Historyczny.* 1981. № 4. S. 964–966.
- ⁷ Грушевський М. Ілюстрована історія України. С. 501; *Нагаєвський Г.* Назв. праця. С. 26.
- ⁸ *Полонська-Василенко Н.* Назв. праця. Т. 2. С. 328–329.
- ⁹ *Wasilewski L.* Op. cit. S. 99–100.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
- ¹¹ Грушевський М. Ілюстрована історія України. С. 508.
- ¹² Субтельный О. Указ. соч. С. 406.
- ¹³ *Wasilewski L.* Op. cit. S. 106–107; *Флоринский Т. Д.* Малорусский язык и «українсько-руський» літературний сепаратизм // *Український сепаратизм в Росії.* М., 1998. С. 365.
- ¹⁴ *Нагаєвський І.* Назв. праця. С. 27–29.
- ¹⁵ *Полонська-Василенко Н.* Назв. праця. Т. 2. С. 330.
- ¹⁶ *Wasilewski L.* Op. cit. S. 140.
- ¹⁷ *Драгаманів М.* Шевченко, українофілн й соціалізм. С. 4.
- ¹⁸ Там же. С. 13.
- ¹⁹ Цит. по: *Драгаманів М.* Шевченко, українофіли й соціалізм. С. 6.
- ²⁰ *Флоринский Т. Д.* Указ. соч. С. 370.
- ²¹ Цит. по: *Шеголев С. Н.* Украинское движение... С. 85.
- ²² *Житецкий П.* Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876. С. 338.
- ²³ *Wasilewski L.* Op. cit. S. 108.
- ²⁴ *Квітковський Д., Бриндзан Т., Жуковський А.* Буковина II минуле і сучасне. Париж–Філадельфія–Дітройт, 1956. С. 286–288, 484.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 94.
- ²⁶ *Франко І.* Передмова... С. VII.
- ²⁷ *Смоляр Л.* Участь жіноцтва в діяльності громад // *Сучасність.* 1993. № 9. С. 76–79.
- ²⁸ *Миронець Н. І.* З епістолярної спадщини громадсько-політичних діячів України (1917 р.) // *УІЖ.* 1997. № 5. С. 119.
- ²⁹ *Флоринский Т. Д.* Указ. соч. С. 374.
- ³⁰ *Wasilewski L.* Op. cit. S. 143.
- ³¹ Цит. по: *Виноградов К. Б.* Кризисная дипломатия // *Первая мировая война. Пролог XX века.* М., 1998. С. 124.
- ³² *Франко І.* Молода Україна. Ч. 1. Приватні ідеї й епізоди. Львів, 1909; *Дорошенко Д.* Історія України... Т. 1. С. 29; *Нагаєвський І.* Назв. праця. С. 41; *Чорновал І.* Галицька шляхта і проєкт «Київського Королівства» канцлера Отто Бісмарка // *Сучасність.* 1997. № 3. С. 165–171.
- ³³ *Чорновал І.* Політичний реалізм Олександра Барвінського // *Сучасність.* 1998. № 1. С. 100.

- ³⁴ Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Документи і матеріали. Нью-Йорк, 1983. Т. 1. С. 9–16.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 94; см. також: *Кугутяк Н. В.* Радикальна партія в Східній Галичині // УДЖ. 1990. № 10. С. 55–65.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 8; Ф. 579. Оп. 1. Д. 1856. Л. 15–16.
- ³⁷ *Нагаєвський І.* Назв. праця. С. 37–39.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1856. Л. 16.
- ³⁹ Там же. Л. 17.
- ⁴⁰ *Субтельный О.* Указ. соч. С. 418.
- ⁴¹ *Франко І.* *Ukraina i gredenta...* С. 59–61.
- ⁴² Українська суспільно-політична думка... Т. 1. С. 53–56.
- ⁴³ *Чорновал І.* Політичний реалізм Олександра Барвінського. С. 99.
- ⁴⁴ *Дорошенко Д.* Нарис історії України. Т. II. С. 323.
- ⁴⁵ *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. С. 517.
- ⁴⁶ *Царинный А.* Украинское движение. Краткий исторический очерк преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. С. 165–167.
- ⁴⁷ *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. С. 517.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.
- ⁴⁹ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 51.
- ⁵⁰ *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London, 1986. P. 129.
- ⁵¹ *Нагаєвський І.* Назв. праця. С. 43.
- ⁵² *Wasilewski L.* Op. cit. S. 147, 151, 152.
- ⁵³ *Грушевський М.* Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Стаття по славяноведенню. Сборник Императорской Академии наук. СПб., 1904. Вып. 1. С. 299.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Толочко А.* Химера «Киевской Руси» // Родина. 1999. № 8. С. 31.
- ⁵⁶ *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. С. 32–36.
- ⁵⁷ *Залізняк М.* Передмова // *Нольде Б.* Автономія України з історичного погляду. Львів, 1912.
- ⁵⁸ *Толочко А.* Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁹ *Чорновал І.* Політичний реалізм Олександра Барвінського. С. 103.
- ⁶⁰ *Флоринский Т. Д.* Указ. соч. С. 374.
- ⁶¹ Там же. С. 380.
- ⁶² Там же. С. 374.
- ⁶³ *Грушевський М.* Про українську мову. Київ, 1907. С. 21.
- ⁶⁴ Цит. по: *Флоринский Т. Д.* Малорусский язык... С. 375.
- ⁶⁵ Там же. С. 375–376.
- ⁶⁶ Цит. по: *Флоринский Т. Д.* Малорусский язык... С. 384.
- ⁶⁷ *Wasilewski L.* Op. cit. S. 151.
- ⁶⁸ Цит. по: *Щегалев С. Н.* Украинское движение... С. 123.
- ⁶⁹ *Wasilewski L.* Op. cit. S. 153.
- ⁷⁰ *Грушевський М. С.* Автобіографія. Київ, 1926. С. 11.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. С. 533.
- ⁷³ *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989. S. 279–285.

Глава 3

- ¹ Цит. по: *Wasilewski L.* Ukraina i sprawa ukraińska. S. 195.
- ² *Петлюра С. В.* Вибрані твори та документи. Київ, 1994. С. 50–51.
- ³ *Драгоманів М.* Листи... С. 108.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 8. Л. 110.
- ⁵ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 91.
- ⁶ *Яворський М.* Україна в епоху капіталізму. Київ, 1924; *Волобуєв М.* До проблеми української економіки // *Більшовик України.* 1928. № 2–3.
- ⁷ *Гуржій І.* Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х років XIX ст. Київ, 1968.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 28. Л. 34.
- ⁹ *Полонська-Василенко Н.* Назв. праця. Т. 2. С. 407.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 28. Л. 36–47.
- ¹¹ Там же. Л. 34.
- ¹² *Грушевський М.* З біжучої хвилі. Статті й замітки на темні дні. 1905–1906 рр. Київ, 1907. С. 83.
- ¹³ *Михайлюк Л. Г.* Крестьянское движение на Левобережье Украины в 1905–1907 гг. // *Исторические записки.* М., 1954. Т. XIX. С. 168.
- ¹⁴ *Костомаров Н. И.* Задачи украинофильства // *Вестник Европы.* 1882. Т. 2. С. 898–899.
- ¹⁵ Цит. по: *Петров Н. И.* Очерки украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884. С. 201.
- ¹⁶ *Medrzecki W.* Przemiany społeczne i polityczne na Wołyniu w latach 1917–1921 // *Metamorfozy społeczne.* Warszawa, 1997. S. 141.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1901. Л. 4.
- ¹⁸ Цит. по: *Лотоцький О.* Сторінки минулого. Варшава, 1934. Ч. III. С. 71.
- ¹⁹ *Мазепа І.* Назв. праця. Т. 1. С. 9.
- ²⁰ *Винниченко В.* Щоденник 1911–1920. Нью-Йорк, 1978. Т. 2. С. 249–250.
- ²¹ *Млиновецький Р.* Нарис з історії українських визвольних змагань 1917–1918. Торонто, 1970. С. 176.
- ²² *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 50–51.
- ²³ *Акинша К.* Забытый меценат // *Наше наследие.* 1989. № 5. С. 28–38.
- ²⁴ *Наше минуле.* 1918. № 2. С. 201.
- ²⁵ *Вернадский В. И.* «Мирное сожительство народов...» // *Советская культура.* 1989. 14 сент. С. 6.
- ²⁶ *Минувшее.* Исторический альманах. М.–СПб., 1994. Т. 17. С. 113.
- ²⁷ *Вернадский В. И.* «Мирное сожительство народов...» С. 6.
- ²⁸ *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. С. 521.
- ²⁹ *Киселев И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В.* Политические партии в России в 1905–1907 гг. // *История СССР.* 1990. № 4. С. 77–78; *Полонська-Василенко Н.* Назв. праця. Т. 2. С. 418–419; ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 78; *Старинець О. Г.* Виникнення організацій Конституційно-демократичної партії в Україні // *УДЖ.* 1995. № 6. С. 44, 38; *Сыпченко А. В.* Народно-соціалістическа партія в 1907–1917 гг. М., 1999. С. 27–79.
- ³⁰ *Стеланов С. А.* Численность и состав черносотенных союзов и организаций // *Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ.* М., 1987. С. 193; *Киселев И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В.* Указ. соч. С. 77–78; *Омельячук І.* Чорносотенний рух в Україні на початку XX століття // *Сучасність.* 1997. № 12. С. 87.
- ³¹ *Политические партии России. Энциклопедия. Конец XIX – первая треть XX века.* М., 1996. С. 534–536.
- ³² *Союз русского народа. По материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.* 1917 г. М.–Л., 1929. С. 394.

- ³³ Там же. С. 213–228, 376.
- ³⁴ Там же. С. 391.
- ³⁵ *Грушевский М. С.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 53–54.
- ³⁶ *Лавров Ю. П.* Зародження українського національного руху в студентському середовищі // Нариси з історії українського національного руху. С. 92–93; *Світленко С. І.* Народництво в Україні... // УДЖ. 1997. № 4. С. 35; *Наумов С. О.* Братство тарасівців // УДЖ. 1999. № 5. С. 38.
- ³⁷ Українська суспільно-політична думка... Т. I. С. 19–25.
- ³⁸ *Наумов С. О.* Назв. праця // УДЖ. 1999. № 6. С. 56.
- ³⁹ Там же. С. 60–61; *Лавров Ю. П.* Зародження українського національного руху... С. 95–100.
- ⁴⁰ *Наумов С. О.* Назв. праця // УДЖ. 1999. № 5. С. 40, 44.
- ⁴¹ *Касьянов Г.* Українська інтелігенція на рубежі XIX–XX ст.: соціально-політичний портрет. Київ, 1993. С. 48–49; Политические партии России. Энциклопедия. С. 139.
- ⁴² *Ефремов С.* Из общественной жизни на Украине // Русское богатство. 1908. № 7. С. 35.
- ⁴³ Українська суспільно-політична думка... Т. I. С. 88; *Тучапский П. Л.* Из пережитого. Девяностые годы. Харьков, 1924. С. 18; *Полонська-Василенко Н.* Назв. праця. Т. 2. С. 323; *Білоцерківський В. Я., Головаченко В. І.* Іван Степешко – подвижник національного відродження // УДЖ. 1997. № 6. С. 79–80.
- ⁴⁴ *Лавров Ю. П.* Зародження українського національного руху... С. 106–108.
- ⁴⁵ Цит. по: *Лавров Ю. П.* Зародження українського національного руху... С. 107.
- ⁴⁶ Українська суспільно-політична думка... Т. I. С. 70.
- ⁴⁷ *Мартос Б.* Визвольний здув: Україна. Нью-Йорк–Париж–Сідней–Торонто, 1989. С. 19–20.
- ⁴⁸ Українська суспільно-політична думка... Т. I. С. 71.
- ⁴⁹ Там же. С. 74.
- ⁵⁰ Цит. по: Політологія. Кінець XIX – перша половина XX ст. С. 141–142.
- ⁵¹ Цит. по: *Щеголев С. Н.* Украинское движение... С. 195.
- ⁵² Цит. по: *Мартинець В.* Ідеологія організованого і т. зв. Волевого націоналізму. Аналітично-порівняльна студія. Вінніпег, 1954. С. 18.
- ⁵³ Украинская государственность в XX веке. Киев, 1996. С. 39.
- ⁵⁴ *Мартос Б.* Назв. праця. С. 21.
- ⁵⁵ Цит. по: *Білоцерківський В. Я., Головаченко В. І.* Іван Степешко... С. 79.
- ⁵⁶ *Голобуцький О., Кулик В.* Український політичний рух на Наддніпрянщині кінця XIX – початку XX століття. Київ, 1996. С. 29.
- ⁵⁷ *Мартос Б.* Назв. праця. С. 32.
- ⁵⁸ *Голобуцький О., Кулик В.* Назв. праця. С. 37.
- ⁵⁹ *Paly M.* The Ukrainian-Polish Defensive Alliance 1919–1921. An Aspect of the Ukrainian Revolution. Toronto, 1995. P. 13; *Федьков О. М.* Селянство в українському русі // Нариси історії українського національного руху. С. 117; *Млиновецький Р.* Назв. праця. С. 22.
- ⁶⁰ *Гермайзе О.* Нарис з історії революційного руху на Україні. Київ, 1926. Т. I. С. 225–239.
- ⁶¹ *Головаченко В. І.* Від «Самостійної України» до Союзу визволення України: нариси з історії української соціал-демократії початку XX ст. Харків, 1996. С. 57.
- ⁶² *Дорошенко Д.* З історії української політичної думки за часів світової війни. Прага, 1936. С. 40.
- ⁶³ *Касьянов Г.* Назв. праця. С. 79–80; *Головаченко В.* Політичний портрет Мар'яна Меленевського / І Київська старовина. 2000. № 4. С. 99; *Риш А.* Очерки по истории Спильки // Летопис революци. 1925. № 2. С. 125–173.
- ⁶⁴ Цит. по: *Гермайзе О.* Нариси з історії... Т. I. С. 387.
- ⁶⁵ Цит. по: *Мазепа І.* Україна в огні... Т. I. С. 9–10.

- ⁶⁶ Цит. по: *Касьянов Г.* Українська інтелігенція... С. 121.
⁶⁷ Там же. С. 121–122.
⁶⁸ *Гермайзе О.* Назв. праця. Т. 1. С. 71–74; *Мартос Б.* Назв. праця. С. 35.
⁶⁹ Цит. по: *Касьянов Г.* Українська інтелігенція... С. 83–84.
⁷⁰ Там же. С. 84.
⁷¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 104.
⁷² Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 33.
⁷³ Протоколы пятого съезда РСДРП. М., 1935. С. 651.
⁷⁴ *Мазена І.* Назв. праця. Т. 1. С. 10; *Курас І. Ф.* Повчальний урок історії. Київ, 1986. С. 41, 45.
⁷⁵ Українські політичні партії кінця ХІХ–ХХ ст.: програмові і довідкові матеріали. Київ, 1993.
⁷⁶ Українські політичні партії кінця ХІХ–ХХ ст.: програмові і довідкові матеріали. Київ, 1993. С. 29, 94, 116; Протоколи Центрального комітета Конституційно-демократическої партії 1912–1914 гг. (далее – Протоколы ЦК КДП). М., 1997. Т. 2. С. 231; *Федьков О. М.* Назв. праця. С. 117, 118.
⁷⁷ *Голобуцький О., Кулик В.* Назв. праця. С. 71.
⁷⁸ Там же. С. 38–47.
⁷⁹ *Чмырь С. П.* Украинская демократически-радикальная партия: генезис, программа, тактика (90-е годы XIX в. – 1909 г.) // История национальных политических партий в России. М., 1997. С. 150.
⁸⁰ *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 9–10.
⁸¹ *Чмырь С. П.* Указ. соч. С. 151.
⁸² *Грушевський М.* Люстрована історія України. С. 527.

Глава 4

- ¹ *Білоцерківський В. Я., Головаченко В. І.* Назв. праця. С. 80.
² *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 7.
³ Щоденники М. С. Грушевського (1904–1910 рр.) // Київська старовина. 1995. № 1. С. 15.
⁴ *Легоу-Веллієн А.* L'empire des tzars et les russes. Paris, 1990. P. 93.
⁵ Об отмене стесненной малорусского печатного слова. Записка Императорской Академии наук. СПб., 1910. С. 31.
⁶ *Царинный А.* Указ. соч. С. 181.
⁷ Об отмене стесненной малорусского печатного слова. С. 13, 14.
⁸ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 70.
⁹ *Каппелер А.* Указ. соч. С. 138, 140.
¹⁰ Цит. по: *Щеголев С. Н.* Украинское движение... С. 146.
¹¹ *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 7, 15.
¹² *Грушевський М.* З біжучої хвилі; *Он же.* Освобождение России и украинский вопрос.
¹³ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 71, 76, 88.
¹⁴ *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 39.
¹⁵ Там же. С. 10.
¹⁶ Там же. С. 13.
¹⁷ Цит. по: Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком этого движения как сепаратистско-революционного среди населения Малороссии. [Б/м.] [Б/г.]. С. 39.
¹⁸ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 88–89.
¹⁹ Там же. С. 13–14.
²⁰ Там же. С. 60.
²¹ Там же. С. 121–131; *Його же.* З біжучої хвилі. С. 23–32.

- ²² *Remer Cl.* Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18. Frankfurt-am-Main–Berlin–Bern–New-York–Paris–Wien, 1997. S. 155.
- ²³ *Курас О.* Німецька спілка східних прикордонних областей і Україна (1903–1915 pp.) // *Київська старовина*. 2000. № 4. С. 152–153.
- ²⁴ *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 19–21; *Демченко Г. П., Курас І. М.* І. Л. Шраг – «славний український діяч» // *УДЖ*. 1993. № 10. С. 99.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1895. Л. 3.
- ²⁶ *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 39.
- ²⁷ Там же. С. 59.
- ²⁸ Щоденники М. С. Грушевського... С. 15, 17.
- ²⁹ *Чмирь С. П.* Указ. соч. С. 151.
- ³⁰ *Касьянов Г.* Назв. праця. С. 58.
- ³¹ *Верстюк В., Пиріг Р. М.* С. Грушевський: коротка хроніка життя та діяльності. Кнів, 1996. С. 64; *Раманів О.* Наукове товариство ім. Шевченка – перша Українська академія наук // *Київська старовина*. 1999. № 2. С. 59.
- ³² Щоденники М. С. Грушевського... С. 11–29; см. також: *Лисенко О. В.* Виникнення і діяльність українських «Просвіту» // *Наріси з історії українського національного руху*. С. 147.
- ³³ Цит. по: *Щегалеєв С. Н.* Украинское движение... С. 285.
- ³⁴ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 266.
- ³⁵ Щоденники М. С. Грушевського... С. 24.
- ³⁶ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М., 1995. С. 144; *История политических партий в России*. М., 1994. С. 157–158.
- ³⁷ *Федоренко А. А.* Взаимоотношения Партии социалистов-революционеров с российскими национальными партиями // *История национальных политических партий России*. М., 1997. С. 375–376.
- ³⁸ *Сыпченко А. В.* Указ. соч. С. 155–156.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 8. Л. 10об., 12.
- ⁴⁰ *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 49.
- ⁴¹ Там же. С. 19.
- ⁴² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 239.
- ⁴³ Второй съезд РСДРП (июль–август 1903 г.). Протоколы. М., 1959. С. 421.
- ⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 272.
- ⁴⁵ Там же. С. 240.
- ⁴⁶ Там же. С. 105.
- ⁴⁷ Там же. С. 233.
- ⁴⁸ *Старинець О. Г.* Назв. праця. С. 42; *Лотоцький О.* Назв. праця. Ч. III. С. 30–31.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 127об.–128.
- ⁵⁰ Программы политических партий России. С. 328.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 128–128об.
- ⁵² Там же. Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 91–111. – Государственная Дума Первого созыва. Должностные лица, отделы и коммисии; *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 80–81; *Лотоцький О.* Назв. праця. Ч. III. С. 5–17; *Демченко Г. П., Курас І. М.* Назв. праця. С. 99.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 103.
- ⁵⁴ *Демченко Г. П., Курас І. М.* Назв. праця. С. 99.
- ⁵⁵ *Лотоцький О.* Назв. праця. Ч. III. С. 99.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.
- ⁵⁷ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 78, 84.

- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 4.
- ⁵⁹ Лещенко М. М. Українське село в революції 1905–1907 рр. Київ, 1977. С. 346.
- ⁶⁰ Грушевський М. Освобождение России и украинский вопрос. С. 143.
- ⁶¹ Там же. С. 134–138; Його ж. З біжучої хвили. С. 100–105.
- ⁶² ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 78.
- ⁶³ Там же. Д. 10. Л. 32.
- ⁶⁴ Там же. Д. 9. Л. 33.
- ⁶⁵ Там же. Л. 31.
- ⁶⁶ Там же. Л. 27.
- ⁶⁷ Лотоцький О. Назв. праця. Ч. III. С. 21, 24–26.
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 3.
- ⁷⁰ Сарбей В. Г. «Українське питання» в Російській імперії очима дослідників початку і кінця ХХ століття // УІЖ. 1996. № 2. С. 41.
- ⁷¹ Федьков О. М. Назв. праця. С. 125–130.
- ⁷² Омелянчук І. Назв. праця. С. 91.
- ⁷³ Союз русского народа... С. 228, 234, 282.
- ⁷⁴ Там же. С. 391.
- ⁷⁵ Там же. С. 397–398.
- ⁷⁶ Там же. С. 247–248.
- ⁷⁷ Федьков О. М. Назв. праця. С. 113–114.
- ⁷⁸ ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–27.
- ⁷⁹ См.: Бовуа Д. Борьба за землю в Украине (1863–1914). Поляки та соціально-етнічні конфлікти. Київ, 1998; Хонигсман Я. С., Найман А. Я. Евреи Украины. Київ, 1993. Ч. I.
- ⁸⁰ Карр Э. История Советской России. М., 1991. Кн. I. С. 221–222.
- ⁸¹ Политические партии России. Энциклопедия. С. 577.
- ⁸² Степанов С. А. Указ. соч. С. 190; Союз русского народа... С. 282.
- ⁸³ Омелянчук І. Назв. праця. С. 90, 87; «Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 – февраль 1917 г. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 88.

Глава 5

- ¹ ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.
- ² Любченко В. Б. Теоретична та практична діяльність російських націоналістичних організацій в Україні (1908–1914 рр.) // УІЖ. 1996. № 2. С. 55.
- ³ Там же. С. 56, 57; Политические партии России. Энциклопедия. С. 136.
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 28. Л. 3.
- ⁵ Матеріали і документи із діяльності Ч.К. (По матеріалам Деникинської комісії) // На чужой стороне. Прага, 1924. Т. I. С. 206.
- ⁶ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22. С. 303; см. также: Chouguine A. L'Ukraine contre Moscou. 1917. Paris, 1935. P. 113.
- ⁷ Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 328.
- ⁸ Цит. по: Щеголева С. Н. Украинское движение... С. 152.
- ⁹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 70.
- ¹⁰ Стрельский Г., Трубайчук А. Михайло Грушевський, его сподвижники й опоненти. Київ, 1996. С. 165–167.

- ¹¹ Шульгин В. В. Указ. соч. С. 549–809.
- ¹² Цит. по: Щеголев С. Н. Украинское движение... С. 258.
- ¹³ Цит. по: Щеголев С. Н. Украинское движение... С. 277.
- ¹⁴ Цит. по: Шульгин В. В. Годы... С. 504.
- ¹⁵ Цит. по: Любченко В. Б. Теоретична та практична діяльність... С. 58.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 124; Оп. 3. Д. 34. Л. 30.
- ¹⁷ Літературно-науковий вісник. 1910. Т. IV. С. 48.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 123об.
- ¹⁹ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 230.
- ²⁰ Щеголев С. Н. Указ. соч. С. 192.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 3.
- ²² Там же. Л. 4; см. также: Євселевський Л. І., Фарина С. Я. «Просвіта» в Наддніпрянській Україні. Київ, 1993.
- ²³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 4.
- ²⁴ Щеголев С. Н. Указ. соч. С. 197–200, 273; Лисенко О. В. Назв. праця. С. 153–154; Євселевський Л. І., Фарина С. Я. Назв. праця. С. 76–83.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 4.
- ²⁶ Лисенко О. В. Назв. праця. С. 148.
- ²⁷ Щеголев С. Н. Указ. соч. С. 280–281.
- ²⁸ Там же. С. 447; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 3.
- ²⁹ Щеголев С. Н. Указ. соч. С. 446.
- ³⁰ Там же. С. 286–292; Савчук В. С. До історії виникнення катеринославського наукового товариства // УІЖ. 1993. № 10. С. 118–120.
- ³¹ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 230; Щеголев С. Н. Указ. соч. С. 308.
- ³² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 4.
- ³³ Щеголев С. Н. Указ. соч. С. 307.
- ³⁴ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 230.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 28. Л. 48; см. также: Височанський П. Начерк розвитку української споживчої кооперації (дорадянська доба). Катеринослав, 1925.
- ³⁶ Цит. по: Лисенко О. В. Виникнення і діяльність... С. 149.
- ³⁷ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 230; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 7.
- ³⁸ Щеголев С. Н. Указ. соч. С. 301.
- ³⁹ Касьянов Г. Назв. праця. С. 86–87, 92–93.
- ⁴⁰ Там же. С. 88, 91, 123–127.
- ⁴¹ Лавров Ю. П. Про ідейні й організаційні засади Союзу визволення України // УІЖ. 1996. № 6. С. 87.
- ⁴² Головаченко В. Політичний портрет Мар'яна Меленевського. С. 102.
- ⁴³ Цит. по: Горелов М. Є. Дмитро Донцов: штрихи по політичному портреті // УІЖ. 1994. № 5. С. 79.
- ⁴⁴ Донцов Д. Міжнародне положення України і Росії. Київ, 1918. С. 20.
- ⁴⁵ Донцов Д. Підстави нашої політики. Відень, 1921. С. 87.
- ⁴⁶ Там же. С. 97.
- ⁴⁷ Донцов Д. Націоналізм. Львів, 1926. С. 159–178.
- ⁴⁸ Там же. С. 178–188.
- ⁴⁹ Там же. С. 189–200.
- ⁵⁰ Там же. С. 210–215.
- ⁵¹ Донцов Д. Дух нашої давнини. 2-е вид. Дрогобич, 1991.

- ⁵² Мартинець В. Назв. праця. С. 32–33.
- ⁵³ Горелов Н. Брат мой – враг мой? // Родина. 1999. № 8. С. 92.
- ⁵⁴ Українська суспільно-політична думка... Т. I. С. 174, 175.
- ⁵⁵ Там же. С. 177–178.
- ⁵⁶ Там же. С. 179.
- ⁵⁷ Там же. С. 188.
- ⁵⁸ Лавров Ю. П. Про ідейні й організаційні засади... С. 86.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1879. Л. 1–2.
- ⁶⁰ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 230–231.
- ⁶¹ Там же. С. 230, 232.
- ⁶² Голобуцький О., Кулик В. Назв. праця. С. 79.
- ⁶³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 10.
- ⁶⁴ Цит. по: Любченко В. Б. Теоретична та практична діяльність... С. 58.
- ⁶⁵ Цит. по: Любченко В. Б. Теоретична та практична діяльність... С. 60; см. також: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 3.
- ⁶⁶ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 324.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 143.
- ⁶⁸ Любченко В. Б. Назв. праця. С. 57.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 8. Л. 3.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1901. Л. 1.
- ⁷¹ Листи академіка Олександра Білецького 1909–1961 рр. // Київська старовина. 1998. № 6. С. 164.
- ⁷² ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 101об.
- ⁷³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 730/К. Оп. 1. Д. 175. Л. 11, 18.
- ⁷⁴ Norton V. T. Russian Political Masonry and the February Revolution // International Review of Social history. 1983. Vol. 28. Pt. 2. P. 244; Петрункевич Н. И. Указ. соч. С. 338.
- ⁷⁵ Цит. по: Старцев В. И. Российское масонство XX в. // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 34.
- ⁷⁶ За кулісами видимої влади. М., 1984. С. 96–105; Hass L. Ambicje, rachuby, rzeczywistość. Wolnomularstwo w Europie Środkowo-Wschodniej 1905–1928. Warszawa, 1984. S. 59–60.
- ⁷⁷ Elkin V. Attempts to Freemasonry in Russia // The Slavonic and East European Review. London, 1966. Vol. 44. № 103. P. 454–472.
- ⁷⁸ Ibidem.
- ⁷⁹ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22. С. 215–216.
- ⁸⁰ Цит. по: Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. М., 1994. С. 244.
- ⁸¹ М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (Сб. статей). Пг., 1917. С. 56.
- ⁸² Минц И. И. Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980. № 4; Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990; Соловьев О. Ф. Русское масонство 1730–1917. М., 1993; Яковлев Н. Н. Указ. соч.; Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1732–1996. М., 1996 и др.
- ⁸³ Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира) / Вступ. статья и комм. В. И. Старцева // История СССР. 1989. № 6. С. 121–122.
- ⁸⁴ Цит. по: Старцев В. И. Российское масонство XX в. С. 34.
- ⁸⁵ Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 267–268, 305.
- ⁸⁶ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 62–64.
- ⁸⁷ Сидоренко Е. Итальянские угольщики начала XIX в. (Опыт исторического исследования). СПб., 1913.

- ⁸⁸ *Hass L. Ambicje...* S. 64; *Аврех А. Я.* Массоны и революция. С. 185–186.
- ⁸⁹ *Старцев В. И.* Российское масонство XX в. С. 48; *Серков А. И.* История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 102.
- ⁹⁰ Енциклопедія українознавства. Львів, 1991. Т. 4. С. 1486–1487. (Репринт.)
- ⁹¹ РГВА. Ф. 730/К. Оп. 1. Д. 175. Л. 2; *Hass L. Wolnomularstwo ukraińskie...* S. 31–32; *Платонов О.* Масонский заговор в России (1731–1995) // Наш современник. 1995. № 8. С. 210.
- ⁹² *Серков А. И.* История русского масонства 1845–1945. С. 133–135.
- ⁹³ РГВА. Ф. 730/К. Оп. 1. Д. 175. Л. 80б.–90б.; *Hass L. Wolnomularstwo ukraińskie...* S. 35.
- ⁹⁴ *Мат Ф.* Ясновельможна маріонетка // Глобус (Київ). 1924. № 13–14. С. 17–18.
- ⁹⁵ РГВА. Ф. 730/К. Оп. 1. Д. 175. Л. 10, 180б.
- ⁹⁶ *Крижановська О. О.* Назв. праця. С. 69–74.
- ⁹⁷ Русское политическое масонство... // История СССР. 1990. № 1. С. 141–150; *Грушевський М. С.* Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 133; № 9. С. 132–133; *Солдатенко В. Ф.* Українська революція. Київ, 1997. С. 74; *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 247; *Портнова Л.* Стосунки між масонами Великої ложи України та Великого сходу Франції в 1918–1919 роках // Київська старовина. 1999. № 3. С. 164.
- ⁹⁸ Цит. по: *Винар Л.* Михайло Грушевський історик і будівничий нації. Нью-Йорк, Київ, Торонто, 1995. С. 214.
- ⁹⁹ *Верстюк В. Ф., Пиріг Р. Я.* Назв. праця. С. 38.
- ¹⁰⁰ Русское политическое масонство... // История СССР. 1990. № 1. С. 141, 143–147.
- ¹⁰¹ См., например: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 10.
- ¹⁰² Протоколы ЦК КДП. Т. 3. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 260–261.
- ¹⁰³ Русское политическое масонство ... // История СССР. 1990. № 1. С. 141–142.
- ¹⁰⁴ *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 246.
- ¹⁰⁵ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 20, 27; ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
- ¹⁰⁶ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 13.
- ¹⁰⁷ *Касьянов Г.* Назв. праця. С. 67.
- ¹⁰⁸ Украинская платформа // Украинская жизнь. 1912. № 4. С. 82–83; *Щеголев С. Н.* Указ. соч. С. 430–431.
- ¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же. Л. 46.
- ¹¹² Там же. Л. 46–47.
- ¹¹³ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 219.
- ¹¹⁴ *Лотоцкий О.* Назв. праця. Ч. III. С. 61–72.
- ¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 227.
- ¹¹⁶ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 71, 77–78.
- ¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 1.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 74.
- ¹¹⁹ Там же. Д. 4. Л. 9.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 156; *Щеголев С. Н.* Указ. соч. С. 432–433.
- ¹²¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 1.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же. Л. 2.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 37, 82, 173.

Глава 6

- ¹ См.: Ефремов С. А. Благородный осведомитель // Украинская жизнь. 1913. № 2. С. 85–98.
- ² Ленинский сборник. М., 1937. Т. XXX. С. 10.
- ³ Там же.
- ⁴ Струве П. Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская мысль. 1912. № 1; *Он же*. К вопросу о самостоятельной украинской культуре // Там же. 1911. № 5; *Он же*. На разные темы // Там же. 1911. № 1.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 50.
- ⁶ Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 2.
- ⁷ Милюков П. Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1925. С. 177.
- ⁸ Цит. по: Туполев Б. М. Россия в военных планах Германии // Первая мировая война. Пролог XX века. С. 52–53.
- ⁹ Щоденники М. С. Грушевського... С. 26.
- ¹⁰ Милюков П. Н. Национальный вопрос... С. 177.
- ¹¹ См.: Европейская война как провозвестник славянской федерации. М., 1914.
- ¹² См.: Хаген М. Держава, нація та національна свідомість: російсько-українські відносини в першій половині XX ст. // УІЖ. 1998. № 1. С. 123.
- ¹³ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 223.
- ¹⁴ Там же. С. 194, 219, 223–224.
- ¹⁵ Русское политическое масонство... // История СССР. 1990. № 1. С. 142.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1330. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Л. 3–4.
- ¹⁸ Там же. Д. 1337. Л. 1.
- ¹⁹ Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 125.
- ²⁰ Грушевський М. Освобождение России и украинский вопрос. С. 72, 269–271; *Його ж*. З біжучої хвилі. С. 12.
- ²¹ Щоденники М. С. Грушевського... С. 21.
- ²² Wasilewski L. Op. cit. S. 180.
- ²³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 130об.
- ²⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 49. С. 377.
- ²⁵ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 287.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 8. Л. 50.
- ²⁷ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 229–230.
- ²⁸ Там же. С. 229, 231.
- ²⁹ Там же. С. 230.
- ³⁰ Там же. С. 229.
- ³¹ Там же. С. 231.
- ³² Там же. С. 229.
- ³³ Там же. С. 230.
- ³⁴ Нечуй-Левицький І. Криве дзеркало української мови. Київ, 1912. С. 6, 44, 66, 68.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 25.
- ³⁶ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 230–231.
- ³⁷ Цит. по: Павличко С. Агатагил Кримский у 1890-і роки: на підступах до радикального сепаратизму // Київська старовина. 1999. № 3. С. 118.

- ³⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. СПб., 1910. Стлб. 1264.
- ³⁹ Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 232.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Цит. по: *Щеголев С. Н.* Украинское движение... С. 320.
- ⁴³ Тарас Шевченко. Документи і матеріали. 1814–1861. Київ, 1963. С. 176–178.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 3; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 98, 99.
- ⁴⁵ *Любченко В. Б.* Назв. праця. С. 60.
- ⁴⁶ Цит. по: *Чикаленко Є. Х.* Щоденник. Львів, 1931. С. 254–255.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 3.
- ⁴⁸ В Клубе Русских Националистов // Киевлянин. 1914. 11 янв.
- ⁴⁹ *Любченко В. Б.* Назв. праця. С. 61; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 3.
- ⁵⁰ Цит. по: *Любченко В. Б.* Теоретична та практична діяльність... С. 61.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 3.
- ⁵² Цит. по: *Любченко В. Б.* Теоретична та практична діяльність... С. 61–62.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 3.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1873. Л. 1.
- ⁵⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914. Ч. II. СПб., 1914. Стлб. 707.
- ⁵⁶ Там же. Стлб. 710–711.
- ⁵⁷ Там же. Стлб. 716–718.
- ⁵⁸ Там же. Стлб. 719–720.
- ⁵⁹ *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 144.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
- ⁶¹ Там же. Л. 100об.
- ⁶² *Верстюк В. Ф., Пиріг Р. Я.* Назв. праця. С. 69.
- ⁶³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 103.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 5.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. Л. 3–6об.; Ф. 523. Оп. 2. Д. 26. Л. 3–4.
- ⁶⁸ Государственная дума. Четвертый созыв... Ч. II. Стлб. 911–915.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 121.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1879. Л. 4об.
- ⁷¹ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 103об.
- ⁷² Протоколы ЦК КДП. Т. 2. С. 278.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 730. Л. 6.
- ⁷⁴ Там же. Д. 1879. Л. 4.
- ⁷⁵ Там же. Д. 730. Л. 6–7.
- ⁷⁶ Там же. Л. 7.
- ⁷⁷ Там же. Д. 1879. Л. 5об.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 103об.
- ⁷⁹ *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 144.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 140–140об.
- ⁸¹ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1879. Л. 2.
- ⁸² Государственная дума. Четвертый созыв... Ч. II. Стлб. 909.

- ⁸³ Там же. Стлб. 902–903.
⁸⁴ Wasilewski L. Op. cit. S. 195.
⁸⁵ Государственная дума. Четвертый созыв... Ч. II. Стлб. 903–904.
⁸⁶ Там же. Стлб. 915.
⁸⁷ Там же. Стлб. 905–906.
⁸⁸ Там же. Стлб. 906.
⁸⁹ Там же. Стлб. 907–908.
⁹⁰ Там же. Стлб. 910.
⁹¹ Листування Є. Х. Чикаленко з В. К. Винниченком та П. Я. Стебницьким // УДЖ. 1997. № 6. С. 112.
⁹² Грушевський М. Освобождение России и украинский вопрос. С. 12.
⁹³ Государственная дума. Четвертый созыв... Ч. II. Стлб. 930–932.
⁹⁴ Там же. Стлб. 893, 896.
⁹⁵ Там же. Стлб. 917–920.
⁹⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 2. Д. 231. Л. 1.
⁹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1873. Л. 1.
⁹⁸ Там же. Д. 1879. Л. 2–7.
⁹⁹ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 125об., 142об.
¹⁰⁰ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1879. Л. 6об.

Глава 7

- ¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 112об.
² Там же.
³ Там же. Л. 113.
⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 2. С. 511, 512, 517, 522.
⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 121об.–122.
⁶ Там же. Л. 122об.–125об.
⁷ Там же. Л. 125об.
⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 143.
⁹ Там же. С. 323.
¹⁰ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 125об.
¹¹ См.: Национальные процессы в США. М., 1973.
¹² Исламов Т. М. Распад Австро-Венгерской монархии и его последствия в политической эволюции Среднеевропейского региона // Первая мировая война. Пролог XX века. С. 342–346.
¹³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 126.
¹⁴ Там же. Л. 126об.
¹⁵ Там же. Л. 140об.
¹⁶ Там же. Л. 131об., 146.
¹⁷ Там же. Л. 135–135об.
¹⁸ Там же. Л. 128.
¹⁹ Там же. Л. 129.
²⁰ Там же. Л. 129об.–130.
²¹ Там же. Л. 135.
²² Там же. Л. 136.

- ²³ Там же. Л. 139об.
²⁴ Там же. Л. 136.
²⁵ Там же. Л. 142об.
²⁶ Там же. Л. 132об.
²⁷ Там же. Л. 136об.
²⁸ Там же. Л. 139об.–140.
²⁹ *Грушевский М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 146–148.
³⁰ Там же. С. 141, 145.
³¹ РГВА. Ф. 308/К. Оп. 9. Д. 18. Л. 3–4.
³² Biblioteka PAN w Krakowie. Dział rękopisów. Sygn. 7862. J. Zdanowski. Dziennik. T. VI. Cz. VII. K. 87.
³³ РГВА. Ф. 271/К. Оп. 1. Д. 62. Л. 24.
³⁴ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 142об.
³⁵ Українська біографістика. Київ, 1996. Вып. 1. С. 104–105; см. также: *Даниленко В. М., Добрянський О. В.* Академик Степан Смаль-Стоцький: Життя і діяльність 1859–1938 рр. Чернівці, 1996.
³⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 145об.
³⁷ Там же. Л. 151–156.
³⁸ Ленинский сборник. Т. XXX. С. 61.
³⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 229.
⁴⁰ Там же. Т. 21. С. 134–135; Т. 22. С. 267–269.
⁴¹ Там же. Т. 48. С. 162.
⁴² Там же. С. 169.
⁴³ См.: Там же. Т. 23. С. 314–322, 444–448; Т. 24. С. 113–150, 382–395; Т. 25. С. 255–320, 435–440; Ленинский сборник. М.–Л., 1931. Т. XVII. С. 213–234; Т. XXX. С. 51–57, 61–72.
⁴⁴ Ленинский сборник. Т. XXX. С. 53, 63.
⁴⁵ *Сталин И. В.* Соч. М., 1946. Т. 2. С. 297.
⁴⁶ Там же. С. 296.
⁴⁷ Там же. С. 293, 301.
⁴⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 125.
⁴⁹ Там же. С. 131, 133.
⁵⁰ Там же. С. 385.
⁵¹ *Мартос Б.* Назв. прашя. С. 53–55.
⁵² *Грушевський М.* З біжучої хвилі. С. 83.
⁵³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 150.
⁵⁴ Там же. Т. 25. С. 287.
⁵⁵ *Сталин И. В.* Соч. Т. 2. С. 310–311.
⁵⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 234.
⁵⁷ Там же. Т. 25. С. 318.
⁵⁸ Там же. Т. 48. С. 235.
⁵⁹ Українська суспільно-політична думка... Т. I. С. 238.
⁶⁰ Ленинский сборник. Т. XVII. С. 223.
⁶¹ Там же. С. 224–235.
⁶² Там же. С. 233.
⁶³ *Каппелер А.* Указ. соч. С. 139–140; см. также: *Он же.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 121.
⁶⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 123.
⁶⁵ Ленинский сборник. Т. XVII. С. 220.

- ⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 132.
⁶⁷ Там же. С. 57.
⁶⁸ Там же. Т. 25. С. 148.
⁶⁹ Там же. С. 149.
⁷⁰ Там же. Т. 48. С. 235.
⁷¹ Там же. Т. 24. С. 58.
⁷² См.: Ленинский сборник. Т. XXX. С. 10–21.
⁷³ Там же. С. 25, 26.
⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 337–338; Т. 24. С. 208–210, 447–449; Т. 25. С. 280.
⁷⁵ Там же. Т. 25. С. 284; см. также: *Аверех А. Я.* Царизм и IV Дума 1912–1914. М., 1981. С. 171–174.
⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 128.
⁷⁷ Там же. Т. 48. С. 282.
⁷⁸ Там же. С. 68, 74.
⁷⁹ *Головченко В.* Політичний портрет Мар'яна Меленевського. С. 101.
⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 202; см. также: С. 277–278, 410.
⁸¹ Там же. С. 204.
⁸² Цит. по: Записка об украинском движении... С. 58; см. также: *Мазена І.* Назв. праця. Т. 1. С. 23–24.
⁸³ Записка об украинском движении... С. 58.

Глава 8

- ¹ *Добржанский А. В.* Украинцы Австро-Венгрии накануне и в начале первой мировой войны: проблемы политического выбора // Доклад на международной конференции историков «Первая мировая война и XX век». Москва. 24–26 мая 1994 г. (Рукопись).
² Цит. по: *Дорошенко Д.* Історія України... Т. 1. С. 23.
³ Записка об украинском движении... С. 23–24, 26; *Горелов М. Е.* Назв. праця // УДЖ. 1994. № 5. С. 82.
⁴ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 19–20.
⁵ Там же. С. 28.
⁶ *Скоропис-Йалтуховський О.* Мої злочини // Хліборобська Україна / Зб. Відень, 1920–1921. № 2–3–4. С. 196.
⁷ Там же. С. 197–200, 203.
⁸ Там же. С. 207.
⁹ Там же. С. 196, 202–205, 207.
¹⁰ Записка об украинском движении... С. 21–23.
¹¹ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 25.
¹² Цит. по: Записка об украинском движении... С. 26.
¹³ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 31.
¹⁴ *Germany and the Revolution in Russian 1915–1918.* London–New-York–Tokyo, 1958. P. 1.
¹⁵ *Лауров Ю. П.* Початок діяльності Союзу Визволення України // УДЖ. 1998. № 5. С. 6–9.
¹⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1872. Л. 2.
¹⁷ *Головченко В.* Політичний портрет Мар'яна Меленевського. С. 106.
¹⁸ Цит. по: *Лауров Ю. П.* Початок діяльності... С. 9.
¹⁹ *Sepp A. E.* The Russian Revolution in Switzerland 1914–1917. London, 1971. P. 55.
²⁰ *Лауров Ю. П.* Початок діяльності... С. 12.

- ²¹ Цит. по: *Лавров Ю. П.* Початок діяльності... С. 9–10.
²² Там же. С. 10.
²³ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 36–37.
²⁴ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 245–246.
²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 117–118.
²⁶ Там же. Т. 49. С. 50; см. также: Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 246.
²⁷ Цит. по: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1872. Л. 1
²⁸ *Sepi A. E.* Op. cit. P. 55.
²⁹ *Лавров Ю. П.* Початок діяльності... С. 10–12.
³⁰ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1872. Л. 1–4.
³¹ Там же. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 442. Л. 1–4.
³² Записка об украинском движении... С. 32–33.
³³ *Греков Б. И.* Национальный аспект внешней политики Германии в годы первой мировой войны (Линга нерусских народов России) // Первая мировая война. Пролог XX века. С. 426.
³⁴ *Скоропис-Йолтуховський О.* Назв. праця. С. 204.
³⁵ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 34–36.
³⁶ *Дорошенко Д.* З історії української політичної думки за часів світової війни. С. 76–77.
³⁷ Цит. по: *Скоропис-Йолтуховський О.* Назв. праця. С. 208.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же. С. 209–233.
⁴⁰ Цит. по: *Дорошенко Д.* Історія України... Т. 1. С. 6.
⁴¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 21, 95.
⁴² Отчет Временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1 сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. Киев, 1916. С. 3.
⁴³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 6–8.
⁴⁴ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1856. Л. 17–18.
⁴⁵ Украинская жизнь. 1912. № 2. С. 107–108.
⁴⁶ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 39–40.
⁴⁷ *Wasilewski L.* Op. cit. S. 146, 178–183; *Нагаєвський І.* Назв. праця. С. 43–44; *Донцов Д.* «Русская идея» в Галиции // Украинская жизнь. 1912. № 3. С. 64–74; *Круглашов А. Н.* Проблемы послевоенного политического устройства в общественном мнении галицийских и буковинских украинцев (1914–1918 гг.) // Доклад на международной конференции историков «Первая мировая война...» (Рукопись).
⁴⁸ *Лавров Ю. П.* Початок діяльності... С. 3–5.
⁴⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 7.
⁵⁰ Союз русского народа... С. 292.
⁵¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 95.
⁵² Там же. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 195. Л. 2–4.
⁵³ *Нагаєвський І.* Назв. праця. С. 53–54.
⁵⁴ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 140.
⁵⁵ Цит. по: *Аристова Т.* Надробня – неопровержимый исторический документ // Независимая газета. 1994. 3 сент.
⁵⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 11.

Глава 9

- ¹ Записка об украинском движении... С. 38.
² *Витар Л.* Назв. праця. С. 193.

- ³ Чикаленко С. Щоденник. С. 474.
- ⁴ Щоденники М. С. Грушевського... С. 26.
- ⁵ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 38.
- ⁶ Чикаленко С. Уривок з моїх споминів за 1917 р. Прага, 1932. С. 24.
- ⁷ Лавров Ю. П. Початок діяльності... УДЖ. 1998. № 5. С. 12.
- ⁸ Записка об украинском движении... С. 44, 40.
- ⁹ Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. Відень, 1921. Т. I. С. 125.
- ¹⁰ Записка об украинском движении... С. 37, 62, 63.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. I. Д. 1876. Л. 1–4.
- ¹² Там же. Д. 1886. Л. 1.
- ¹³ Записка об украинском движении... С. 42.
- ¹⁴ Цит. по: Лавров Ю. П. Початок діяльності... // УДЖ. 1998. № 4. С. 29–30.
- ¹⁵ Цит. по: Лавров Ю. П. Початок діяльності... // УДЖ. 1998. № 4. С. 22.
- ¹⁶ Грушевський М. С. Автобіографія. С. 27–28.
- ¹⁷ Виняр Л. Назв. праця. С. 188–191.
- ¹⁸ Записка об украинском движении... С. 38.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. I. Д. 1891. Л. 1; Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 1–2, 12.
- ²⁰ Цит. по: Чикаленко С. Щоденник. С. 475.
- ²¹ Записка об украинском движении... С. 13.
- ²² Государственная дума. Четвертый созыв... Ч. 3. Пг., 1915. Стлб. 14.
- ²³ Цит. по: Кураев О. Назв. праця. С. 152.
- ²⁴ Там же. С. 154.
- ²⁵ Государственная дума. Четвертый созыв... Ч. 3. Стлб. 43.
- ²⁶ Сенн А. Е. Ор. cit. Р. 61–73; Лавров Ю. П. Початок діяльності... // УДЖ. 1998. № 4. С. 28; № 5. С. 5.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 32. Л. 22, 93об.–95.
- ²⁸ Там же. Л. 24об.
- ²⁹ Там же. Л. 135.
- ³⁰ Записка об украинском движении... С. 15–16.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 32. Л. 94.
- ³² Там же. Л. 25.
- ³³ Там же. Л. 17.
- ³⁴ Чикаленко С. Щоденник. С. 475.
- ³⁵ Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1918). Львів, 1923. Ч. I. С. 29.
- ³⁶ Чикаленко С. Щоденник. С. 470.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. I. Д. 730. Л. 10; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. I. С. 97.
- ³⁸ Украинский вопрос. М., 1917. С. 125.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Л. 1–15, 26–36; Ф. 579. Оп. I. Д. 1855. Л. 1–6; Д. 1856. Л. 1–21; Д. 1898. Л. 1; Д. 1870; Д. 1873 и др.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 579. Оп. I. Д. 1942. Л. 1–2.
- ⁴¹ Там же. Д. 1855. Л. 5.
- ⁴² Там же. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 1–2, 2об.
- ⁴³ Там же. Л. 7.
- ⁴⁴ Там же. Л. 1.
- ⁴⁵ Там же. Л. 12.

- ⁴⁶ Там же. Л. 15–14.
⁴⁷ Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 12, 15.
⁴⁸ Протоколы ЦК КДП. Т. 3. С. 51.
⁴⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 5. Л. 31, 58об.
⁵⁰ Там же. Л. 130.
⁵¹ Там же. Л. 125.
⁵² Там же. Л. 126об.–127.
⁵³ Там же. Л. 125.
⁵⁴ Там же. Л. 132об.
⁵⁵ Там же. Л. 127об.
⁵⁶ Там же. Л. 136.
⁵⁷ Там же. Л. 139.
⁵⁸ Там же. Л. 129.
⁵⁹ Там же. Л. 128.
⁶⁰ Там же. Л. 133об.–134.
⁶¹ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1855. Л. 3.
⁶² Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 128.
⁶³ Там же. Л. 134.
⁶⁴ Там же. Л. 130.
⁶⁵ Протоколы ЦК КДП. Т. 3. С. 62.
⁶⁶ Там же. С. 73.
⁶⁷ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 155об.–156.
⁶⁸ Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 118; полностью материалы конференции опубликованы: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. I. С. 12–196.
⁶⁹ Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. С. 134.
⁷⁰ Там же. С. 133.
⁷¹ Там же. С. 138.
⁷² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. I. С. 95–96.
⁷³ Там же. С. 101.
⁷⁴ Там же. С. 96–99.
⁷⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 169.
⁷⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. I. С. 100, 101, 103.
⁷⁷ Там же. Л. 107.
⁷⁸ Там же. С. 105, 108.
⁷⁹ Там же. С. 91, 101.
⁸⁰ Там же. С. 195–196.
⁸¹ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 41.
⁸² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1018. Л. 1–2, 2об.
⁸³ Там же. Д. 1020. Л. 1–2, 2об.
⁸⁴ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1891. Л. 1.
⁸⁵ Правые в 1915 – феврале 1917... С. 166.
⁸⁶ Там же.
⁸⁷ Шульгин В. В. Годы... С. 440.
⁸⁸ Шульгин В. Я защищаю Ленина // Комсомольская правда. 1997. 1 нояб.
⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 28. Л. 53.
⁹⁰ Протоколы ЦК КДП. Т. 3. С. 203.

- ⁹¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 27. Л. 16.
- ⁹² *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. I. С. 41.
- ⁹³ Политические партии России. Энциклопедия. С. 579.
- ⁹⁴ Союз русского народа... С. 345.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1879. Л. 8–10.
- ⁹⁶ Там же. Д. 1856. Л. 1–21.
- ⁹⁷ *Дорошенко Д.* Історія України... Т. I. С. 13.
- ⁹⁸ Красный архив. 1932. № 1–2. С. 117–160; *Шульгин В. В.* Годы... С. 294.
- ⁹⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 8. Л. 47; материалы IV съезда КДП опубликованы: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Ки. I. С. 198–346.
- ¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 14. Л. 49.
- ¹⁰¹ Там же. Оп. 3. Д. 5. Л. 9–9об., 34, 50об.; Протоколы ЦК КДП. Т. 3. С. 216.
- ¹⁰² Союз русского народа... С. 389.
- ¹⁰³ «Борьба наша проиграна»... С. 37.
- ¹⁰⁴ Правые в 1915 – феврале 1917... С. 174.
- ¹⁰⁵ Союз русского народа... С. 195–196.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 5. Л. 7, 8.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 9, 14.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 38–39об.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 34.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 2; Оп. 2. Д. 8. Л. 47.
- ¹¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 5. Л. 44.
- ¹¹² Союз русского народа... С. 388.
- ¹¹³ *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 183.
- ¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 5. Л. 32.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 33.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 17об.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 50.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 50–50об.
- ¹¹⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Ки. I. С. 304, 324.
- ¹²⁰ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. С. 92.
- ¹²¹ *Мякотин В. А.* Борьба с «германизмом» и национальный вопрос // Русское богатство. 1914. № 9. С. 323–338.
- ¹²² *Сыпченко А. В.* Народно-социалистическая партия... С. 167–183.
- ¹²³ ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 9. Л. 56.
- ¹²⁴ Цит. по: *Лотоцкий О.* Сторіки минулого. Ч. III. С. 79.
- ¹²⁵ ГАРФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 81. Л. 16–17.
- ¹²⁶ *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 244.
- ¹²⁷ Русское политическое масонство... // История СССР. 1990. № 1. С. 146.
- ¹²⁸ Русское политическое масонство... // История СССР. 1989. № 6. С. 126.
- ¹²⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 7–24; *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. С. 104–106.
- ¹³⁰ Русское политическое масонство... // История СССР. 1989. № 6. С. 125–126.
- ¹³¹ Русское политическое масонство... // История СССР. 1990. № 1. С. 146.
- ¹³² Русское политическое масонство... // История СССР. 1989. № 6. С. 129.
- ¹³³ Там же. С. 122.

- ¹³⁴ Русское политическое масонство... // История СССР. 1990. № 1. С. 143.
¹³⁵ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 186–188.
¹³⁶ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.-247.
¹³⁷ Русское политическое масонство... // История СССР. 1990. № 1. С. 147.
¹³⁸ Там же. С. 145, 147.
¹³⁹ Цит. по: Милоков П. Н. Национальный вопрос. С. 182.
¹⁴⁰ Милоков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 216–217, 369; *Senn A. E.* Op. cit. P. 176–178.
¹⁴¹ Русская «парламентская» делегация за границей в 1916 г. // Красный архив. 1933. № 3. С. 16–23; Милоков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 208–216.
¹⁴² Цит. по: *Senn A. E.* Op. cit. P. 172.
¹⁴³ Правые в 1915 – феврале 1917... С. 207–208.
¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 81. Л. 17.

Глава 10

- ¹ ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 28. Л. 53.
² Цит. по: Записка об украинском движении... С. 47–48.
³ Там же. С. 49.
⁴ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 3. Л. 26–36.
⁵ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1940. Л. 1–2.
⁶ Там же. Д. 1941. Л. 1.
⁷ Записка об украинском движении... С. 43.
⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1901. Л. 1–3.
⁹ Там же. Л. 4–6.
¹⁰ «Борьба наша проиграна»... С. 78.
¹¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1898. Л. 1; Д. 1894. Л. 1–2.
¹² Там же. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.
¹³ «Борьба наша проиграна»... С. 59.
¹⁴ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 5. Л. 8.
¹⁵ Дорошенко Д. Історія України... Т. I. С. 12, 20–21.
¹⁶ «Борьба наша проиграна»... С. 43.
¹⁷ Записка об украинском движении... С. 43.
¹⁸ Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 113, 129.
¹⁹ Лотоцький О. Назв. праця. Ч. III. С. 357.
²⁰ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 18.
²¹ Союз русского народа... С. 380–387.
²² Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 113–114.
²³ Там же. С. 113–115, 116; № 9. С. 121.
²⁴ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1903. Л. 5–6.
²⁵ Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 115.
²⁶ Там же. С. 116.
²⁷ Серков А. И. История русского масонства 1845–1945. С. 122; Крижановська О. О. Назв. праця. С. 42.
²⁸ Русское политическое масонство... // История СССР. 1989. № 6. С. 126.
²⁹ Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 118.
³⁰ Там же. С. 117.
³¹ Политические партии России. Энциклопедия. С. 515.

- ³² Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 117.
- ³³ Записка об украинском движении... С. 50.
- ³⁴ Там же. С. 49–50.
- ³⁵ Христюк П. Назв. праця. Т. I. С. 125.
- ³⁶ Записка об украинском движении... С. 45, 51.
- ³⁷ Там же. С. 53.
- ³⁸ Там же. С. 51–54; Верстюк В., Осташко Т. Діячі Української Центральної Ради / Біографічний довідник. Київ, 1998. С. 95.
- ³⁹ Записка об украинском движении... С. 40.
- ⁴⁰ Цит. по: Записка об украинском движении... С. 43.
- ⁴¹ Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 115.
- ⁴² Млиновецький Р. Назв. праця. С. 29–34; см. також: Верстюк В., Осташко Т. Назв. праця. С. 141–142.
- ⁴³ Записка об украинском движении... С. 59–60.
- ⁴⁴ Там же. С. 55–58.
- ⁴⁵ Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 112.
- ⁴⁶ Записка об украинском движении... С. 64–68.
- ⁴⁷ Дорошенко Д. Історія України... Т. I. С. 18.
- ⁴⁸ Мазепа І. Назв. праця. Т. I. С. 8.
- ⁴⁹ Записка об украинском движении... С. 41.
- ⁵⁰ Милоков П. Н. История второй русской революции. София, 1921. Т. I. Вып. 1. С. 152–153.
- ⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Скоропис-Йолтуховський О. Назв. праця. С. 235.
- ⁵⁴ Левицький К. Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів, 1930. Ч. I. С. 157.
- ⁵⁵ Powstanie II Rzeczypospolitej / Wybór dokumentów. Warszawa, 1984. S. 293.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1912. Л. 1–2.
- ⁵⁷ Протоколы ЦК КДП. Т. 3. С. 287, 318.
- ⁵⁸ Там же. С. 349.
- ⁵⁹ Papers relating to the Foreign Relations of the United States 1916. Supplement «The World War». Washington, 1931. P. 124–125.
- ⁶⁰ Наше минуле. 1918. № 3. С. 128; Чикаленко Є. Уривок з моїх споминів. С. 9.
- ⁶¹ Наше минуле. 1918. № 3. С. 130–131.
- ⁶² Там же. С. 130.
- ⁶³ Цит. по: Дорошенко Д. Історія України... Т. I. С. 5.
- ⁶⁴ Наше минуле. 1918. № 3. С. 130.
- ⁶⁵ Там же. С. 131.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. С. 130.
- ⁶⁸ Там же. С. 128.
- ⁶⁹ Там же. С. 130.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Наше минуле. 1918. № 3. С. 132.
- ⁷² Цит. по: Powstanie II Rzeczypospolitej S. 325.
- ⁷³ Чертина Э. С. Первая мировая война и этничность: пробуждение вулкана // Первая мировая война. Пролог XX века. С. 367–379.

⁷⁴ Наше минуле. 1918. № 3. С. 133.

⁷⁵ Там же. С. 132–133.

Заклученне

¹ Яковенко Н. Нарис історії України. Київ, 1997. С. 101.

² ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 31.

³ Грушевський М. Ілюстрована історія України. С. 431.

⁴ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1875. Л. 1.

⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 7. С. 104, 105, 133.

⁶ Там же. Т. 24. С. 132.

Указатель имен

- А**
Авдеенко М.А. 235
Аджемов М.С. 113
Александровский Г.В. 120
Алексеев Д.Л. 16
Алексеев С.Л. 16
Алексинский Г.А. 120, 181, 190, 191
Амфитеатров А.В. 115
Андрей Первозванный, св. 118, 119, 136
Андрусов М.А. 61
Анохин А.К. 119
Антоний, св. 21
Антонович В.В. 23, 26, 41, 46, 47, 50, 52, 64, 100
Антонович (Муха, Войнилович С.) Д.В. 65, 66, 68, 69
Арборе Ралли Э. 178
Аркас Н. 127
Арманд И.Ф. 168, 236
Армашевский П.Я. 96, 97
Аронсон Г.Я. 218
Атамановский (Отамановский) В.Д. 233
Ахримович Э.А. 120
- Б**
Багaley Д.И. 61, 103
Бажаев В.Г. 120
Баженов Н.Н. 115, 218
Базькевич М. 63
Вайздренко Н.Г. 63
Вакунин М.А. 146
Балавинский С.А. 116, 218
Балашев П.Н. 98
Вальфур А. 175
- Бандера С.А. 108
Бантыш-Каменский Д.И. 14
Баран С. 189
Барвинский А. 41, 42, 45, 50
Бардиж К.Л. 87
Барер Б. 12
Бауэр О. 160, 161
Бачинский Ю. 44, 189
Бебутов Д.О. 116, 120
Бей 87
Бейлис М. 96
Бек Ю. 157
Белецкий А.И. 114
Белинг Д.Е. 120, 121, 217
Белозерский В.М. 18
Беляшевский Н.Ф. 87, 226
Бензя П. 168
Берберова Н.Н. 115
Бердяев Н.А. 115
Бетман Гольвег Т. 128
Бисмарк О. 41
Блажитный (Елланский) В.М. 233
Бобринский А.А. 59
Бобринский В.А. 96, 112, 183, 207
Бобринский Г.А. 182, 184
Богач 87
Богданов Б.О. 230
Богданов-Бельский Н.П. 61
Богучарский (Яковлев) В.Я. 117
Бодуэн де Куртене И.А. 88, 130
Бонковский А.А. 212
Боровик В.Г. 63, 64
Бородай А.М. 65
Бохонко 234
Бриан А. 221
Броель-Пляттер В.И. 93

- Брюханов Д.А. 119
 Будаговский 92
 Будзиновский В. 44, 189
 Булат А.А. 113, 117
 Булгаков С.Н. 115
 Булэ Г. 116, 218
 Бунин И.А. 30
 Быховский Г.Б. 213, 214
 Бюлов Б. 42, 193
- Вагилевич И.** 33
 Валуев П.А. 21, 24
 Василевский Л. 47, 52, 145
 Василенко К.П. 65, 127
 Василенко Н.П. 61, 75, 112, 121,
 127, 132, 133, 135-137, 142, 151,
 196, 203-205, 211-214
 Васильев А.В. 227
 Васильковский С. 114
 Васнюхов Н.К. 120
 Вахнянин Н. 42
 Велихов Л.А. 117
 Величко В.Л. 61
 Величко С.В. 61
 Веретенко Т. 90
 Вернадский В.И. 23, 59, 115, 130,
 150, 154, 194, 200, 227
 Вернадский Г.В. 59
 Вильсон В. 220, 221, 239, 240,
 242, 243
 Винар Л. 189
 Винниченко В.К. 5, 58, 68, 100,
 110, 229, 231, 234
 Виталий (Максименко В.И.),
 архимандрит 94
 Витте С.Ю. 74
 Витык С. 45
 Владимир св., князь 10, 14, 47, 182
 Вовк (Волков) Ф.К. 26, 29, 158
 Вовчок Марко (Маркович М.А.) 31
- Водовозов В.В. 115, 124, 230
 Вовозик 87
 Волков В. 13
 Волков Н.К. 117
 Волконский С.Г. 14-16
 Вольский Н.В. 115
 Выговский И. 9
 Вырва И.Д. 234
 Выровый 87
 Вязгин А.С. 62, 212
 Вязлов А.Г. 61, 87, 120, 226
- Габрис И.** 220
 Габсбурги 8, 176
 Гаврилко М.Е. 171
 Гайдай Т. 235
 Галаган Г.П. 25, 29
 Галип А.М. 119
 Гальперн А.Я. 117, 121, 122, 130,
 218, 219
 Ганкевич Л. 189
 Ганкевич Н. 45, 170, 189
 Гартман Э. 41
 Гасенко 119
 Гегечкори Е.П. 117, 218
 Гейне Г. 140
 Геловани В.Л. 139
 Гельфанд (Парвус) А.Л. 173, 176,
 180
 Герасимов Г.К. 234
 Герасимов И.К. 235
 Гердер И.Г. 13, 32
 Гессен И.В. 116
 Гетш (Хётч) О. 80
 Гехтер Н. 104
 Гиппиус З.Н. 218
 Глинка В.А. 16
 Гогенцоллерны 176
 Гоголь Н.В. 57
 Голдовский О.Б. 116

- Голицинская Е.Е. 68
 Голицинский Е.К. 68
 Головацкий Я. 33, 37
 Головин Ф.А. 116
 Головин А.В. 24
 Голубев 94
 Голужовский А. 35, 37
 Горбовский А.И. 16
 Горбунов 97
 Горький (Пешков) А.М. 160, 229, 230
 Грабовецкий А. 87
 Гребенка Е.П. 14, 127
 Гревс И.М. 115
 Гредескул Н.А. 61, 127, 129
 Гречаниченко А. 235
 Григорович-Барский Д.Н. 61, 120, 150, 153, 199, 200, 214, 219
 Гримм Д.Д. 227
 Гриневич Ф.А. 90
 Гринченко А.Б. 70
 Гринченко (Чайченко) Б.Д. 72, 82, 100, 135
 Гринюк 87
 Грушевские, семья 121, 192
 Грушевский А.С. 103
 Грушевский М.С. 5, 9, 12, 16, 35, 36, 45-55, 57-60, 63, 73 75-84, 87-89, 91, 98, 100, 102-104, 108, 114, 121, 122, 124-132, 134, 137, 141, 143-145, 147-153, 155-159, 166, 167, 183, 188, 189, 191, 192, 194-197, 205, 209, 210, 218, 219, 226-230, 232, 234, 246
 Губенко П.М. (Вишня Остап) 233
 Гудович Н.Н. 16
 Гулак Н.И. 18
 Гулак-Артемовский П.П. 13
 Гулак-Артемовский Я.П. 70
 Гурвич В.Я. 117
 Гучков А.И. 217
- Даниил, князь 182
 Данилович С. 42
 Дашкевич Н.П. 52
 Дейч Л.Г. 27
 Дементьев Н. 90
 Демидов И.П. 117
 Демченко В.Я. 97, 207, 214
 Демьянов А.А. 117
 Дзюбинский В.И. 124, 148, 215
 Дидуров (Дидурык) А.И. 90
 Дидыцкий Б. 36
 Дмитриев М.А. 74
 Добрянский А. 34
 Довженко Г. 168
 Долгополов Н.С. 90
 Долгоруков П.Д. 115
 Доманицкий В.М. 104
 Дондуков-Корсаков А.М. 25
 Донцов Д.И. 105-110, 145, 146, 167, 171, 172, 178, 180, 183, 194, 195, 220, 232
 Дорошенко В.В. 105, 106, 171, 179, 191
 Дорошенко Д.И. 6, 25, 68, 100, 102, 121, 142, 196, 226-228, 235
 Достоевский Ф.М. 17, 18
 Драгоманов М.П. 12, 20, 21, 26-31, 37, 39, 40, 42, 45, 46, 52, 55, 125, 137, 247
 Дубовой Ф.Е. 234
 Дубонос Ф. 90
 Дубровин А.И. 63, 95
 Дудыкевич В.Ф. 184
 Духинский Ф. 38
 Дьяченко Д.М. 212
 Дьяченко 87
- Евлогий (Георгиевский А.С.), архиепископ 186

- Екатерина II (Романова) 114, 245
Ерманский О.А. 230
Ермолов А.П. 40
Ефименко А.Я. 127
Ефремов И.Н. 117
Ефремов С.А. 15, 31, 65, 72, 82,
100, 120-122, 190, 240, 243
- Ж**аботинский В. 155
Жебунев Л.Н. 59, 88, 142, 189
Жижиленко А.А. 130
Житецкий П.И. 39, 46, 64
Житков 120
Жук А.И. 105, 106, 171, 179
Жуковский Д.Е. 115
Жученко М. 59
- З**аболотный И.К. 87
Загоруйченко 148
Заливчий А.И. 231
Зализняк Н.К. 49, 171, 172, 178,
179, 191, 196, 232
Замойский 22
Замысловский Г.Г. 226
Заньковецкая М.К. 30
Зарубин А.Н. 121
Затонский В.П. 120
Здаковский 87
Зибер Н.И. 29
Зилов П.А. 97, 121
Зубрицкий Д. 33, 36
Зубченко Г.Д. 87
Зубченко П. 90
- И**ван Калита, великий
князь 182
Иванов С.А. 120, 126, 150, 199, 210
Игнатенко 87
Игнатович В.В. 120, 226
- Игнатъев П.Н. 22, 210
Изгоев (Лянде) А.С. 129, 150
Иловайский Д.И. 52, 61
Имшенецкий Я.К. 104, 121, 214,
222
Искра И.И. 137
Ичас М.М. 220
- К**азановский В.И. 120
Каминский Б.А. 65, 66
Кандауров Л.Д. 118, 119
Капнист В.В. 16
Капнист Д.П. 61, 139, 142, 145,
149, 208, 224
Каппелер А. 11, 76, 164
Карамзин Н.М. 12
Караулов М.А. 117
Карпов И.Н. 16
Карр Э. 93
Каташинский И. 90
Каутский К. 161
Качковский М. 36
Квитка (Основьяненко) Г.Ф. 13, 135
Кедрин Е.И. 116
Керенский А.Ф. 115, 117, 180,
215, 217, 218, 223, 228, 229, 230
Кескюла А. 220
Кирилл, св. 136
Кистяковский А.Ф. 26, 46
Кистяковский Б.А. 115
Кишкин Н.М. 150
Ключевский В.О. 115
Ковалевский А.А. 191, 234
Ковалевский М.М. 85, 87, 115-
117, 121, 227
Ковалевский Н.Н. 115
Ковалевский Н.Н., эсер 190, 232
Ковалев Л.В. 190
Коваленко А. 65
Коваленко Г.А. 222
Коваленко М.И. 58, 114, 224, 225

- Коган 120
 Кокошкин Ф.Ф. 85, 86, 117, 131,
 150, 153-155, 167
 Коллард Ю. 65, 66
 Колюбакин А.М. 85, 116, 122,
 130, 150, 151, 154, 167, 218
 Комиссаров М.Г. 150
 Кондаков Н.П. 61
 Конисский А.Я. 24-26, 41, 64
 Коновалов А.И. 117, 218
 Коновницын А.И. 62
 Коновницын Э.И. 62
 Кононенко М.С. 64, 65
 Константин Николаевич
 (Романов) 25
 Корнилов А.А. 150, 194, 200
 Корчак-Чепурковский А.В. 120
 Корчинский М.А. 234
 Корш Ф.Е. 75, 76, 103
 Косач Л.П. (Украинка Леся) 65, 100
 Косач О.П. 65, 74
 Косинский В.А. 104, 120, 132,
 133, 135, 199, 203, 211, 214, 225
 Костомаров Н.И. 14, 17-21, 46,
 52, 57
 Котляревский И.П. 13, 16, 50
 Котляревский С.А. 115, 131
 Котов-Коношенков Е.Е. 211, 213
 Коцюбинский М.М. 64, 65
 Кочубей В. 137
 Кочубей С.М. 16
 Красковский И.И. 226
 Кривенюк М. 65
 Кричевский В.Г. 114
 Кропивницкий М.Л. 30
 Кропоткин П.А. 220
 Крупская Н.К. 177
 Крыжановская О.О. 121, 217
 Крыжановский Д.А. 120
 Крымский А.Е. 66, 103, 135, 229
 Куделеико Д.Е. 94
 Кулаковский Ю.А. 208
 Кулиш П.А. 18, 20, 21, 24, 127
 Куриленко П.Н. 87
 Кускова Е.Д. 115, 218
 Кучиньский А. 157

Л
 Лавров П. 189
 Лагно Д. 90
 Лазаревский А.М. 46
 Лазаревский Н.И. 85
 Лебединцев Ф.Г. 46
 Лев А.Б. 119
 Левенец С.Ф. 16
 Левицкий Е. 44
 Левицкий И. 33
 Левицкий К. 39, 47, 170, 237
 Левицкий М.Ф. 72
 Ледницкий А.Р. 111, 129, 131, 135
 Лемпицкий М. 220
 Лении В.И. 27, 70, 71, 84, 85,
 127, 128, 132, 152, 159-168,
 175-177, 208, 236
 Леонтович В.Н. 59, 76, 81, 91,
 100, 142, 226
 Лермонтов М.Ю. 55
 Лизогуб Ф.И. 224
 Линниченко И.А. 52
 Липинский В.К. 107, 108
 Лисиченко Д.Н. 234
 Литвин 87
 Лозинский В.А. 120
 Лола О.Н. (Степанюк В.) 168
 Лось-Коледзин И. 90
 Лотоцкий А.И. 76, 87, 88, 227,
 234, 238
 Лукашевич В.Л. 16
 Лупаков М.С. 119
 Луценко И.М. 125
 Лучицкий И.В. 26, 61, 85, 113,
 116, 120, 130
 Лучкай М. 33
 Лыпа И.Л. 63

- Лысенко И.И. 87
 Лысенко Н.В. 26, 65, 100, 136, 188
 Лысенко 119
 Лычков Л.С. 120
 Львов Н.Н. 115
 Любарский-Письменный Е. 171
 Люксембург Р. 84
- М**
 Мазепа И.П. 6, 235
 Мазепа И.С. 10, 111, 112, 137, 173
 Мазуренко С. 148
 Макаренко А.А. 66
 Макаров П.М. 116
 Маклаков В.А. 113, 115, 201, 204
 Маклаков Н.А. 199
 Максимович М.А. 14, 46
 Мануильский Д.З. 178
 Марголин А.Д. 120
 Маргулис М.С. 116
 Марков Н.Е. (Марков 2-й) 63,
 202, 212, 226
 Маркс К. 110
 Мартос В.Н. 65, 67
 Матвеев С. 90
 Матушевский Ф.П. 72, 82, 120,
 142, 210, 226
 Мацневич Л.М. 65, 66
 Мгеладзе (Триа) В.Д. 174, 176-178
 Мезенцов 188, 192
 Меленевский (Басок, Гылька)
 М.И. 68, 71, 107, 168, 172-
 177, 179, 180, 194
 Мельгунов С.П. 218, 228
 Меньшиков М.О. 96, 112
 Мережковский Д.С. 218
 Мерославский Л. 22
 Мерший П.Ф. 143, 149
 Метлинский А.Л. 13
 Мефодий, св. 136
 Милица Николаевна
 (Романова) 226
- Милорадович Е.И. 40
 Милюков П.Н. 40, 43, 91, 100,
 103, 113, 115, 117, 127-132,
 134-136, 139-153, 156, 157,
 180, 185, 191, 194-196, 198-
 203, 205, 207-209, 211, 213,
 214, 220, 222, 223, 236, 238
 Мирабо 139
 Михаил Александрович (Романов)
 217
 Михаил архангел 63, 91, 95, 140,
 208
 Михальчук К.П. 23
 Михновский Г.И. 64
 Михновский И.И. 64
 Михновский Н.И. 64, 66, 67, 109,
 110, 188, 233
 Мицкевич А. 20
 Млыновецкий Р. 232
 Могиланский М.М. 12, 61, 111,
 133, 167, 204, 205, 228
 Могиланский Н.М. 9, 31, 36, 46,
 55, 56, 208, 222
 Моргун А. 65
 Моркотун (Маркотун) С.К. 119
 Мороз П. 90
 Морозов Н.А. 116
 Мстиславский (Масловский, Евграф
 Сидоренко) С.Д. 117, 217
 Мякотин В.А. 215, 230
- Н**
 Набоков В.Д. 150, 208
 Наградский В.А. 115, 118, 119
 Надежда Константиновна см.:
 Крупская Н.К.
 Наполеон I (Бонапарт) 16
 Науменко В.П. 26, 61, 74, 76,
 100, 120
 Наумов А.Ф. 90
 Наумович И. 36, 37

- Небель 173
 Некрасов Н.В. 116, 117, 122,
 151, 167, 217-219
 Неронович Е.В. 234
 Нестеренко 87
 Нестор, летописец 147
 Нечитайло С.В. 90
 Нечуй-Левицкий И.С. 26, 74, 134
 Никовский А.В. 120-122, 190,
 217, 226
 Николаевский В.А. 115, 117, 218
 Николай I (Романов) 17, 20
 Николай II (Романов) 217
 Николай Михайлович (Романов) 116
 Николай Николаевич (Романов) 182
 Никольский А.И. 113, 114
 Никон (Рождественский Н.И.)
 архиепископ 206
 Новгородцев П.Н. 115
 Новиков М.Н. 16
 Новиков Н.И. 114
 Нольде Б.Э. 8
 Нортон Б. 115
- Об**нинский В.П. 115, 122, 131,
 205, 218
 Оболенский В.А. 117
 Образцов В.А. 221
 Огоновский О. 39
 Озеров И.Х. 227
 Олесницкий Е. 188
 Ольга, княгиня 136
 Ольденбург С.Ф. 227
 Онацкий Н.С. 87
 Опанасенко П. 235
 Орлик Ф. 6
 Орлов В.Г. 212
 Орлов-Давыдов А.А. 116
 Отлет 219
 Охримович В. 44
- П**авлов-Сильванский Н.П. 116
 Павловский А. 14
 Павловский Ю. 120
 Павлык М. 42, 170
 Паллавичини И. 175
 Парвус см.: Гельфанд А.Л.
 Пахомов 120
 Пелехин 41
 Пенлеве П. 219
 Пергамент О.Я. 61, 113, 121, 130
 Переверзев П.Н. 117
 Пестель П.И. 17
 Петерс 207
 Петлюра С.В. 54, 65, 68, 100,
 105, 118, 157, 188, 207, 210
 Петражицкий Л.И. 130
 Петров К.М. 113
 Петровский Г.И. 60
 Петрункевич А.С. 115
 Петрункевич И.И. 97, 115
 Петрушевич Е. 179, 238
 Пешехонов А.В. 83, 230
 Петр I (Романов) 128, 245
 Пильчиков Д.П. 18, 40, 59
 Писаржевский Л.В. 121
 Пихно Д.И. 96-98
 Платонов О.А. 118
 Плеханов Г.В. 220
 Погодин М.П. 36
 Подолинский С.А. 29
 Познанский В.С. 23
 Познанский Д.Б. 65
 Покровский М.Н. 97
 Покровский П.И. 113
 Полонская-Василенко Н.Д. 56
 Полонский А.М. 190
 Полторацкий И.Н. 100, 103, 104,
 120, 124, 132, 133, 143
 Попов (Панов) 119
 Порц (Чацкий) Н.В. 68-71, 105
 Потоцкий А. 131
 Присецкий И.Н. 87

- Прокопович В.К. 120, 122, 141, 190
 Прокопович С.Н. 115, 218
 Протопопов Д.Д. 200
 Пуришкевич В.М. 63, 140, 207, 208
 Пушкин А.С. 17, 55, 111
- Р**адченко М.И. 120
 Разметальский В.Е. 94
 Ракович И.Г. 96
 Раковский Х.Г. 97, 178
 Рамбо А. 99
 Расторгуев А. 66
 Рафалович Д. 194
 Репнин Н.Г. 16
 Роберти де Е.В. 115
 Рогожа П. 90
 Родичев Ф.И. 115, 139, 150, 153,
 200, 202, 208, 214
 Родзянко М.В. 61, 124, 147
 Родзянко М.М. 225
 Ройек Э. 92
 Роман, князь 182
 Роман Мстиславич, князь 49
 Романчук Ю. 39, 47
 Романюк 87
 Ромберг Г. 180, 194, 220
 Ропп 220
 Рубис Н. 90
 Рудченко А.Я. (Панас Мирный) 26
 Рудченко И.Я. (Вилык) 26
 Русов А.А. 26, 76, 87, 130
 Русов М.А. 65, 66
 Русова С.Ф. 76, 210
 Рутцен А.Н. 150
 Рухлов С.В. 96
 Рыбачек 87
 Рыльский Т.Р. 23, 24
- Сазонов С.Д. 193, 201
 Сайко С.А. 90
 Сакварелидзе П.Д. 165
 Саксаганский П.К. 30
 Саладилов П.М. 76
 Саликовский А.Ф. 229
 Самойленко В.И. 64
 Самокиш М. 114
 Свечин А.А. 61, 87, 121
 Северцов А.М. 61
 Сегалевич 164
 Семенов А. 90
 Сендерко М. 113
 Сеншоль Б. 116, 218
 Серков А.И. 15, 118
 Сидоренко Евграф см.:
 Мстиславский С.Д.
 Симиренко В.Ф. 40, 59, 65
 Сивькевич Ф.Н. 94
 Сипягин Д.С. 66
 Сичинский М., священник 39
 Сичинский М., студент 131
 Скарга П. 33
 Скворцов-Степанов И.И. 117
 Скобелев М.И. 117
 Скоропадский Г.В. 58, 61
 Скоропадский П.П. 98, 108, 138
 Скоропис-Йолтуховский А.Ф. 68,
 168, 172, 179, 180, 237
 Славинский М.А. 61, 151, 154,
 155, 159, 195, 229, 230, 234
 Смаль-Стоцкий С. 158
 Снегирь П. 90
 Соболевский А.И. 76, 207
 Соколов Н.Д. 117, 229, 230
 Соловей А.А. 90
 Солуха 113
 Стадион Ф. 35
 Сталин И.В. 160, 161, 163
 Старицкая-Черняховская Л.М.
 101, 103, 142, 226, 228
 Старицкий М.П. 26
- С**авенко А.И. 94, 96, 112, 137-
 139, 146-148, 207, 208, 214

- Стебницкий П.Я. 5, 76, 87, 130,
 147, 234, 238
 Степанковский В. 106, 194, 220
 Степанов В.А. 117, 122
 Стефанович О. 39
 Стешеико И.М. 65, 67, 74, 100
 Столыпин П.А. 98, 99, 116, 216
 Стороженко А.В. 224
 Стороженко Н.В. 96, 138
 Стороженко Н.И. 58, 127
 Струве П.Б. 111, 115, 127, 128,
 186, 194, 195, 201, 204
 Стрыйковский М. 49
 Субтельный О. 44
 Суворин А.С. 30, 31, 61
 Сумцов Н.Ф. 103
 Суханов Н.Н. 117
 Сытин И.Д. 61
- Т**алаат-бей 174
 Таран С. 87
 Тарасенко И. 87
 Тарновский В.В. 16
 Терапиано Ю.К. 119
 Терещенко М.И. 59, 217, 218
 Терлецкий А. 42
 Тесля А.Е. 87
 Тимченко Е.К. 64, 65
 Ткаченко М.С. 168
 Толочко А.Н. 49, 50
 Трегубов 113
 Триа см.: Мгеладзе В.Д.
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 105, 208
 Троцкий (Данько) Н.Н. 70, 178
 Труба И. 120
 Туган-Барановский М.И. 104
 Туляков И.Н. 148
 Тумп М. 92
 Тургенев И.С. 31
 Тучапский (Лукашевич) П.Л. 65, 69
- Тыркова А.В. 194
 Тычина П.Г. 233
- У**краинка Леся см.: Косач Л.П.
 Уляницкий (Ульяницкий) В.В.
 199, 212, 226
 Урусов А.П. 96
 Урусов С.Д. 115, 116, 218
 Утехин С.В. 115
- Ф**едоровский 97
 Фигнер В.Н. 229
 Филоненко 87
 Флоринский Т.Д. 51, 97, 134
 Фоменко И.П. 92
 Фортунатов Ф.Ф. 76
 Франк С.Л. 115
 Франко И.Я. 11, 26, 29, 40-42,
 44, 45, 47, 53, 166
 Франц Фердинанд
 (Габсбург) 129, 188, 189
- Х**аненко Б.И. 59
 Хасс Л. 118
 Хвост В.И. 90
 Хмельницкий Б. 7, 9, 10, 111,
 137, 151
 Хоткевич Г. 231
- Ц**егельский Л. 129, 189
 Цеглинский 179
 Цертелев Н.А. 14
 Циммер М. 173
- Ч**ебаков С.Н. 120
 Чеповенко З. 90
 Чернов В.Е. 96, 97

- Черняховский А.Г. 64, 65
 Черняховский Е.Г. 64
 Чеховский В.М. 120
 Чигирин В.Е. 90
 Чижевский П.И. 87, 121, 222
 Чикаленко Е.Х. 40, 59, 65, 68,
 73, 81, 82, 137, 147, 188-190,
 195, 196
 Чикаленко Л.Е. 190, 234
 Чубинский М.П. 61
 Чубинский П.П. 24-26, 30
 Чхеидзе Н.С. 113, 117, 193, 216-
 218, 221-223, 228, 230
 Чхенкели А.И. 117
- Ш**аповал (Сриблянский) Н.Е. 98
 Шатуновский 120
 Шаумян С.Г. 164, 166
 Шахматов А.А. 75, 76, 158
 Шаховской Д.И. 115, 116
 Шашкевич М. 33
 Шевченко Т.Г. 14, 18, 21, 24, 31,
 38, 40, 46, 50, 51, 55, 58, 63,
 66, 74, 132, 135-140, 142-
 145, 148, 228, 231
 Шемет В.М. 66, 87
 Шемет С.М. 66
 Шептицкий А. 174, 185, 186, 188
 Шептицкий С. 173
 Шингарев А.И. 114, 140, 194, 200
 Шкиль А. 19
 Шкляревский 119
 Шольп Е.Г. 87, 125, 132, 133,
 143, 199, 203, 205
 Шпенцер 120
 Шраг И.Л. 74, 80, 87, 88, 120, 131
 Шульгин А.Я. 98, 234
 Шульгин В.В. 98, 112, 207, 208, 214
 Шульгин В.Я. 25, 98
 Шульгин Вл.Я. 98
 Шульгин Я.И. 29, 41, 98
- Шумицкий Н.А. 119
 Штейнгель Ф.Р. 61, 87, 120-122,
 132, 133, 140, 151, 153, 214, 226
 Штефанюк Л.Е. 87
- Щ**еголев П.Е. 116
 Щеголев С.Н. 97, 127, 128, 166, 196
- Э**варницкий (Яворницкий) Д.И.
 127
- Ю**зефович М.В. 25, 29
 Юркевич (Рыбалка, Пьер) Л.О. 70,
 105-107, 110, 164, 167, 180
- Я**ворский Ю.А. 96
 Яновская Л. 136, 137, 139, 142
 Ярослав Р. 45
 Ярослав Осмомысл, князь 182
 Ярошевский Б. 67
 Яснопольский Л.Н. 61, 111, 132, 135

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	4
Глава 1. Формирование украинского национально-политического течения в Малороссии ...	7
Глава 2. Восточные славяне Австро-Венгрии	32
Глава 3. Узость социально-экономической базы политического украинства в России. Партийно- политическое структурирование в начале XX века	54
Глава 4. Украинский вопрос в революции 1905–1907 годов	74
Глава 5. Украинское течение в послереволюционном политическом пейзаже	95
Глава 6. Предпосылки актуализации украинского вопроса накануне первой мировой войны	127
Глава 7. Украинское движение, российские либералы и левые. Программы и практика	150
Глава 8. Начало первой мировой войны: украинство в Восточной Галиции	170
Глава 9. Сепаратизм, российское украинство, думский центр и левые в начале первой мировой войны	188
Глава 10. Активизация украинского движения в 1915 – начале 1917 года	222
Заключение	245
Примечания	253
Указатель имен	278

Научное издание
Ирина Васильевна Михутина

Украинский вопрос в России
(конец XIX — начало XX века)

Монография

Оригинал-макет, обложка — С.А. Карасев
Книга подготовлена к печати в редакционно-издательском
отделе Института славяноведения РАН

ИД №01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 11.03.2003 г.	Объем 18,0 печ.л
Тираж 400 экз. Заказ № 54	Цена договорная

Логос. ООО «Ловатера» г. Москва